

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лукиянов О. В., д-р психол. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

Editor-in-Chief: Andrey V. Seriy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского
государственного университета
Научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989 от 06.12.2016 г.

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, тел. 8(3842) 58-13-01
Сайт издания: <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Объединенная редакционная коллегия:
Невzorov Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University
Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989 of 06.12.2016

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St., Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Web-site: <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *O. O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Маршрут научного путешествия Академического отряда по Забайкальскому краю в 1735 г.

Беспалько Д. Н. 5

История нормативного регулирования внутреннего туризма в России в 1990 – середине 2010-х гг.: федеральный и региональный аспекты

Зеленин А. А., Пятковский А. А. 11

История как путь к идеалу

Казakov Е. Ф., Красиков В. И. 18

Военно-политические аспекты российско-японских отношений (1990-е – 2010-е гг.)

Казakov М. А., Лысцев М. С. 24

Миграционные процессы на казённых землях Кузнецкого региона в «пореформенный» период

Карпинец А. Ю. 31

Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии

Карчаева Т. Г. 39

Проблемы эвакуационных госпиталей Красноярского края в 1941–1943 гг. и вклад в их преодоление В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки)

Кожевников С. В. 46

Советские моногорода: история возникновения и специфика

Меерович М. Г. 53

Критический дискурс тоталитаризма в зарубежной историографии 1960-х гг.

Мороз Е. В. 66

Церемониальный текстиль XVII века: низанные жемчужные работы мастеров Московского Кремля

Шапиро Б. Л. 74

Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве

Шумягина О. С. 79

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности выраженности суеверности и представлений на природу суеверий на разных возрастных этапах

Андрюшкова Н. П. 85

Особенности субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия

Боженкова К. А., Бохан Т. Г., Терехина О. В. 90

Характеристики алекситимии в контексте психического здоровья

Брель Е. Ю., Стоянова И. Я. 102

Взаимосвязь типов социально-кадровой политики с психологической надежностью государственных гражданских и муниципальных служащих

Духновский С. В. 109

Особенности межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями»

Журавлева Ю. А. 117

CONTENT

HISTORY AND ARCHEOLOGY

The Scientific Expedition Route of the Academic Brigade in the Trans-Baikal Territory in 1735

Bespalko D. N. 9

History of Statutory Regulation of Domestic Tourism in Russia in the 1990s – mid 2010s: Federal and Regional Aspects

Zelenin A. A., Pyatovskiy A. A. 16

History as a Way to the Ideal

Kazakov E. F., Krasikov V. I. 22

Military and Political Aspects of Russian-Japanese Relations in 1990 – Century E. XX

Kazakov M. A., Lyscev M. S. 29

Migration Processes on the Public Lands of the Kuznetsk Region in the "Post-reform" Period

Alexey Yu. Karpinets 37

Organization of Notary Business in Siberia before 1896: the Yenisei Province

Karchaeva T. G. 43

Problems of Evacuation Hospitals of the Krasnoyarsk Region in 1941–1943 and the Contribution of V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka)

Kozhevnikov S. V. 51

Soviet Monoprofile Cities: the Story Behind and Key Features

Meerovich M. G. 64

Critical Discourse of Totalitarianism in Foreign Historiography of the 1960s

Moroz E. V. 72

Ceremonial Textile in XVII Century: Pearl Works of the Moscow Kremlin Workshops

Shapiro B. L. 77

The Meaning of Juridical Rituals in Langobardic Law

Shumyagina O. S. 83

PSYCHOLOGY

Features of Manifestation of Superstition and Views on the Nature of Superstition at Different Age Stages

Andryushkova N. P. 89

Subjective Quality of Life of Senior Citizens who Experienced Gerontological Abuse

Bozhenkova K. A., Bokhan T. G., Terekhina O. V. 100

Characteristics of Alexithymia in the Context of Mental Health

Elena Iu. Brel, Irina Ia. Stoianova 107

Interrelation between the Types of Social Personnel Policy and Psychological Reliability of Civil Officers and Municipal Employees

Dukhnovsky S. V. 115

Interpersonal Relations among Pedagogical Process Members with Various Crisis Profiles

Zhuravleva J. A. 124

Живая аутентичность встреч и проблема развития креативного лидерства в эпоху дистанционного образования		Live Authenticity of Meetings and Problems of Creative Leadership Development in the Epoch of Remote Education	
Кабрин В. И.	126	Kabrin V. I.	131
Релевантность психологического портрета как детерминанта эффекта Барнума		Relevance of Interpretation as the Determinant of the Barnum Effect	
Калита В. В., Гайдай А. С.	133	Kalita V. V., Gaidai A. S.	137
Психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки		Psychological Characteristics of Students and Residents of Surgical Directions of Training	
Люкшина Д. С., Бартковская Н. С.	139	Lyukshina D. S., Bartkovskaya N. S.	145
Содержательные характеристики образа тела девочек-подростков, занимающихся фигурным катанием		Characteristics of Body Image in Teenage Girls Figure E. In Skating	
Морозова И. С., Белогай К. Н., Каган Е. С.	147	Morozova I. S., Belogai K. N., Kagan E. S.	152
Темперамент как психологическая и психофизиологическая детерминанта пищевого поведения		Temperament as a Psychological and Psychophysiological Determinant of Eating Behavior	
Проскурякова Л. А., Лобыкина Е. Н.	153	Proskuryakova L. A., Lobykina E. N.	158
ФИЛОЛОГИЯ		PHILOLOGY	
Белый и черный цвета при описании человека в казахском языке в сравнении с английским и русским языками		Color names "White" and "Black" in Descriptions of Person in the Kazakh Language vs. English and Russian	
Абжапарова М. Д.	160	Abzhaparova M. D.	166
Представление морфемного состава глагольного слова в целях лингводидактики		Representation of the Morphemic Composition of the Verbal Word for Linguodidactic Purposes	
Акимова И. И.	168	Akimova I. I.	175
Принципы художественного единства в книгах Ю. Мориц 2000-х годов		The Principles of Artistic Unity in the Books by Y. Morits in the 2000s	
Владимиров О. Н.	178	Vladimirov O. N.	182
Функционирование экфрасиса в романе О. Хаксли "Point Counter Point" («Контрапункт»)		Ekphrasis and its Functioning in the Novel "Point Counter Point" by Aldous Huxley	
Карпухина Т. П.	184	Karpukhina T. P.	190
Эстетические аспекты экфрасиса в новелле Ги де Мопассана «Un portrait» («Портрет»)		Aesthetic Aspects of Ekphrasis in Guy de Maupassant's Short Story «Un portrait» («A Portrait»)	
Карпухина Т. П.	193	Karpukhina T. P.	199
Оптимизация обучения английской грамматике: от правил к разумному осмыслению		English Grammar Teaching Enhancement: from Rules to Reason-based Approach	
Кошелева И. Н.	201	Kosheleva I. N.	206
Условия формирования языковой личности билингва и навык интонирования английской речи (на основе результатов анкетирования)		Conditions of Bilingual Personality Formation and English Speech Intoning Skills (Survey Results)	
Макарова Е. Н.	208	Makarova E. N.	212
Тексты-статусы в социальных сетях России и Кореи как субжанр веб-сети		Status Texts in Russian and Korean Social Networks as a Subgenre of Internet Communication	
Непомнящих Е. А.	213	Nepomniashchikh E. A.	219
Лакунарные единицы в юридической терминологии (на материале английского и русского языков)		Lexical Gaps in English and Russian Legal Terminology	
Шкилёв Р. Е.	221	Shkilev R. E.	224

УДК 94

**МАРШРУТ НАУЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА
ПО ЗАБАЙКАЛЬСКОМУ КРАЮ В 1735 Г.***Денис Н. Беспалько¹, @*

¹ *Забайкальский государственный университет, 672039. Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
@ bespalkodenis84@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2017. Принята к печати 19.01.2018.

Ключевые слова: экспедиция, академический отряд, маршрут, дорожный тракт, населенный пункт, промышленный объект, Забайкалье.

Аннотация: В 1735 г. Академический отряд Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина совершил научное путешествие по Забайкальскому краю. В планы исследователей входило посещение большинства населенных пунктов и промышленных объектов. Направление маршрута определялось степенью заселенности проезжаемого уезда, наличием интересных и важных для науки объектов изучения, как созданных человеком, так и природного происхождения. В статье используются материалы дорожных дневников и журналов будущих академиков, а в экспедиции – еще студентов С. П. Крашенинникова, А. Горланова и переводчика И. Яхонтова. Ряд научных работ Г. Ф. Миллера и его промемории – деловые письма, хранящиеся в ГАЗК. Содержательность дневниковых записей дорожного характера зачастую бывает очень скупой, в них содержится информация о названии проезжаемого пункта, местах совершенных остановок, местах брода, расстоянии в верстах от одного места до другого. И только наблюдательность вкупе с ответственностью перед научным сообществом академии наук каждого конкретного исследователя приводит к появлению на их страницах кратких, но разнообразных сведений экономического, этнографического или природно-климатического содержания. Путешествие по Забайкалью длилось почти полгода, и за это время подробным образом были обследованы западные, южные и юго-восточные земли, в то время как восточные и северные – в наименьшей степени по причине их труднодоступности и малонаселенности.

Для цитирования: Беспалько Д. Н. Маршрут научного путешествия Академического отряда по Забайкальскому краю в 1735 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 5–10. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-5-10.

Научное путешествие Академического отряда Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина по Забайкалью в 1735 г. было частью огромной работы, возложенной академией наук на Вторую Камчатскую экспедицию под руководством отважного мореплавателя и офицера русского флота датского происхождения В. Беринга. Исследовательские задачи, поставленные как научным сообществом академии, так и руководством отряда, носили поистине энциклопедический характер. Главная их суть заключалась во всестороннем исследовании южных земель Российской империи, начиная от берегов оз. Байкал и заканчивая тихоокеанским побережьем, для нанесения на карту точного и удобного маршрута к Камчатке, минуя г. Якутск [1, с. 84]. Академический отряд должен был произвести описание внутренних районов Восточной Сибири [2, с. 9]. На пути следования отряда предполагалось посещение всех сколько-нибудь важных населенных пунктов и промышленных объектов регионального и общегосударственного значения, изучить этнолингвистическую карту региона, его природ-

но-географические особенности, внести уточняющие сведения относительно дорожных трактов и т. д. Именно поэтому исследователи скрупулезно отмечали каждый свой шаг, последовательно нанося на карту главный маршрут своего передвижения и второстепенные дороги, сообщая об их состоянии, частоте использования местным населением и пригодности в качестве торгового пути. Отряд пробыл в Забайкалье почти шесть месяцев, и его участники объездили за отведенное время почти весь обширный край, два уезда – Селенгинский и Нерчинский [3, с. 29–30].

Следуя предложенным Академией наук инструкциям, Г. Ф. Миллер изучил материалы прошлых посольств и экспедиций, были взяты дорожные дневники недавнего предшественника по изучению Сибири – Д. Г. Мессершмидта. Правда, проверяя по пути точки географической привязки к тому или иному объекту, обозначенные Д. Г. Мессершмидтом, Г. Ф. Миллер не всегда мог такие найти. И данное обстоятельство придавало поискам, в особенности интересных археологических памятников, особый интерес.

В Забайкалье отряд находился с 26 марта по 14 сентября 1735 г. Маршруты, по которым следовали участники экспедиции, в общем плане известны и изучены недостаточно, неясными остаются небольшие по продолжительности участки пути, связанные с незапланированными отъездами в сторону от основного маршрута. Причиной тому служит относительно неполная изученность экспедиционных материалов, как изданных в XVIII в. работ, так и путевых дневников, лишь частично введенных в научный оборот. Поэтому актуальность продолжения исследования данной темы будет заключаться в детальном изучении маршрута научного путешествия академического отряда по забайкальским уездам. В дальнейшем это поможет внести ясность в ряд имеющихся проблем: дополнить и уточнить карту расселения русского этноса в крае, более адекватно перевести и понять смысл метких и выразительных названий географических объектов, данных местным населением бурят и тунгусов, и, возможно, узнать о местоположении новых источников минерального сырья.

Из Иркутска академический отряд выехал 24 марта. Начальный этап путешествия проходил по следующему маршруту: минуя Никольскую заставу по льду через оз. Байкал, 26 марта проехали Посольский монастырь и Кабанский острог, остановку делали в Архангельской слободе, которая ранее носила название Тресновой деревни. 27 марта проездом побывали в Троицком монастыре, затем был посещен Ильинский острог, в котором осуществлена смена лошадей, и Итанцинский острог. Пригородное Удинское поселение – Удинск – миновали 28 марта, и далее без существенных задержек отряд направился в Селенгинск, где совершил трехнедельную остановку, продолжавшуюся с 30 марта по 22 апреля [4, л. 24–38]. По пути в Селенгинск отряд был вынужден разделиться на две части, поскольку на 10 верст от Удинска состояние дорожного тракта резко изменилось в худшую сторону, путь преграждали утесы и иные препятствия природного происхождения. Верховые двинулись прямой дорогой, проходящей близ берега р. Селенги, а тележные – объездным путем. Объединение с обозом произошло 30 марта в д. Зуевой, рядом с которой была найдена удобная переправа или мост, точной информации источники не дают, и открыт путь к Селенгинску.

Находясь в Селенгинске, участники экспедиции подробно ознакомились с обустройством города, его историей и культурой. Подготовив письменный заказ в городскую канцелярию в виде специального обращения – промемория и миллеровской анкеты – и напрасно не теряя времени, они начали проводить устный опрос местных жителей на предмет устройства города, его планировки, местных праздников и традиций, социального и национального состава населения [5, с. 232, 235]. Кроме этого, совершили небольшую поездку по окрестностям уезда. Они заезжали в ближайшие деревни и села. Узнав о проживающих по р. Чикою языческих народах, поднялись вверх по течению для изучения их жизни. 22 апре-

ля посещают Петропавловскую и Троицкую крепости. Затем перебираются в Кяхту, где находятся с 24 апреля по 7 мая. Этого времени им хватило для осмотра интересующих объектов. Особое внимание обращаясь на русскую торговую слободу, расположенную на р. Кяхте. В «Известиях о торгах Сибирских» Г. Ф. Миллер подробно описал ее торговую деятельность: кто с кем торгует и какими товарами [6, л. 11–17], какие у купцов существуют проблемы [6, л. 87–91]. Собрав необходимые сведения, отряд возвратился в Селенгинск 8 мая, совершая кратковременные остановки в Черняевом и Котловкином зимовьях и в местечке У Ключей. Прибыв в город, начал подготовку к сборам в Нерчинск. Местный градоначальник селенгинский комендант И. Д. Бухольц особых неприятностей отряду не создавал, как то бывало в ряде сибирских городов, но и оставлять на продолжительный постой в городе десятки человек с не совсем понятными ему целями не желал. Подготовительные работы длились до 23 мая. В процессе сборов велась переписка с уездной канцелярией, чтобы пополнить недостающие сведения, запрошенные раньше, но не предоставленные своевременно. В дальнейший путь из Селенгинска отправились только 25 мая. До Удинска добирались на двух хорошо сколоченных дощаниках по р. Селенге, где для продолжения метеорологических наблюдений был оставлен студент В. Третьяков. По пути отряд совершил остановку-привал у бурят в месте переправы, через р. Она, являющуюся притоком р. Уды. Следующим пунктом кратковременной остановки 2 июня стал Еравнинский острог, миновав который 3 июня, переехали Яблоновый хребет, горы которого, по мнению ученых, разделяют водные массивы р. Амура и оз. Байкал. Оставив 6 июня позади Ивана-Арахлейские озера и Монастырский дворец, отряд прибыл в Читинский острог. В Иргенском остроге и в Монастырском дворце непродолжительную остановку совершил второй профессор отряда И. Г. Гмелин для проведения сборов интересующих его объектов флоры и фауны. В Читинском остроге участники экспедиции поселились в доме на берегу р. Ингоды. Г. Ф. Миллер со студентами активно занимался хозяйственными вопросами, погрузкой экспедиционного имущества на плоты. И. Г. Гмелин в это время совершил поездку в Белый Яр – Белоярское месторождение кирпичных глин, служившее источником сырья для изготовления тугоплавких тиглей, расположенное в 9-ти верстах выше устья р. Читы. Затем побывал на оз. Шакша. О будущей столице Восточного Забайкалья – г. Чите, который был в 1735 г. более всего плотбищем, нежели острогом, путевые записки не оставили подробных описаний, лишь сухую констатацию имеющихся строений и географические ориентиры. После сооружения плотов 8 июня отправились вниз по р. Ингоде в Нерчинск, задержавшись лишь в Кайдаловой деревне и Городищенской слободе – Верхнее Городище – ради смены разнорабочих из местного населения. По пути миновали множество заимок, никем не занятых земель для

постройки на их месте будущих поселений и занятий сельским хозяйством. 14 июня отряд проехал устье р. Онона, где она сливается с р. Ингодой и образует более полноводную р. Шилку. До Нерчинска добрались 15 июня [4, л. 38–50], проехав и проплыв в общей сложности от Удинска 644 версты [7, с. 79]. В городе основная часть отряда находилась до 6 июля. Согласно устоявшейся традиции члены отряда собирали сведения по истории Забайкалья. Они изучали архивные документы, быт и нравы проживающих здесь эвенков, вели переговоры с администрацией воеводства и т. д. Особое содействие экспедиции осуществил воевода Г. Ф. Деревнин, практически ни в чем не отказывая профессорам [8, л. 118–119].

Из Нерчинска отряд двинулся сухим путём в сторону Аргунского (Нерчинского) завода [4, л. 79–89]. И. Г. Гмелин с небольшим числом помощников выехал в путь чуть раньше Г. Ф. Миллера, 29 июня по «вершной» дороге, пригодной для верховой езды. Остальные участники отряда выехали 6 июля по соляной тележной дороге. Переправившись через р. Шилку в двух верстах от города, совершили остановку для ночевки сначала в Саватеевой заимке, а затем в Урулгинской слободе поменяли лошадей. После Макаровской деревни отряд вплотную приблизился к границе лесной и степной зоне, осуществив переправу 7 июля через р. Джиду, вступил в степное царство Даурии, знакомство с животным и растительным миром которой оставило неизгладимый след в душе каждого исследователя. 9 июля совершили остановку на берегу живописного озера Цаган-Нор, или Белое озеро, где обнаружили большие запасы целебных грязей, которые позднее стали использоваться местным населением в медицинских целях. Затем 13 июля, проезжая через район Яшмовой горы, находящейся на берегу р. Аргуни, они миновали Нерчинское солёное озеро и прибыли на Аргунские серебряные заводы. На заводах экспедиция находилась вплоть до 24 июля. В период с 16 по 18 июля Г. Ф. Миллер со студентами, живописцем И. В. Люрсениусом и переводчиком И. Яхонтовым предпринял краткосрочную поездку в Аргунский острог, находящийся в 48-ми верстах от заводов и произвел осмотр ландшафта [4, л. 57–58]. Из Аргунских заводов историк шлет часть написанных им промеморий в уездную канцелярию Нерчинска. Они содержат просьбу об оказании помощи участникам геодезического отряда под руководством П. Скобелицына и В. Шептилова в исследовании речной системы к востоку от оз. Байкал для прокладывания более короткого пути к Охотскому морю, минуя отдаленный и холодный Якутск [8, л. 123–124]. Для геодезистов была составлена специальная инструкция. Она была написана Г. Ф. Миллером, затем изучена другими участниками отряда и дополнена новыми пунктами. Документ содержал все возможные установки для составления еще не изученной географии региона. В частности, требовалось описание всех объектов, встречающихся на пути, и внесения их на карту местности, предполагался опрос местных жителей с последующей проверкой точности полученных та-

ким образом сведений. Особое внимание обращалось на измерение расстояний. Поскольку в Сибири участники экспедиции столкнулись с совершенно приблизительным для местного населения определением расстояния от одного объекта до другого. Ошибки порой составляли несколько десятков километров. В инструкции указывалось, что должно определять «расстояние от места до места, сколько возможно» [9, л. 17].

Вместе с тем предполагался поиск новых земель для присоединения к государству. Эти практические задачи требовали точных географических ориентиров т. е. карт. Обер-прокурор Правительствующего Сената И. К. Кириллов в специальной записке указывал конкретные задачи экспедиции: «В том походе и везде сыскивать новых земель и островов и неподвластных, сколько можно, в подданство приводить», «Разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде делать и подлинную длину и широту сыскать» [10, с. 94]. Далее он напоминал об исследовании речной системы главного маршрута следования отряда, указывая на поиск нового пути к Охотскому морю для расширения возможностей торговли с восточными соседями.

Именно с Аргунских Заводов свою первую самостоятельную поездку совершил будущий исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, продолжавшуюся с 20 июля по 5 августа 1735 г. Основной маршрут поездки пролегал от Аргунских серебряных заводов на солёное озеро у р. Онон – Борзи. Потом вверх по р. Онону до «теплых вод» и затем – к Читинскому острогу [11, с. 99–109]. Группа С. П. Крашенинникова, состоявшая из 6 человек, получила специальное задание – исследовать минеральные источники Забайкалья. Особенно профессоры интересовали горячие ключи, водам которых местное население приписывало различные целебные свойства. После продолжительных поисков отряд обнаружил некоторое количество мест с выходами горячих вод на поверхность, но все они в итоге располагались совершенно в другой местности. Искомый источник так и не был найден, а обнаруженные оказались гораздо дальше от предполагаемого района поисков, от р. Кыра на расстоянии «целого дня езды», что отмечалось в рапорте [12, с. 89–98], в результате чего были обследованы малодоступные и неизученные районы притока р. Кыры – р. Былыра. В Читинский острог отряд вернулся 6 августа и до 10 числа ждал других членов экспедиции.

С 25 июля по 8 августа студент А. Горланов по личному распоряжению Г. Ф. Миллера проводил археологические изыскания погребений культуры плиточных могил в верховьях р. Шилка неподалеку от Городищенской слободы. Закончив работы, он к 10 августа вернулся в Читинский острог.

Весь остальной отряд с 26 по 27 июля находился в Цурухайтуйской слободе, где проводился осмотр остатков некогда активной торговой деятельности Цурухайтовского форпоста. 28 июля были осмотрены окрестности, и 29 июля отряд выдвинулся в направлении Абагатуйского караула на русско-китайской

границе [4, л. 58–61]. Изучение геополитической обстановки на местах являлось одной из интереснейших задач, а сделанные позднее выводы и заключения интригуют до сих пор. Затем вернулись обратно в слободу. Совместно с И. Г. Гмелиным Г. Ф. Миллер ездил на р. Ган, расположенную по правому берегу р. Аргуни, для изучения древних захоронений.

В свой обратный путь участники экспедиции решили двигаться сначала по воде: по р. Борзе и далее через ононские степи к р. Онону. Миновав гряду озер Борзинских и Цаган-Нор, отряд 5 августа вплотную приблизился к хребту Адун-Челон. На этом участке они встретили кочующих здесь тунгусов-скотоводов. Тунгусы помогли пополнить запасы продовольствия и дали лошадей. Затем на плотках отряд экспедиции перебирался через р. Онон и 7 августа прибыл к р. Ага. Переправившись, они сухим путём достигли р. Туры и уже с неё попали на р. Ингоду. В Читинском остроге отряд находился 10 августа [4, л. 79–89] и, не делая более длительных остановок, 17 августа возвратился в Удинск прежней дорогой, что и в начале пути [4, л. 61–66]. Здесь шла тщательная подготовка перехода в Иркутск. Готовились дощаники для переправы через оз. Байкал. Учёные получили достаточное количество времени, чтобы привести в надлежащий порядок дорожные вещи, результаты наблюдений, собранные коллекции и начать частичную обработку. Г. Ф. Миллер предпринял самостоятельный выезд на археологические раскопки в бассейн р. Уды. Местом раскопок был выбран левый берег реки, на юго-западе от озер Большое и Малое Еравное. Весь период проведенного времени в Удинске продлился с 17 августа по 13 сентября. 18 августа в Селенгинск за нужными материалами был отправлен переводчик И. Яхонтов. 23 августа из Иркутска приплыли запрошенные ранее суда для переправы через оз. Байкал, но отряду было выделено лишь одно из них. Решая ряд хозяйственных вопросов, пришлось ожидать прибытия специального агента, возглавляющего торговые караваны в Китай, поступившего на русскую службу пленного шведа Л. Ланга. Он прибыл в Удинск только 10 сентября на трех плоскодонных деревянных речных судах – дощаниках. В завершающее путешествие академический отряд отправился 14 сентября 1735 г. из Удинска, минуя Итанцинский, Ильинский и Кабанский остроги. Они подошли к устью р. Селенги и по воде через оз. Байкал продолжили путешествие, покинув пределы Забайкалья [4, л. 66–67]. Несомненно, ученые пробыли бы здесь гораздо дольше, такие намерения были у участников отряда, поскольку очень многие исследовательские задачи оставались незавершенными, но общие цели Второй Камчатской экспедиции заставляли двигаться дальше в другие регионы и выполнять поставленные Академией наук и собственным исследовательским опытом задачи. В про-

тивном случае экспедиция могла затянуться, и тогда под вопросом оказывались общие ее цели.

Путешественники, бывшие в Забайкалье до XVIII в., не предпринимали серьезных попыток не только установить его историю или подробно описать известные к тому времени месторождения полезных ископаемых, но выступали как сторонние наблюдатели по отношению ко всем протекающим здесь процессам жизнедеятельности. Участники же Второй Камчатской экспедиции подчинялись прежде всего возложенному на них долгу по преумножению государственной пользы, поэтому составление многочисленных профессиональных научных отчетов и трудов явилось делом естественным и закономерным, отражающим как позитивные, так и отрицательные стороны изучаемого [13, с. 44–45]. Конечно, путешествие по Забайкальским дорогам и водным артериям не всегда проходило гладко. Академический отряд испытывал неудобства от несовпадения указанного расстояния от одного пункта до другого. Г. Ф. Миллер когда спокойно отмечал, а бывало, и возмущался вопиющей неточностью указанной информации. Из Нерчинской канцелярии на запрос профессора о состоянии уездных дорог и путевых расстояниях пришел ответ, но его проверка на местности показала незнание администрацией реального положения дел. Так, от Цурухая до Кайларского устья 80, а в тракте 180 верст, а от Нерчинска до Соленого озера написано в ведомости 194, а в тракте 214 верст» [8, л. 120]. Но позднее, уже будучи в Петербурге, Г. Ф. Миллер несколько романтично замечает, насколько велика и необъятна Сибирь, в ней множество дорог и каждая таит новое открытие, но веселее всего было ехать по нерчинской.

Общее направление движения академического отряда по Забайкалью заключалось в следовании от берегов оз. Байкал сначала на восток в Селенгинск, а затем на территорию юго-востока, минуя Нерчинск и до пограничной с Китаем р. Аргунь. Это направление определялось, прежде всего, имеющимися в столице империи данными о территориально-административном устройстве края, количестве населенных пунктов, инструкциями Сибирского приказа и административными отчетами с мест о степени заселенности уездов. В 30-е гг. XVIII в. восточная и северная части Забайкалья были практически безлюдны и труднодоступны. Важную роль в направлении экспедиции играли соображения внешнеполитические – геополитические позиции России на востоке.

Маршрут следования экспедиции в конечном итоге позволил обстоятельно исследовать заселенную часть Забайкалья и составить достаточно полное представление об этой окраине империи как в географическом, так и естественнонаучном и этнографическом плане, а также сделать научные выводы о перспективах развития региона.

Литература

1. Яников Г. В. Великая северная экспедиция. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. 162 с.
2. Элерт А. Х. По следам академического отряда Великой Северной экспедиции // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 6–12.
3. Беспалько Д. Н. Государственная политика по освоению Забайкалья XVIII в.: на материалах академических экспедиций 1720–1770-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011. 23 с.
4. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук (ПФА РАН). Ф. 21. Оп. 5. № 24.
5. Беспалько Д. Н. История возникновения и развития населенных пунктов Забайкальского Края в материалах академических экспедиций XVIII века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 4. С. 231–237.
6. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. № 5.
7. Крашенинников С. П. Дорожный журнал: Дневник путешествия в 1734–1735 годах // Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 50–85.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 25.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 507. Ч. 1. Тетр. 7.
10. Новлянская М. Г. И. К. Кириллов – географ XVIII в. М.-Л.: Наука, 1964. 142 с.
11. Крашенинников С. П. Описание пути от Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по Онону теплых вод и оттуда до Читинского острогу // Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 99–109.
12. Крашенинников С. П. Рапорт от 11 августа 1735 года о поездке на теплые воды реки Она (совместно с геодезистом А. Ивановым) // Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 89–98.
13. Элерт А. Х. Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47.

**THE SCIENTIFIC EXPEDITION ROUTE OF THE ACADEMIC BRIGADE
IN THE TRANS-BAIKAL TERRITORY IN 1735**

Denis N. Bepalko^{1, @}

¹ *Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039*

[@] *bepalkodenis84@mail.ru*

Received 07.11.2017. Accepted 19.01.2018.

Keywords: expedition, academic unit, route, road route, settlement, industrial facility, Transbaikal.

Abstract: In 1735, the Academic brigade under G. F. Miller and I. G. Gmelin's command went on a scientific expedition to Transbaikal. The researchers were to visit the most populated areas and industrial facilities. The route was determined by the density of population in the district and presence of scientifically significant objects of study, human-made or natural. The current article features the road diaries and journals that were left by the future academicians S. P. Krasheninnikov and A. Gorlanov, who were students at that time, and the notes compiled by I. Yakhontov, the translator for the brigade. Some of G. F. Miller's scientific works, as well as his promemoria are mostly represented by business correspondence stored in the Transbaikalian State Archive. The content of the road diary entries is often very poor: they contain the names of the places they passed, the precise locations of bivouacs, fording sites, distance between verst posts, etc. It is the power of observation and responsibility to the Science Academy that made each individual researcher introduce brief but diverse descriptions of economic, ethnographic, or natural-climatic character. The expedition around the Transbaikal region lasted for almost half a year and resulted in a detailed description of the western, southern and south-eastern areas, while the eastern and northern territories of Transbaikal were not involved due to their inaccessibility and sparse population.

For citation: Bepalko D. N. Marshrut nauchnogo puteshestviia Akademicheskogo otriada po Zabaikal'skomu kraiu v 1735 g. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 5–10. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-5-10.

References

1. Ianikov G. V. *Velikaia severnaia ekspeditsiia* [Great Northern expedition]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1949, 162.
2. Elert A. Kh. Po sledam akademicheskogo otriada Velikoi Severnoi ekspeditsii [On the trail of academic brigade of the great Northern expedition]. *Nauka iz pervykh ruk = Science first-hand*, no. 6 (2007): 6–12.
3. Bespal'ko D. N. *Gosudarstvennaia politika po osvoeniiu Zabaikal'ia XVIII v.: na materialakh akademicheskikh ekspeditsii 1720–1770-kh gg.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [State policy on development of the Baikal region in XVIII century: based on the materials of academic expeditions in 1720s–1770s. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.] Astrakhan', 2011, 23.
4. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk (PFA RAN)* [St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences]. Found 21, List 5, No. 24.
5. Bespal'ko D. N. Istoriia vozniknoveniia i razvitiia naseleennykh punktov Zabaikal'skogo Kraia v materialakh akademicheskikh ekspeditsii XVIII veka [The history and development of human settlements in Zabaykalsky Krai in the materials of academic expeditions of the XVIII century]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, no. 4 (2014): 231–237.
6. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk* [St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences]. Found 21, List 5, No. 5.
7. Krasheninnikov S. P. Dorozhnyi zhurnal: Dnevnik puteshestviia v 1734–1735 godakh [Road journal: travel diary in 1734–1735]. *Krasheninnikov S. P. v Sibiri. Neopublikovannye materialy* [Krasheninnikov S. P. in Siberia. Unpublished materials]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 50–85.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK)* [State archive of the Transbaikalian Territory]. Found 10, List 1, File 25.
9. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archives of Ancient Acts]. Found 199, Portf. 507, Part 1, Note 7.
10. Novlianskaia M. G. *I. K. Kirillov – geograf XVIII v.* [I. K. Kirillov – geographer of the XVIII century]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1964, 142.
11. Krasheninnikov S. P. Opisanie puti ot Argunskikh serebrianykh zavodov do imeiushchikhsia vverkh po Ononu teplykh vod i ottudu do Chitinskogo ostrogu [The Description of the route from the Argun silver plants to the Onono warm waters and from there to the Chita Fort]. *Krasheninnikov S. P. v Sibiri. Neopublikovannye materialy* [Krasheninnikov S. P. in Siberia. Unpublished materials]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 99–109.
12. Krasheninnikov S. P. Raport ot 11 avgusta 1735 goda o poezdke na "teplye vody" reki Onona (sovmestno s geodezistom A. Ivanovym) [The Report dated 11 August 1735 on the trip to the "warm waters" of the river Onon (together with land-surveyor A. Ivanov)]. *Krasheninnikov S. P. v Sibiri. Neopublikovannye materialy* [Krasheninnikov S. P. in Siberia. Unpublished materials]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 89–98.
13. Elert A. Kh. Puteshestvie po severo-vostoku Sibiri kak perelomnyi etap v ekspeditsionnoi deiatel'nosti G. F. Millera [Journey through the North-East of Siberia as a turning point in G. F. Miller's field work]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = The humanities in Siberia*, no. 4 (2012): 44–47.

УДК 93/94:379.85:338.48:34.096"1990/2010"

ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИИ В 1990 – СЕРЕДИНЕ 2010-Х ГГ.: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Алексей А. Зеленин^{1, 2, @1}, Антон А. Пятовский^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 650070, Россия, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А

@1 zelenin@kemsu.ru

@2 apyatovskij@list.ru

Поступила в редакцию 29.12.2017. Принята к печати 13.03.2018.

Ключевые слова:

туризм, нормативно-правовой акт, правовое регулирование туристской деятельности, история туристской индустрии, Кемеровская область.

Аннотация: Развитие внутреннего туризма представляет собой один из действенных факторов, обеспечивающих положительную динамику экономических процессов в Российской Федерации и ее отдельных регионах. Изучение истории становления туристской индустрии в отдельных регионах РФ является очень актуальным предметом исследования. Но в современном государстве развитие туризма невозможно без обеспечения правовыми механизмами на общегосударственном и административно-территориальном уровнях. Сложный переход от государственной экономически неэффективной социально-ориентированной инфраструктуры советского туризма к рыночной туристской индустрии требовал построения принципиально новой юридической основы. Развитие туристского правового обеспечения России и Кемеровской области показывает основной вектор трансформации туристской индустрии регионов РФ. Сравнительно-исторический и комплексно-генетический анализ законодательства позволил выявить основные этапы становления правовой базы развития туризма в Кемеровской области. Первичное создание российского законодательства в 1990-е гг. позволило сформироваться туристской деятельности как сфере экономической и социальной инфраструктуры российского государства. Региональная специализация в 2000-е гг. потребовала создания местной правовой базы развития туризма. После 2011 г. важным инструментом государственной и региональной политики в этой сфере стало правовое и финансовое обеспечение кластерных инициатив.

Для цитирования: Зеленин А. А., Пятовский А. А. История нормативного регулирования внутреннего туризма в России в 1990 – середине 2010-х гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 11–17. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-11-17.

В современных условиях развитие внутреннего туризма представляет собой один из действенных факторов, обеспечивающих положительную динамику экономических процессов в Российской Федерации в целом и ее отдельных регионов в частности. Оптимальное и эффективное использование объектов природного и культурного наследия способствует реализации социокультурных прав граждан России, соответственно осуществление продуманной государственной политики в данной сфере может рассматриваться в качестве одной из существенных гарантий укрепления социальной парадигмы российской государственности.

Современный период развития социокультурной сферы характеризуется устойчивым ростом доходности туристской отрасли, основанном на постоянном увеличении спроса на туристский продукт и все большей популярности внутреннего туризма. Интерес граждан к путешествиям по территории своего государства обуславливает необходимость поиска оптимальной модели взаимодействия Феде-

рального агентства по туризму с иными участниками туристского рынка, в том числе отечественными бизнес-структурами.

Не ставя перед собой задачи детального исследования истории государственной политики в области внутреннего туризма, отметим тем не менее, что на протяжении всего советского периода российской государственности развитию туристско-рекреационной деятельности и формированию туризма в качестве самостоятельной комплексной социально-экономической отрасли препятствовало отсутствие должного нормативного регулирования.

В отсутствие единого союзного закона о спорте, физической культуре и туризме правовое регулирование последнего осуществлялось на основе разрозненного комплекса подзаконных актов, как правило, постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, Президиума ВЦСПС, совместных постановлений комсомольских и профсоюзных органов [1]. На практике это приводило к существованию множественности норм, их проблемности и противоречивости. Особенно

болезненно это обстоятельство проявилось на завершающем этапе «перестройки», в 1988–1991 гг., когда отсутствие четкого правового режима объектов туристской инфраструктуры привело к их утрате.

В период становления суверенной российской государственности, формирования новой рыночной экономики все субъекты туристской деятельности остро нуждались в особом нормативно-правовом акте, который исключил бы хаотичное нормотворчество и обеспечил нормативные основания рынка туристских услуг, отвечавшего запросам общества.

Отправной точкой в становлении и развитии правовой базы российского туризма стало принятие 25 апреля 1994 г. Указа Президента РФ «О дополнительных мерах по развитию туризма в Российской Федерации и об упорядочении использования государственной собственности в сфере туризма» [2]. Отметим, что предусмотренная данным нормативным правовым актом «всемерная поддержка развития туризма в Российской Федерации» рассматривалась как одна из приоритетных задач государства в социокультурной сфере. Данная установка была конкретизирована спустя полтора года, в декабре 1995 года, когда очередным актом главы государства были определены мероприятия по развитию туризма в рамках реализации Концепции [3].

Очередным шагом на пути формирования законодательства о туризме стало принятие Федеральной целевой программы «Развитие туризма в Российской Федерации», утвержденной 26 февраля 1996 г. Постановлением российского правительства и также основанной на Концепции годичной давности [4]. В отличие от предшествующих узаконений данный документ действительно имел комплексный характер, призванный обеспечить процесс развития рыночных отношений во всех сферах туристской деятельности, определивший основные направления государственной политики в сфере внутреннего туризма, сохранившиеся до сегодняшнего дня.

Завершением процесса становления нормативных оснований туристской сферы стало принятие в декабре 1996 г. соответствующего Федерального закона. Положив конец стихийному нормотворчеству, законодатель определил общие принципы и способы государственного регулирования туристской деятельности [5]. Впрочем, как и вся социокультурная сфера, туризм подвержен постоянным динамическим изменениям, что обусловило последующие корректировки законодательства: последние изменения в данный закон были внесены 1 января 2017 г.

Характерной тенденцией развития законодательства о туризме в 1996–2017 гг. являлось постепенное усиление государственного регулирования в данной области. В настоящий момент оно реализуется посредством применения различных нормативных правовых актов, принятых как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Так, в Кемеровской области туристская сфера регулируется областным законом, вступившим в силу в 2009 г. [6] и направленным на создание благопри-

ятных условий для развития всех категорий туризма – внутреннего и въездного, социального, экологического, культурно-познавательного и спортивного (альпинистского, горнолыжного, снегоходного). Характеристика содержания этого закона свидетельствует о том, что его составители ссылаются на федеральное законодательство в части норм-понятий, конкретизируя их с учетом имеющихся региональных потребностей в той части, которая не урегулирована или урегулирована недостаточно полно.

Одновременно с этим законом на территории Кузбасса принят целый ряд специализированных нормативных актов.

Так, появление Закона Кемеровской области от 8 июня 2009 г. свидетельствовало о росте популярности в регионе инновационного вида зимнего туризма [7]. Данное обстоятельство, наряду с необходимостью разработки комплекса мер по обеспечению безопасности туристов, потенциально способствовало появлению нового вида предпринимательской деятельности и, соответственно, созданию рабочих мест. Стоит отметить, что закон 2009 г. впервые установил само понятие снегоходного туризма, определил его цели, регламентировал условия для организации снегоходной трассы и движения по ней, что, по мнению депутатского корпуса области, позволяет считать его своего рода «пилотным законом» в России [8].

В Законе Кемеровской области от 13 июля 2009 г. были определены цели, задачи и меры, направленные на развитие внутреннего и въездного туризма в Кемеровской области, названы формы их государственной поддержки на территории Кузбасса, установлены гарантии для привлечения инвестиций в развитие туристской инфраструктуры [9].

Серьезные изменения в нормативные основы туристской деятельности в Кузбассе произошли в 2010 г. В соответствии с новым областным законом [10] для обеспечения возможности привлечения в область крупных инвесторов и внедрения инновационных технологий должны быть определены территории, в пределах которых должны действовать благоприятные условия для ведения экономической деятельности. Постановление коллегии Администрации Кемеровской области конкретизировало эту задачу: в Кузбассе предусматривалось создание четырех типов зон экономического благоприятствования (ЗЭБ): промышленно-производственного, агропромышленного, технико-внедренческого и туристско-рекреационного.

Значение новых узаконений для развития внутреннего туризма трудно переоценить: они, с одной стороны, позволяли обеспечить для участников бизнес-проектов на территории этих зон упрощенные государственные процедуры, гарантировать доступность необходимой инфраструктуры, реализовать соответствующие меры финансово-материальной поддержки, а с другой – с помощью четких и единых для всех правил определить конкретные обязательства участников ЗЭБ (объем их инвестиций, число объектов, которые необходимо построить и пр.) [11].

Отметим, что в дальнейшем статус зоны экономического благоприятствования был присвоен туристской зоне «Горная Шория», созданной на территории Таштагольского района [12]. В свою очередь, рекреационный потенциал Горной Шории предоставляет уникальные возможности для развития горнолыжного туризма, поэтому совершенно оправданным нам представляется следующий шаг регионального нормотворчества – принятие специального закона, регламентировавшего эту сферу туристской деятельности [13]. Его актуальность заключается в том, что в общем объеме всего туристского потока в Кузбассе горнолыжный туризм составляет примерно 70 %, развивается на территории 12 муниципальных образований [14, с. 302], что автоматически означает необходимость создания механизма обеспечения прав лиц, посещающих с целью отдыха соответствующие муниципальные районы, на получение качественно туристского продукта.

Характерной особенностью нормативного регулирования туристской сферы в 2010-е гг. становится формирование организационно-правовых основ реализации долгосрочных программ развития туристской отрасли.

Важнейшим событием в развитии отечественного туризма стало принятие Федеральной целевой программы (ФЦП), направленной на развитие туристско-рекреационного комплекса РФ, повышение качества туристских услуг и продвижение туристского продукта как на внутреннем, так и на мировом рынках [15, р. 424] и рассчитанной на восемь лет (2011–2018 гг.) [16]. По мнению О. П. Сафонова, руководителя Федерального агентства по туризму, ее реализация в течение последних лет способствовала значительному повышению качества туристических услуг, предоставляемых на территории России, повышению конкурентоспособности российского туризма [17].

Также развитие внутреннего туризма как одного из наиболее действенных средств приобщения граждан к культурному наследию страны было предусмотрено иной государственной программой, утвержденной в 2013 г. [18], мероприятия которой логично дополняли содержание ФЦП 2011 г., ориентированной, в первую очередь, на спортивный туризм.

Окончательная консолидация системной государственной политики в сфере внутреннего туризма связана с утверждением «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» [19], составленной в соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации по вопросам развития въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации от 30 июля 2013 г. [20]. В Стратегии отмечено, что развитие и максимальная реализация туристской отрасли, имеющей сущностное значение как для государства в целом, так и для его отдельных субъектов и муниципальных образований в частности, возможны на основе использования кластерного подхода, являющегося передовым и эффективным механизмом концентрации усилий органов государственной власти и частных предпринимательских инициатив.

Отметим, что партнерство государства и частного сектора является и основным принципом реализации Федеральной программы 2011 г., о которой шла речь выше. Обеспечение этого партнерства, по мнению составителей ФЦП, позволило уже на первом этапе ее реализации (2011–2014 гг.) создать в ряде регионов Российской Федерации туристские объекты, способные стать точками роста современных туристско-рекреационных кластеров.

Остановимся на характеристике содержания этих понятий. Под туристско-рекреационными кластерами (ТРК) традиционно понимаются комплексы взаимосвязанных объектов рекреационной и культурной направленности – объекты размещения предприятий питания и сопутствующих сервисов, снабженных необходимой инфраструктурой.

Переход к стратегическому планированию туристской отрасли на федеральном уровне повлек за собой реформирование регионального законодательства. Первая комплексная программа развития внутреннего туризма на территории Кемеровской области была утверждена в марте 2013 г. [21]. Составленный на основе основных положений ФЦП 2011 г. долгосрочный проект предусматривал формирование в Кемеровской области туристско-рекреационного комплекса, отвечающего современным запросам, в том числе и с точки зрения конкурентного превосходства. Главной задачей комплекса определялось обеспечение увеличения туристского потока посредством непрерывного развития рекреационного сектора, обеспечивающего потребности населения в качественном отдыхе.

Реформирование областного законодательства способствовало определенной оптимизации реализуемой политики в сфере внутреннего туризма. В 2014 г. в план мероприятий второго этапа Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2011–2018 годы) был включен план создания ТРК «Шерегеш» с финансированием из федерального бюджета.

«Основные ожидаемые результаты реализации Проекта:

- снижение уровня безработицы в Таштагольском муниципальном районе, а также в близлежащих территориях (г. Новокузнецк, Осинники, Междуреченск, Прокопьевск и др.);

- развитие транспортной инфраструктуры Таштагольского муниципального района за счет строительства и реконструкции автодорог;

- увеличение туристического потока, которое даст дополнительный толчок в развитии малого предпринимательства в Кемеровской области;

- увеличение налоговых поступлений позволит снизить дефицит бюджета Таштагольского муниципального района и в перспективе вывести его из разряда дотационных;

- повышение инвестиционной привлекательности Кемеровской области» [22].

Одним из важнейших элементов этого проекта стало строительство автодороги по маршруту Кузеево – Мундыбаш – Таштагол на участке «Обход

пгт Каз» [22], которая была введена в эксплуатацию в 2016 г. Благодаря сочетанию усилий федеральных, региональных властей и частного бизнеса в области финансирования, происходит постоянное укрепление не только туристской, но и всей социальной инфраструктуры на юге Кузбасса, что позволяет решать целый комплекс общественно-значимых задач, в том числе в части повышения качества жизни населения. Тенденция устойчивого роста туристского продукта, реализуемого кластером «Шерегеш», позволяет оценить эффективность деятельности государства в развитии туризма в регионах.

Проблема организационно-правового оформления регионального туристского кластера получила дальнейшее развитие с выходом в июне 2015 г. распоряжения Коллегии областной администрации, утвердившей стратегию развития туристско-рекреационного кластера на период до середины 2020-х гг. [23]. В рамках деятельности Центра кластерного развития Кемеровской области под эгидой Министерства экономического развития РФ и Департамента инвестиций и стратегического развития Кемеровской области был запущен проект создания туристско-рекреационного кластера Кузбасса. Роль организации-координатора кластера была поручена Региональному ресурсному центру индустрии туризма (РРЦИТ) Кемеровского государственного университета, созданного в 2013 г. как площадка взаимодействия между региональной властью, бизнесом и образованием [24]. Первоначально предполагалось [25], что он будет заниматься в основном образовательными стратегиями в туризме [26; 27], но впо-

следствии при создании Стратегии развития туристско-рекреационного кластера Кузбасса было принято решение о расширении функций РРЦИТ.

Подводя итог характеристике государственной политики, направленной на правовую институционализацию внутреннего туризма на федеральном и региональном уровнях, следует отметить, что в последние годы в Российской Федерации определены меры, в соответствии с которыми в центре и на местах обеспечено плановое взаимодействие участников туристского рынка, определен четкий механизм финансовой и иных форм поддержки сегментов туристского сектора, установлены гарантии защиты прав туристов, в том числе с помощью финансового обеспечения ответственности туроператоров.

Одним из наиболее перспективных направлений дальнейшего развития туризма в Кузбассе является создание туристско-рекреационных кластеров. Пример ТРК «Шерегеш», созданного и успешно функционирующего на территории Кемеровской области, наглядно свидетельствует о том, что в условиях разумного нормативного регулирования кластеры являют собой эффективную организационно-правовую форму частно-государственного партнерства в туристской сфере.

Сказанное выше, конечно, не означает, что существующее федеральное и региональное законодательство в сфере туризма находится в идеальном состоянии. Оно, бесспорно, нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, приведении в соответствие с международными стандартами, с учетом лучших национальных традиций правового регулирования.

Литература

1. Физкультурно-спортивная работа профсоюзов: сборник официальных материалов. М., 1980.
2. О дополнительных мерах по развитию туризма в Российской Федерации и об упорядочении использования государственной собственности в сфере туризма. Указ Президента РФ от 25.04.1994 № 813. Режим доступа: <http://base.garant.ru/101166/> (дата обращения: 12.02.2018).
3. О реорганизации и развитии туризма в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 22.12.1995 № 1284. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/EXP/231487/4294967295/0> (дата обращения: 12.02.2018).
4. О федеральной целевой программе «Развитие туризма в Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 26.02.1996 № 177. Режим доступа: <http://base.garant.ru/1518898/> (дата обращения: 12.02.2018).
5. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Российская газета. 03.12.1996. № 231.
6. О туристской деятельности. Закон Кемеровской области от 6 февраля 2009 г. № 5-ОЗ // Кузбасс. 2009. 7 января.
7. О развитии снегоходного туризма в Кемеровской области (с изменениями на 11 марта 2014 года). Закон Кемеровской области от 08 июня 2009 года № 67-ОЗ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/990308949> (дата обращения: 12.02.2018).
8. Депутатский вестник Кузбасса. 01.04.2009. № 1. Режим доступа: http://www.sndko.ru/attaches/68/deputatski_vestnik.pdf (дата обращения: 12.02.2018).
9. О развитии внутреннего и въездного туризма. Закон Кемеровской области от 13 июля 2009 г. № 88-ОЗ // Кузбасс. 2009. 18 июля.
10. О зонах экономического благоприятствования. Закон Кемеровской области № 87-ОЗ от 8 июля 2010 г. // Кузбасс. 2010. 9 июля.
11. О мерах по реализации закона о зонах экономического благоприятствования. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 19 октября 2010 г. № 451. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/990310547.html> (дата обращения: 12.02.2018).
12. О развитии зоны экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа Горная Шория. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 22 декабря 2010 г. № 1089-р // Электронный

бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.zakon.kemobl.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

13. О развитии горнолыжного туризма. Закон Кемеровской области от 25 апреля 2011 г. № 42-ОЗ // Кузбасс. 2011. 30 апреля.

14. Денисова О. А., Дубцова А. П., Кирьянова Л. Г., Пятовский А. А., Сурцева А. А., Юматов К. В. Взаимодействия стейкхолдеров туристской индустрии в регионах Сибирского федерального округа (на примере Кемеровской области) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Т. 6. № 12А. С. 291–312.

15. Kulgachev I. P., Zaitseva N. A., Larionova A. A., Yumatov K. V., Kiryanova L. G. Methodical approaches to analysis and evaluation of domestic tourism development in Russia // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2017. Т. 7. № 3. Р. 419–428.

16. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644. Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171986/> (дата обращения: 12.02.2018).

17. Реализация ФЦП по туризму повысила конкурентоспособность отрасли // РИА Новости. Россия сегодня. 17.07.2017. Режим доступа: <http://ria.ru/tourism/20170717/1498651694.html> (дата обращения: 12.02.2018).

18. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70644226/> (дата обращения: 12.02.2018).

19. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/12933> (дата обращения: 12.02.2018).

20. Перечень поручений Президента Российской Федерации по вопросам развития въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № Пр-1814. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/18981> (дата обращения: 12.02.2018).

21. О Стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2025 года. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 1 марта 2013 г. № 194-р. Режим доступа: <http://www.zakon.kemobl.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

22. Сводный план развития инвестиционного проекта «Создание туристско-рекреационного кластера «Шерегеш», Кемеровская область // Текущий архив Департамента молодежной политики и спорта.

23. Об утверждении Стратегии развития туристско-рекреационного кластера Кузбасса на период до 2025 года. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 03 июня 2015 г. № 301-р. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

24. Halkier H., Muller D., Anastasiadou C., Kiryanova L. G., Goncharova N., Kagan F., Kolupanova I. A., Dunets A. N., Yumatov K. V., Surtseva A. A., Gizei Yu. Yu., Yakimova N. S., Benson A., Brathwaite T., Mair M. Tourist destination dynamics in Russia // Tourism development and public-private partnership in four non-metropolitan destinations. Aalborg, 2016. 68 p.

25. Колодий Н. А., Егорова Н. Н., Зеленин А. А., Юматов К. В. Ресурсные центры индустрии туризма: концептуальные модели и реальность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1. С. 42–46.

26. Yumatov K. V., Kiryanova L. G., Yakimova N. S., Zaitseva N. A., Larionova A. A., Korsunova N. M. Problem-based learning methods for training staff for tourism and hospitality clusters // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Т. 12. № 5b. Р. 803–812.

27. Ананьева Т. Н., Илюхина Г. И., Кирьянова Л. Г., Юматов К. В. Социально-партнерское взаимодействие институциональных структур при подготовке кадров для туристской индустрии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7. С. 47–53.

HISTORY OF STATUTORY REGULATION OF DOMESTIC TOURISM IN RUSSIA IN THE 1990S – MID 2010S: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS

Alexey A. Zelenin^{1, 2, @1}, Anton A. Pyatovskiy^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² State educational establishment Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38-A, Tuhachevskiy Street, Kemerovo, Russia, 650070

@1 zelenin@kemsu.ru

@2 apyatovskij@list.ru

Received 29.12.2017. Accepted 13.03.2018.

Keywords: tourism, legal act, legal regulation of tourism activity, history of tourism industry, Kemerovo region.

Abstract: The development of domestic tourism is an important factor for positive dynamics in the economic processes in the Russian Federation and its regions. Studying the history of tourism industry development in different Russian regions is a topical research objective. In the present-day world, the development of tourism in the country is impossible without developing relevant legal mechanisms at the national and regional levels. The difficult transition from economically ineffective state-controlled and socially-oriented Soviet Union tourism to the market-driven tourism industry demanded developing a totally new legal framework. The evolution of the legal regulations of tourism in Russia and in Kemerovo region reflects the main vector in the transformation of Russian regions' tourism industry. The comparative historical and complex generic analyses of the legislation have made it possible to identify the major stages in the development of tourism industry legal base in Kemerovo Region. The development of the national legislation in the 1990s allowed for the formation of the tourism industry within the economic sphere and the social infrastructure of Russia. The regional specialization in the 2000s demanded for the regional legal base of tourism development. Since 2011, legal and financial support of cluster initiatives in tourism has been an important instrument of state and regional policy in this sphere.

For citation: Zelenin A. A., Pyatovskiy A. A. Istoriia normativnogo regulirovaniia vnutrennego turizma v Rossii v 1990 – sereдинe 2010-kh gg.: federal'nyi i regional'nyi aspekty [History of Statutory Regulation of Domestic Tourism in Russia in the 1990s – mid 2010s: Federal and Regional Aspects]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 11–17. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-11-17.

References

1. *Fizkul'turno-sportivnaia rabota profsoiuzov* [Athletic and sports work of trade unions]. Moscow, 1980.
2. *O dopolnitel'nykh merakh po razvitiu turizma v Rossiiskoi Federatsii i ob uporiadochenii ispol'zovaniia gosudarstvennoi sobstvennosti v sfere turizma* [On additional measures to promote tourism in the Russian Federation and on streamlining the use of state property in the sphere of tourism]. Decree of the President of the Russian Federation of 25.04.1994 No. 813. Available at: <http://base.garant.ru/101166/> (accessed 12.02.2018).
3. *O reorganizatsii i razvitiu turizma v Rossiiskoi Federatsii* [On the reorganization and development of tourism in the Russian Federation]. Decree of the President of the Russian Federation of December 22, 1995 No. 1284. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 12.02.2018).
4. *O federal'noi tselevoi programme «Razvitie turizma v Rossiiskoi Federatsii»* [On the federal special-purpose program "Development of tourism in the Russian Federation"]. Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 1996 No. 177. Available at: <http://base.garant.ru/1518898/> (accessed 12.02.2018).
5. *Ob osnovakh turistskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii* [About the bases of tourist activity in the Russian Federation]. Federal Law of November 24, 1996 No. 132-FZ. *Rossiiskaia gazeta = The Russian Newspaper*, no. 231 (03.12.1996).
6. *O turistskoi deiatel'nosti* [On the tourist activity]. Law of the Kemerovo Region of February 6, 2009 No. 5-OZ. Kuzbass, 7 January (2009).
7. *O razvitiu snegokhodnogo turizma v Kemerovskoi oblasti (s izmeneniami na 11 marta 2014 goda)* [On the development of snowmobile tourism in the Kemerovo region (as amended on March 11, 2014)]. Law of the Kemerovo Region of June 08, 2009 No. 67-OZ. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/990308949> (accessed 12.02.2018).
8. *Deputatskii vestnik Kuzbassa = The deputy bulletin of Kuzbass*, no. 1 (01.04.2009). Available at: http://www.sndko.ru/attaches/68/deputatski_vestnik.pdf (accessed 12.02.2018).
9. *O razvitiu vnutrennego i v"ezdnoogo turizma* [On the development of domestic and inbound tourism]. Law of the Kemerovo Region of July 13, 2009 No. 88-OZ. Kuzbass, 18 July (2009).
10. *O zonakh ekonomicheskogo blagopriiatstvovaniia* [About zones of economic favor]. Law of the Kemerovo Region No. 87-OZ of 8 July 2010. Kuzbass, 9 July (2010).

11. *O merakh po realizatsii zakona o zonakh ekonomicheskogo blagopriiatstvovaniia* [On measures to implement the law on zones of economic favor]. Decision of the Board of Administration of the Kemerovo Region dated October 19, 2010 No. 451. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/990310547.html> (accessed 12.02.2018).
12. *O razvitii zony ekonomicheskogo blagopriiatstvovaniia turistsko-rekreatsionnogo tipa Gornaia Shoriia* [On the development of the zone of economic favor of the tourist-recreational type Gornaya Shoria]. Order of the Board of Administration of the Kemerovo Region of December 22, 2010 No. 1089-r. Available at: <http://www.zakon.kemobl.ru> (accessed 12.02.2018).
13. *O razvitii gornolyzhnogo turizma* [On the development of ski tourism]. Law of the Kemerovo Region dated April 25, 2011 No. 42-OZ. Kuzbass, 30 April (2011).
14. Denisova O. A., Dubtsova A. P., Kir'ianova L. G., Piatovskii A. A., Surtseva A. A., Iumatov K. V. Vzaimodeistviia steikholderov turistskoi industrii v regionakh Sibirskogo federal'nogo okruga (na primere Kemerovskoi oblasti) [The interaction of the tourism industry stakeholders in the regions of the Siberian Federal District (by the example of Kemerovo region)]. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 6, no. 12A (2016): 291–312.
15. Kulgachev I. P., Zaitseva N. A., Larionova A. A., Yumatov K. V., Kiryanova L. G. Methodical approaches to analysis and evaluation of domestic tourism development in Russia. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 7, no. 3 (2017): 419–428.
16. *O federal'noi tselevoi programme «Razvitie vnutrennego i v"ezdno go turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2018 gody)»* [On the federal target program "Development of domestic and incoming tourism in the Russian Federation (2011–2018)". Decree of the Government of the Russian Federation of August 2, 2011 No. 644. Available at: <http://base.garant.ru/55171986/> (accessed 12.02.2018).
17. Realizatsiia FTsP po turizmu povysila konkurentosposobnost' otrasli [The implementation of FTP for tourism has increased the competitiveness of the industry]. *RIA Novosti. Rossiia segodnia = RIA Novosti. Russia today*, 17.07.2017. Available at: <http://ria.ru/tourism/20170717/1498651694.html> (accessed 12.02.2018).
18. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Razvitie kul'tury i turizma» na 2013–2020 gg.* [On the approval of the state program of the Russian Federation "Development of Culture and Tourism" for 2013–2020]. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 317. Available at: <http://base.garant.ru/70644226> (accessed 12.02.2018).
19. *Strategiia razvitiia turizma v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g.* [Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period until 2020]. Order of the Government of the Russian Federation of May 31, 2014 No. 941-r. Available at: <http://government.ru/docs/12933> (accessed 12.02.2018).
20. *Perechen' poruchenii Prezidenta Rossiiskoi Federatsii po voprosam razvitiia v"ezdno go i vnutrennego turizma v Rossiiskoi Federatsii ot 30 iuliia 2013 g. № Pr-1814* [List of instructions of the President of the Russian Federation on the development of entry and domestic tourism in the Russian Federation from July 30, 2013 No. Pr-1814]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/18981> (accessed 12.02.2018).
21. *O Strategii razvitiia turizma v Kemerovskoi oblasti do 2025 goda* [On the Strategy of Tourism Development in the Kemerovo Region until 2025]. Order of the Board of Administration of the Kemerovo Region dated March 1, 2013 No. 194-r. Available at: <http://www.zakon.kemobl.ru> (accessed 12.02.2018).
22. Svodnyi plan razvitiia investitsionnogo proekta «Sozдание turistsko-rekreatsionnogo klastera «Sheregesh», Kemerovskaia oblast' [Consolidated plan for the development of the investment project "Creation of the tourist-recreational cluster"Sheregesh", Kemerovo region]. *Tekushchii arkhiv Departamenta molodezhnoi politiki i sporta* [Current archive of the Department of Youth Policy and Sport].
23. *Ob utverzhdenii Strategii razvitiia turistsko-rekreatsionnogo klastera Kuzbassa na period do 2025 goda* [On the approval of the Strategy for the development of the tourist and recreational cluster of Kuzbass for the period until 2025]. Order of the Board of Administration of the Kemerovo Region dated June 3, 2015 No. 301-r. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 12.02.2018).
24. Halkier H., Muller D., Anastasiadou C., Kiryanova L. G., Goncharova N., Kagan F., Kolupanova I. A., Dunets A. N., Yumatov K. V., Surtseva A. A., Gizei Yu. Yu., Yakimova N. S., Benson A., Brathwaite T., Mair M. Tourist destination dynamics in Russia. *Tourism development and public-private partnership in four non-metropolitan destinations*, Aalborg, 2016, 68.
25. Kolodii N. A., Egorova N. N., Zelenin A. A., Iumatov K. V. Resursnye tsentry industrii turizma: kontseptual'nye modeli i real'nost' [Tourism Resource Centres: Conceptual Models and Reality]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-1 (2013): 42–46.
26. Yumatov K. V., Kiryanova L. G., Yakimova N. S., Zaitseva N. A., Larionova A. A., Korsunova N. M. Problem-based learning methods for training staff for tourism and hospitality clusters. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 12, no. 5b (2017): 803–812.
27. Anan'eva T. N., Iliukhina G. I., Kir'ianova L. G., Iumatov K. V. Sotsial'no-partnerskoe vzaimodeistvie institucional'nykh struktur pri podgotovke kadrov dlia turistskoi industrii [Socio-partner interaction of institutional structures in the training of personnel for the tourism industry]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-7 (2015): 47–53.

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК ПУТЬ К ИДЕАЛУ

Евгений Ф. Казаков^{1, @1}, Владимир И. Красиков^{2, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Всероссийский государственный университет юстиции, Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1

@1 ketcitykazakov@mail.ru

@2 vpa@vpa-miust.ru

Поступила в редакцию 20.04.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: история, человек, Идеал, совершенный человек, первобытность, античность, Средневековье, Новое время, Новейшее время, Зверь, бог, Машина, кризис самоидентификации.

Аннотация: На примере эволюции образа совершенного человека в статье исследуется роль общественного идеала в истории. Идеал понимается как образ должного, позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к Идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его воочеловечивания – предстаёт одной из движущих сил истории. Каждая историческая эпоха конструирует свой образ совершенного человека и стремится приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, в чём выражает себя перманентно присущее человеку чувство неудовлетворённости собой (и миром), нереализованности сущности в существовании; интенция к обретению собственной глубинной идентичности. Первым «совершенным человеком» был Зверь. Если в первобытности побеждается внешний зверь, то в античности – внутренний. Возникает первый кризис самоидентификации как следствие неадекватной самооценки («человек как мера всех вещей»). «Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Если зверь оказывается в недостижимом прошлом, то Бог – в недостижимом вечном. Возникает второй кризис самоидентификации. В Новое время совершенным человеком становится Человек. Начинает доминировать представление о совершенстве (как реальной возможности), заключённом в самом человеке. Однако лишение человека метафизичности приводит к третьему кризису самоидентификации. В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстаёт Машина как «человек», лишённый человеческих слабостей с усиленными человеческими достоинствами. Уподобление человека машине приводит к четвёртому кризису самоидентификации. «Новым идеальным человеком» будет человек как неповторимый итог развития всей человеческой культуры, синтез уникального и всеобщего.

Для цитирования: Казаков Е. Ф., Красиков В. И. История как путь к Идеалу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 18–23. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.

Идеал – образ совершенного, должного (в том числе трансцендентного), позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к Идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его воочеловечивания. «При отсутствии веры в идеал мы опускаемся до звероподобного бытия, в котором все позволено, или впадаем в равнодушную лень» [1, с. 192]. Проблемы общественного идеала и его развития в истории исследовались в отечественной (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Э. Ильенков, И. Ильин, М. Калашников, В. Ленин, К. Леонтьев, П. И. Новгородцев, П. Сорокин, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Л. Н. Толстой, Н. О. Лосский, Г. Флоровский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. Сорокин) и зарубежной (А. Бергсон, М. Вебер, Н. Гартман, Г. Гегель, И. Кант, О. Конт, К. Маркс, Ж-Ж. Руссо, Г. Спенсер, К. Ясперс, К. Мангейм, А. Тойнби, М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Тейяр де Шарден, К. Юнг) мысли [2, с. 3–4; 3, с. 4–6; 4, с. 309–310].

Эволюция общественного идеала предстаёт одной из движущих сил истории (что мы и рассмотрим на примере образа идеального (совершенного) человека). Совершенный человек – один из значимых модулей общественного идеала; образец для подражания, базирующийся на духовных ценностях, характерных для определённого этапа истории. Идеальная сверхзадача исторической деятельности – «изобрести человека» [5, с. 334], «изобрести» совершенного человека и приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, начиная с глубокой древности, в чём выражает себя перманентно присущее человеку чувство неудовлетворённости собой (и миром), чувство нереализованности сущности в своём существовании; интенция к обретению собственной глубинной идентичности.

Смысл истории предстаёт поиском человеком своей идентичности. Вначале человек ищет Себя в Ином (Звере, Природе, Космосе, Духах, Боге, Прошлом), *меряя Себя по Иному (Иное – «мера всех вещей»,*

и меня). Логика истории человеческого самообнаружения развёртывается от Внешнего к Внутреннему, от Иного – к Своему. Самоопределение (Своего) невозможно без самоотличения (от Иного). Человек начинает с самосопрежания (включающего отличие и отождествление) Своего и Иного, что одновременно является и самоопределением Своего. Затем человек начинает мерять Иное по Себе (Я / Моё / Моя Самость – мера всего Иного, «всех вещей»). Человек пытается дополнить Своё совершенство Иным, продуцируя Своё Иное (и Иное Своё) за «границы» Себя (тем самым, усиливая Себя, усовершенствуя) [6, с. 190–227]. В развитии представлений о совершенном человеке можно выделить четыре магистральных этапа (учитывая, что изначально образ «совершенного человека» гетерогенен).

Первым «совершенным человеком» был Зверь. В первобытности происходит фетишизация зверя (зверь – прародитель человеческого вообще, «моего» рода в частности); остаточными явлениями чего предстают теоантропозооморфные полубоги / полулюди / полуживотные Древнего Востока и Античности. Существует ряд совершенных палеолитических образов зверя (см., напр.: «Раненый бизон» (Альтамира, Испания), но нет подобных совершенных образов человека. Совершенно изобразить можно только совершенное; совершенно изобразить несовершенное невозможно. Отметим, что образы Зверя здесь олицетворены, психологичны; т. е. более очеловечены, чем образы человека. Тем самым Зверь оказывается более человеком, чем человек. Человеческое раньше актуализируется в Ином, нечеловеческом; чтобы затем «рефлексируя вовнутрь», экстраполировать человеческое из Иного в Своё. Так красиво изобразить зверя (см.: «Пасущийся олень» (Фон де Гом, Франция)) можно было лишь испытывая к нему чувства восхищения и даже, может быть, любви. Вероятно, первое признание в любви было не к человеку, а к зверю.

Человек соединяется со зверем, т. е. с Совершенством, чтобы стать совершенным (антропозооморфные фигуры). Чтобы самоутвердиться, Человек ведёт свою историю от Зверя, ища в нём поддержку, защиту, опору, вдохновляясь его силой, мощью и властью, укоренённостью в мире. Человек «вскармливает» своё тело Телом Зверя, свою силу – Силой Зверя. Данная тенденция находит своё продолжение и в античной истории. Постепенно происходит исход из / от зверя, победа над ним, его преодоление. (Идеал превосходится, остаётся в прошлом). Чтобы стать совершенным, надо обрести достоинства зверя, преодолеть его слабости и актуализировать в себе те достоинства, которых у зверя нет. Итог: человек как «лучше-зверь». Начальная Архаика (Первобытность) есть победа над Зверем Во Вне (укрощение, приручение Внешнего Зверя). Зрелая Архаика (Античность) есть победа над Зверем Внутри (укрощение, социализация, «стерилизация», окультуривание внутреннего Зверя) – превращение (физической) Плоты в (одухотворённое) Тело. Античность, как

и Первобытность, сохраняет явно выраженный телесный характер культуры.

Античное Тело Человека «победило» Плоть Зверя не физической силой, а одухотворённой совершенностью. Другими словами, Физическое Тело побеждается Метафизическим Телом (целомудренность здесь предстаёт как синоним метафизичности). Метафизическое Тело – это уже не собственно Тело (физическое, организмическое), это – Душевно-Духовное Тело. Античное Тело – это уже не Тело Тела, а Тело Души (и всё более пробуждающегося Духа). Итак, в период Первобытности человек несамодостаточен, зависит от зверя, природы, духов, другого человека, рода в целом. Отсюда складывается представление: Я – меньше, слабее Иного.

Я – почти что Ничто. В это время человек адекватен себе (это необходимость, вынужденное условие выживания в экстремальной среде). В период Античности утверждается самодостаточность натурального хозяйства, полиса, человека, бога (статуи богов и людей никуда не смотрят, не идут, одиноки; они завершены, совершенны, ни в ком не нуждаются). Утверждается самодостаточность и богов и людей (Эпикур: «боги сами по себе, люди – сами по себе»). У человека складывается представление: Я=Всё (я – мир, вселенная). Возникает первый кризис самоидентификации: неадекватная (завышенная) самооценка (следствие заземления высшего мира, богов); надо очеловечить богов, чтобы обожествить человека. Надо очеловечить Космос, чтобы сам человек предстал Космосом (осуществляется перманентно-тотальная антропоморфизация). Происходит постепенное движение от внешнего стандарта совершенства – к внутреннему: от сравнения себя с Иным – к сравнению себя (как возможности, как прошлого) – с собой (как актуальностью, как настоящим-будущим).

«Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Одним из знаковых моментов кульминационного события христианской истории – Голгофской Жертвы Спасителя – предстаёт распятие на Кресте Тела Христа (душу Мессии никто и ничто распять не может). Умирает Тело Христа (душа умереть не может), воскресая на третий день не в своём физическом, а в своём уже метафизическом Облике. Распятие Тела, смерть Тела предстаёт здесь знаковым событием, знаменуя Конец истории Тела, ставший финальную точку в доминанте Физического Мира, проводящий демаркационную линию между (теряющей господство) Историей Тела и (обретающей ведущую роль) Историей Души. Средневековое тело «спряталось», «растаяло» за одеждами; и во всей своей красе открылся бесконечно одухотворённый Лик. Дух вырывается, освобождается из Тела, обретая самодостаточность и свободу (понятно, что Тело не умирает, в прямом смысле слова, а лишь «уходит в основание» души). Одним из самых значительных образов, запечатлевающих торжество духовного бытия, предстает икона Владимирской Божьей Матери, для которой все человечество – дитя («под ферулой

церкви верующий всю жизнь оставался ребенком» [7, с. 549]). Что бы не изображалось на Иконе, она запечатлевает духовное небо, открытую нам (в нас) Бесконечность...

«Круги рая» оказываются в христианском представлении ступенями восхождения к Всесовершенному Богу (а «круги ада» – ступенями нисхождения от Него – к «асовершенному» Люциферу). Логике рождения этого Идеала раскрывает Л. Фейербах в «Сущности христианства» («не Бог создал человека, а человек создал Бога, вложив в него все лучшие свои качества») [8, с. 56]. Л. Фейербах не совсем точен: в образе Бога человеческие совершенства (мудрость, мораль, преобразующая деятельность) возведены в абсолютную (сверхчеловеческую) степень (всемогущество, всеблагодать, всезнание, вездесущность). Поэтому и редуцировать образ Бога к образу человека (т. е. возвратить «божественные совершенства» обратно в человека, как предлагает Л. Фейербах) невозможно. Бог предстаёт «сверхсовершенным человеком». «Разрыв» между Ним и человеком настолько беспредельно, что восхождение к Нему предстаёт, в конечном счёте, преодолением человеком своей природы, редуциацией человеческого в человеке («слабости» человека есть выражение не только его несовершенства, но и его собственно человеческой сущности).

Этот «несоизмеримый разрыв» Божественного Всесовершенства и человеческого «совершенства / несовершенства» в определённой степени преодолевает Христос, будучи и Сыном Божьим и Сыном Человеческим. В Его образе божественное и человеческое оказываются «в пределах видимости», взаимодостигаемости, слиянности. Поэтому Мессия и смог стать действительно Идеалом для совершенствования человека (свидетельством тому не только святые праведники, но и «живущие во Христе» миряне; их противоположность – нехристь, нелюдь, душегуб). Человек может, как Христос, накормить голодного, защитить обиженного, исцелить немощного, но не может утишать бури и воскрешать мёртвых. Л. Н. Толстой в статье «Царство Божие внутри вас» делит заповеди Христа на «минимум» (достижимые человеком, например, «не отвечай злом на зло») и «максимум» (не достижимый им, например, «возлюби врага своего») [9, с. 111]. К примеру, в образе Христа, Его заповедях, также есть недостижимый человеком духовно-физический идеал (абсолютная нравственность, воскрешение в новой бессмертной плоти). Образ Христа предстаёт как достижимая недостижимость, как близкая божья даль.

Восхождение к Богу как Абсолютной Истине, Абсолютному Благу, Абсолютной Красоте – вечное становление, никогда не достигающее конечной цели. Человек – вечный «путь», и никогда – завершённый итог. Каждый шаг к Богу приближает к Нему, и открывает новый взгляд на расстояние до Него. Восхождение к Богу – это превращение (не только телесности человека в метателесность) всего человека в метачеловека, «смена основания» в его эволюции. Планка (Божественного) Совершенства поднята на недости-

гаемую высоту, человек перманентно несовершенен, он – вечный грешник, «ходячий метакризис». Возникает второй кризис самоидентификации – амбиполярная (занижено-завышенная) самооценка: с одной стороны, я – вечный грешник; с другой – во мне образ Бога, я – Его сын. «Полюса» самооценки расходятся до «зашкаливания» (примираясь лишь в образе Христа). Отсюда – предельная неустойчивость души-психики человека, метания от греха к святости (Оптий – «разбойник-святой», И. Грозный – «душегуб-покаянник», Г. Распутин – «святой чёрт»), экзальтации-психозы («охота на ведьм», костры и тюрьмы инквизиции). В Средневековье человек оказывается в междуидеалии: Зверь – в недостижимом Прошлом, Бог – в недостижимом Будущем-Вечном.

В Новое время совершенным человеком становится Человек. Начинает доминировать представление о совершенстве (как реальной возможности), заключённом в самом человеке, в его огромном потенциале, его талантах, божественной силе интеллекта, посредством которого он может раскрыть все тайны, без апеллирования к религии и образу Бога, к метафизической реальности вообще (попытка чего и была предпринята в создании Энциклопедии), его способности кардинально преобразовывать мир. Человеческому разуму была предписана способность постигать любую истину, целеполагать, упорядочивать хаос бытия, разумно организовывая мир явлений. Показательно, что, если головы святых (в средневековых образах) всегда склонены, что символизирует смирение человека перед волей Бога, то в ренессансных образах у человека гордая, прямая посадка головы, символизирующая его самоуверенность и самодостаточность. Перед человеком – нет ничего невозможного. Он – «Ничто» (как потенция), способное превратиться во «Всё» (как актуальность). «Человек может то, что он должен» [10, с. 346]. С помощью науки, через просвещение он станет «господином и повелителем природы», способным прочесть Книгу Её Тайн. Совершенный человек данной эпохи – гений, разгадывающий тайны бытия; творец, созидающий собственную жизнь; деятельный «человек, всем обязанный самому себе»; могущий и должный духовно и физически бесконечно самосовершенствоваться.

В Новое время осуществляется попытка актуализировать собственно человеческое: и не звериное (природное) и не божественное (сверхдуховное). Человек ищет себя вне Бога и вне Зверя, открывая-созидавая собственную «срединную» реальность и наполняя её собой. Природа (живая и мёртвая) – не «со мной», а сама по себе (в лучшем случае – материал, «мастерская», объект, «фон» для «меня»). Человек соотносит себя с собой, стремясь превзойти себя, актуализировать собственное совершенство без выхода в метачеловеческое. «Свято место пусто не бывает», и человек (лишивший метафизичности себя и природу, «убивший» метафизического Бога) вольно-невольнo дерзает занять Его место. Совершенный человек в результате предстаёт сверхчеловеком (человекобогом, «физическим богом»). Рождаются пантеон «земных богов» (выдающиеся первооткрыватели, мыслители, полководцы, правители).

Происходит третий кризис самоидентификации: потеря в себе метафизической составляющей, соизмеримости с Божественным; заземление человека, ограничение его дольным бытием (редукция Мироздания предстаёт как выражение редукции человека); утверждается самодостаточность человека внутри земного бытия, удовлетворённость земным в себе и снаружи; актуализируется Частичный Человек, воспринимающий себя как целостного, самодостаточного и совершенного. Осуществляется попытка компенсации, дополнения своей частичности (вещами, властью, богатством; «улётом» от действительности, погружением в иллюзорные миры барокко-рококо) до квазицелостности. Потеря метафизического – потеря собственно человеческого (человек – существо с «метафизическим дыханием», открытое имманентному и трансцендентному). Человек потерял «точку опоры» в природе и Боге, и не обрёл её в себе: физические миры, в отличие от метафизических – «зыбучие», «проваливающиеся под ногами». Человек, вынужденный («по-просветительски») искать опору лишь в себе, теряет ориентацию в мире, способность самоидентификации.

В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстаёт Машина. Для Машины характерна абсолютная функциональность, выносливость, неприхотливость, сила, дешевизна, в ней нет ничего лишнего, бесполезного. Она превосходит человека по всем «рабочим» параметрам и для позитивистско-прагматически настроенного человека предстаёт как безусловный Идеал. Машина – «человек», лишённый человеческих слабостей, с усиленными (до почти «божественной» недостижимости) человеческими достоинствами. Машина предстаёт как «сверхчеловек», как «новый Бог» (в которого, как в «старого Бога», по логике Л. Фейербаха, человек вложил свои лучшие качества). Машина выступает первым искусственным Совершенством («искусственным Богом»), целиком созданным умом и руками человека (не существовавшим до него, и не способным существовать без него). Если Зверь существует вне человека и возникает до него, если Бог изначален, если потенциал человека (как считали просветители) вложен в него Природой от рождения, то Машина есть проекция человеком себя во вне. Фетишизируя Машину («люди, молящиеся на авто»), человек объективирует (вплоть до отчуждения) себя (свою сущность) от себя (своего существования).

«Машина приноравливается к слабости человека, чтобы превратить слабого человека в машину» [11, с. 178]. Если раньше Машина ориентировалась на человека (органопроекция), то затем человек ориентируется на Машину (вольно или невольно), подражая ей (человек как Машинопроекция). Бесполоя Машина инициирует бесполого человека (унисекс); движения автомата копируются в движениях человека (дабстеп); «механические» ритмы задают ритмы современной музыки (техно-поп); утилитарность станка и робота «заражает» утилитарностью чело-

века (прагматизм, инструментализм, человек как функция, «винтик», актер, скриптор, трудоголик, киборг). *Человек рождает «детисце», которое способно не только восхищать, но и «пожирать» своего родителя.* Машина лишена человеческих недостатков и слабостей (а человеческие достоинства в ней усилены и суммированы с собственными достоинствами Машины), превращаясь во всё менее достижимый для человека Идеал. Относительно Машины, становящейся всё более «Совершенным Человеком», человек становится всё менее совершенной, «плохой» Машинной. *Если ко всем предыдущим Идеалам человек, так или иначе, приближался; то от последнего он всё более отдаляется* (будучи «рабом Бога», человек восходил к Нему, став «рабом Машины», он нисходит от неё). Омашинивание человека есть одновременно его расчеловечивание. Чтобы стать совершенным (как Машина), надо «превзойти» себя (т. е. собственно человеческое)... потеряв себя. Развёртывается *четвёртый кризис самоидентификации:* соотносить себя с собственной копией (как со своей Тенью, занявшей твой трон) – контрпродуктивно.

«То, что ищет совершенный человек, находится внутри него...» (Конфуций), в его латентно целостной, «всёшной» сущности. Для интегрального, мультисущностного человека необходим мультисущностный Идеал. Идеал должен включать в себя возможность развития человека «во все стороны» (человек, «бегущий во все стороны... к себе»). Адекватным «всеединому» миру предстаёт лишь «всеединный» человек. Если «общее» (религиозное, этническое) и «особенное» (родственное, семейное) сейчас достаточно актуализированы, то «единичное» (индивидуальное, личностное) и «всеобщее» (общечеловеческое, общекультурное) проявлены намного меньше. Одна из насущных задач – актуализировать «полюса» человеческого бытия, соединить их друг с другом. *Каждый человек в идеале должен предстать неповторимым итогом развития всей человеческой культуры* («единичностью», в которой «сфокусировано всеобщее»; «каплей», в которой не отражается, а пребывает «океан вселенной»)... *всего Мироздания.* «Новый Идеальный Человек» предстанет уникальным итогом-синтезом онтогенеза и филогенеза (развития семьи, этноса, мировой культуры). Не Человечество (только) – итог эволюции Мироздания, а каждый человек, каждое «Я». Глобализация – в конструктивной своей части – движется в этом направлении. Мы переживаем объективный процесс повышения степени открытости государств, этносов; активизацию (во многом вынужденную и выстраданную) Диалога Культур, диалога «всех со всеми». «Новый Совершенный Человек» – это Соборный Человек; Человек как Человечество, Мироздание. Важнейшая задача – актуализация Всеобщего в каждом человеке вместе с актуализацией его Уникальности. «Новый Идеальный Человек» – синтез Уникального и Всеобщего.

Литература

1. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // *Русская идея и современность*. Петроград: Academia, 1922. С. 177–216.
2. Билаонова М. Ю. Проблема идеала как общественной ценности и ее отражение в русской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 26 с.
3. Омарова З. У. Формирование общественного идеала в социально-историческом развитии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2004. 21 с.
4. Меликян М. А. Философские версии совершенного человека // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 5. С. 309–312.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
6. Казаков Е. Ф. Душа: метафизика самоопределения. Кемерово, 2014. 249 с.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
8. Фейербах Л. Сущность христианства: соч. в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1992. 425 с.
9. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // *Полное собрание сочинений*. 1890–1993. В 90 т. Т. 28. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 1–294.
10. Фихте Й. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 784 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Сочинения*. Т. 42. М.: Изд-во полит. л-ры. С. 43–174.

HISTORY AS A WAY TO THE IDEAL

Evgenii F. Kazakov^{1, @1}, Vladimir I. Krasikov^{2, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² All-Russian State University of Justice, hous. 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

@1 kemcitykazakov@mail.ru

@2 rpa@rpa-miust.ru

Received 20.04.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: the history of man, the ideal, the perfect man, the primitive, antiquity, middle ages, New time, new time, animal, God, machine, identity crisis.

Abstract: The article examines the role of the social ideal in history according to the evolution of the Perfect Person image. The Ideal is understood as the image of the appropriate that allows one to assess the things in existence and direction of its development. The pursuit of the Ideal, the essential intention of the person required for their incarnation is one of the driving forces of history. Every historical period constructs its own image of a perfect person and strives to get closer to this image. Ideas about the Perfect Man have been shaped throughout the whole human history, which reflects the permanent dissatisfaction that is inherent to human – dissatisfaction with himself and the world around, the lack of implementation of the essence in their existence, intention to gain their own deepest identity. The first Perfect Man was a Beast. In the prehistoric period it was the Outer Beast that had to be conquered, whereas in antiquity it was the Inner Beast. That was when the first identity crisis arose as a result of inadequate self-esteem ("man as the measure of all things"). The Perfect Man of the Middle Ages was God. The Beast now belonged to the inaccessible past, while God was in the unattainable eternal. This was the second identity crisis. In modern times the Perfect Man becomes a Man. The concept of perfection (as a real possibility) within a man becomes domineering. However, depriving a Man of metaphysics leads to the third identity crisis. In modern times the Perfect Man, increasingly, appears to be a Machine as a man devoid of human weaknesses with heightened human qualities. The analogy between human and machine leads to the fourth identity crisis. The New Perfect Man will be a man as a unique result of the development of all human culture, the synthesis of the unique and the universal.

For citation: Kazakov E. F., Krasikov V. I. Istoriia kak put' k idealu [History as A Way to the Ideal]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 18–23. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.

References

1. Karsavin L. P. Vostok, Zapad i russkaia ideia [East, West and Russian idea]. *Russkaia ideia i sovremennost'* [Russian idea and present]. Petrograd: Academia, 1922, 177–216.

2. Bilaonova M. Iu. *Problema ideala kak obshchestvennoi tsennosti i ee otrazhenie v russkoi filosofii*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Ideal problem as social value and its reflection in the Russian philosophy. Cand. filos. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2001, 26.
3. Omarova Z. U. *Formirovanie obshchestvennogo ideala v sotsial'no-istoricheskom razviti*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The formation of social ideal in the socio-historical development. Cand. filos. Sci. Diss. Abstr.]. Makhachkala, 2004, 21.
4. Melikian M. A. Filosofskie versii sovershennogo cheloveka [The philosophical version of the perfect man]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 5 (2013): 309–312.
5. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of gods]. Moscow: Politizdat, 1989, 319–344.
6. Kazakov E. F. *Dusha: metafizika samoopredeleniia* [Soul: the metaphysics of self-determination]. Kemerovo, 2014, 249.
7. Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of humanity]. Moscow: Nauka, 1977, 703.
8. Feuerbach L. *Sushchnost' khristianstva* [The essence of Christianity]. Moscow: Nauka, vol. 2 (1992): 425.
9. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii. 1890–1893* [Complete works. 1890–1993]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, vol. 28 (1955): 1–294.
10. Fichte J. *Fakty soznaniia. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie* [The facts of consciousness. The destiny of man. Naukovej]. Minsk: Kharvest; Moscow: ACT, 2000, 784.
11. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Izd-vo polit. l-ry, vol. 42 (1974): 43–174.

УДК 94(47)/94(520)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1990-Е – 2010-Е ГГ.)

Михаил А. Казаков^{1, @1}, Михаил С. Лысцев^{2, @2}

¹ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

² Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

@1 Kazakov_mihail@list.ru

@2 Mlystsev@gmail.com

Поступила в редакцию 26.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова:

Россия, Япония, безопасность, вооружённые силы, военно-политическое сотрудничество, Курильские острова, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Аннотация: В статье рассмотрены знаковые аспекты военного сотрудничества России и Японии в рамках развития межгосударственных отношений в постсоветский период. Проанализированы основные факторы, влияющие на содержание и интенсивность контактов оборонных ведомств, дана оценка взаимодействию в контексте изменения военно-политической обстановки в северной части Азиатско-Тихоокеанского региона, моделей развития вооружённых сил России и сил самообороны Японии. Процесс сотрудничества в сфере оборонной политики разделен на хронологические этапы, характеристика каждого ставит во главу угла приоритет стабильности в северной части Тихоокеанского региона.

Делаются выводы, что развитие военного сотрудничества России и Японии способно дать позитивные результаты в рамках борьбы с международным терроризмом, нейтрализации неконтролируемых действий в случае негативного сценария событий на Корейском полуострове. Взаимодействие Российской Федерации и Японии в военной сфере и безопасности становится одним из драйверов развития отношений между странами в ближайшее время, наряду с экономической и технологическими сферами, культурным обменом. Процесс военного сотрудничества между государствами, в свою очередь, уже является фактором стабильности в северной части Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для цитирования: Казаков М. А., Лысцев М. С. Военно-политические аспекты российско-японских отношений (1990-е – 2010-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 24–30. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-24-30.

В XXI в. российско-японские межгосударственные военные связи активно развиваются, несмотря на проблему принадлежности Курильских островов и отсутствие мирного договора. Компонент военного сотрудничества при выстраивании отношений России и Японии обретает всё большее значение в условиях изменения баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и новых вызовов в сфере безопасности. Актуальность проблематики российско-японского сотрудничества в военной сфере придаёт растущая субъектность Токио в вопросах развития сил самообороны. (Несмотря на формат военного партнёрства с США, который фиксирует делегирование последним ряда оборонных функций, направленных в том числе и на обустройство собственных мест дислокации).

Однако в настоящее время американский «ядерный зонтик» полностью не может защитить, и Стране восходящего солнца приходится, как говорят эксперты, «страховаться». Реализация потенциала военного сотрудничества РФ и Японии позволяет повысить уровень взаимодоверия, способствует укреплению регио-

нальной безопасности, помогает сформировать новую повестку дня отношений между странами.

История взаимоотношений между Россией и Японией насчитывает свыше 200 лет. Военно-политическая составляющая целиком преобладала в них в первой половине XX в., начиная с соперничества в Цинской империи и Корейской империи, что привело к русско-японской войне 1904–1905 гг., заканчивая капитуляцией Японии в 1945 г. перед союзными державами, в числе которых был Советский Союз. Между этими событиями короткий период союзничества в Первой мировой войне, после которого произошла интервенция на российский Дальний Восток в 1918–1925 гг., вооружённые конфликты эпохи Интербеллума на оз. Хасан и Халхин-Голе, угроза японского вторжения в сложнейшие для нашей страны 1941–1942 гг.

После Второй мировой войны и коренных изменений во внешнеполитической доктрине Японии значение двусторонних отношений с этой страной для СССР существенно снизилось. Токио, которому запрещалось иметь собственные вооружённые силы, более не представлял военной опасности. Статус Япо-

нии для советского военно-политического руководства трансформировался из противника в территорию с высокой концентрацией военной инфраструктуры США. И поэтому в течение 40 лет межгосударственные политические контакты СССР и Японии находились на сравнительно низком уровне, несмотря на наличие торгово-экономических отношений.

Ситуация стала меняться в начале 1990-х гг. СССР, отказавшись от противостояния с Западом, активизировал внешнеполитическую деятельность, пытаясь выстроить партнерские отношения с недавними противниками. В апреле 1991 г. после визита Президента М. С. Горбачева в Японию было подписано совместное заявление, где впервые Советский Союз признал существование территориальной проблемы в отношениях с Японией. Во время визита была озвучена необходимость работы по заключению мирного договора, включающего «разрешение проблемы территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп» [1]. С тех пор вопрос о принадлежности Курильских островов стал для Японии приоритетной темой в рамках отношений с Россией, несмотря на большой потенциал развития связей в экономике, науке, сфере безопасности и военного сотрудничества.

Военные контакты начались в 1993–1994 гг., когда Токийская декларация, подписанная премьер-министром М. Хосокава и президентом Б. Н. Ельциным, создала базу для развития контактов между странами во всех сферах, включая военно-политическую [2]. Тогда же РФ начала демилитаризацию Курильских островов. Согласно заявлениям президента, предполагалось полностью вывести войска с архипелага, оставив на них только подразделения пограничной охраны. Первое практическое двустороннее мероприятие, в разработке которого приняли участие военные эксперты России и Японии – программа демонтажа атомных подлодок Тихоокеанского флота РФ (ТОФ) и утилизации опасного топлива. Формат партнерства обычный для 1990-х гг. – бывшие противники финансировали уничтожение вооружений, доставшихся России в наследство от СССР. В рамках развития двустороннего сотрудничества в первой половине 1990-х гг. был подписан меморандум в области разоружения, нераспространения и утилизации ядерных вооружений. Чтобы помочь в утилизации радиоактивных отходов, в 1993 г. правительство Японии выделило бывшим советским республикам финансовую помощь в размере 100 млн долл., в рамках которой Россия получила 70 млн долл.

В 1996 г. началось военно-техническое сотрудничество России и Японии. Частная японская компания попыталась приобрести в ОКБ «Сухой» два самолета Су-27СК, но российская сторона, заинтересованная в долгосрочном сотрудничестве, не пошла на заключение разовой сделки. В следующем году госкомпания «Росвооружение» и фирма «Мицуи Буссан Аэроспейс» договорились об обучении военных лётчиков из Японии управлению Су-27. Обучение прошло на базе ОКБ «Сухой» и Красноярского ВВУЛ и закончилось в 2000 г.

[3]. Нужно подчеркнуть, что до сих пор военно-техническое сотрудничество РФ и Японии находится на чрезвычайно низком уровне, т. к. главным партнёром по закупкам и разработке вооружений для Страны восходящего солнца по-прежнему остаются США.

Вторая половина 1990-х гг. – период активных российско-японских контактов на высшем уровне, в рамках которых затрагивалась и сфера военного сотрудничества. Например, на саммите в Красноярске (делегации возглавляли президент Б. Н. Ельцин и премьер-министр Р. Хасимото) была достигнута договорённость о регулярных встречах начальника Генштаба ВС РФ и начальника Объединённого комитета начальников штабов Японии. Стороны решили искать в будущем возможности для организации совместных учений подразделений российской армии и сил самообороны для отработки гуманитарных и спасательных операций. В следующем году во время визита нового японского премьера К. Обути в Россию была подписана Московская декларация. В ней говорилось, что стороны, «позитивно оценивая развивающиеся российско-японские контакты в области безопасности и обороны, подтверждают свою готовность к их продолжению и углублению, считая, что такие контакты не только укрепляют доверие и взаимопонимание в двусторонних отношениях, но и способствуют позитивным процессам совершенствования мер доверия и обеспечения транспарентности в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [4].

С конца 1990-х гг. развивается практика взаимных визитов кораблей ТОФ ВМФ РФ и морских сил самообороны в порты Японии и России. Летом 1998 г. прошли первые военно-морские совместные учения по поиску и спасению на море. В 1999 г. состоялась рабочая поездка начальника Управления национальной обороны Японии в Москву, в 2000 г. Японию посетил министр обороны РФ И. Д. Сергеев. Во время визитов стороны признавали необходимость развития контактов, формирования инфраструктуры мер доверия, в частности – между ТОФ и Силами морской самообороны Японии, Дальневосточным военным округом ВС РФ и сухопутными силами самообороны Японии на Хоккайдо [3].

В целом период 1993–2000 гг. – это первый этап в развитии российско-японского военного сотрудничества в постсоветское время. Военные начали с «чистого листа» и впервые за десятилетия «завязали» взаимоотношения, нацеленные на взаимодействие.

Содержание контактов касалось в основном налаживания постоянных каналов коммуникаций. Ни для РФ, ни для Японии военный аспект не был в числе первоочередных: японские партнёры приложили максимум усилий для решения в свою пользу территориального спора вокруг Курил, приоритетом России было привлечение японских инвестиций в экономику, вставшую на рыночные рельсы. Фактически отсутствовала основа для тесного сотрудничества в военной сфере – российские ВС в условиях перманентного сокращения и недофинансирования ослабевали, японские силы самообороны фокусировались на решении

локальных задач поддержания минимального уровня боеспособности.

Потенциал для военно-технического сотрудничества в условиях ориентации японского ВПК на США был ограниченным. Но контактам в военной сфере между РФ и Японией способствовало общее стремление к урегулированию Корейского вопроса и «замораживанию» ядерных программ КНДР. Главным итогом военно-дипломатических усилий стало то, что стороны перестали рассматривать друг друга в качестве противников, о чём свидетельствовали регулярные контакты оборонных ведомств.

Следующий этап в развитии военной компоненты межгосударственного сотрудничества РФ и Японии, по мнению авторов статьи, связан с укреплением внешнеполитического положения РФ и датирован 2000–2011 гг. На этом этапе значение проблематики «северных территорий» для Японии не уменьшилось. Однако, несмотря на накал дискурса, перспектива благоприятного решения Курильского вопроса для Японии стала ещё более неопределённой.

Уход президента Б. Н. Ельцина 31 декабря 1999 г. и избрание в марте 2000 г. президентом В. В. Путина не изменили характер конструктивных отношений между странами. Первый визит В. В. Путина в Японию состоялся в сентябре 2000 г. Во время него были проведены переговоры, посвященные дальнейшему развитию стратегического сотрудничества между Россией и Японией.

Начало XXI в. показало, что в международных отношениях силовые методы вновь оттеснили дипломатию на второй план, что создало условия для расширения пространства конфликтов с возможностью втягивания в них большего количества сторон. В такой ситуации соседние страны, не рассматривающие друг друга в качестве противников, вынуждены активизировать сотрудничество для отработки возможных совместных действий, в том числе и военных.

Взаимодействие Японии и России по вопросам региональной и глобальной безопасности стало интенсивно развиваться в начале «нулевых» годов. Прежде всего, в рамках контактов на высшем уровне, где стороны неоднократно подтверждали приверженность принципам диалога и взаимодействия в вопросах безопасности и военного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 2003 г. во время визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Москву был подписан новый Российско-японский план действий, который определял дальнейшую перспективу развития отношений между странами, в том числе и в оборонной сфере. В этой сфере Москва и Токио наметили взаимодействие в области борьбы с международным терроризмом, что оказалось весьма своевременным шагом (в связи с борьбой против «Аль-Каиды»). Далее – расширения сотрудничества в области контроля над вооружениями, а также по реализации проектов, связанных с демонтажем отслуживших атомных подводных лодок РФ на Дальнем Востоке. Кроме этого, было намечено укреплять двусторонние военные обмены. Для этого

предлагалось наладить регулярные встречи Министра обороны РФ и Начальника Управления обороны Японии, организовать консультации с участием представителей военных структур, продолжать проводить совместные учения и взаимные визиты кораблей стран.

После терактов в Нью-Йорке в 2001 г. Япония безоговорочно присоединилась к международной коалиции по борьбе с терроризмом под эгидой США. Во-первых, страна, где высокая плотность АЭС и химического производства, очень чувствительна к террористической угрозе. Кроме того, участие в коалиции укладывалось в рамки стратегического военно-политического партнёрства с США. Силы самообороны Японии приняли ограниченное военно-гуманитарное участие в деятельности этой группы войск в Ираке и Афганистане, сосредоточившись на логистической и тыловой поддержке партнёров по коалиции.

Как говорилось выше, в повестке российско-японских отношений появилась антитеррористическая составляющая. Во время визита президента РФ В. В. Путина в Японию в ноябре 2005 г. стороны подписали «Программу действий Российской Федерации и Японии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом», что определяло характер взаимодействия стран в этой сфере на двустороннем региональном и глобальном уровнях [5].

Главным раздражителем для Японии в рамках военно-политических контактов с РФ в 2000-е гг. стало интенсивное сотрудничество нашей страны с КНР, выразившееся в поставках российских вооружений в эту страну и проведении совместных учений, масштаб которых превосходил российско-японские. Чрезвычайно непростая история японо-китайских отношений в XX в., а также территориальные споры из-за островов Сэнкаку в богатом нефтью районе Южно-Китайского моря, делают КНР главным соперником Японии. Вполне закономерно, что растущее региональное и глобальное влияние этой державы, в том числе и в аспекте ее военной мощи, заставило японское руководство заняться пересмотром оборонной политики и запустить программу модернизации сил самообороны.

В этой связи охлаждение отношений России и Запада (с США, странами НАТО) никак не сказалось на интенсивности и содержании российско-японских контактов. В том числе и по линии оборонных ведомств продолжились регулярные консультации, обмены делегациями, контакты начальников штабов, совместные военно-морские учения по отработке спасательных операций, взаимные визиты кораблей. Главной целью Японии по-прежнему оставалось решение территориального вопроса. Повестка всего спектра межгосударственных отношений, включая военные контакты, зависела от состояния дел в этой плоскости. При этом российское руководство неоднократно высказывалось, что острова Курильской гряды являются частью России, допуская введение особого преференциального режима для японского бизнеса на Курилах.

В 2010 г. после поездки президента Д. А. Медведева на о. Кунашир (первый визит главы российского

государства на Курилы) и сделанных им заявлений, произошёл самый острый дипломатический конфликт с Японией за весь постсоветский период. Японская сторона отозвала из РФ своего посла, а в местной прессе началась масштабная антироссийская кампания. Премьер-министр Японии Н. Кан назвал визит российского президента «непозволительной грубостью», а министр иностранных дел С. Маэхара сказал, что такая ситуация «ранит чувства японского народа» [6, с. 47].

«Тупик» в курильской проблеме с точки зрения японской стороны не способствовал интенсификации взаимодействия по линии оборонных ведомств: постоянные контакты, встречи и совместные учения стали носить в общем церемониальный характер, призванный подчеркнуть многообразие российско-японской межгосударственной повестки. Вместе с тем значимость развития российско-японских отношений в военной сфере, особенно на фоне реализации программы реформирования ВС РФ, отмечали на рубеже десятилетий даже представители американского командования.

«Укрепление вооруженных сил РФ в Тихоокеанском регионе не направлено именно против Японии. Я думаю, что российские тихоокеанские силы пытаются восстановиться после значительного снижения боеспособности, а Москва намерена и дальше восстанавливать и укреплять вооруженные силы. Я бы предложил проводить военные обмены между вооруженными силами России и Японии, а также продолжать их между Россией и США», – сообщил в 2011 г. глава Тихоокеанского командования вооруженных сил США адмирал Р. Уиллард [7]. Заявление было сделано на фоне активизации походов кораблей ТОФ и полётов российских ВВС в зоне Тихого океана. На тот момент российское военное руководство не заявляло о планах по модернизации вооружений и военной инфраструктуры на Дальнем Востоке.

Необходимо отметить, что в 2000–2011 гг. оборонные ведомства РФ и Японии отработывали потенциал сотрудничества, заложенный еще в 1990-е гг. В военной сфере оно поддерживалось на определённом уровне, об его интенсификации речь не шла: стороны ограничивались инспекционными поездками, информированием друг друга о предстоящих манёврах, ежегодными спасательными учениями военных кораблей.

Очередной этап в военном сотрудничестве двух стран авторы связывают с новым подходом Японии к развитию сил самообороны. Согласно действующей Конституции страны, Япония не имеет вооружённых сил: функции защиты государства делегированы силам самообороны, деятельность которых ограничена в вопросах, не связанных с защитой японской территории. Начало нынешнего столетия поставило перед японскими элитами новые вызовы, которые потребовали пересмотра оборонной концепции и дали старт большой программе развития сил самообороны.

В документе «Основные направления программы национальной обороны» (2011 г.) главное оборонное ведомство Японии выдвинуло задачу создать «динамичные силы обороны» (взамен «сил сдерживания») [8]. Фиксировалось наличие трёх главных угроз. Пер-

вая в юго-западном направлении исходит со стороны КНР, вторая на северном направлении – со стороны КНДР, третья – на северо-восточном направлении со стороны России. Концепция динамичной обороны направлена на пресечение угроз в традиционных пространствах (наземном, водном, воздушном), в космическом и киберпространствах. Главная «новация» японского оборонного документа для РФ состоит именно в обозначении нашей страны в качестве потенциально го противника. Необходимо отметить, что вероятность конфликта с применением вооружённых сил до этого всерьёз не рассматривалась даже японскими «ястребами» в период очередных неудач японской дипломатии по разрешению вопроса о Курильских островах.

В 2011–2012 гг. правительство Японии утвердило план наращивания оборонного потенциала страны. Особое внимание уделяется модернизации и повышению боевых возможностей ВМС, ВВС и ПВО. Усиление обороноспособности Японии до 2018 г. предусматривает повышение расходов на 0,8 % ежегодно, что предполагает утверждение рекордных годовых бюджетов на военные нужды. Для сравнения: расходы на национальную оборону в 2016 г. составили 5 трлн йен [9].

Это обеспечивает то, что на сегодня Япония обладает современной армией, которая способна эффективно решать задачи обороны собственно Японских островов. Кроме того, в 2016 г. были сняты ограничения на использование сил самообороны за пределами Японских островов. Сделав ставку на развитие вооружённых сил, Япония планирует активно действовать как региональная держава, опирающаяся при защите национальных интересов как на дипломатические методы, так и на военно-технические возможности.

Главные «головные боли» японских элит – китайская мощь и непредсказуемость КНДР. Наращивание боевого потенциала Японии рассматривает в качестве основы для углубления военного сотрудничества с нашей страной. После визита премьер-министра С. Абэ в Москву в 2013 г. была достигнута договорённость о запуске двустороннего механизма консультаций министров обороны и иностранных дел в формате «2+2». В том же году Токио посетили С. В. Лавров и С. К. Шойгу. Япония рассматривала данный формат и контакты по линии военных как сохранение необходимой инфраструктуры переговорного процесса по курильской проблематике. На встрече «2+2» российский министр обороны заявил, что ВМФ РФ усилит взаимодействие с группировкой морских сил самообороны Японии в Аденском заливе в рамках борьбы с пиратами.

События, именуемые «украинским кризисом», приостановка членства России в G-8, экономические и политические санкции, наложенные на нашу страну, радикальным образом не повлияли на российско-японские военные отношения. В марте 2014 г. Токио приостановил консультации с Москвой о смягчении визового режима и отложил на неопределённый срок начало переговоров о возможном заключении ряда договоров, в том числе и договора о предотвращении опасной военной деятельности. Были введены санкции в отношении финансовых групп с участием государства, ряда

чиновников и деятелей культуры РФ. Японское правительство резко отреагировало на учения межвидовой группировки РФ Восточного военного округа на Курильских островах [10]. Несмотря на это, в октябре того же года были проведены запланированные ранее военно-морские учения в заливе Петра Великого, в которых приняли участие корабли ТОФ и эсминец сил самообороны «Хамагири» [11].

Политические отношения на высшем уровне возобновились в 2016 г. встречами премьер-министра С. Абэ и президента В. В. Путина в Сочи и Токио. Стороны подписали ряд документов об углублении отношений в сфере экономики, договорились о продолжении совместной хозяйственной деятельности на Курилах. Вопрос о принадлежности последних обсуждался, но, как и раньше, стороны остались на прежних позициях. Что однако не снимало возможности организации «утечек», рассчитанных на определенный всплеск общественного мнения.

Перед началом визита эксперты обсуждали информацию газеты *Asahi*, которая со ссылкой на источник в японском правительстве сообщила, что Япония допускает размещение американских баз на южных Курилах, если острова будут переданы Токио. По словам собеседника издания, во время встречи в Москве на вопрос секретаря Совета безопасности России Н. П. Патрушева о том, будут ли размещены военные базы США на Курильских островах, если те перейдут к Японии, генеральный секретарь Совета безопасности Японии С. Яти ответил, что «такая возможность есть» [12]. Так или иначе, это согласуется с положениями действующей Стратегии национальной безопасности США в важных для них регионах и защитой своих интересов в них при необходимости с применением военных средств, связанных с инфраструктурой партнеров [13, с. 46].

Между тем в марте 2017 г. состоялось второе заседание клуба министров в формате «2+2». «Убежден, что сегодняшняя встреча будет способствовать укреплению дружественных отношений между вооруженными силами двух стран и развитию взаимовыгодного военного сотрудничества. Хотел бы заверить японских коллег в готовности к конструктивной работе по восстановлению военных связей», – сообщил в рамках мероприятия С. К. Шойгу. Он отметил, что у России и Японии есть общие угрозы безопасности, в том числе международный терроризм [14].

Военный эксперт В. И. Мураховский, чье высказывание процитировали РИА «Новости», так прокомментировал возобновление российско-японских военных контактов на высшем уровне: «В наших отношениях нужно отделять политические и экономические вопросы от военных, поскольку в военной области Япония полным суверенитетом не обладает – она следует в фарватере США. Достаточно посмотреть на вопрос размещения средств противоракетной обо-

роны. Кстати, здесь есть нюанс: в отношении северокорейской ракетно-ядерной программы и ее опасности для мира позиции сторон сходятся. Но в вопросе, как купировать этот кризис, каким образом воздействовать на руководство Северной Кореи и какие меры предпринимать, чтобы страна пошла другим курсом, мы расходимся. Япония, в частности, потребовала развертывания американской противоракетной системы на территории Южной Кореи и на своей территории, Токио имеет боевые корабли ПРО, оснащенные многоцелевой автоматизированной системой наведения *Aegis*. Но все равно военные контакты между двумя сторонами надо интенсифицировать» [15].

Параллельно с переговорным процессом Россия усиливает военное присутствие на Курилах. В 2016 г. министерство обороны РФ озвучило программу размещения на островах базы подводных лодок и береговых ракетных комплексов «Бастион» и «Бал». На Курилах будет базироваться вновь сформированная дивизия: уже доставлены танки Т-80, комплексы ПВО «Бук», современные системы связи и радиоэлектронной борьбы, «беспилотники». С большой вероятностью на островах будет построена крупная база для надводных кораблей ВМФ [16]. Помимо этого, модернизируется корабельный парк ТОФ – в строй поступают корветы, фрегаты, подводные лодки. Естественно, эти процессы находятся в зоне самого пристального внимания японских военных.

Представляется, что Курильский вопрос так и останется камнем преткновения в отношениях двух стран на неопределенную перспективу. Несмотря на это, развитие военного сотрудничества России и Японии способно дать позитивные результаты в рамках борьбы с международным терроризмом, обеспечения судоходства в регионе, проведения совместных гуманитарных и спасательных операций, нейтрализации неконтролируемых действий в случае негативного сценария событий на Корейском полуострове. География взаимодействия способна выйти за акваторию Тихого океана, чему, с одной стороны, способствует новая оборонная концепция Японии, рост уровня боеспособности её сил самообороны, с другой – модернизация российских вооруженных сил, которые вернули себе статус глобальных по реальным возможностям ВПК и по силе армии в мире. Диалог с позиций «сильный» говорит с «сильным» способен обеспечить не только гарантии взаимного уважения в оборонной сфере, но и усилить интерес к сотрудничеству по линии военных структур.

Взаимодействие РФ и Японии в сфере безопасности и вооруженных сил может стать одним из драйверов развития межгосударственных отношений, наряду с экономикой, технологиями, культурным обменом. Процесс военного сотрудничества между странами, в свою очередь, уже является фактором стабильности в северной части Тихоокеанского региона.

Литература

1. Из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 г. // Посольство Японии в России. Режим доступа: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1991.html> (дата обращения: 24.12.2017).

2. Токийская Декларация о российско-японских отношениях (Токио, 13.10.1993) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 28.12.2017).
3. Коротченко И. Москва и Токио укрепляют военные связи // Независимое военное обозрение. 08.12.2000. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2000-12-08/1_sergeev.html (дата обращения: 04.01.2018).
4. Московская декларация «Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией» (Москва, 13.11.1998) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901724336> (дата обращения: 05.01.2018).
5. Программа действий Российской Федерации и Японии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом (Токио, 21.11.2005) // Encyclopedia Terroristica. Режим доступа: <http://terroristica.info/node/89> (дата обращения: 10.01.2018).
6. Казаков О. И., Кистанов В. О. Российско-японские отношения в первом десятилетии XXI века: движение вперед или топтание на месте? // Япония наших дней. 2013. № 3. С. 10–59.
7. Ворошилов Д. США советуют Японии развивать военное сотрудничество с РФ // РИА Новости. 27.09.2011. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20110927/444900064.html> (дата обращения: 20.12.2017).
8. Ручкин В. От «пассивной» обороны – к динамичной // Красная звезда. 04.08. 2011. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2011/08/04_08/3_03.html (дата обращения: 25.12.2017).
9. Захарченко И. Военные расходы Японии в 2016 году достигнут рекордной отметки // РИА Новости. 22.12.2015. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151222/1346581097.html> (дата обращения: 21.11.2017).
10. Плясункова Е. Премьер Японии назвал неприемлемыми военные учения РФ в районе Курил // РИА Новости. 13.08.2014. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20140813/1019816731.html> (дата обращения: 12.11.2017).
11. Российско-японские учения начались в Приморье // Военно-промышленный курьер. 28.10.2014. Режим доступа: <https://vpk-news.ru/news/22479> (дата обращения: 21.11.2017).
12. Остались при своих: чем закончился визит Путина в Японию // РБК. 16.12.2016. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2016/5853aab09a794738f4448a55> (дата обращения: 10.01.2018).
13. Казаков М. А., Лысцев М. С. Арктический регион в политике североамериканских государств: история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 44–49.
14. Затари А. Россия и Япония помирились под сакурой // Газета.ru. 20.03.2017. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2017/03/20/10584851.shtml?updated#page1> (дата обращения: 29.11.2017).
15. Военный эксперт: у России и Японии не одна точка соприкосновения // РИА Новости. 20.03.2017. Режим доступа: https://ria.ru/radio_brief/20170320/1490394748.html?inj=1 (дата обращения: 21.11.2017).
16. На Курильских островах появится универсальная база ВМФ России // Военное обозрение. 26.10.2017. Режим доступа: <https://topwar.ru/128161-na-kurilskih-ostrovah-poyavitsya-universalnaya-baza-vmf-rossii.html> (дата обращения: 21.11.2017).

MILITARY AND POLITICAL ASPECTS OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS IN 1990 – EARLY XX CENTURY

Mikhail A. Kazakov^{1, @1}, *Mikhail S. Lyscev*^{2, @2}

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Russia, 603600

² Alexeev Nizhny Novgorod State Technical University, 24, Minin St., Nizhny Novgorod, Russia, 603950

@1 Kazakov_mihail@list.ru

@2 Mlystsev@gmail.com

Received 26.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: Russia, Japan, security, armed forces, military and political cooperation, the Kuril Islands, the Asia-Pacific region.

Abstract: The article considers the most significant aspects of military cooperation between Russia and Japan within the framework of the development of interstate relations in the Post-Soviet period. It features the main factors that influence the content and intensity of contacts between the defense departments. The current study assesses the interaction in the context of the military-political situation in the north of the Asia-Pacific region and the models of the development of the Russian Military Forces and Japan's self-defense forces. The process of cooperation in the field of defense policy has been divided into several chronological stages, but the stability of the region has always remained a priority. It is concluded that further development of military cooperation between Russia and Japan may give positive results in the fight against international terrorism, as well as prevent uncontrolled actions in case a negative scenario unfolds on the Korean peninsula. The interaction of the Russian Federation and Japan in the military sphere

and security is becoming one of the drivers of the development of relations between the countries in the near future, along with economic and technological spheres and cultural exchange. The process of military cooperation between the states, in turn, has already become a factor of stability in the northern part of the Asia-Pacific region.

For citation: Kazakov M. A., Lystsev M. S. Voenno-politicheskie aspekty rossiisko-iaponskikh otnoshenii (1990-e – 2010-e gg.) [Military and Political Aspects of Russian-Japanese Relations in 1990 – Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 24–30. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-24-30.

References

1. *Iz Sovmestnogo sovetско-iaponskogo zaiavleniia ot 18 apreliia 1991 g.* [From the Joint Soviet-Japanese Statement of April 18, 1991]. Available at: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1991.html> (accessed 24.12.2017).
2. *Tokiiskaia Deklaratsiia o rossiisko-iaponskikh otnosheniakh (Tokio, 13.10.1993)* [Tokyo Declaration on Russian-Japanese relations (Tokyo, 13.10.1993)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1902887> (accessed 28.12.2017).
3. Korotchenko I. Moskva i Tokio ukrepliaut voennye sviazi [Moscow and Tokyo strengthen military ties]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie = Independent Military Review*, 08.12.2000. Available at: http://nvo.ng.ru/forces/2000-12-08/1_sergeev.html (accessed 04.01.2018).
4. *Moskovskaia deklaratsiia «Ob ustanovlenii sozidatel'nogo partnerstva mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Iaponiei» (Moskva, 13.11.1998)* [The Moscow Declaration on the Establishment of a Creative Partnership between the Russian Federation and Japan (Moscow, 11.13.1998)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901724336> (accessed 05.01.2018).
5. *Programma deistvii Rossiiskoi Federatsii i Iaponii v oblasti sotrudnichestva v bor'be s terrorizmom (Tokio, 21.11.2005)* [The Program of Action of the Russian Federation and Japan on Cooperation in Combating Terrorism (Tokyo, 21.11.2005)]. Available at: <http://terroristica.info/node/89> (accessed 10.01.2018).
6. Kazakov O. I., Kistanov V. O. Rossiisko-iaponskie otnosheniia v pervom desiatiletii XXI veka: dvizhenie vpered ili toptanie na meste? [Russian-Japanese relations in the first decade of the 21st century: moving forward or trampling on the spot?]. *Iaponiia nashikh dnei = Japan of our days*, no. 3 (2013): 10–59.
7. Voroshilov D. SShA sovetuiut Iaponii razvivat' voennoe sotrudnichestvo s RF [US advises Japan to develop military cooperation with Russia]. *RIA Novosti = RIA News*, 27.09.2011. Available at: <https://ria.ru/world/20110927/444900064.html> (accessed 20.12.2017).
8. Ruchkin V. Ot «passivnoi» oborony – k dinamichnoi [From "passive" defense – to a dynamic one]. *Krasnaia zvezda = Red star*, 04.08.2011. Available at: http://old.redstar.ru/2011/08/04_08/3_03.html (accessed 25.12.2017).
9. Zakharchenko I. Voennye raskhody Iaponii v 2016 godu dostignut rekordnoi otmetki [Military expenses in Japan in 2016 reached a record mark]. *RIA Novosti = RIA News*, 22.12.2015. Available at: <https://ria.ru/world/20151222/1346581097.html> (accessed 21.11.2017).
10. Pliasunkova E. Prem'er Iaponii nazval nepriemlemymi voennye ucheniia RF v raione Kuril [Prime Minister of Japan called the military drills of the Russian Federation in the Kuril region unacceptable]. *RIA Novosti = RIA News*, 13.08.2014. Available at: <https://ria.ru/world/20140813/1019816731.html> (accessed 12.11.2017).
11. Rossiisko-iaponskie ucheniia nachalis' v Primor'e [Russian-Japanese military drills began in Primorye]. *Voenno-promyshlennyi kur'er = Military Industrial Courier*, 28.10.2014. Available at: <https://vpk-news.ru/news/22479> (accessed 21.11.2017).
12. Ostalis' pri svoikh: chem zakonchilsia vizit Putina v Iaponiiu [Left with their own: the end of Putin's visit to Japan]. *RBK = RBC*, 16.12.2016. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2016/5853aab09a794738f4448a55> (accessed 10.01.2018).
13. Kazakov M. A., Lystsev M. S. Arkticheskii region v politike severoamerikanskikh gosudarstv: istoriia i sovremennost' [Arctic region in politics of North American states: history and modernity]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 44–49.
14. Zatari A. Rossiia i Iaponiia pomirilis' pod sakuroi [Russia and Japan reconciled under sakura]. *Gazeta.ru*, 20.03.2017. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/2017/03/20/10584851.shtml?updated#page1> (accessed 29.11.2017).
15. Voennyi ekspert: u Rossii i Iaponii ne odna tochka soprikosnoveniia [Military expert: Russia and Japan have more than one point of contact]. *RIA Novosti = RIA News*, 20.03.2017. Available at: https://ria.ru/radio_brief/20170320/1490394748.html?inj=1 (accessed 21.11.2017).
16. Na Kuril'skikh ostrovakh poiavitsia universal'naia baza VMF Rossii [The universal base of the Russian Navy will appear on the Kuril Islands]. *Voennoe obozrenie = Military Review*, 26.10. 2017. Available at: <https://topwar.ru/128161-na-kurilskih-ostrovah-poyavitsya-universalnaya-baza-vmf-rossii.html> (accessed 21.11.2017).

УДК 94(571.17):325.11«1860/1890»

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАЗЁННЫХ ЗЕМЛЯХ КУЗНЕЦКОГО РЕГИОНА
В «ПОРЕФОРМЕННЫЙ» ПЕРИОД**Алексей Ю. Карпинец^{1, 2, @, *}¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18² Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ naukarpinets@mail.ru

Поступила в редакцию 22.09.2016. Принята к печати 28.10.2016.

Ключевые слова: история Кузбасса, «пореформенный» период российской истории, Мариинский округ Томской губернии, проблемы и особенности миграционных процессов, эволюция и динамика переселенческого движения.**Аннотация:** Предметом статьи стал миграционный процесс на казённых землях Кузнецкого региона (Кузбасса) в «пореформенный» период (вторая половина 1860-х – начало 1890-х гг.). Целью работы было представить сведения об основных проблемах и особенностях переселенческого движения в субрегион. Для этого были проработаны источники и литература, отражающие содержание исследовательской проблемы. Обработка и анализ статистических и нарративных данных, содержащихся в работах А. А. Кауфмана, В. Н. Соболева и др. в целом позволили произвести детальную характеристику процесса. В обобщающих работах по истории Кузбасса соответствующая тематика не получила должного отражения, в связи с чем представленный материал может быть использован в образовательных и научных целях. Автором статьи выделены и охарактеризованы этапы миграционного процесса, продемонстрирована его динамика, показаны особенности по волостям. До середины 1880-х гг. заселение казённых земель Кузнецкого региона, особенно его северо-западной части, проходило довольно активно. В результате здесь возникли десятки новых населённых пунктов, в которых разместились земледельцы из разных губерний Российской империи. С середины 1880-х гг. можно вести начало нового этапа крестьянских миграций на государственные земли региона. Реализуя инициативу МВД, в 1885 г. начал работу Западно-Сибирский отряд по образованию переселенческих участков на казённых землях. В период 1882–1893 гг. на государственных землях Боготольской, Дмитриевской, Алчедатской, Баимской и Почитанской волостей Мариинского округа и Ишимской волости Томского округа Томской губернии в территориальных границах современного Кузбасса было сформировано 40 новых населённых пунктов, 27 из них образовались к юго-востоку от г. Мариинска.**Для цитирования:** Карпинец А. Ю. Миграционные процессы на казённых землях Кузнецкого региона в «пореформенный» период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 31–38. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-31-38.

Пространство Кузнецкого региона (Кузбасса) в пореформенный период (1861–1893) включало государственные (казённые) (прим. авт.: в территориально-административном отношении это Ишимская волость Томского округа и волости Мариинского округа Томской губернии за исключением большей части территории Боготольской волости, которая сегодня относится к Красноярскому краю) и кабинетские земли. Миграция государственных крестьян на казённые земли Западной Сибири, в том числе на территорию северной части Кузнецкого региона, была организована ещё в первой половине XIX в. в целях преодоления кризисных явлений в аграрной сфере государственной деревни. Переселенческий процесс

осуществлялся в небольших размерах permanently, активизируясь в периоды начала XIX в., конца 30-х – начала 40-х гг., конца 40-х – начала 50-х гг. XIX в. [1, с. 20–21; 2, с. 50–85].

Особенно интенсивно заселялись северо-западные территории Кузнецкого региона, расположенные наиболее близко к губернскому центру – г. Томску. В 1810 г. переселенцы образовали здесь д. Верхне-Великосельскую. Около 1815 г. переселенцами-молочниками была основана д. Емельяновка. Тогда же мигрантами из Рязанской и Пермской губерний была сформирована д. Красноярская. В 1822 г. в с. Жарковском расселилось несколько семей – выходцы из Пермской губернии.

* Работа выполнена в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций. Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (0352-2016-004).

Значительный десант переселенцев освоил северо-западную часть современного Кузбасса в начале 1850-х гг. В эти годы мигрантами из Рязанской, Тамбовской и Орловской губерний было основано с. Данковское; крестьянами из Орловской губернии – д. Кайла; мордвинами Пермской губернии – д. Марьевка; крестьянами Курской и Смоленской губерний – с. Судженское; приехавшими из Курской губернии – с. Ольгинское. Переселенцы из Тамбовской губернии сформировали здесь с. Лебедянское, Летяжское, Мало-Песчанское, Камышенское, Троицкое, д. Кирсановку; крестьяне Вятской губернии положили начало д. Красноярской; переселенцами из Тамбовской и Пензенской губерний было основано с. Константиновское и т. д. [3, с. 30–31]. Таким образом, следует признать, что в первой половине XIX в. северо-запад Кузнецкого региона заселялся достаточно продуктивно.

Успех миграционного процесса объяснялся его хорошей организацией. Крестьяне переезжали не отдельными семьями, а целыми обществами на заранее обмеченные участки за счёт казённых пособий. Миграция была полностью контролируема и финансируема Министерством государственных имуществ. Поскольку новосёлы чаще всего образовывали отдельные деревни, то не было никаких конфликтов со старожилами: ни земельных, ни ментальных [4, с. 26–27].

Крестьянская реформа 1861 г. открыла новую страницу переселенческого движения. На наш взгляд, можно выделить 3 этапа в развитии крестьянских переселений на государственные земли региона в пореформенный период: во-первых, 1861–1866 гг.; во-вторых, 1867–1884 гг.; в-третьих, 1885–1893 гг.

После реформы правительство не поощряло миграционную активность населения, тем не менее миграционный процесс по уже сложившейся тенденции достаточно активно развивался. В 1863 г. на землях Почитанской волости Мариинского округа переселенцами из Пензенской губернии были основаны с. Ижморское и д. Воскресенская. В 1865–1866 гг. в Баимской волости бывшими горнозаводскими крестьянами графа Воронцова-Дашкова из Уфимской губернии были сформированы с. Благовещенское, д. Ключевая, Комисаровка и Приметкина. В 1865 г. мигрантами Вятской, Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний в той же волости была образована д. Рубина, а в 1866 г. мигрантами из Вятской губернии была сформирована д. Богданова. Кроме того, в течение первой половины 1860-х гг. крестьяне из Вятской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской губерний приселялись к уже существующим селам Михайловскому и Суловскому, деревням Емельяновке, Красному Яру, Бекету и др. [3, с. 32].

В 1866 г. был принят роковой закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и передаче их в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений». В соответствии с документом отныне государственные крестьяне подчинялись ведению общих и уездных управлений на основании Положения

19 февраля 1861 г. [5, с. 34]. С этого времени правительством прекращалось ежегодное финансирование мероприятий по организации переселенческого движения казённых крестьян на государственные земли, что также было зафиксировано законодательно [6, с. 397–398].

Процесс не прекратился, поскольку он уже «шёл по накатанной», только теперь он стал стихийным и осуществлялся за счёт самих крестьян. Поэтому с 1867 г. без какого бы то ни было правительственного содействия, «на свой страх и риск», переселялись отдельные крестьянские семьи, порой достаточно состоятельные, расселяясь в уже имеющихся селениях. Земли в регионе было ещё достаточно, лишние рабочие руки старожилам не мешали, поэтому они охотно принимали новосёлов. Цена приёмных приговоров со стороны сельских обществ поначалу была минимальной и равнялась зачастую ведру водки «обществу на угощение».

Официально миграции не запрещались, только теперь они не были ни организуемыми, ни финансируемыми, как ранее, к тому же обставлялись рядом формальностей, которые были для большинства крестьян достаточно обременительными, более того, зачастую неподъёмными. Следовало получить от сельского общества увольнительный приговор, для этого как минимум нужно было выплатить все недоимки, посредством «ходоков» зачислить за собой земельный надел на предполагаемом месте водворения и пр., в связи с чем основная масса крестьян предпочитала осуществление переселенческого процесса, минуя официальные предписания, фактически нелегально.

К тому же крестьянская реформа, разрешив одни противоречия, породила другие, в том числе проблему малоземелья, особенно в черноземных регионах страны. Поэтому в пореформенный период миграция за Урал, в том числе на земли Кузбасса, стала для многих крестьян порой единственным действенным средством спасения от окончательного обнищания. В то же самое время с начала 1870-х гг. цена за приёмный приговор в старожильческие сельские общества значительно возросла, и мигранты вынуждены были проживать на новом месте без прописки.

Всё это в конечном итоге привело к тому, что за десятилетие 1867–1876 гг. в Западной Сибири в целом и в кузбасском регионе в частности скопилось значительное количество нелегальных мигрантов, не причисленных ни к одному из сельских обществ. С целью решения проблемы в 1876 г. был издан закон «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени». Согласно документу переселенцы, имевшие увольнительные приговоры от прежних обществ, должны были немедленно причислиться по месту нового водворения и без наличия приёмных приговоров. Тем мигрантам, кто прибыл по временным (отходническим) паспортам или же вообще без документов, предписывалось в срочном и обязательном порядке получить увольнительные свидетельства и причислиться к новому обществу, выплатив имеющиеся недоимки в четырёхлетний срок [7, с. 435].

Дальнейшие попытки государственной власти легализовать и поставить под контроль миграционное движение были связаны с разработкой специального закона, который придавал бы процессу должную организацию. Компромиссный документ появился в 1881 г. под названием «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Документ лишь отчасти регламентировал процесс, гарантировав легальным переселенцам различного рода пособия. Правда, чтобы не вызвать ажиотаж, опубликован он не был и в целом не смог должным образом упорядочить крестьянские миграции, поэтому правительственная работа по решению вопроса продолжалась.

В 1884 г. Александр III одобрил доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого, в котором по сути дела предлагалось возродить практику организации, финансового обеспечения и государственного контроля миграционного процесса на всех его стадиях. В целях практической реализации мероприятий возобновлялось ежегодное финансирование крестьянских переселений на казенные земли [8, с. 42–43]. Таким образом, можно констатировать факт, что после двух десятков лет экспериментов либерального толка государственная власть снова встала на путь этатизма, в том числе и по вопросу миграционной политики.

Подводя итог характеристике миграционных процессов в регионе до середины 1880-х гг., следует признать: заселение государственных земель Кузбасса, особенно его северо-западной части, проходило довольно активно. В результате здесь возникли десятки новых населённых пунктов, в которых разместились земледельцы из разных губерний Российской империи.

Нельзя не отметить некоторые особенности возникших селений.

Во-первых, мигранты, являясь в подавляющей своей массе «рассейскими» пахарями, предпочитали селиться подальше от Сибирского тракта. Они, в отличие от старожилов, практически не занимались извозом и промыслами. Фактически на тракте возник лишь один населённый пункт мигрантов – д. Ключевая Баимской волости.

Во-вторых, прибыв на новое место жительства, новосёлы не боялись в скором времени менять его снова. Основной ценностью для крестьян-хлебопашарей являлась земля, и если она со временем «оскудевала», они перебирались на новое место жительства, в отличие от старожилов, которые, прочно осев на месте, приспособлялись к местным условиям, развивая промыслы [3, с. 34–38].

С середины 1880-х гг. можно вести начало нового этапа крестьянских миграций на государственные земли региона. Реализуя инициативу МВД, в 1885 г. начал работу Западно-сибирский отряд по образованию переселенческих участков на казенных землях. Его деятельность началась с Алчедатской и Боготольской волостей Мариинского округа, где с точки зрения руководителей землеустроительных органов «в пользовании местного населения находился значительный излишек удобных и пригодных для заселения земель» [9, с. 55].

Таким образом, если в предшествующее время колонизировалась в основном северо-западная часть государственных земель Кузнецкого региона, то теперь настал черёд северо-восточной. Работники отряда в первую очередь осуществляли здесь межевание старожильческих 15-десятичных наделов, а затем производили отграничение так называемых «излишних» земель, из которых и нарезали отдельные переселенческие участки.

Отряд приступил к работе в Боготольской волости Мариинского округа. В 1885 г. здесь были отрезаны участки Верхне- и Нижне-Кубитетский, на землях которых впоследствии сформировался пос. Кубитетский, а также участки Урюпинский и Кирсановский, на которых позже возник пос. Ново-Преображенский. В 1887 г. отряд расширил свою деятельность на территории округа. В течение года на северо-востоке Кузнецкого региона готовились к заселению участки Безруковский, Вершино-Сарачевский, Городок, Ивановский, Кудудетский, Курский, Скворцовский, Солдаткинский, Усть-Итатский, на территории которых вскоре возникли пос. Городок, Ивановский, Иркутский, Курский, Мало-Итатский, Ново-Троицкий, Скворцовский, Солдаткинский, Тарасовский. В 1888 г. отряд продолжил работу, формируя участки по р. Чумаю, Инюше, Чебуле, Листвянке, где возникли пос. Преображенский, Карачаровский, Покровский, Орлово-Розовский, Листвянка. В 1889 г. были образованы участки Еловский, Сергинский, Ивановский и др. До 1893 г. здесь был нарезан целый ряд специально подготовленных к заселению участков [10, с. 2–43]. На их территории возникли десятки новых селений, в которых разместились сотни мигрантов – крестьян из европейской части страны, Урала, сибирских регионов.

Домохозяйства мигрантов, расселившихся в старожильческих селениях, изучены лишь частично, в то время как отдельные переселенческие посёлки исследованы достаточно детально. В 1894 г. по поручению томского губернатора Кауфман Александр Аркадьевич произвёл подворное исследование хозяйственного положения переселенцев, водворённых на казенных землях Томской губернии в основном в период второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. [12; 13]. Проанализированные и обобщённые нами результаты этого кропотливого статистического труда представлены ниже.

Таблицы № 1–6 (Населённые пункты мигрантов, сформированные на пространстве Боготольской, Дмитриевской, Алчедатской, Баимской и Почитанской волостей Мариинского округа и Ишимской волости Томского округа Томской губернии в территориальных границах современного Кузбасса в период 1882–1893 гг.) составлены автором данной статьи по следующим материалам: Поселенные таблицы по Мариинскому округу [12, с. 18, 34, 50, 66, 82, 98, 114, 130, 146, 162], Описания посёлков и приселений Мариинского округа [12, с. 33–345], Описания посёлков и приселений Томского округа [13, с. 1–36].

В период 1882–1893 гг. на государственных землях Боготольской, Дмитриевской, Алчедатской, Баимской и Почитанской волостей Мариинского округа и Ишимской волости Томского округа Томской губернии в территориальных границах современного Кузбасса было сформировано 40 новых населённых пунктов (табл. 7). 27 из них образовались к юго-востоку от г. Мариинска, 13 – к северо-западу. Подавляющее количество посёлков (38) возникло здесь с середины 1880-х гг., когда начал работу специаль-

ный отряд по образованию переселенческих участков на казённых землях Западной Сибири. Таким образом, с этого времени возродилась практика министра государственных имуществ П. Д. Киселёва (1837–1856) по организации крестьянских миграций на казённые земли Западной Сибири. В 1882–1886 гг. были основаны 4 селения, в 1891–1893 гг. – также 4. 50 % селений сформировались в 1888–1889 гг.

Таблица 1. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Боготольской волости в 1884–1890 гг.

Table 1. Settlements of migrants in the Bogotolsky area (1884–1890)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1884	1	Чернышова	430	14	444
1888	2	Нижне-Кубитетский	346	64	410
	3	Мало-Итатский	191	8	199
1889	4	Ново-Преображенский	35	88	123
	5	Ново-Троицкий	167	30	197
	6	Покровский	239	190	429
1890	7	Алексеевский	0	263	263
	8	Тарасовский	0	75	75
Всего в посёлках, образованных в 1884–1890 гг.			1408	732	2140
Зафиксировано в старожильческих селениях: Итатском, Макаровой, Ново-Подзорной					55
Всего в новых переселенческих посёлках и в старожильческих селениях					2195

Таблица 2. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Дмитриевской волости в 1885–1890 гг.

Table 2. Settlements of migrants in the Dmitriyevsky area (1885–1890)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1885	1	Ново-Ивановский	262	41	303
1887	2	Городок	80	6	86
	3	Курский	238	0	238
1888	4	Больше-Покровский	670	32	702
	5	Иркутский	47	10	57
	6	Листвянский	282	7	289
1889	7	Знаменский	696	27	723
	8	Рождественский	17	44	61
	9	Успенский	124	67	191
1890	10	Куликовский	0	367	367
Всего в посёлках, образованных в 1885–1890 гг.			2416	601	3017
Зафиксировано в старожильческих селениях: Валериановском, Берчикульской и др.					160
Всего в новых переселенческих посёлках и в старожильческих селениях					3177

Таблица 3. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Алчедатской волости в 1887–1889 гг.

Table 3. Settlements of migrants in the Alchedatsky area (1887–1889)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1887	1	Смоленский	153	43	196
1888	2	Карачарово-Преображенский	226	27	253
	3	Орлово-Розовский	431	45	476
	4	Покровский	580	0	580
1889	5	Ивановский	389	197	586
Всего в поселках, образованных в 1887–1889 гг.			1779	312	2091
Зафиксировано в старожильческих селениях: Верх-Чебулинском, Николаевке и др.					429
Всего в новых переселенческих посёлках и в старожильческих селениях					2520

Таблица 4. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Баимской волости в 1882–1893 гг.

Table 4. Settlements of migrants in the Baimsky area (1882–1893)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1882	1	Тёплая Речка	169	37	206
1889	2	<i>Обояновский</i>	<i>520</i>	<i>77</i>	<i>597</i>
	3	<i>Сандайский</i>	<i>166</i>	<i>277</i>	<i>443</i>
1890	4	Белгородский	223	93	316
	5	Сухаревский	0	337	337
1891	6	<i>Петровский</i>	<i>0</i>	<i>525</i>	<i>525</i>
1893	7	Ермоловский (Ступинский)	0	39	39
<i>Всего в поселках, образованных в 1887–1889 гг.</i>			<i>1078</i>	<i>1385</i>	<i>2463</i>
Зафиксировано в старожильческих селениях: Рубиной, Богдановой и др.					249
Всего в новых переселенческих посёлках и в старожильческих селениях					<i>2712</i>

Таблица 5. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Почитанской волости в 1888–1892 гг.

Table 5. Settlements of migrants in the Pochitansky area (1888–1892)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1888	1	<i>Успенский</i>	<i>470</i>	<i>47</i>	<i>517</i>
1889	2	<i>Ново-Никольский</i>	<i>345</i>	<i>108</i>	<i>453</i>
1890	3	<i>Святославский</i>	<i>0</i>	<i>777</i>	<i>777</i>
	4	Тихеевский	0	172	172
1891	5	Островский	0	247	247
1892	6	Симбирский	0	303	303
<i>Всего в поселках, образованных в 1888–1892 гг.</i>			<i>815</i>	<i>1654</i>	<i>2469</i>
Зафиксировано в старожильческих селениях: Летяжском, Воскресенской и др.					309
Всего в новых переселенческих посёлках и в старожильческих селениях					<i>2778</i>

Таблица 6. Населённые пункты мигрантов, образованные на землях Ишимской волости в 1886–1892 гг.

Table 6. Settlements of migrants in the Ishim area (1886–1892)

Год образования	№ п/п	Наименование населённого пункта	Количество мигрантов, приехавших в населённый пункт		Всего к 1893 г.
			до 1889 г.	в 1890–1893 гг.	
1886	1	Уланковский	279	333	612
1887	2	Мальцевский	276	39	315
1889	3	Ново-Георгиевский (Антон.)	107	0	107
	4	Ново-Покровский	47	171	218
Всего в поселках, образованных в 1886–1889 гг.			709	543	1252

Таблица 7. Динамика формирования населённых пунктов мигрантов на государственных землях региона в 1882–1893 гг.

Table 7. Dynamics of formation of migrant settlements on the royal lands of the region in 1882–1893

Год	1882	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893
Количество населённых пунктов	1	1	1	1	4	9	12	7	2	1	1

За 1882–1893 гг. в возникших посёлках расселилось 13432 крестьян. Кроме того, продолжалась практика поселения мигрантов в старожильческих селениях. В указанный период таковых было 1202 человека. Всего в 1882–1893 гг. на государственных землях Кузнецкого региона поселилось 14634 человека. Значительная масса новосёлов приехала в 1888–1889 гг. Крупнейшими мигрантскими посёлками к 1893 г. стали: Святославский (777 жителей), Успенский (517) и Ново-Никольский (453) Почитанской волости; Знаменский (723) и Больше-Покровский (702) Дмитриевской волости; Уланковский Ишимской волости (612);

Обояновский (597), Петровский (525) и Сандайский (443) Баимской волости; Ивановский (586), Покровский (580) и Орлово-Розовский (476); Чернышовский (444), Покровский (429) и Нижне-Кубитетский (410). В перечисленных населённых пунктах за указанный период поселилось более 50 % мигрантов на государственные земли региона (рисунок 2 составлен автором данной статьи по следующим материалам: Описание посёлков и приселений Мариинского округа [12, с. 33–345]; Описание посёлков и приселений Томского округа [13, с. 1–36]; основа – [14]).

Литература

1. О переселении государственных крестьян в Сибирские губернии и области // Свод законов Российской империи. Ч. II. Свод уставов о благоустройстве в казённых селениях. СПб., 1857. Т. 12. Ст. 76–83.
2. Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). Очерк второй. М., 1902.
3. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1898. Вып. 14. Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. Т. 1. СПб., 1892.
4. Лучшев А. Исторические сведения о заселении и географический обзор Томской губернии. Томск, 1886.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 41 (1866). Ч. 1. З. 42899.
6. О порядке назначения кредитов на переселение крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 41 (1866). Ч. 2. З. 43987.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 51 (1876). Ч. 2. З. 56571.
8. Справка земского отдела МВД о ходе законодательства о переселении и о движении переселенцев в 1887–1892 гг. // Сибирские переселения. Вып. 2. Сб. док. Новосибирск, 2006. С. 38–48.
9. Историческая справка департамента общих дел министерства государственных имуществ об образовании переселенческих участков в Сибири // Сибирские переселения. Вып. 2. Сб. док. Новосибирск, 2006. С. 48–61.
10. Соболев В. Н. Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск, 1913.
11. Кауфман Александр Аркадьевич // Библиотека сибирского краеведения. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/kaufman-aleksandr-arkadevich> (дата обращения: 20.09.2016).
12. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии. Т. I. Ч. I. Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа. СПб., 1895.
13. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии. Т. I. Ч. II. Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Томского округа. СПб., 1895.
14. Анучин В. И. Карта Томской губернии. Томская губернская чертёжная. 1900 // Библиотека Томского областного краеведческого музея. Инв. № 815.

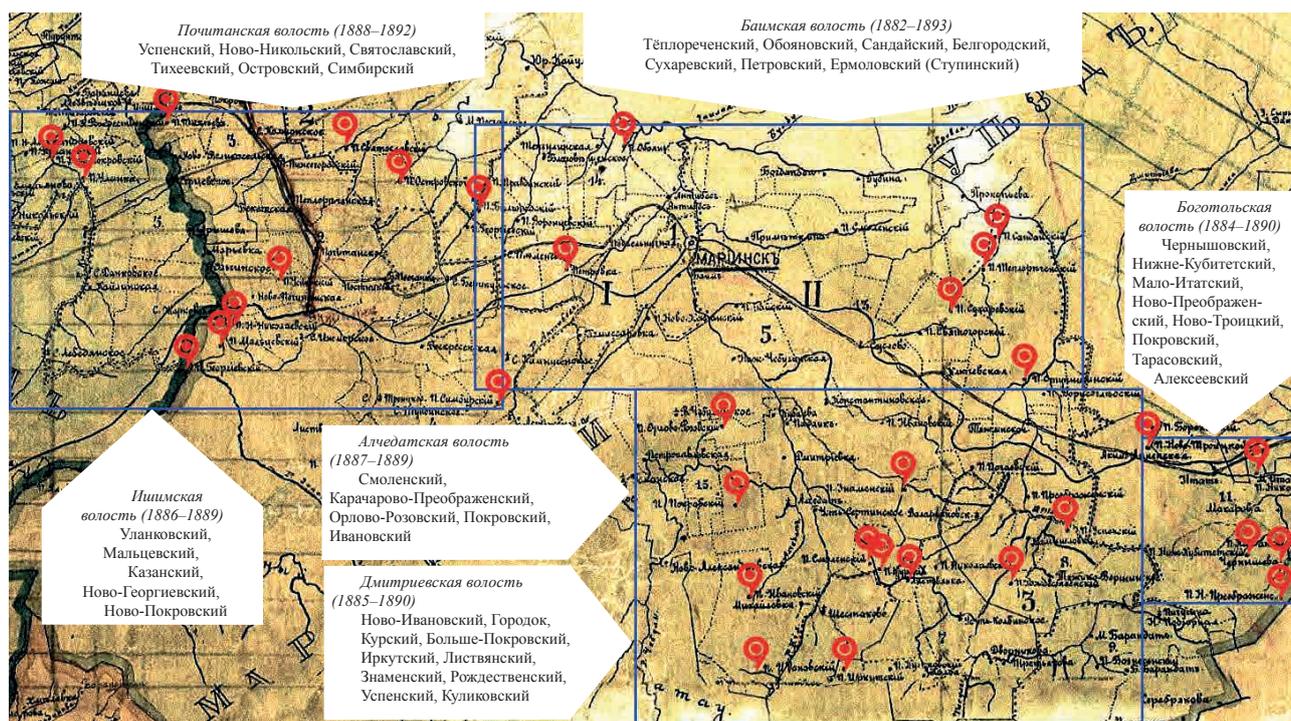

Рис 2. Карта населённых пунктов мигрантов, сформированных на государственных землях в территориальных границах современного Кузбасса в период второй половины 1880-х – начала 1890-х гг.

Fig 2. The map of migrant settlements created on royal lands within the territorial borders of modern Kuzbass in the late 1880s – early 1890s.

MIGRATION PROCESSES ON THE PUBLIC LANDS OF THE KUZNETSK REGION IN THE "POST-REFORM" PERIOD

Alexey Yu. Karpinets^{1, 2, @, *}

¹ The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

² Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@naukarpinets@mail.ru

Received 22.09.2016. Accepted 28.10.2016.

Keywords: history of Kuzbass, post-reform period of the Russian history, Mariinsk district of the Tomsk province, problem and feature of migratory processes, evolution and dynamics of the resettlement movement.

Abstract: The current paper features the migratory process on the state lands in the Kuzbass region in the late 1860s – early 1890s. The purpose of the research is to present data on the main problems and features of the resettlement movement in the subregion. The article reviews a significant amount of sources on the matter. An analysis of the statistical and narrative data obtained from the works by A. A. Kauffman, V. N. Sobolev et al allowed the author to make a detailed description of the process in question. No other summary research on Kuzbass history reflects the subject, thus making it possible to use the current results for educational and scientific purposes.

The author has allocated and characterized the stages of the migratory process, its dynamics and local features. Up to the middle of the 1880s the settling process was quite active on the territory of the modern Kuzbass, especially in its northwest part, which resulted in dozens of new agricultural settlements populated by farmers from all over the Russian Empire. A new stage of country migrations on the royal lands began in the

* The research is carried out within the framework of the scientific program of the SB RAS: XII.190.2 Historical development of Siberia within the Russian state: the role of traditions and innovations. Project: "Creation of an industrial base in the territory of the Kuzbass in the late XIX – first half of XX centuries" (0352-2016-004).

middle of the 1880s. In 1885 the Ministry of Internal Affairs set up the West Siberian group to deal with the resettlement sites on the local state lands. In 1882 – 1893, 40 new settlements were created on the royal lands of Bogotolsky, Dmitriyevsky, Alchedatsky, Baimsky and Pochitansky areas of the Mariinsky district and the Ishim area of the Tomsk district of the Tomsk province (within the territorial borders of the nowadays Kuzbass), 27 of which were to the southeast from Mariinsk.

For citation: Karpinets A. Yu. Migratsionnye protsessy na kazennykh zemliakh Kuznetskogo regiona v «poreformennyi» period [Migration Processes on the Public Lands of the Kuznetsk Region in the "Post-reform" Period]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 31–38. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-31-38.

References

1. O pereselenii gosudarstvennykh krest'ian v Sibirskie gubernii i oblasti [About resettlement of the state peasants to the Siberian provinces and areas]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Ch. II. Svod ustavov o blagoustroistve v kazennykh seleniakh* [Compiled laws of the Russian Empire. Part 2. The set of charters about improvement in state settlements]. Saint-Petersburg, vol. 12 (1857): art. 76–83.
2. Kir'iakov V. V. *Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniia v Sibir' (v sviazi s istoriei zaseleniia Sibiri). Ocherk vtoroi* [Sketches on history of the resettlement movement to Siberia (in connection with history of settling of Siberia). Sketch of the second]. Moscow, 1902.
3. *Materialy dlia izucheniiia ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Zapadnoi Sibiri. SPb., 1888–1898. Vyp. 14. Kaufman A. A. Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian vostochnoi chasti Tomskogo okruga i severo-zapadnoi chasti Mariinskogo okruga Tomskoi gubernii* [Materials for studying of economic life of the state peasants and foreigners of Western Siberia. Saint-Petersburg, 1888–1898. Issue 14. Kauffman A. A. Economic life of the state peasants of east part of the Tomsk district and northwest part of the Mariinsky district of the Tomsk province]. Saint-Petersburg, vol. 1 (1892).
4. Luchshev A. *Istoricheskie svedeniia o zaselenii i geograficheskii obzor Tomskoi gubernii* [Historical data on settling and geographical review of the Tomsk province]. Tomsk, 1886.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire: 2nd collection]. Vol. 41, Part 1 (1866): act 42899.
6. O poriadke naznacheniia kreditov na pereselenie krest'ian [About an order of purpose of the credits for resettlement of peasants]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 41, Part 1 (1866): act 43987.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie II* [Complete collection of laws of the Russian Empire: 2nd collection]. Vol. 51, Part 2 (1876): act 56571.
8. Spravka zemskogo otdela MVD o khode zakonodatel'stva o pereselenii i o dvizhenii pereselentsev v 1887–1892 gg. [The certificate of territorial department of the Ministry of Internal Affairs of the course of the legislation on resettlement and of the movement of immigrants in 1887–1892]. *Sibirskie pereseleniia* [The Siberian resettlements]. Novosibirsk, Iss. 2 (2006): 38–48.
9. Istoricheskaia spravka departamenta obshchikh del ministerstva gosudarstvennykh imushchestv ob obrazovanii pereselencheskikh uchastkov v Sibiri [The historical information of department of common causes of the ministry of state-owned properties about formation of resettlement sites in Siberia]. *Sibirskie pereseleniia* [The Siberian resettlements]. Novosibirsk, Iss. 2 (2006): 48–61.
10. Sobolev V. N. *Kniga obrazovaniia pereselencheskikh uchastkov. 1885–1912* [Book of formation of resettlement sites. 1885–1912]. Tomsk, 1913.
11. Kaufman Aleksandr Arkad'evich [Kauffman Alexander Arkadyevich]. Available at: <http://bsk.nios.ru/-content/kaufman-aleksandr-arkadevich> (accessed 20.09.2016).
12. Kaufman A. A. *Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii. T. I. Ch. I. Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev v poselkakh i priseleniakh Mariinskogo okruga* [Economic position of the immigrants installed on state lands of the Tomsk province. Vol. I. Part I. Economic position of immigrants in settlements of the Mariinsky district]. Saint-Petersburg, 1895.
13. Kaufman A. A. *Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii. T. I. Ch. II. Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev v poselkakh i priseleniakh Tomskogo okruga* [Economic position of the immigrants installed on state lands of the Tomsk province. Vol. I. Part II. Economic position of immigrants in settlements of the Tomsk district]. Saint-Petersburg, 1895.
14. Anuchin V. I. Karta Tomskoi gubernii. Tomskaia gubernskaia chertezhnaia [Map of the Tomsk province. The Tomsk provincial drawing. 1900]. *Biblioteka Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia* [Library of the Tomsk regional museum of local lore]. No. 815.

УДК 94:353(47+57)"18"

ОРГАНИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЛА В СИБИРИ ДО 1896 Г.: НА МАТЕРИАЛАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Татьяна Г. Карчаева¹. @

¹ Сибирский федеральный университет, 660030, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79
@ tkarchaeva@kras-sfu.ru

Поступила в редакцию 19.06.2017. Принята к печати 21.02.2018.

Ключевые слова: нотариат, история дореволюционного нотариата, Енисейская губерния, Сибирь.

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос организации нотариального дела в Енисейской губернии до его реформирования в 1896 г. Приведены сведения, указывающие на то, что «Положение о нотариальной части 1866 г.» было введено на территории Сибири спустя 30 лет после его внедрения в губерниях Центральной России. До этого времени в XVIII в. нотариальные функции исполняли подьячие, приставы и «недельщики», после 1822 г. – чиновники Городских Управ, а в местах, где никакой, кроме полиции, власти не было, например, в городе Туруханске, – служащие Полицейского Управления. Автор отмечает, что развитие дореформенного нотариата в Сибири как самостоятельного правового института произошло в ответ на бурные социально-экономические изменения, происходившие в регионе в конце XIX в. На основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, доказано, что в Енисейской губернии первый нотариус начал работу в городе Красноярске только в 1883 г. и в отличие от Центральной России не был государственным служащим, а избирался городскими органами самоуправления. Профессиональная деятельность частного нотариуса слабо регулировалась со стороны государства, а общество не имело эффективных рычагов воздействия. В этой связи сделан вывод о наличии региональных особенностей организации нотариального дела в Сибири до 1896 г., имевших значение в дореволюционный период Российской истории.

Для цитирования: Карчаева Т. Г. Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 39–45. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-39-45.

Нотариат в дореволюционный период входил в структуру органов государственной власти и при этом имел особое положение, являясь самостоятельным институтом в правовой системе государства. Управление территориями Российской империи отличалось большим разнообразием в силу особенностей их исторического и экономического развития. Исторический аспект организации и функционирования нотариата в последнее время стал самостоятельной темой многочисленных исследований как общероссийской, так и региональной тематики [1–6]. Согласно приведенной информации выделяются работы В. Н. Анева, А. В. Васильева, А. В. Друзяка, А. А. Ерёмченко, В. Н. Маслова, Е. В. Масловой и др., в которых рассмотрены исторические условия развития гражданского оборота, становления и функционирования нотариальных органов [7–11]. Трудно переоценить проект «Золотые страницы Российского нотариата», предпринятый по инициативе президента Федеральной нотариальной палаты А. И. Тихенко в 1990-е гг., благодаря которому опубликована серия книг по истории нотариата в субъектах Российской Федерации [12–16]. Однако нотариальное дело в Сибири не получило достаточного освещения как в англо- и русскоязычной историографии, так и в юридической литера-

туре. Исследователи приводили сведения об истории нотариата в Сибири и Енисейской губернии, в частности, только в тех случаях, когда эти примеры описывали ситуации, типичные для всего государства.

Основной целью представленной работы является выявление организационных основ функционирования нотариального дела в Сибири на примере Енисейской губернии в 1822–1896 гг.

Хронологические и территориальные рамки исследования определены досоветским периодом истории Енисейской губернии, расположенной в Восточной Сибири и состоявшей из пяти округов: Красноярского, Ачинского, Минусинского, Канского, Енисейского; за исключением национальных территорий с инородческой системой местного управления. Нижняя граница – 1822 г. – выбрана исходя из того, что в этот год была образована Енисейская губерния, учрежденная в результате установления особого порядка управления Сибирью по административной реформе М. М. Сперанского. Верхняя граница – 1896 г. – это рубеж, с которого начался период «судебного нотариата» и профессиональных нотариусов.

Источниковой базой работы послужили архивные материалы, поднятые из Государственного архива Красноярского края, законы Российской империи,

местная периодическая дореволюционная печать, комплекс которых в целом позволил рассмотреть вопрос с детальной конкретизацией.

Енисейская губерния в рамках Восточной Сибири входила в число территорий Российской империи, объединенных общим термином «окраины». Уровень экономического развития, культурные и религиозные традиции, способы вхождения в состав Российского государства предопределили использование особой системы государственного и общественного управления в регионе. В XVII–XVIII вв. функции нотариусов в Сибири исполняли местные служащие, находившиеся на государственных должностях: дьяки и подьячие, ведавшие делами в воеводских избах и их столах, а также приставы и «недельщики», выполнявшие функции полиции, суда, общего государственного контроля в допетровском Сибирском царстве [17, с. 82]. Подобная система смешения полномочий действовала в городах как административных центрах Сибирской губернии после административных реформ 1708 и 1724 годов, согласно которым нотариальным делом на территории Приенисейского края, в 1719–1736 гг. выделенного в Енисейскую провинцию, занимались чиновники воеводских канцелярий, а в наиболее отдаленных – Кетском и Мангазейском (Туруханском) уездах, Абаканском и Каинском комиссарствах – служащие земских судов. После губернской реформы Екатерины II, реализованной в Сибири в 1779–1784 гг., территория Приенисейского края вошла в Томскую область Тобольского наместничества, а засвидетельствованием нотариальных дел занимались все также воеводские канцелярии в уездах [18, с. 89]. После введения городского самоуправления (с 1785 г.) крепостные акты, заемные письма, вексельные бумаги и пр. документы регистрировали служащие канцелярий Городских Управ в городах Енисейске, Минусинске, Красноярске [19, с. 3–5]. При всем этом не была решена главная проблема Сибири – так называемая «недоуправляемость», по причине которой многие сделки местных жителей Приенисейского края в XVIII – начале XIX вв. подтверждались при церковных приходах, оформлялись в устной форме при засвидетельствовании на бытовом уровне [20, л. 1; 21, л. 2–43].

В 1822 г. вступило в силу «Учреждение для управления Сибирских губерний» – именной указ Александра I, согласно которому была создана новая система государственной власти, а его главным последствием для Приенисейского края стало учреждение Енисейской губернии – самостоятельной административно-территориальной единицы в рамках Восточной Сибири [22].

Анализ законодательства показал, что с 1822 по 1896 г. в Енисейской губернии обязанности нотариусов в многолюдных и средней людности городах исполняли должностные лица Городских Управ, а в сельской местности – выборные лица Волостных Правлений. В городах надзор за деятельностью Городских Управ осуществляли Городские Думы. С конца XVIII в. города Красноярск, Енисейск, Минусинск, Ачинск, Канск стали центрами по оформлению сде-

лок среди городских и сельских жителей, приписанных к соответствующим округам [22, ст. 119, 125]. Ежегодно в Городскую Думу сдавались на проверку маклерские и нотариальные книги, в которых фиксировались все сделки, совершенные и оформленные по строгим правилам (в книге – по 200 листов гербовой бумаги, на листе – по 75 строк, запрет сокращения слов) [23–25].

В свою очередь, в малолюдных городах Сибири функции по составлению «крепостей», т. е. купчих и закладных свидетельств, а также засвидетельствованию дарственных записей, заемных и наемных писем осуществляли служащие Городской Полиции и Земские Суды. Так, в «суть заштатном» городе Туруханске, расположенном в 800 км от окружного города Енисейска, им был Отдельный Земский заседатель и его секретари, числившиеся при енисейском Окружном Земском Суде, расположенном в городе Енисейске [22, ст. 130–131]. После 1867 г. Земские Суды и Городские Полиции были реорганизованы в Окружные Полицейские Управления, и составление гражданско-правовых актов, требовавших официального засвидетельствования, перешло в их Канцелярии [26].

14 апреля 1866 г. вступило в законную силу «Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части», в связи с которым в Центральной России была введена система, согласно которой «в столицах, губернских и уездных городах, а в случае надобности и в уездах» были назначены Нотариусы, подчинявшиеся в рамках Судебного Округа Старшему Нотариусу, ведавшему Нотариальным Архивом и состоявшему в числе членов Окружного Суда. Заметим, что «в тех городах, местечках, посадах и селениях, где нет Нотариусов, засвидетельствование явки актов, по правилам настоящего Положения, предоставляется Мировым Судьям» [27]. Однако в связи с поэтапным применением нововведений «Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части» в Сибири вступило в стадию реализации одновременно с «Высочайше утвержденными Временными Правилами о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» после 1896 г. [28].

Рост благосостояния населения в городах Енисейской губернии, развитие золотопромышленности и торговли – все это вызвало необходимость решать вопрос введения должности нотариуса и маклера вперед законодательных мер со стороны государства. Необходимость преобразований сводилась к решению проблемы «затянутости» в оформлении гражданско-правовых актов, требовавших официального засвидетельствования. Экономически активное население Енисейской губернии, в основном купечество и золотопромышленники, пользовавшиеся услугами профессиональных нотариусов за Уралом, требовали введения аналогичных структур хотя бы в губернском городе Красноярске. Так, в 1873 г. Господин гласный Городской Думы Е. Г. Гарин предложил избрать на одном из заседаний «Частного Маклера и Нотариуса» в лице И. Н. Архистратова – купца г. Красноярска, «на что Городская Дума постановле-

нием от 17 декабря 1873 г. за № 81 не признала возможным удовлетворить это ходатайство» [29, л. 3].

Основанием отрицательного решения послужило всеобщее ожидание в непродолжительном времени введения в Восточной Сибири новых судебных учреждений, а также нежеланием Городской Думы из казны города оплачивать содержание «Частного Маклера и Нотариуса», ведь чиновники Городской Управы (столоничальники, регистраторы, секретари) и служащие Окружных Полицейских Управлений, уполномоченные на маклерские и нотариальные функции, дополнительно к установленным для них жалованиям никаких сумм не получали. Заметим, что по проекту, разработанному красноярской Городской Управой, оплата работы «Частного Маклера и Нотариуса» не должна была принести материальный урон для городского хозяйства, так как подразумевалась сделной: 25 % – с доходного рубля от каждой пошлины, собранной им при засвидетельствовании или составлении какого-либо акта, а пошлина равнялась 1 % от общей стоимости сделки [29, л. 1–2 об.]. Например, цена продаваемого дома была 800 руб., значит пошлина за составление крепостного акта – 8 руб., а плата нотариусу – 2 руб.

В губернском городе Красноярске должность, называвшаяся «Маклер с обязанностями Нотариуса», была введена красноярской Городской Думой по ходатайству Городского Головы И. И. Токарева и Городской Управы только через 10 лет – 10 июня 1883 г. В качестве основных причин необходимости маклера и нотариуса приводились доводы об ущербе Государевой Казны, возникавшие по причине недобора казенных сборов с большого количества уполномоченных на то лиц, уследить за которыми было трудно. Так, например, губернская Контрольная Палата зафиксировала по красноярской Городской Управе недобор, равный 900 руб., только за 1881 г., что было тогда огромной суммой (пуд свежего мяса говядины первого сорта на базаре стоил 2 руб. 70 коп.) [29, л. 2–5 об.; 30, л. 83]. Красноярский Городской Голова И. И. Токарев объяснил в обращении к Городской думе, что присутствие «Частного Маклера и Нотариуса» для города и его круги будет выгодой и для городской казны. Приводились следующие расчеты: доход Городской Управы за оформление или засвидетельствование гражданско-правовых актов в течение прошедшего трехлетия, 1880–1882 гг., был равен 6836 руб. 46 коп., т. е. средний доход за один год – 2278 руб. 81 коп. При этом расход на Маклера (Нотариуса) составил бы всего 569 руб. 70 коп., а понесенные расходы при отсутствии такового – 700 руб. (на годовое жалование делопроизводителю – 600 руб., рассыльному – 60 руб., на канцелярские расходы, бумагу и свечи – 40 руб.). То есть потерянная выгода Городской Казны была в среднем 130 руб. в год [29, л. 2 об.].

Судя по всему, на должность «Частного Маклера и Нотариуса» претендентов было много. Основным требованием к кандидатуре называлось наличие юридических знаний по «Уставу торговому, уставу о векселях, уставу торговой несостоятельности»,

изданному 1857 г. в 11 томах, среди положений которого спрашивались статьи 2422 и 24444, расположенные в томе IX [29, л. 1–2 об.]. Для сравнения, в губерниях Центральной России для претендентов на должность нотариуса предусматривались экзамены и конкурсный отбор, а также предоставление обязательного денежного залога, который мог быть расходован на покрытие убытков, связанных с претензиями недовольных клиентов. Кроме того, назначенный нотариус давал клятвенное обещание о пользе своего дела для Российского государства.

13 июня 1883 г. «Частным Маклером и Нотариусом города Красноярска» был избран и утвержден 32-летний купец Иван Иванович Парфентьев. Он не предоставлял рекомендаций или залога. Более того, когда при обсуждении гласными его кандидатуры было высказано предложение внести ему денежный залог в размере 500 руб., И. И. Парфентьев оскорбился [29, л. 2 об.]. Как ни странно, но красноярской Городской Думой прописывалось обязательное ручательство родителя за нотариуса. Однако его отец, красноярский мещанин Иван Федорович Парфентьев, отказался ручательствовать за сына, объясняя решение тем, что должность нотариуса является выборной, а выборные чиновники и на более высоких должностях в городе никакого залога никогда не платили [29, л. 19–19 об.; 26].

До введения «Высочайше утвержденного Положения о нотариальной части» и «Высочайше утвержденных Временных Правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири», т. е. до 1896 г., в городе Красноярске после И. И. Парфентьева работали «Частными Маклерами и Нотариусами» Георгий Александрович Ларионов (1889–1895 гг.), Иван Герасимович Новодержкин (1895–1900 гг.), в других городах и поселениях округа продолжали действовать структуры по «Учреждению для управления Сибирских губерний», что, безусловно, было «атавизмом» в условиях модернизации конца 1890-х гг.

Ввиду предстоящего введения судебной реформы на территориях Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области Министр юстиции обратился к иркутскому Генерал-губернатору с просьбой по предварительному соглашению с Председателями Губернских Судов и Председателями Прокурорского Надзора сообщить о необходимом числе нотариусов по городам и иным населенным пунктам в Иркутском Генерал-губернаторстве. Подлинный ответ на этот запрос не известен. Однако есть безымянный черновик ответа, видимо, январь 1897 г. за № 47, смысл которого сводится к истребованию создания Нотариальных Контор в городах Красноярск, Енисейск, Минусинск, Ачинск и Канск. Так была введена на территории Восточной Сибири стройная система российских нотариальных органов по примеру губерний Центральной России [22].

«Высочайше утвержденные Временные Правила о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» определили, что нотариусами могли быть русские подданные, неопороченные судом и об-

ственным приговором и не занимавшие должности в государственной и общественной службе. Обязательным условием назначения на место нотариуса стал залог, предоставляемый им в Окружной Суд и предназначенный для покрытия всех издержек на случай неправомерных действий. Размер залога определялся Министерством Юстиции и Министерством Внутренних дел с учетом местных условий. Так, в городах Санкт-Петербурге и Одессе он составлял 10000 руб., во Владикавказе и Екатеринбурге – по 3000 руб., а например, в городе Канске (апрель 1914 г.) – 1900 руб. Обязательным условием стал и экзамен, сдававшийся в красноярском Окружном Суде на знание законов, что предоставляло право на получение свидетельства для ведения нотариальной деятельности [31, л. 12].

Таким образом, ведение «нотариального дела» на территории Енисейской губернии имело регио-

нальные особенности, которые заключались в наличии отличий от Центральной России. Общей характеристикой для нотариальной системы отдаленной Приенисейской Сибири была ее «недоуправляемость», которая выражалась в отсутствии до 1896 г. специализированных лиц – нотариусов и маклеров, функции которых выполняли государственные служащие Воеводских Управлений, Земского Суда, Городских Управ, Полицейских Управлений и пр., а в отдаленной глубинке при отсутствии возможности добраться до уездного и окружного центра – выборные лица Волостных Управлений или даже священники. Однако местной властью предпринимались попытки приспособиться к меняющимся социально-экономическим условиям, примером которым служит история введения должности «Частного Маклера и Нотариуса» города Красноярска в 1880-е гг.

Литература

1. Андреева Ю. А. История становления Российского нотариата // Нотариус. 2007. № 6. С. 19–22.
2. Звонок С. О., Ахрамеева О. В. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права // Нотариус. 2007. № 1. С. 2–10.
3. Долгов М. А. Нотариат в российском государстве: история и современность. М.: Изд-во РГТЭУ, 2005. 144 с.
4. Скрипилев Е. А. История российского нотариата: протонотариат (институт подьячих), развитие до реформ Александра II, нотариат и судебная реформа 1864–1874 годов // Нотариальный Вестник. 1998. № 9. С. 7.
5. Смыкалин А. С. Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX–XXI вв. в России (часть первая) // Алтайский юридический вестник. 2014. № 8. С. 40–45.
6. Цуканов С. С. Нотариат Российской Империи // Нотариальный вестник. 2011. № 2. С. 59–64.
7. Анев В. Н., Ерёмченко А. А., Самбур С. В. Свет истины: к истокам духовности в нотариате // Нотариальный вестник. 2014. № 3. С. 3–9.
8. Васильев А. А. История нотариата на Алтае. Барнаул: Колибри, 2017. 188 с.
9. Друзяка А. В. Институт российского нотариата на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Научный диалог. 2017. № 3. С. 148–159.
10. Друзяка А. В. История нотариальных учреждений Дальнего Востока в документах российских архивов. 1897–1920 гг. // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 49–61.
11. Ерёмченко А. А. От античности к средневековью: нотариальный акт в контексте формирования доминанта Европейской Цивилизации // История государства и права. 2015. № 24. С. 3–7.
12. Друзяка А. В. История нотариата на Дальнем Востоке России. Т. 1. История нотариальных учреждений на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии в 1897–1922 гг. М.: Федеральная нотариальная палата, 2014. 316 с.
13. Друзяка А. В. История нотариата на Дальнем Востоке России. Т. 2. Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1992 гг. М.: Федеральная нотариальная палата, 2014. 212 с.
14. Маслова Е. В., Еременко А. А. Повесть о Липецком нотариате. М.: Фонд развития правовой культуры, 2011. 176 с.
15. Маслов В. Н., Маслов Е. В. Калининградский нотариат, 1946–2008 годы. В 2 ч. Ч. 1. М.: Фонд развития правовой культуры, 2008. 304 с.
16. Маслов В. Н., Маслов Е. В. Калининградский нотариат, 1946–2008 годы. В 2 ч. Ч. 2. М.: Фонд развития правовой культуры, 2008. 224 с.
17. Гергилев Д. Н. Роль Сибирского приказа в имперской политике управления восточной окраиной Российской империи (1730–1763 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 81–83.
18. Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 88–93.
19. Абрамов Н. А. О бывшем Тобольском наместничестве. 1782–1797 годы. М.: Университетская типография «Катков и Ко», 1869. 8 с.
20. Дело по разным предметам за 1782 г. // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 908. Оп. 1. Д. 1.
21. Книга регистрации входящих документов за 1791 г. на 200 л. // ГАКК. Ф. 908. Оп. 1. Д. 7.
22. Учреждение для управления Сибирских губерний // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Изд. 1. Т. 44. Ч. 1, 2. 20 июля 1822. № 29125.

23. Книга нотариальная для записи векселей и заемных писем, и других документов за 1871 г. на 200 л. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 604.
24. Маклерская книга для записи свидетельств контрактов, договоров, условий и актов за 1873 г. на 200 л. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 672.
25. Красноярская Городская Управа. Распорядительный стол. Дело по ревизии маклерских и нотариальных книг. Начато 30.05.1879, окончено 23.04.1892 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 905.
26. Высочайше утвержденный штат Полицейских Управлений в Сибири // ПСЗ РИ. Собрание 2. 1867. Т. 42. Ч. 1. № 44681.
27. Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части // ПСЗ РИ. Собрание 2. 1866. Т. 41. Ч. 1. № 43186.
28. Высочайше утвержденные Временные Правила о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Собрание 3. 1896. Т. 16. Ч. 1. № 12932.
29. Дело о работе Частного Маклера и Нотариуса Парфентьева, 10 июня 1883 – 8 февраля 1889 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1165.
30. Ведомость о справочных ценах в городе Красноярске на январь 1883 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 635.
31. Финансовый отчет старшего нотариуса Красноярского окружного суда, за 1910–1911 гг. // ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3127.

ORGANIZATION OF NOTARY BUSINESS IN SIBERIA BEFORE 1896: THE YENISEI PROVINCE

*Tatyana G. Karchaeva*¹.@

¹ Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

@tkarchaeva@kras-sfu.ru

Received 19.06.2017. Accepted 21.02.2018.

Keywords: notary, notary companies, public-law institution, Siberia, Yenisei province.

Abstract: The current paper features organization and operation of notaries in Siberia before 1896. The data obtained have revealed that the Statute of Notaries reached Siberia some thirty years after it had been issued in Central Russia in 1866. The article contains information about the development of the history of Notarial Institute in the Yenisei province before and after the Siberian Notary Reform of 1896. It has been concluded that Siberia had regional peculiarities in its management in the pre-revolutionary period of Russian history. In the XVIII century notary functions were performed by clerks, bailiffs and "weeklings", after 1822 – by officials of city councils and police employees (e.g. the city of Turukhansk). The author notes that the rapid social and economic changes in Siberia predetermined the need for the development of the pre-reform notary as an independent legal institution. Archival materials reveal that the first notary began his work in Krasnoyarsk as late as in 1883, and he was not a state servant, the way it was in Central Russia, but was elected by the local municipal authorities; what is more, neither authorities nor society had any influence on his activities. It was concluded that the pre-1896 Siberian notaries had a number of regional features that played their role in the pre-revolutionary period of Russian history.

For citation: Karchaeva T. G. Organizatsiia notarial'nogo dela v Sibiri do 1896 g.: na materialakh Eniseiskoi gubernii [Organization of Notary Business in Siberia before 1896: the Yenisei Province]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 39–45. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-39-45.

References

1. Andreeva Iu. A. Istoriia stanovleniia Rossiiskogo notariata [History of the formation of the Russian Notariat]. *Notarius = Notary*, no. 6 (2007): 19–22.
2. Zvonok S. O., Akhrameeva O. V. Grazhdansko-pravovye i нравstvenno-religioznye aspekty istoricheskogo stanovleniia i razvitiia notariata kak instituta gosudarstva i prava [Civil-law and moral-religious aspects of the historical formation and development of Notaries as an Institution of the state and law]. *Notarius = Notary*, no. 1 (2007): 2–10.
3. Dolgov M. A. *Notariat v rossiiskom gosudarstve: istoriia i sovremennost'* [Notariat in the Russian state: history and modernity]. Moscow: Izd-vo RGTEU, 2005, 144.

4. Skripilev E. A. Istoriiia rossiiskogo notariata: protonotariiat (institut pod'iachikh), razvitie do reform Aleksandra II, notariat i sudebnaia reforma 1864–1874 godov [The history of the Russian notary: protonotaryat (the institution of scribes), development before Alexander II reforms, notary and judicial reform of 1864–1874]. *Notarial'nyi Vestnik = Notary's messenger*, no. 9 (1998): 7.
5. Smykalin A. S. Istoriko-sravnitel'nyi analiz sudebnykh sistem XIX–XXI vv. v Rossii (chast' pervaiia) [Historical and comparative analysis of judicial systems of the XIX–XXI centuries. In Russia, part 1]. *Altaiiskii iuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, no. 8 (2014): 40–45.
6. Tsukanov S. S. Notariat Rossiiskoi Imperii [Notary of the Russian Empire]. *Notarial'nyi vestnik" = Notary's messenger*, no. 2 (2011): 59–64.
7. Anev V. N., Eremenko A. A., Sambur S. V. Svet istiny: k istokam dukhovnosti v notariate [The light of truth: to the sources of spirituality in the Notary]. *Notarial'nyi vestnik" = Notary's messenger*, no. 3 (2014): 3–9.
8. Vasil'ev A. A. *Istoriiia notariata na Altae* [History of Notaries in Altai]. Barnaul: Kolibri, 2017, 188.
9. Druziaka A. V. Institut rossiiskogo notariata na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX veka [Russian Notarial System Institute in Far East in late XIX – early XX Century]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, no. 3 (2017): 148–159.
10. Druziaka A. V. Istoriiia notarial'nykh uchrezhdenii Dal'nego Vostoka v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1897–1920 gg. [History of Notarial Institutions of the Far East in Documents from the Russian Archives: 1897–1920]. *Vestnik arkhivista = Herald of an archivist*, no. 3 (2016): 49–61.
11. Eremenko A. A. Ot antichnosti k srednevekov'iu: notarial'nyi akt v kontekste formirovaniia dominantna Evropeiskoi Tsivilizatsii [From antiquity to the Middle Ages: a notarial act in the context of the formation of the dominant European civilization]. *Istoriiia gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 24 (2015): 3–7.
12. Druziaka A. V. *Istoriiia notariata na Dal'nem Vostoke Rossii. T. 1. Istoriiia notarial'nykh uchrezhdenii na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii v 1897–1922 gg.* [History of notary in the Far East of Russia. Vol. 1. History of notarial institutions in the Far East of Russia and in Manchuria in 1897–1922]. Moscow: Federal'naia notarial'naia palata, 2014, 316.
13. Druziaka A. V. *Istoriiia notariata na Dal'nem Vostoke Rossii. T. 2. Stanovlenie i funktsionirovanie organov gosudarstvennogo notariata na Dal'nem Vostoke Rossii v 1918–1992 gg.* [The history of notary in the Far East of Russia. Vol. 2. Formation and functioning of bodies of the state notary in the Far East of Russia in 1918–1992]. Moscow: Federal'naia notarial'naia palata, 2014, 212.
14. Maslova E. V., Eremenko A. A. *Povest' o Lipetskom notariate* [The Tale of the Lipetsk Notary]. Moscow: Fond razvitiia pravovoi kul'tury, 2011, 176.
15. Maslov V. N., Maslov E. V. *Kaliningradskii notariat, 1946–2008 gody* [Kaliningrad notary, 1946–2008]. Moscow: Fond razvitiia pravovoi kul'tury, part 1 (2008): 304.
16. Maslov V. N., Maslov E. V. *Kaliningradskii notariat, 1946–2008 gody* [Kaliningrad notary, 1946–2008]. Moscow: Fond razvitiia pravovoi kul'tury, part 2 (2008): 224.
17. Gergilev D. N. Rol' Sibirskogo prikaza v imperskoi politike upravleniia vostochnoi okrainoi Rossiiskoi imperii (1730–1763 gg.) [The role of Siberian Department in Imperial policy of administrating the western outlying district of the Russian Empire. 1730–1763]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 330 (2010): 81–83.
18. Gergilev D. N., Dureeva N. S. Rol' reform M. M. Speranskogo v upravlenii Sibir'iu [The role of M. M. Speransky's reforms in the administration of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 413 (2016): 88–93.
19. Abramov N. A. *O byvshem Tobol'skom namestnichestve. 1782–1797 gody* [About the former Tobolsk viceroyalty. 1782–1797]. Moscow: Universitetskaia tipografiia «Katkov i Ko», 1869, 8.
20. Delo po raznym predmetam za 1782 g. [The case in different subjects for 1782]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 908, List 1, File 1, 1782.
21. Kniga registratsii vkhodiashchikh dokumentov za 1791 g. na 200 l. [Book of registration of incoming documents for 1791 for 200 liters]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 908, List 1, File 7, 1791.
22. Uchrezhdenie dlia upravleniia Sibirskikh gubernii [Institution for the management of the Siberian provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First meeting]. 1nd ed., vol. 44 (1822): no. 29125.
23. Kniga notarial'naia dlia zapisi vekselei i zaemnykh pisem, i drugikh dokumentov za 1871 g. na 200 l. [Notarial book for recording bills of exchange and loan letters, and other documents for 1871 for 200 liters]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 161, List 2, File 604, 1871.
24. Makl'skaia kniga dlia zapisi svidetel'stv kontraktov, dogovorov, uslovii i aktov za 1873 g. na 200 l. [The brokerage book for the recording of certificates of contracts, contracts, conditions and acts for 1873 for 200 liters.]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 161, List 2, File 672, 1873.

25. Krasnoïarskaia Gorodskaia Uprava. Rasporiaditel'nyi stol. Delo po revizii maklerskikh i notarial'nykh knig. Nachato 30.05.1879, okoncheno 23.04.1892 g. [Krasnoyarsk City Administration. Disposal table. The case of the revision of brokerage and notary books. Started on 05.30.1879, completed on April 23, 1892]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 161, List 2, File 905, 1879–1892.

26. Vysochaishe utverzhdennyi shtat Politseiskikh Upravlenii v Sibiri [Highest approved police officers in Siberia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Meeting the second]. 2nd ed., vol. 42 (1867): no. 44681.

27. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o notarial'noi chasti [The highest approved Regulation on the notarial part]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Meeting the second]. 2nd ed., vol. 41 (1866): no. 43186.

28. Vysochaishe utverzhdennye Vremennye Pravila o primenenii Sudebnykh Ustavov k guberniiam i oblastiam Sibiri [Highest approved Provisional Rules on the application of the Judicial Statutes to the provinces and regions of Siberia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Collection of the third]. 3rd ed., vol. 16 (1896): no. 12932.

29. Delo o rabote Chastnogo Maklera i Notariusa Parfent'eva, 10 iunია 1883 – 8 fevralia 1889 g. [The case of the work of the Private Broker and Notary Parfentiev, June 10, 1883 – February 8, 1889]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 161, List 2, File 1165, 1883 – 1889.

30. Vedomost' o spravochnykh tsenakh v gorode Krasnoïarske na ianvar' 1883 g. [Statement of reference prices in the city of Krasnoyarsk in January 1883]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 161, List 1, File 635, 1883.

31. Finansovyi otchet starshego notariusa Krasnoïarskogo okruzhnogo suda, za 1910–1911 gg. [Financial report of the senior notary of the Krasnoyarsk Regional Court, for 1910–1911]. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 42, List 1, File 3127, 1910–1911.

УДК 94 (571.51) «1941/43»

ПРОБЛЕМЫ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1941–1943 ГГ. И ВКЛАД В ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ)

Семен В. Кожевников^{1, 2.}@

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

² ООО «РАМикс», 660050, Россия, г. Красноярск, ул. Щорса, 15

@semenk2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: эвакогоспитали, специфика госпиталей, раненые, профессионализм персонала, В. Ф. Войно-Ясенецкий, аморальные поступки, военная дисциплина.

Аннотация: В настоящей статье впервые рассмотрены некоторые ключевые направления деятельности и проблемы функционирования эвакуационных госпиталей города Красноярск и работа всей госпитальной системы Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в статье затронуты ключевые аспекты врачебной, педагогической и научной работы выдающегося хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки), трудившегося в красноярских эвакогоспиталях в 1941–1943 гг. Целью данной статьи является раскрытие основ разнообразной деятельности эвакогоспиталей по лечению раненых с момента их прибытия военно-санитарными эшелонами в город, дальнейшей сортировки и поступления раненых в специализированный или общехирургический госпиталь, а также выделение значения спасительной деятельности профессора-хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого в функционировании системы эвакогоспиталей. Результаты настоящего исследования могут быть использованы историками военного периода, в том числе занимающимися изучением истории медицины военного времени и исследователями биографии В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Для цитирования: Кожевников С. В. Проблемы эвакогоспиталей Красноярского края в 1941–1943 гг. и вклад в их преодоление В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 46–52. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-46-52.

О разнообразной работе красноярских эвакогоспиталей (ЭГ) опубликовано немного работ в виде статей в сибирских, красноярских сборниках [1] и газетах [2]. В них на основании архивных материалов и публикаций кратко представлены результаты исследований авторов по основным видам деятельности эвакуационных госпиталей, освещены проблемы и успехи госпиталей, их адресация, разбивка по корпусам и зданиям, медицинская специализация и т. д. Бегло об этом написано в монографиях и книгах ряда исследователей, также в них подробно описана медицинская деятельность профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого в красноярском эвакогоспитале № 1515. Мы попробуем комплексно рассмотреть формирование и деятельность госпитальной системы Красноярского края, прибегая в основном к архивным материалам, и влияние на эту систему хирурга с мировым именем профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (одновременно иерарх Русской Православной Церкви, архиепископ Лука, причисленный к лику святых в лике святителя, незаслуженно побывавший в трёх ссылках за отказ снять с себя священнический сан (официальные причины, естественно, были другие)), в 1941–1943 гг.

Масштабная и сложная система эвакуационных госпиталей, развёрнутых в городе Красноярске и других населённых пунктах Красноярского края

в годы Великой Отечественной войны, требовала от власти и общественности решать самые разнообразные задачи. Но все решения были направлены к одной цели – к достижению Победы. Нам впервые удалось установить, что в интересующий нас период (1941–1943 гг.) в г. Красноярске было организовано 28 эвакуационных госпиталей, а всего за июнь 1941 – август 1945 гг. на железнодорожную станцию «Красноярск» было доставлено и выгружено 130013 раненых и больных (по данным музея истории Красноярской железной дороги), большинство из которых поступили в город до осени 1943 г.

С началом войны в воинские части и прифронтовые госпитали было мобилизовано большое количество медицинских работников. Как отмечает красноярский исследователь Л. Э. Мезит: «В крае остались 441 местный врач, в том числе 79 ссыльных без паспортов, 183 эвакуированных врача» [3, с. 30]. По данным исследователей Е. Семьиной и Т. Ивлевой, в ряды Красной Армии из Красноярского края были призваны около 300 военнообязанных врачей и большое количество среднего медицинского персонала [4, с. 464]. Из одного только хирургического корпуса, открывшегося в Красноярске в 1940 г., с 23 июня 1941 г. на фронт ушли 58 сотрудников [5, с. 10], что составило больше половины медперсонала корпуса. В октябре 1941 г. на двери повесили

замок, «а рядом объявление: "Все ушли на фронт"» [6, с. 10]. Таким образом, в самом начале работы эвакуационных госпиталей в Красноярске и Красноярском крае отмечался дефицит в квалифицированных кадрах, но время требовало ускорить их подготовку. Дефицит в профессионалах-медиках, а порой и в медицинском инструменте и оборудовании наблюдался на протяжении всего периода работы эвакуационных госпиталей в годы Великой Отечественной войны.

На примере двух крупных, связанных между собой, красноярских эвакуационных госпиталей – № 984, № 1515 – рассмотрим несколько направлений госпитальной деятельности, которые были характерны для других госпиталей края, и некоторые направления, которые выделяли их из всей госпитальной системы региона. Также выделим работу сортировочных госпиталей и спасительный для всех тяжелооболоченных раненых солдат и офицеров труд профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого как диагноста и целителя.

Свою работу в Красноярске эвакуационный госпиталь № 984 начал 27 сентября 1941 г. [7, л. 57], в день, когда город принял первых раненых, прибывших с далёкого фронта военно-санитарным эшелонном. В работе персонала госпиталя не было случаев неправильной постановки диагноза или вредящего больному хирургического вмешательства, хотя случаи смертельного исхода имели место. Эвакуационный госпиталь выделялся ещё тем, что в нём впервые в Красноярском крае применили методы лечения раненых «местными глинами и механотерапию простейшей конструкции, сконструированной и изготовленной силами врачей» [8, с. 421].

По сохранившимся данным фонда краевого отдела здравоохранения госархива Красноярского края мы можем представить, как были организованы курсы по повышению квалификации не только врачей, но и среднего медицинского персонала. Так, приказом начальника эвакуационного госпиталя № 984 К. Н. Сакуна от 12.03.1943 было организовано чтение лекций с целью повышения квалификации среднего медицинского персонала. Лекции по терапии читались доктором Кочановским три раза в месяц: 5, 15 и 25 числа. При этом соблюдалась строгая, военная дисциплина, а ответственность за явку медиков возлагалась на госпитальных начальников отделений, которые должны были вести списки посещения и предоставлять их с докладом начальнику госпиталя, соответственно 6, 16 и 26 числа каждого месяца [9, л. 128 об.].

Подготовка средних медицинских работников госпиталей и повышение их квалификации не прекращались в течение всего периода Великой Отечественной войны. В этом процессе были задействованы местные медицинские школы. «Особенно большую работу провели организации Красного Креста» [10, с. 446].

С большой достоверностью можно утверждать, что курсы повышения квалификации для врачей-хирургов госпиталей г. Красноярска были организованы при активном участии самого высококвалифицированного хирурга профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, который проводил их в здании школы № 10 (2-й корпус

эвакогоспиталя № 1515). По приказам штаба округа и начальников эвакогоспиталей города туда собирались хирурги для обучения и немедленного внедрения полученных знаний в других госпиталях. Учитывая особую ответственность за жизнь раненых солдат и офицеров, контроль за посещаемостью лекций хирургами был строже, чем контроль над дисциплиной медсестёр: врачам официальным приказом начальника госпиталя прогулы ставились на вид. Профессиональную квалификацию медперсонала эвакогоспиталей стимулировали введением социалистических соревнований по медицинским показателям между госпиталями края.

Медицинские критерии, по которым Красноярский краевой отдел здравоохранения оценивал работу эвакогоспиталей, определялись по лечебно-диагностическому, стоматологическому, физиотерапевтическому направлениям и состоянием лечебной физкультуры и трудотерапии. Важнейшее место в работе госпиталей занимала хирургия. Вся хирургическая работа эвакогоспиталей Красноярска определялась двумя главными показателями: квалификацией врачей и спецификацией госпиталя.

Так, эвакуационный госпиталь № 984 был госпиталем общехирургического профиля, который также специализировался на ампутации конечностей. Госпиталь состоял из трёх корпусов, и за период своего функционирования (июнь 1941 – август 1943 гг.) размещался в четырёх зданиях г. Красноярска. Здания были вполне приспособлены под лечебное учреждение, располагались друг от друга на доступном расстоянии, что обеспечивало быстроту коммуникаций между корпусами госпиталя. Среди десятков других госпиталей Красноярска эвакуационный госпиталь № 984 выделялся главным корпусом, располагавшимся в здании общежития лесотехнического института по ул. Карла Маркса, 124. Здание, как и многие другие, имело водопровод, канализацию, электрическое освещение. Вместе с тем помещения главного корпуса госпиталя были непривычно просторными и светлыми, несмотря на то, что в одном здании было четыре отделения корпуса [11, л. 33] и около сотни палат, в которых лежали всего по 3, 4 или 5 человек, чего не было в других госпиталях. Однако при норме 2,5 квадратных метра на человека палаты в корпусе были маленькими – по 12–16 кв. м. Такая маленькая норма на одну койку стала вынужденной, когда в 1941–1942 гг. срочно потребовалось уплотнять эвакогоспитали в связи с большим потоком раненых. Например, ещё в конце июля 1941 г. в обращении УМЭП-49 со ссылкой на командующего войсками СибВО тов. Медведева говорилось: «о допуске нормы на I койку – 4 кв. метра площади, имеется возможность уплотнить <...> эвакогоспитали» по городам Красноярского края [12, л. 83]. Следовательно, в самый пик боевых действий и потока раненых эта норма неуклонно снижалась. Достаточно привести примеры занятости коек в трёх крупных красноярских эвакогоспиталях по состоянию на восемь часов вечера 15 ноября 1942 г.: эвакогоспиталь № 983 – при

допустимом количестве коек 500 было занято 535; ЭГ № 985 – при допустимом количестве 700 было занято 757; ЭГ № 1515 – при допустимом количестве 1000 было занято 1108 коек и т. д. [13, л. 91].

Растущий поток раненых и больных вызвал необходимость усложнить профиль отдельных госпиталей. Так, госпиталь № 984 г. Красноярска с конца июля 1942 г. стал выполнять функции сортировочного госпиталя. («Госпиталь сортировочный (СЭГ) – Г. военного времени, развертываемый в составе госпитальной базы или ее отделения для приема, медицинской сортировки и распределения по лечебным учреждениям данной госпитальной базы прибывающих пораженных и больных» [14, с. 309–310]). Важно отметить, что сортировочных госпиталей в Красноярске и крае не было до 1942 г. «Приказ Наркомздрава о сортировочных эвакуогоспиталях вышел 6 марта 1942 г.» [4, с. 464], а сами сортировочные отделения в госпиталях Красноярского края появились только в июне 1942 г. [15, л. 155 об.], поэтому большого опыта в данной работе у госпитальных медиков Красноярского края не было. Территориально сортировочные госпитали, помимо самого крупного сортировочного отделения в Красноярске, были также организованы в городах края: Канске, Ачинске и Абакане. (Сортировочный госпиталь размещался в крупных населённых пунктах. Этот госпиталь должен быть хорошо оснащённым, обязательно общехирургического профиля, быть приближенным к железнодорожным или водным путям сообщения. На начальника такого госпиталя возлагалась ответственность за распределение раненых по госпиталям на территории в зависимости от тяжести, характера полученного ранения и т. д. В сортировочном госпитале, по прибытии санитарного эшелона, проводилась первичная санитарная обработка).

29 января 1943 г. приказом Крайздраотдела за № 33 по эвакуогоспиталю № 984 в его состав была принята школа № 7 (корпус № 1 эвакуогоспиталя № 1515) от эвакуационного госпиталя № 1515 [9, л. 165]. Также госпиталю № 984 был передан административно-технический персонал 7-й школы: начальники отделений, ординаторы, медицинские сёстры, санитарки, сторожа, повары, рабочие и другие, всего 80 человек [9, л. 154–154 об.]. Из принятого Крайздравом решения мы можем сделать однозначный вывод о том, что эвакуогоспиталь № 984 планомерно готовили к выполнению им исключительно сортировочной функции. Решающим фактором в принятии такого решения было территориальное расположение здания 7-й школы (ул. Профсоюзов, 17 (19)) параллельно линии железнодорожного полотна, рядом с железнодорожным вокзалом, то есть рядом со станцией «Красноярск», на которую и прибывало большинство военно-санитарных поездов с фронта. Кроме того, ведущим хирургом госпиталя № 1515, куда входила указанная школа № 7, был профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий, высокая профессиональная квалификация которого не вызывала сомнений в военно-медицинской среде.

До передачи корпуса эвакуогоспиталя № 1515 госпиталю № 984 и получения им статуса сортировочного госпиталя единственным сортировочным эвакуогоспиталем в г. Красноярске был более отдалённый от железнодорожного вокзала госпиталь. Он располагался в Доме Просвещения (с 1921 г. – Дом Союза работников просвещения и социалистической культуры) по адресу: ул. Кирова, 124. В нём размещались пункт приписки военнотружеников и сортировочно-перевалочный пункт, а «осенью 1941 – весной 1942 годов здесь составляли и выдавали документы по распределению раненых в разные госпитали» [2, с. 3].

По прибытии на красноярский вокзал раненых солдат и офицеров разгружали на санрампе (рампа – наклонная конструкция для обеспечения сообщения между двумя различными уровнями (для подъёма и спуска)) представители Местного Эвакопункта-49 (МЭП-49), после чего раненых транспортировали в сортировочный госпиталь, представителей которого при разгрузке на санрампе не было. В сортировочном госпитале для удобства в работе медиков организовывались два потока: «один для ходящих больных, другой для носилочных» [15, л. 156]. Всем прибывшим раненым делались перевязки, по необходимости менялись гипсовые повязки. С учётом квалификации врачей и необходимости сокращения времени постановки диагноза сортировочным госпиталям была дана установка одновременно выполнять функцию диагностического центра, в котором больным должны были поставить окончательный диагноз. После указанных необходимых мероприятий раненых доставляли в специализированные или общехирургические госпитали [15, л. 157].

Однако, как показала практика работы красноярских эвакуационных госпиталей в первый период войны, диагноз прибывшим с фронта раненым не всегда был установлен верно. Как отмечает доктор медицинских наук, профессор, академик РАМН и РАН Ю. Л. Шевченко: «Правильный диагноз не был установлен <...> до тех пор, пока несчастного больного не осмотрел профессор Войно-Ясенецкий» [16, с. 480] уже непосредственно на месте, в госпитале. При этом, как свидетельствуют данные Крайздраотдела, среднее количество пройденных больными этапов санитарной эвакуации составляли 3–4, минимально – 2, а максимально – 7 этапов [15, л. 157 об.]. Из этого можно заключить, что доставка тяжелораненых солдат и офицеров до тылового Красноярска была нелёгкой. Путь до города занимал от 1 до 3,5 месяцев, а в госпитали края – ещё больше. По данным доклада о работе эвакуационных госпиталей Красноярского края за год Отечественной войны (1941–1942), средняя продолжительность поступления раненых воинов в зависимости от полученных ранений и других факторов составляла 43–127 дней [15, л. 176 об.], предельный же срок поступления составлял 193 дня [15, л. 176 об.], то есть более полугодом. За это время раны успевали нагноиться, что приводило к последующим осложнениям, со многими из которых не могли справиться красноярские хирурги. Единственным

хирургом, кто обладал сорокалетним опытом лечения гнойных заболеваний и кто научно работал над этим направлением врачебной деятельности, был профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий, доставленный из места отбывания ссылки посёлка Большая Мурта Красноярского края в г. Красноярск 30 сентября 1941 г.

За три дня до приезда В. Ф. Войно-Ясенецкого в Красноярск, то есть 27 сентября 1941 г., город принял первых раненых солдат и офицеров. До марта 1942 г. Красноярск принимал раненых из западных областей страны (Новосибирской, Свердловской) и городов (Киров, Тамбов, Горький, Казань и др.), а также с востока страны, например, из Хабаровска получили всех хроников [15, л. 157 об.].

Большинство раненых в период разгрузки тыловых госпиталей поступало с повреждениями опорно-двигательного аппарата, в основном нижних конечностей, что значительно увеличивало сроки лечения (до разгрузки тыловых госпиталей раненые поступали с преимущественным поражением верхних конечностей). Самые тяжелооболые сразу же попадали в поле зрения В. Ф. Войно-Ясенецкого, который не только оперировал, но сразу же старался проводить научные исследования, ставить опыты, позволявшие сохранять конечности раненым. Результаты своих опытов доктор медицинских наук В. Ф. Войно-Ясенецкий оформил в монографии «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» (резекция – «хирургическая операция: удаление части органа или анатомического образования, обычно с соединением его сохранных частей» [17, с. 33]), написанной в Красноярске и напечатанной государственным издательством медицинской литературы «Медгиз» в Москве.

Из анализа текста «Поздних резекций...» видно, что подавляющее большинство прооперированных солдат и офицеров имели ранения в нижние конечности: в коленный сустав – 85 человек, тогда как на плечевом суставе «оперировано 17 больных» [18, с. 82]. 29 из 85 поступили в самый крупный госпиталь № 1515 в тяжёлом состоянии [18, с. 3]. Вместе с тем профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий акцентировал особое внимание на сроках, прошедших от ранения бойца до операции. У профессора они указаны для разных случаев от 1 до 9,5 месяцев, после чего он имел возможность прооперировать больного в госпитале. Пожалуй, самым ярким показателем ответственности и высочайшего профессионализма В. Ф. Войно-Ясенецкого, не боявшегося тяжкой ответственности за летальный исход операции, было требование к себе в госпиталь № 1515 самых безнадежных тяжелораненых. В докладе «О работе эвакогоспиталей Красноярского края за год отечественной войны» по поводу поступления в госпитали нетранспортабельных больных отмечено: «Особенно демонстративным в этом отношении случай поступления в эвакогоспиталь № 1515 больного <...> который умер через 4 часа 20 минут после поступления» [15, л. 158 об.], что свидетельствует о неизменном чувстве долга и понимания хирургом В. Ф. Войно-Ясенецким важности использования последней надежды

для спасения каждого больного, независимо от его состояния, хотя многие раненые прибывали на красноярский вокзал уже в тяжелейшем положении.

Для приёма раненых на вокзале в каждом развернутом эвакопункте при каждом эвакуационном госпитале были организованы сортировочные бригады в составе трёх специалистов. Бригада имела «своим назначением производить сортировку поступающих больных и раненых по отделениям» [12, л. 84] конкретного госпиталя. При этом сортировочная бригада руководствовалась спецификой госпиталей и данными диспетчерской службы. Диспетчерская служба была организована во всех эвакогоспиталях Красноярского края согласно Приказу начальника УМЭП-49 от 28.07.1941 за № 09. В задачу службы входило ведение учёта движения больных и раненых и составление ежедневных донесений о движении коек. Один экземпляр сводки представлялся в Москву, второй – в РЭП-62 (Новосибирск), третий – начальнику сортировочной бригады эвакопункта.

Кроме сортировочных бригад на Красноярском паровозовагоноремонтном заводе (ПВРЗ), который размещался рядом с железнодорожным вокзалом, из молодых женщин и девушек были созданы санитарные дружины, в обязанности которых входила разгрузка военно-санитарных эшелонов по мере их прибытия на станцию «Красноярск». Так, ветеран ПВРЗ Нина Александровна Кочергина вспоминала, как «молоденькие, худенькие девочки носили тяжелейшие носилки с ранеными из вагонов в санитарные машины» [19, л. 1]. На один вагон распределяли всего по несколько человек таких девушек, в распоряжение которых, кроме собственных рук и носилок, прикреплялась заводская санитарная машина [19, л. 2]. Чтобы выгрузить одного раненого воина, требовалось участие как минимум четырёх девушек. Для разгрузки санитарного эшелона «из 12–14 вагонов – теплушек требовалось не менее 30 человек» [2, с. 1].

Раненых солдат и офицеров развозили по госпиталям города и на квартиры. При этом руководство Сибирского Военного Округа требовало от Краевого отдела здравоохранения организовать сортировку и распределение по эвакогоспиталям так, чтобы «каждый раненый мог получить максимальную в самый короткий срок необходимую специальную помощь» [20, л. 102]. Хотя, как на это отвечали из Крайздравотдела 22 ноября 1941 г., «сортировкой ведаёт не Крайздрав, а МЭП 49 и РЭП» [20, л. 102]. Из приведённого примера выяснений отношений двух смежных ведомств по поводу организации сортировки очевидно, что даже в тяжёлое военное время и при строжайшей военной дисциплине нельзя было избежать разногласий на региональном уровне.

Вместе с тем, помимо хорошо организованной, самоотверженной работы персонала и дисциплины в эвакогоспиталях, обращают на себя внимание некоторые факты, указывающие на возможные беспорядки в лечении раненых бойцов. Так, в приведённом выше приказе № 33 по эвакогоспиталю № 984 перечисляются грубейшие нарушения среди личного со-

става и ранобольных: лечебная работа поставлена неудовлетворительно, что привело к заболеванию части ранобольных рожистым воспалением; в предоперационной комнате обнаруживались грязные половые тряпки; в тумбочках ранобольных наблюдалась полная антисанитария; в помещениях госпиталя всюду была паутина и пыль; отмечалось недопустимое соседство ранобольных, выделенных для хозяйственных работ, с прочими ранеными; выделялся крайне низкий уровень трудовой дисциплины личного состава госпиталя; бывали случаи грубого обращения ранобольных с медицинским персоналом и т. д. [9, л. 165]. К сожалению, такие случаи были не единичны. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий также принимал участие в наведении порядка среди персонала и больных госпиталя № 1515. Так, 18 октября 1942 г. он писал старшему сыну Михаилу о дисциплине в госпитале: «Я дошел до очень большой раздражительности и на днях перенес столь тяжкий приступ гнева, что пришлось принять дозу брома <...> возникла судорожная одышка <...> в таких условиях еще никогда не работал» [21, с. 352]. Все эти беспорядки требовали немедленных мер по исправлению ситуации. Хотя учитывая тяжесть военного времени и интенсивный поток раненых с фронта, а также постоянную нехватку квалифицированных кадров и другие причины, такие случаи вполне понятны. Но уже 22 февраля 1943 г. Крайздравотдел и УМЭП-49 констатировали: «Аморальные поступки в госпиталях почти ликвидированы» [22, л. 234].

Однако на этапе формирования госпиталей и в начале их деятельности бывали и прямо противополож-

ные случаи, например, один из корпусов эвакуогоспиталя № 1515 был развёрнут в здании указанной школы № 7 раньше намеченного срока, в чём была заслуга организатора этого непростого процесса Надежды Алексеевны Бранчевской, которую с 7 июля 1941 г. назначили «начмедом уже всего тылового эвакуогоспиталя № 1515» [23, с. 437], в котором она больше года проработала с профессором В. Ф. Войно-Ясенецким.

Таким образом, можно отметить, что разнообразная и сложная работа эвакуационных госпиталей, несмотря на кадровые, материальные, дисциплинарные, межведомственные, профессиональные и другие проблемы, с течением времени только улучшалась: медперсонал получал необходимую квалификацию, организация сортировочных госпиталей способствовала эффективности распределения потоков раненых, военные комиссары госпиталей добивались жёсткой дисциплины. Но главное, госпитали добились серьёзных показателей по спасению раненых солдат и офицеров: «Процент умерших в госпиталях края был небольшим – всего 0,99–1,16 %» [24, с. 114]. А «выписка в строй составляла 70–75 %» [1, с. 120]. Однако не было бы такой эффективной работы хирургов, значительного сокращения числа ампутаций и минимального количества смертельных случаев, и даже степень достоверности в постановке диагноза была бы не такая высокая, если бы не профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (святитель Лука), волей Господа и судьбы оказавшийся в ссылке в глубоком тылу в п. Большая Мурта и доставленный в конце сентября 1941 г. в Красноярск, где излечивал раненых солдат и офицеров Красной Армии до конца 1943 г.

Литература

1. Красноярск – Берлин, 1941–1945: историко-публицистическое краеведческое издание, посвященное 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / редсовет О. А. Карлова и др.; вступ. ст. Л. В. Кузнецова. Красноярск: Поликор. 2010. 445 с.
2. Кечин О. Эвакогоспитали в зданиях Красноярска: «О, камни! Будьте стойкими, как люди!» // Строительные новости и проблемы. 2017. № 68. С. 2–12.
3. Мезит Л. Э. Решение социальных проблем населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2016. 96 с.
4. Семьина Е., Ивлева Т. Эвакуационные госпитали в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Тобольск и вся Сибирь: литературно-художественный, историко-культурологический альманах. Т. 4. Ч. 2. В труде как в бою. Кн. 25: Сибиряки и победа. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2015. С. 463–469.
5. Мотина Л. А. 75 лет назад в Красноярск прибыл первый санитарный поезд с фронта // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2016 год. Красноярск: ГУНБ, 2015. С. 131–135.
6. Шленко Ю. Был город – стал госпиталь // Наш Красноярский край. 2015. № 33. 8 мая. С. 10.
7. Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург) (ФЦАМО РФ) (Архив Военно-медицинского музея Министерства Обороны РФ) (АВММ МО РФ). Ф. 1386. Оп. 67939. Д. 1.
8. Красноярск: от прошлого к будущему: очерки истории города / ред. Г. Ф. Быконя, В. В. Куимов, П. И. Пимашков, В. И. Федорова. Красноярск: Растр, 2013. 635 с.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 967.
10. Аргунова М. Сибирская медицина в годы Великой Отечественной войны // Тобольск и вся Сибирь: литературно-художественный, историко-культурологический альманах. Т. 4. Ч. 2. В труде как в бою. Кн. 25: Сибиряки и победа. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2015. С. 443–450.
11. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 668.
12. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 591.
13. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 564.

14. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т. / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982–1984. Т. 1. 464 с.
15. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552 а.
16. Шевченко Ю.Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб.: Наука, 2007. 623 с.
17. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т. / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982–1984. Т. 3. 512 с.
18. Войно-Ясенецкий В. Ф. Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов. М.: Медгиз, 1944. 96 с.
19. ГАКК. Ф. П-1052. Оп. 1. Д. 121.
20. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822.
21. Поповский М. А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. 528 с.
22. ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 966.
23. Сизых Т. П. Ровесница лихого века (личностно-биографическое повествование). Красноярск: Офсет, 2015. 696 с.
24. Доброновская А. П. Госпитали Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (к постановке проблемы) // Сибиряки и красноярцы в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск: РИО КГНУ, 2000. С. 113–115.

PROBLEMS OF EVACUATION HOSPITALS OF THE KRASNOYARSK REGION IN 1941–1943 AND THE CONTRIBUTION OF V. F. VOYNO-YASENETSKY (ST. LUKA)

Semen V. Kozhevnikov^{1, 2, @}

¹ *Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89, Lebedeva St., Krasnoyarsk, Russia, 660049*

² *ООО "RAMiks", 15, Shchorsa St., Krasnoyarsk, Russia, 660050*

@ *semenk2011@yandex.ru*

Received 15.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: evacuation hospitals, specificity of hospitals, the wounded, professionalism of personnel, V. F. Voyno-Yasenetsky, immoral acts, military discipline.

Abstract: The current paper is the first to present some of the key activities and operational problems of evacuation hospitals in the city of Krasnoyarsk and the whole hospital system of the Krasnoyarsk territory in the first years of the Great Patriotic war. In addition, the paper touches upon the key aspects of the medical, pedagogical and scientific work of the famous surgeon V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka), who worked in Krasnoyarsk evacuation hospitals in 1941 – 1943. The research goal is to reveal the foundations of the diverse activities of evacuation hospitals for the treatment of wounded patients from the moment of their arrival by the military-sanitary trains in the city, further sorting and hospitalization of the wounded into a specialized or General surgical hospital, as well as stressing the importance of the rescue activity conducted by professor and surgeon V. F. Voyno-Yasenetsky in the system of evacuation hospitals. The results of this study can be used by historians of the war period, including those who are involved in the study of history of medicine during the wartime and V. F. Voyno-Yasenetsky's biographers.

For citation: Kozhevnikov S. V. Problems of Evacuation Hospitals of the Krasnoyarsk Region in 1941–1943 and the Contribution of V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka) [Problems of Evacuation Hospitals of the Krasnoyarsk Region in 1941–1943 and the Contribution of V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 46–52. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-46-52.

References

1. *Krasnoyarsk – Berlin, 1941–1945: istoriko-publitsisticheskoe kraevedcheskoe izdanie, posviashchennoe 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Krasnoyarsk – Berlin, 1941–1945: historical non-fiction local history publication, devoted to the 65th anniversary of Victory in great Patriotic war]. Krasnoyarsk: Polikor, 2010, 445.
2. Kechin O. Evakogospitali v zdaniakh Krasnoyarska: «O, kamni! Bud'te stoikimi, kak liudi!» [The evacuation hospitals in buildings of Krasnoyarsk: "O, rocks! Be as firm as people!"]. *Stroitel'nye novosti i problemy = Construction news and problems*, no. 68 (2017): 2–12.

3. Mezit L. E. *Reshenie sotsial'nykh problem naseleniia Krasnoyarskogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The solution of social problems of population in Krasnoyarsk region during the great Patriotic war]. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, 2016, 96.
4. Sem'ina E., Ivleva T. *Evakuatsionnye gosпитali v Krasnoyarskom krae v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Evacuation hospitals in the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War]. *Tobol'sk i vsia Sibir': literaturno-khudozhestvennyi, istoriko-kul'turologicheskii al'manakh. T. 4. Ch. 2. V trude kak v boiu. Kn. 25: Sibiriaki i pobeda. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska* [Tobolsk and the whole of Siberia: literary and artistic, historical and cultural almanac. Vol. 4. Part 2. In labor as in battle. Book 25: Sibiriyaki and victory]. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2015, 463–469.
5. Motina L. A. *75 let nazad v Krasnoyarsk pribyl pervyi sanitarnyi poezd s fronta* [5 years ago the first hospital train came from the front to Krasnoyarsk]. *Krai nash Krasnoyarskii: kalendar' znamenatel'nykh i pamiatnykh dat na 2016 god* [Our Krasnoyarsk Krai: the calendar of significant and memorable dates in 2016]. Krasnoyarsk: GUNB, 2015, 131–135.
6. Shlenko Iu. *Byl gorod – stal gosпитal'* [Once there was a city and then it became a hospital]. *Nash Krasnoyarskii krai = Our Krasnoyarsk Krai*, may 8, no. 33 (2015): 10.
7. *Filial Tsentral'nogo arkhiva Ministerstva oborony RF (voenno-meditsinskikh dokumentov, g. Sankt-Peterburg) (FTsAMO RF) (Arkhiv Voенno-meditsinskogo muzeia Ministerstva Oborony RF) (AVMM MO RF)* [Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (military medical documents, St. Petersburg) (Archive of the Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation)]. Found 1386, List 67939, File 1.
8. *Krasnoyarsk: ot proshlogo k budushchemu: ocherki istorii goroda* [Krasnoyarsk: from the past to the future: essays on the history of the city]. Ed. Bykonja G. F., Kuimov V. V., Pimashkov P. I., Fedorova V. I. Krasnoyarsk: Rastr, 2013, 635.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found R-1384, List 1, File 967.
10. Argunova M. *Sibirskaiа meditsina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. [Siberian medicine during the Great Patriotic war]. *Tobol'sk i vsia Sibir': literaturno-khudozhestvennyi, istoriko-kul'turologicheskii al'manakh. T. 4. Ch. 2. V trude kak v boiu. Kn. 25: Sibiriaki i pobeda. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska* [Tobolsk and the whole of Siberia: literary and artistic, historical and cultural almanac. Vol. 4. Part 2. In labor as in battle. Book 25: Sibiriyaki and victory]. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2015, 443–450.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found P-17, List 1, File 668.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found P-26, List 3, File 591.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found P-26, List 3, File 564.
14. *Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedian dictionary of medical terms]. Ed. Petrovskii B. V. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, 1, 1982–1984, 464.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found P-26, List 3, File 552 a.
16. Shevchenko Iu. L. *Privetstvuet vas Sviatitel' Luka, vrach vozliublennyi* [Saint Luka, the beloved physician, welcomes you]. Saint-Petersburg: Nauka, 2007, 623.
17. *Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedian dictionary of medical]. Ed. Petrovskii B. V. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, 3, 1982–1984, 512.
18. Voino-Iasenetskii V. F. *Pozdnie rezeksii pri infitsirovannykh ognestrel'nykh raneniiakh sustavov* [Late resections for infected gunshot wounds of the joints]. Moscow: Medgiz, 1944, 96.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found P-1052, List 1, File 121.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found R-1384, List 1, File 822.
21. Popovskii M. A. *Zhizn' i zhitie Sviatitelia Luki (Voino-Iasenetskogo), arkhiepiskopa i khirurga* [Life and hagiography of St. Luka (Voino-Yasenetsky), Archbishop and surgeon]. Saint-Petersburg: Satis', Derzhava, 2002, 528.
22. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia* [The State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found R-1384, List 1, File 966.
23. Sizykh T. P. *Rovesnitsa likhogo veka (lichnostno-biograficheskoe povestvovanie)* [Dashing century contemporary (personal-biographical narrative)]. Krasnoyarsk: Ofset, 2015, 696.
24. Dobronovskaia A. P. *Gosпитali Krasnoyarskogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (k postanovke problemy)* [Hospitals of the Krasnoyarsk region during the great Patriotic war (problem statement)]. *Sibiriaki i krasnoiartsy v Velikoi Otechestvennoi voine: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 55-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [The Siberian people and Krasnoyarsk during the great Patriotic war: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 55th anniversary of the Victory of Soviet people in the great Patriotic war of 1941–1945]. Krasnoyarsk: RIO KGNU, 2000, 113–115.

УДК 94:711.2; 711.4; 72.03

СОВЕТСКИЕ МОНОГОРОДА: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПЕЦИФИКА

Марк Г. Меерович^{1, 2, *}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

² Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ЦНИИП Минстроя России НИИТИАГ), 111024, Россия, г. Москва, ул. Душинская, 9
* metark@inbox.ru

Поступила в редакцию 17.01.2018. Принята к печати 21.02.2018.

Ключевые слова: моногород, индустриализация, градообразующее предприятие, расселение, принудительные миграции.

Аннотация: Предметом статьи являются причины и основополагающие принципы, которые в период первой (сталинской) волны индустриализации в СССР привели к массовому появлению монопрофильных промышленных городов, а затем во второй (хрущевской) продолжили существование этого феномена. Цель – доказать, что этот тип поселений – уникальное явление, потому что уникальной была сама хозяйственно-политическая система, в пределах которой они возникали из сугубо специфических программ осуществления промышленной, расселенческой, градостроительной, жилищной, миграционной политики. А также потому, что специфическим, полностью искусственным явлением была сама советская урбанизация, в ходе осуществления которой в приказном порядке возводилась селитба возле промышленных предприятий-новостроек. Методология – сравнительный и критический анализы. Область применения результатов: отечественная история, история советского градостроительства, политология, муниципальное управление. Выводы: советские монопрофильные города были детищем социально-политической, производственной, экономической, командно-административной системы, сформированной советской властью. В период индустриализации они выполняли роль центров производственно-технологических и одновременно административно-территориальных «регионов», выступая ключевыми ядрами системы расселения, а затем – в 1970-е гг. – элементами групповых систем населенных мест (агломераций).

Для цитирования: Меерович М. Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 53–65. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-53-65.

В середине 1920-х гг. партийное руководство СССР выдвинуло цель – формирование самого современного в мире, самого мощного военно-промышленного комплекса (ВПК) для кардинального технического перевооружения и механизации Красной армии. Эта программа получила наименования «индустриализация». В связи с программой индустриализации были поставлены задачи: 1) расширение добычи природных ресурсов для обеспечения тяжелой промышленности и экспорта, с тем чтобы было чем рассчитывать с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий и образцов техники, а также для того, чтобы сделать Европу зависимой от нашего сырья; 2) формирование единой общегосударственной системы энергетической инфраструктуры (для обеспечения расширяющегося военно-промышленного производства электроэнергией); 3) формирование единой транспортной структуры (для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов и живой силы к намечаемым театрам военных действий).

В ходе разработки программы индустриализации в середине 1920-х гг. был осуществлен коренной пересмотр базовых принципов и модели географического

размещения промышленности и характера административно-территориального деления. Было принято стратегическое решение о переносе промышленной базы из европейской части страны на вновь осваиваемые территории: Урал, Сибирь, Север, Дальний Восток. Это решение было предопределено пятью основными причинами.

Первая заключалась в том, что в случае войны для европейской промышленной базы возникали слишком большие риски уничтожения авиацией противника. А вот на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток не могли долететь самолеты ни одного из вероятных противников с европейского театра военных действий, поскольку даже у самых мощных бомбардировщиков не хватало ресурса дальности беспосадочного перелета с учетом необходимости возвращения на аэродромы базирования. Заметим: грядущая война полностью подтвердила эти прогнозы – военно-промышленные производства на Урале и в Сибири ни разу не были подвернуты бомбежкам.

Вторая – формирование принципиально новой энергетическо-производственной доктрины, нежели той, которая была реализована Государственным планом электрификации России (ГОЭЛРО). До рево-

люции российская промышленность основывалась на «паровой» энергии и традиционно располагалась в местах залегания основных энергоносителей: угля, торфа, сланцев, газа, древесины. Руду сюда доставляли, т. к. она занимала значительно меньший объем, чем транспортировка угля. В дореволюционной России в целях выработки паровой энергии также использовались сырая нефть и мазут. Но понимание того, что нефть – ценнейшее сырье для химического производства и в частности для выработки горючего для двигателей внутреннего сгорания, выдвигало требование отказа от использования нефти (и отбрасываемого газа) в качестве топлива для получения паровой энергии и сосредоточения усилий на развитии технологий современной химической переработки.

В послереволюционный период план ГОЭЛРО осуществил практический переход от «паровой» энергии на новый ее вид – электрическую (правда, вырабатываемую за счет тех же энергоносителей: угля, торфа, дров), потому что в отличие от пара ее можно было передавать на значительные расстояния – радиус эффективного расположения промышленных предприятий от источника электроэнергии расчетно определялся в 125 км.

В середине-конце 1920-х гг. проект ГОЭЛРО был кардинально переработан – новая промышленно-энергетическая политика основывалась на максимальном отказе от торфа, угля, дров, нефти в качестве топлива и переходе на гидроэнергию. Т. е. программа индустриализации основывалась на новой стратегии энергетического обеспечения промышленности страны на базе прежде всего гидроэлектростанций, а не тепловых. А поскольку реки Урала и Сибири несли колоссальную мощь природной стихии, то туда и обратились взоры разработчиков программы индустриализации, тем более что эти территории были богаты уже разведанными месторождениями.

Размещение новой промышленности в Сибири и на Урале позволяло приблизить промышленное производство к местам добычи сырья, а это означало сильно сэкономить на его перевозках. В уменьшении транспортного плеча заключалась третья причина смещения «эшелонов» военно-промышленного производства вглубь страны, ближе к природным ископаемым и источникам электроэнергии, поскольку готовую продукцию перевозить было несоизмеримо выгоднее, чем таскать по территории страны миллионы тонн руды, угля, древесины, нефти.

Четвертая причина была связана с решением верховной власти об «автаркии» – автономном и самодостаточном, изоляционистском развитии страны. Это был итог широко обсуждавшегося в период разработки программы индустриализации вопроса об отношении к мировой системе разделения труда; о степени включения экономики страны в мировую экономику, в производственную кооперацию с другими странами. Если следовать заповедям Д. И. Менделеева (сформулированными почти за 30 лет до этого), то промышленность в целях максимально полноценного включения в мировую систему разделения труда нужно было располагать

ближе к морским и речным портам для формирования более тесных торговых связей с соседними странами.

Но вопрос включения СССР в мировую систему разделения труда создавал ряд очевидных проблем. В частности, потому что в случае войны это ставило страну, находящуюся в зависимости от поставок стратегического сырья, комплекующих и проч. в катастрофическую ситуацию разрыва и утраты производственно-технологических связей. Руководство СССР в качестве «субъекта» развития страны рассматривало исключительно советское государство, а не возрожденных с введением НЭП предпринимателей. Иностранские концессии (иностранские предприниматели) были выдворены из СССР вместе со сворачиванием НЭП, а поскольку руководство Советского Союза считало новую мировую войну неизбежной, постольку чтобы не оказаться в случае ее начала в катастрофической зависимости от «поставщиков» и «партнеров», было принято стратегическое решение о максимально полном выключении СССР из системы международного разделения труда.

Пятая причина основывалась на выводах анализа, проведенного по заданию Госплана еще на начальных этапах разработки программы индустриализации, который показал, что реконструировать имеющиеся в России промышленные предприятия бессмысленно, потому что технологии и жестко связанные с ними корпуса промышленных предприятий безнадежно устарели, новые технологии требуют других площадей, пространственных решений цехов, принципиально иных типов зданий. Было принято решение дать возможность старым промышленным предприятиям доработать до полной амортизации оборудования и цехов, постепенно выводя трудовые ресурсы на новые производства, которые должны возводиться на основе новейших технологий, закупаемых на Западе. И лучше если строиться они будут на пустом месте, без обременения старыми строениями, инфраструктурой, подъездными путями и проч. Таким образом, решение о заимствовании оборудования и технологий было результатом осознания факта хронического технологического отставания СССР от зарубежных стран. Выбор стратегии «догоняющей индустриализации» позволил Советскому Союзу сэкономить 10–15 лет в своем развитии за счет использования и приспособления достижений мировой техники и технологии.

Для строительства новых фабрик и заводов, для разворачивания неразрывно связанных с промышленностью зон ресурсодобычи, возведения энергетических, транспортных объектов, предприятий первичной переработки сырья, формирования ареалов производства сельскохозяйственной продукции (для обеспечения едой заводских рабочих и членов их семей) и проч. нужны были значительные массы трудоспособного населения. Госплан определял потребность первой пятилетки в рабочей силе в размере 10 млн человек. Но поскольку плотность заселения Сибири и Дальнего Востока была исчезающе малой (менее 0,5 человек/га), то взять эту рабочую силу на местах было неоткуда. Поэтому власть вынуждена была разрабатывать

мероприятия по перемещению на осваиваемые территории крупных масс трудовых ресурсов.

А это означало строить здесь же – на пустом месте, новые рабочие поселения для размещения перемещаемых сюда трудовых ресурсов. Причем не просто рабочие поселки, а целые города, поскольку мощность фабрик и заводов-новостроек требовала концентрации вокруг себя трудовых ресурсов в количестве 50–100–200–300 тыс. человек. Собственно, в этом и заключалась расселенческая политика советской власти сталинского периода, воплотившаяся в создании структуры соцгородов-новостроек (моногородов) подле промышленных заводов-гигантов.

Моногорода первых пятилеток возникали:

а) рядом с местами залегания природных ископаемых – сырья (Магнитогорск, Новокузнецк, Каспийск, Байкальск и др.);

б) как поселения при военных заводах и предприятиях-дублерах заводов ВПК (Алексин, Юрга и др.);

в) как пригородные поселки возле крупных городов, рядом с которыми возводились новые промышленные объекты (Верхний Уфалей, Чебаркуль, Авиаавод – Второй Иркутск и т. п.);

г) подле перерабатывающих комбинатов, а также на основе разросшихся рабочих поселков (пристанционных, рудниковых, торфодобывающих, угледобывающих и проч.) (Краснотурьинск, Медногорск, Сясьстрой, Ковдор и проч.);

д) как поселения при электростанциях (Суворово; Балахна и др.);

е) в местах перевалки грузов с одного вида транспорта на другой (например, поселения при сортировочных, грузовых станциях, складских базах государственного значения, речных портах и т. п.) (Луза, Октябрьский, Архангельской области и проч.);

ж) в результате слияния нескольких рабочих поселков (Анжерка и Судженка, Вичуга и т. п.);

з) как исторические поселения, в которых перепрофилировались под военно-оборонное назначение, расширялись существовавшие промышленные предприятия или возводились новые (Сим, Павлово и т. п.).

Особенность советской урбанистической политики заключалась в том, что рабочая сила перемещалась в возникающие моногорода, во-первых, планомерно – в количестве, predetermined расчетами потребной ее численности в соответствии с мощностями и трудоемкостью градообразующих промышленных предприятий, а во-вторых, преимущественно принудительно – советская власть отказалась от стимулирования людей к перемещению на новые места обитания за счет приманивания созданием лучших условий жизни, нежели в существовавших городах. «Материальная заинтересованность» и «прельщение комфортом» были заменены на «трудо-мобилизационное принуждение».

В целом контингенты рабочей силы (составлявшие население моногородов-новостроек) по типу миграций можно подразделить на пять категорий: 1) добровольные – приезжавшие по найму, по велению сердца; 2) добровольно-вынужденные – вынужденные покидать существующие города; 3) добровольно-принудитель-

ные планомерно-мобилизационные переселения (расселение демобилизованных красноармейцев, направление специалистов и квалифицированных работников, направление по комсомольским путевкам, оргнабору и проч.); 4) принудительные (депортации; спецпереселения); 5) репрессивные (распределение заключенных по сети трудовых колоний и лагерей) (таблица 1).

Другой важнейшей задачей, которую вынуждена была практически решать власть, являлась соорганизация крайне разнородного населения моногородов в упорядоченные и управляемые массы. В основу организационно-управленческой доктрины, избранной властью, было положено административно-территориальное структурирование населения и управление им по производственному принципу. В рамках этой доктрины первичной ячейкой социума должны были выступать не отдельный человек или семья, а очень специфическая единица – трудо-бытовой коллектив. Этот коллектив людей, трудящихся на одном производственном предприятии или советском учреждении и живущих вместе в условиях вынужденной взаимной координации не только трудовых процессов и отношений, но и бытовых, predetermined коммунальным сосуществованием. Данная доктрина была реализована с первых дней прихода к власти большевиков и в первые же годы существования новой власти привела к массовому возникновению в существовавших городах феномена коммунальной квартиры – жилого помещения, куда уплотнительно (покомнатно-посемейно [12; 13]) вселялись рабочие одного завода или сотрудники одного учреждения).

Производственно-бытовая среда сознательно и целенаправленно превращалась властью в механизм дисциплинирования и принуждения населения к труду. Однако здесь сразу же возникли серьезные трудности, потому что люди стремились выскользнуть из-под внешнего прессинга. Они не желали дисциплинироваться; не хотели меняться; не испытывали восторга от предписываемой им необходимости «вырабатывать в себе нового человека». Они пили водку, прогуливали, «лодырничали», «лоботрясничали», бросали работу. И даже пытались обеспечивать себя пропитанием за счет нетрудовых доходов.

Все эти явления вызывали у власти желание неразрывно «впаять» каждого отдельного человека в тот или иной трудовой коллектив, единственно способный осуществить «социально-культурную переработку» за счет воздействия товарищей по работе и одновременно соседей по повседневному обитанию.

Механизмом включения людей в производственные коллективы стала «распределительная система». Через нее распределялось все, что составляло «жизненный прожиточный оптимум» – продукты, товары, услуги, льготы по старости и выслуге, пособия по инвалидности, текущее медицинское обслуживание, досуг, получение рабочей профессии и образования. Вне ее человек фактически был лишен возможности прокормить себя и свою семью. Именно эта система была выбрана властью в качестве способа привязки человека к производству, потому что вынуждала людей

крепко держаться за место работы и терпеть все, что связано с пребыванием в качестве члена трудо-бытового коллектива, т. к. ее блага распространялись исключительно на членов такого коллектива.

В трудовом коллективе власть видела основную форму тотального контроля над повседневным трудовым и бытовым поведением людей; способ управления огромными человеческими массами, отрываемыми от земли и приводимыми в движение коллективизацией, опротестариваемыми на существовавших фабриках и заводах, в строительстве и перемещаемыми на строй-

ки пятилетки. Она использовала данную форму как эффективное средство принуждения к качественному труду, требуемому образу жизни, послушанию и подчинению и т. п. Именно поэтому эта доктрина была положена в основу урбанизационных процессов периода индустриализации и повсеместно реализовывалась при строительстве моногородов, только в значительно больших масштабах, нежели в первое десятилетие революции, когда новое жилище практически не строилось, а трудоспособное население размещалось за счет уплотнение существовавшего жилого фонда.

Таблица 1. Категории трудовых ресурсов (населения) моногородов

Table 1. Categories of manpower (population) in monocities

Части населения	Виды миграций	№ п/п	Категория трудовых ресурсов	Характеристика
Вольнонаемная часть населения моногородов	Добровольные миграции	1	Вольнонаемные	По комсомольским путевкам, а также привлеченные возможностью получить на стройках пятилетки хоть какое-то жилище, потому что в существовавших городах обрести новое жилище было практически невозможно.
		2	Молодые девушки и женщины в рамках Хетагуровского движения	Призыв Валентины Хетагуровой к девушкам ехать на Дальний Восток. «В начале сороковых годов в Комсомольске-на-Амуре на одну девушку приходилось около 300 парней. В течение двух лет только в этот город приехало почти 8 тысяч «девушек-хетагуровок». Уже к осени 1937 г. на Дальний Восток прибыли 11500 комсомолок, в том числе 50 инженеров, 550 техников, 20 врачей, 400 медработников со средним специальным образованием, 140 агрономов, 300 зоотехников, 380 учителей, 800 культработников, 300 шоферов, 1100 токарей, слесарей и электромонтеров, 1100 счѐтных работников. Девушки направлялись в самые отдалѐнные уголки восточной части СССР, работали в школах, больницах, на корчѐвке тайги и валке леса, а также на рыболовецких промыслах» [1].
	3	Вольнонаемные сезонные рабочие с последующим «добровольно-принудительным» удержанием	Например, на строительстве Сталинградского тракторного завода осенью 1929 г. в строительстве участвовало значительное количество артели (более 4 тыс. человек). Артели работали сезонно, на зиму разъезжаясь по домам. Заключенные с ними договора истекали в ноябре. Руководство Тракторостроя планировало осуществлять строительные работы круглогодично и партком принял решение удержать строителей-сезонников – закрепить их на стройке, сделав их кадровыми рабочими. Прежде всего нужно было нейтрализовать подрядчиков, которые стояли во главе артелей – это «они подписывали договора и фактически были хозяевами артели, держали ее в своих руках», а они открыто призывали сезонников на уход со стройки. Борьба за преобразование артелей в постоянные производственные бригады разгорелась не шуточная – во-первых, подрядчиков объявили «кулаками» и припугнули репрессиями, во-вторых, артелям задержали выплату денег и тем самым сорвали их отъезд, потому что возвращаться домой без денег они не могли, в-третьих, им посулили большие заработки за работы в зимний период. В конце концов, большая часть сезонников осталась на зимний период [2, с. 49–50].	

Части населения	Виды миграций	№ п/п	Категория трудовых ресурсов	Характеристика
Вольнонаемная часть населения моногородов	Добровольно-вынужденные миграции	4	Лица, вынужденные покидать старые города в результате их очистки от «нетрудоустроенного» и «паразитического элемента»	К этой категории относились неработающие, деклассированные элементы: бродяги, нищие, проститутки, «социально вредные» – «лишенцы», подлежащие выселению из городов согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений» [3].
		5	Крестьяне, бежавшие из деревни из страха быть необоснованно раскулаченными	Например, в 1930–1931 гг. не менее 1 млн крестьян, не дожидаясь репрессий, бежали в существующие города и на стройки пятилетки. В этот же период еще около 2 млн крестьян, которые были определены на выселение по так называемой третьей категории, т. е. в пределах своей области, не дожидаясь депортаций и побросав свое имущество, уходили из деревни в города; в 1930–1932 гг. голод, унесший миллионы жизней, также вытолкнул в города массы крестьянского населения [4, с. 14].
Принудительные контингенты населения моногородов	Добровольно-принудительные миграции	6	Квалифицированные рабочие (инженеры, техники, мастера, служащие и др.)	В приказном порядке направляемые в соцгорода-новостройки на работу (т. н. «оргнабор») [5].
		7	Молодые выпускники среднего специального и ремесленного образования, принудительно перемещаемые к местам отправления трудовой повинности по обязательному распределению	Совету Народных Комиссаров СССР было предоставлено право ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения: «Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР» [6, с. 777–779; 7, с. 776–776; 8, с. 775].
	8	Демобилизованные красноармейцы в ходе «замещающего» перемещения в «приказном порядке»	Массовые переселения в 1930-е гг. демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) в специально организуемые «солдатские поселки», «красноармейские колхозы» и т. п. Подобные переселения заполняли не освоенные территории или осуществляли «компенсирующие» заселение тех территорий, где после «чисток», коллективизации, депортаций, голодомора и др. причин образовался дефицит трудоспособного населения. Согласно официальной статистике Всесоюзного переселенческого комитета с 1933 по 1937 г. в СССР в ходе подобного типа государственных плановых переселений было переселено 77304 семьи (включая демобилизованных красноармейцев – одиночек и с семьями) или 347866 человек [9].	
	Принудительные миграции	9	Кочевые народы в результате «придания оседлости»	Принудительная смена образа жизни и характера трудовой деятельности.

Части населения	Виды миграций	№ п/п	Категория трудовых ресурсов	Характеристика
Принудительные контингенты населения моногородов	Репрессивные миграции	10	«Спецпереселенцы», ссыльные	Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян законодательно обеспечивалось принятием 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывает осуществлять массовые высылки репрессируемых «в отдаленные местности Союза ССР», в зоны территориального освоения – на Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток. В постановлении четко обозначались цели этих мероприятий: «Главная задача переселения – это не разгрузка аграрно перенаселенных районов, а открытие новых сельскохозяйственных и промышленных районов» [10, с. 28–30; 11, с. 33–34].
		11	Заклученные	Контингенты заключенных в массовом порядке направлялись в зоны хозяйственного освоения – к местам добычи полезных ископаемых, лесозаготовок, на трассы строящихся железных и автомобильных дорог, водных каналов, к местам возведения соцгородов-моногородов-новостроек возле возводимых заводов-гигантов. Т. е. именно в те места, которые были намечены планом первой пятилетки для размещения нового промышленного строительства и в конечном счете индустриального развития территорий – Урал, Северный Кавказ, Южный Казахстан, Средняя Азия, Украина, Горьковский край, Башкирия, Средняя Волга, Ленинградская область, Северный край, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и т. д. В 1933 г. к списку мест массового перемещения контингентов принудительной рабочей силы добавляется Белбалткомбинат НКВД. В целом в моногородах-новостройках от 35 % до 65 % рабочей силы составляли заключенные исправительно-трудовых лагерей.

Все население моногородов согласно официальной доктрине должно было территориально размещаться в упорядоченном виде за счет расселения в жилых комплексах (домах-коммунах), располагаемых в жилых кварталах, объединяемых по четыре в жилые районы. Каждая из пространственно-планировочных единиц имела свои руководящие, организующие и контролируемые органы: старост в коммунальных квартирах, управляющих в домах, комендантов в общежитиях; квартальные красные уголки и территориальные административные органы, партийно-советские органы районного масштаба, городской советский и партийный аппараты и т. п.

Система расселения в масштабе города, сформированная по территориально-производственному принципу, позволяла осуществлять текущую трудо-мобилизационную, а в случае необходимости и военно-мобилизационную организацию населения. Правда, в условиях дефицита материальных и финансовых ресурсов, основная масса которых фактически на протяжении всего предвоенного периода направлялась партией и правительством в основном на возведение промышленности, реализация этой социально-урбанистической доктрины трансформировалась в сознательную стратегию возведения кварта-

лов новой жилой застройки преимущественно барачного типа и формирование соответствующего образа жизни.

Наличие силовых методов для поставки рабочих рук в места освоения новых территорий позволяло при принятии расселенческих решений отбрасывать необходимость учета всего комплекса проблем селитебного освоения необжитых территорий. В этих условиях выбор места для размещения нового предприятия определялся не в результате комплексной оценки места будущего обитания в отношении затрат, необходимых для создания комфортной жилой среды (строительства благоустроенного жилого фонда, устройства мест отдыха, удобных транспортных связей с другими населенными пунктами в целях межличностного торгового и культурного обмена и проч.), но со стороны уменьшения расходов на возведение производственного объекта (фабрики или завода) и потребной инфраструктуры (энергетической, транспортной и проч.), а также из значимости промышленного предприятия в пространственной цепочке производственного процесса, конкретного функционального положения (по объемам и ассортименту промышленной продукции), которое он в ней занимал и, соответственно, необходимости его географического расположения

в данном месте в отношении к другим объектам в производственно-технологической цепочке.

Итак, согласно советской доктрине нового административно-территориального районирования главным фактором, определявшим возникновение нового поселения, организационным смыслом и финансовым источником его существования, являлось промышленное производство (или предприятие ресурсодобычи, первичной переработки сырья). Это «свойство» с конца 1920-х гг. закрепилось термином «градообразующее предприятие». Как следствие, трудоспособное население моногорода разделялось на две категории: а) «градообразующую» – рабочие (служащие) базового (или нескольких) производственного предприятия; б) «градообслуживающую» – трудящиеся сферы обслуживания (эта категория формировалась из членов семей рабочих градообразующего предприятия).

Советские моногорода целиком и полностью зависели от градообразующего предприятия. Они и строились исключительно для того, чтобы территориального разместить коллективы градообразующих предприятий и закрепить их на местах труда. Моногорода призваны были играть роль «пролетарских центров» – административных ядер, концентрации пролетариата и руководства населением прилегающих к городам земель сельскохозяйственного назначения. Они были предназначены концентрировать трудоспособное население (трудовые ресурсы), т. е. принимать, размещать и трудоустраивать массы «новых пролетариев» – вчераш-

них крестьян, отрывааемых от земли коллективизацией, прибывавших в города и здесь вливавшихся в производственно-бытовые коллективы. Отличия градостроительства в СССР от процессов градоформирования в других странах приведены в таблице 2.

Тот факт, что во многих малых монопрофильных городах существовало лишь одно-единственное градообразующее предприятие – фабрика, завод, шахта, рудник, обогатительный комбинат и проч., вполне устраивало власть, т.к. подобное положение дел лишало людей возможности перебежать на другое место работы из-за тяжелых условий труда, или низкой заработной платы, или отсутствия нормального жилья. Власть и не собиралась прилагать какие-то специальные усилия к расширению спектра возможностей трудовой занятости населения, возводя для этого в данном месте еще одно предприятие другого производственного профиля или наукоемкое производство, для работы на которых не было лишних рабочих рук (тем более отсутствовали кадры потребной квалификации). Альтернативные источники трудоустройства власть рассматривала в первую очередь как угрозу для формируемой ею «зависимости жизни от деятельности», т. е. зависимости местного населения от градообразующего предприятия, прекрасно понимая, что появление нового места приложения труда способно оттянуть с существующего производства и без того ограниченные трудовые ресурсы.

Таблица 2. Отличия градостроительства в СССР от процессов градоформирования в других странах
Table 2. Differences between town planning and urbanization in the USSR and abroad

«Субъекты» осуществления урбанизационных процессов и формы организации градостроительной деятельности и развития поселений	В Советском Союзе	В зарубежных странах и дореволюционной России
«Субъекты» осуществления урбанизационных процессов	– государство в лице «уполномоченных» им: а) промышленных ведомств, объединяемых ВСНХ, б) органы коммунального хозяйства, подчиняющиеся НКВД, в) ГУЛАГ (с 1931 г.), – негосударственные субъекты; г) в период НЭП и новой жилищной политики (1921–1924 гг.) кратковременное законодательно существование жилищной кооперации как независимого «субъекта» урбанистических процессов. После 1924 г. [14] любые независимые от государства «субъекты» градостроительной деятельности отсутствовали	– государство в лице министерств; – муниципалитеты; – частные промышленные корпорации (фабриканты и заводчики); – сельские общины; – профсоюзы; – общественнополезные (бесприбыльные) фирмы – крупные землевладельцы; – жилищная кооперация; – церковь и проч.

«Субъекты» осуществления урбанизационных процессов и формы организации градостроительной деятельности и развития поселений	В Советском Союзе	В зарубежных странах и дореволюционной России
Инвестирование (финансирование)	Государственное котируемое распределение ресурсов в соответствии с программами промышленного развития	Частное, муниципальное, частно-муниципальное финансирование в соответствии с программами возведения коммерчески эффективного жилья; строительство промышленными предприятиями жилья, объектов обслуживания для рабочих; финансовая поддержка профсоюзов, общественных организаций, церкви и т. п. государственное софинансирование крупных социально-значимых проектов
Управление жилищным строительством	Ведомственно-государственное руководство всеми без исключения процессами возведения селитбы (выделением и распределением материальных и финансовых ресурсов в соответствии с ведомственными программами промышленно-селитебного строительства), решение задач снижения стоимости жилья и инженерной инфраструктуры (в условиях отсутствия рынка недвижимости) за счет снижения их качества до предельно возможного минимума	Частное руководство жилищным строительством, направленное в условиях рынка недвижимости на снижение стоимости жилья и инженерной инфраструктуры, с повышением их качества
Управление эксплуатацией	Ведомственно-государственное руководство всеми без исключения процессами эксплуатации селитбы, примат «промышленного» в принятии любых решений, касающихся «жилого»; привязка инфраструктуры любого поселения-новостройки к градообразующему производственному предприятию	Самоуправление экономически и административно автономными жилыми образованиями; муниципальное или частнособственническое распоряжение прилегающими незастроенными территориями (в границах городской черты), примат интересов населения в принятии решений о формировании комфортной среды обитания; муниципальное налогообложение с полной подотчетностью перед населением по использованию денег на нужды города и горожан
Форма владения жилищем и инфраструктурой	Государственно-ведомственная собственность, предоставление во временное пользование, аренда в условиях отсутствия рынка недвижимости и дефицита жилища	Частная собственность, аренда в условиях избытка жилища на рынке недвижимости; социальное жилище
Коммунальное и бытовое обслуживание	Государственная нормативно-лимитированная система удовлетворения минимального состава жизненных потребностей населения; государственно-муниципальная система культурно-бытового обслуживания (зданий и сооружений специального назначения) по удовлетворению фиксированного спектра услуг	Персональное предпринимательство и инициатива в разворачивании множественных форм бытового обслуживания; частная собственность объектов услуг, досуга и сервиса (питание, коммунальные услуги, бытовой сервис, городской транспорт и т. п.) (следует заметить, что понятия: «коммунальное хозяйство», «коммунальное обслуживание» – исключительно советские, к анализу западной практики эксплуатации городских систем – неприменимые)

«Субъекты» осуществления урбанизационных процессов и формы организации градостроительной деятельности и развития поселений	В Советском Союзе	В зарубежных странах и дореволюционной России
Цели градостроительной деятельности	Обеспечение трудовыми ресурсами производственных (промышленных, транспортных, энергетических, ресурсодобывающих и проч.) предприятий; привязка посредством жилища населения к местам приложения труда; формирование трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения за счет пространственно-территориально-административного структурирования селитьбы	В условиях конкуренции работодателей за трудовые ресурсы – постоянное повышение комфорта среды обитания с одновременным снижением расходов по возведению жилища и проч. объектов
Расселение населения	Искусственные, целенаправленные, принудительные, направляемые и регулируемые властью миграции трудовых ресурсов	Естественные, добровольные, самостоятельные перемещения рабочей силы в поисках оптимальных условий труда и обитания; в ряде случаев финансово иницируемые заинтересованными субъектами урбанизационных процессов
Типология проектируемого и возводимого жилища	Многоквартирное, многокомнатное покомнатно-посемейного коммунального заселения	Широкая палитра частного индивидуального (собственного, арендного, социального) жилища
Управление развитием населенных мест	Централизованное, лимитированное в отношении выделяемых ресурсов, несамостоятельное со стороны муниципальных органов власти	Самоуправление на основе формирования локальных сообществ жильцов и функционирования выборной системы делегирования политических и управленческих полномочий снизу вверх

Промышленное предприятие не только определяло «смысл» существования соцгорода, но и, как правило, задавало его композицию, в частности – ориентацию улиц на градообразующее предприятие, направления основных пешеходных путей и маршрутов движения общественного транспорта – к проходным заводам; расположение зеленой зоны в качестве защитной полосы от вредных выбросов производства, в конечном счете – расположение общественного центра, который отчасти располагался на одной оси с предзаводской площадью.

В моногородах реальным хозяином являлась дирекция градообразующего предприятия, потому что она обладала значительно большими финансовыми и материальными возможностями, нежели городские власти, в том числе и основной массой жилого фонда, которая была ведомственной. Например, в Магнитогорске в 1930-е гг. Магнитогорский металлургический комбинат владел 63,5 % жилой площади, а еще 18 % обладали другие заводы (итого 81,5 %). Формально, местной властью являлся т. н. «горисполком» (городской исполнительный комитет), но фактическое управление моногородами осуществлялось через отраслевые ведомства, потому что через них происходило распределение основной массы финансовых средств и материальных ресурсов на жилищное строительство. Функция местной

власти в монофункциональном городе сводилась лишь к исполнению директив свыше – со стороны районного и областного начальства и к «выклянчиванию» у руководства градообразующего предприятия то материалов, то рабочей силы, то техники. Руководство градообразующего предприятия оказывало огромное неформальное влияние на местную власть, т. к. через него происходила подпитка города ресурсами, строительными мощностями и материалами. Градообразующее предприятие в значительной степени содержало объекты медицины, культуры, спорта, сферы отдыха и досуга, помогало в ремонте городского транспорта (трамвая), благоустройстве улиц и парков. Но несмотря на участие градообразующего предприятия в обустройстве селитьбы, качество среды обитания в моногородах оказывалось на ужасающем уровне и во многих местах остается таковым до сих пор.

В 1960–1970-е г. началась иницируемая Н. С. Хрущевым вторая волна советской индустриализации, которая сформировала ту «ресурсно-добывающую» экономику, которая в постперестроечный период оказалась причиной кризиса моногородов [15; 16]. Она закономерно вызвала вторую волну урбанизации, воплотившуюся в строительстве новых моногородов машиностроения, лесной и деревообрабатывающей,

нефтедобывающей, газодобывающей пищевой промышленности [17; 18]. Активная реализация атомной и космической программ привела к созданию в СССР моногородов особого типа:

а) «закрытых городов» («почтовых ящиков») – с охраняемым периметром и ограничением въезда и выезда граждан, организацией спецснабжения и придания позднее этим моногородам статуса самостоятельных административных образований (Курчатов, Саров, Арзамас-39, Ленинск-Байконур, Снежинск, Полярный, Заречный и др.);

б) «научоградов» – продукта развития научно-технического (военно-промышленного профиля) потенциала страны (первый эксперимент по созданию «моногородов науки» был опробован в Академгородке в Новосибирске, затем были созданы наукограды: Дубна, Зеленоград, Черноголовка, Обнинск, Протвино, Троицк и др.).

Вторая волна индустриализации (хрущевская) была осуществлена на тех же самых территориальных принципах, что и первая (сталинская). Урбанизационно-расселенческая экспансия выразилась в следующем:

а) строительстве (как правило, на пустых местах) одного или нескольких градообразующих предприятий (по добыче или первичной переработке природных ресурсов) – однотипных, относящихся к одной отрасли промышленности, обслуживающих узкий сегмент отраслевого рынка (это предельно снижало у людей возможность смены профессии);

б) включении градообразующего предприятия в цепочку технологически связанных производств, работающих на один конечный рынок (что исключало возможность диверсификации производства и предпринимательства в создании альтернативных видов продукции и проч.);

в) сохранении почти полной зависимости доходной части бюджета от деятельности одного (иногда – нескольких) градообразующих предприятий (что делало невозможным самостоятельное развитие города);

г) формировании однородного и узкопрофильного профессионального состава населения (что сужало для молодежи диапазон выбора профессии и подталкивало ее к отъезду в поисках жизненных траекторий, других, чем у их родителей);

д) расположении монопоселений в удаленности от крупных населенных пунктов (что резко ограничивало образовательную, культурную, досуговую и проч. мобильность населения, особенно при отсутствии развитой транспортной инфраструктуры) и т. п.

Выводы

В СССР предшественником концепции индустриальных моногородов стал советский рабочий поселок, который, придя в середине 1920-х гг. на смену городу-саду, являлся в противоположность ему исключительно государственной (государственно-ведомственной) формой владения, распределения и распоряжения жилым фондом и территорией. Концепция советских промышленных поселений-новостроек полностью отвергала доктрину города-сада, популярную в дореволюцион-

ный период и первые послереволюционные годы, прежде всего потому, что она основывалась на самоорганизации населения, формировании сообществом жителей органов общественного самоуправления, независимых экономических основ строительства персонального жилища с последующим владением в частной собственности домом и участком земли при нем, а в коллективной собственности – всей территорией города-сада.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. со стартом программы индустриализации конкретизация планировочных правил и расчетных параметров обустройства селитьбы при производстве пошла по пути выведения пространственно-планировочных решений из различных трактовок идеи «обобществления» быта. Но в реальности воплотилась в трудомобилизационную и военно-мобилизационную модель руководства населением, которая реализовалась в территориальном структурировании селитьбы на кварталы, которые должны были возводиться дирекцией градообразующего и сопутствующих предприятий по выделяемым наркоматами объемам средств и стройматериалов, а затем заселяться работниками данных предприятий. В процессе кристаллизации концепции соцгорода индустриальные моногорода первых пятилеток обрели нормативно закреплённую структурированность территории на жилые кварталы и жилые районы, социальную иерархию типологии жилища и барачно-коммунальный тип заселения для основной части жителей.

Отечественные моногорода были детищем советской политической системы и ее промышленной, экономической, социально-управленческой, командно-административной структур. Именно в их рамках моногорода начали создаваться в начале 1930-х гг. для выполнения роли центров производственно-технологических и одновременно административно-территориальных «регионов». А затем в 1970-е гг. – для выполнения функции ключевых элементов, формировавшихся групповых систем населенных мест (агломераций).

Моногорода – это всегда селитьба при промышленности – крупном заводе («градообразующем предприятии») или комплексе технологически связанных производств. Они возникали и существовали в рамках единой распределительной системы государственного снабжения, из фондов которой обеспечивались всем необходимым. Именно система централизованно-распределительной экономики в рамках реализовавшихся ведомствами программ развития промышленности, транспорта и энергетики задавала предназначение монопоселений: их производственный профиль, величину потребных трудовых ресурсов, объемы средств, выделяемых на жилищное строительство, объемы и качество предоставляемого снабжения и проч. Именно она предопределяла выделение плановыми органами лимитированных материальных и финансовых средств для строительства и последующего функционирования поселений как мест размещения трудовых ресурсов при конкретных производствах.

Моногорода были лишены собственных ресурсов и источников для самостоятельного развития, потому что специфическая антирыночная советская

управленческая модель, обеспечивавшая руководство производственными процессами, исключала существование в моногородах как предпринимательского потенциала для развертывания каких-либо иных видов промышленного производства, кроме предопределенных свыше, так и инноваций социально-культурного, частно-сервисного или частно-торгового характера. Кроме того, иерархическая система административно-территориального руководства не допускала появления каких бы то ни было органов самоуправления. Подобное приводило к утрате населением как моногородов, так и страны в целом, локальной субъектности и возможности самостоятельно осуществлять проектирование собственного будущего образа жизни и характера будущей деятельности. В СССР субъектом проектного действия, в широком смысле слова, могло быть только государство.

Термин «соцгород» перестал использоваться в градостроительной теории примерно с 1950-х гг. Но практически ничего не изменилось в последующие годы ни в теории, ни в практике «отраслевого» подхода к размещению промышленности, в формировании системы расселения, в механизмах управления поселениями за счет изъятия доходов, а потом перераспределения их «особо нуждающимся». Тип монофункциональных городов, которые начали создаваться в нашей стране

в 1920-х гг., затем в 1960-е, существует сегодня в практически неизменном виде. Он не только составляет основу промышленного потенциала современной России, но и по-прежнему выступает финансово-экономическим базисом существования для более чем четверти населения страны.

Сегодня страна находится в состоянии кардинального реформирования формата взаимодействия государственной, региональной, местной властей; малого и среднего бизнеса, а также крупных промышленных (добывающих) корпораций с целью создания такой организации процессов жизнеобеспечения поселений, которая освободила бы селитбу от жесткой зависимости от градообразующего (промышленного, ресурсодобывающего и т. п.) предприятия. Но, увы, при проектировании, строительстве, эксплуатации моногородов до сих пор продолжают применяться принципы, сформированные еще в недрах советской системы – никаких непромышленных, постиндустриальных стратегий существования монопоселений в современных социально-экономических условиях так и не выработано. Если когда-нибудь это произойдет, если удастся проектно и практически обеспечить независимое и самостоятельное функционирование системы управления поселениями и совершенствование их социальной сферы – у России появится шанс для развития.

Литература

1. Хетагуровское движение // Аргументы времени. 10.01.2013, 16:43. Режим доступа: <http://svgbdv.ru/istoriya/khetagurovskoe-dvizhenie> (дата обращения: 01.10.2017).
2. Были индустриальные: очерки и воспоминания. М.: Политиздат, 1979. 408 с.
3. Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 35. Ст. 282.
4. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 800 с.
5. Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945) // Livejournal. 22.10.2008. Режим доступа: [http:// https://su-industria.livejournal.com/58586.html](http://https://su-industria.livejournal.com/58586.html) (дата обращения: 16.01.2018).
6. О порядке обязательного перевода инженеров техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий в другие. Указ президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 777–779.
7. Об образовании главного управления трудовых резервов при Совнаркомe СССР. Постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 776–777.
8. О государственных трудовых резервах СССР. Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 774–775.
9. Красильников С. А. Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2003. 288 с.
10. О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей. Постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пашенко, Р. К. Суханова. Новосибирск: Наука, 1992. 283 с.
11. О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области. Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пашенко, Р. К. Суханова. Новосибирск: Наука, 1992. 283 с.
12. Антощенко А. В., Меерович М. Г. Трудно-бытовые коллективы – социально-организационная основа доктрины соцгорода // *Miasta nowych ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu*. Т. 1. 2007. С. 101–112.
13. Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.
14. О жилищной кооперации. Постановление ЦИК СССР от 19 августа 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 5. Ст. 60.

15. Меерович М. Г. Хрущевская жилищная реформа в СССР: неизученные страницы истории // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2015 году: сб. науч. тр. РААСН. М.: Издательство АСВ, 2016. С. 297–301.

16. Меерович М. Г. Причины возникновения моногородов в СССР // Современный город: власть, управление, экономика. Т. 1. 2016. С. 260–271.

17. Меерович М. Г. Базовые постулаты советской урбанизации // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: сб. научн. тр. РААСН. Т. 1. М.: Издательство АСВ, 2017. С. 288–297.

18. Меерович М. Г. История возникновения советских моногородов: связь с программой индустриализации // Октябрь 1917 в истории архитектуры и изобразительного искусства Сибири: избр. тез. Всерос. науч. конф. / отв. ред. Д. Д. Гаркуша, Е. Ю. Орлова, С. С. Духанов; Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств; Сиб. территор. отд-ние Рос. акад. архитектуры и строит. наук. Новосибирск, 2017. С. 133–139.

SOVIET MONOPROFILE CITIES: THE STORY BEHIND AND KEY FEATURES

Mark G. Meerovich^{1, 2, @}

¹ Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074

² Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-Planning (the branch. of CNIIP of the Ministry of Russia), 9, Dushinskaya St., Moscow, Russia, 111024

@memark@inbox.ru

Received 17.01.2018. Accepted 21.02.2018.

Keywords: monopofile city, industrialization, city-forming enterprise, resettlement, forced migrations.

Abstract: The paper features the reasons, as well as the fundamental principles that led to the mass phenomenon of single-industry industrial cities – first, during the first (Stalin) wave of industrialization in the USSR, and then, during the second (Khrushchev) wave of Soviet industrialization. The goal is to prove that this type of settlements is a unique phenomenon, because the economic and political system was unique: they emerged within the framework of strictly specific programs for the implementation of industrial, resettlement, town-planning, housing, and migration policies. Moreover, the Soviet urbanization in itself was a very specific phenomenon of completely artificial nature, since there was nothing natural in settlements erected by order around newly-built industrial enterprises. The research employs the methods of comparative and critical analysis. The field of application is the Russian history, the history of Soviet urban planning, political science, and municipal government. Conclusions: Soviet mono-profile cities were the brainchild of the socio-political, industrial, economic, and command-administrative system shaped by the Soviet government. In the period of industrialization, they functioned as production and technological centers, as well as administrative and territorial areas, acting as key nuclei of the settlement system, and later in the 1970s, as elements of community systems within agglomerations.

For citation: Meerovich M. G. Sovetskie monogoroda: istoriia vzniknoveniia i spetsifika [Soviet Monopofile Cities: the Story Behind and Key Features]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 53–65. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-53-65.

References

1. Khetagurovskoe dvizhenie [Khetagurov's. movement]. *Argumenty vremeni = Time arguments*, 10.01.2013, 16:43. Available at: <http://svgbdvr.ru/istoriya/khetagurovskoe-dvizhenie> (accessed 01.10.2017).

2. *Byli industrial'nye* [Industrial Realities. (Essays and memories)]. Moscow: Politizdat, 1979, 408.

3. *Sobranie zakononii raboche-krest'ianskogo pravitel'stva RSFSR* [Collection of legalizations of the workers 'and peasants' government of the RSFSR], no. 35 (1926): art. 282.

4. *Stalin i Kaganovich. Peregovora. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936 gg.]. Comp. Khlevniuk O. V., Devis R. U., Kosheleva L. P., Ris E. A., Rogovaia L. A. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2001, 800.

5. *Kuznetskii metallurgicheskii kombinat im. I. V. Stalina (1929–1945)* [Kuznetsk Metallurgical Combine them. Stalin I. V. (1929–1945)]. Livejournal, 22.10.2008. Available at: [http:// https://su-industria.livejournal.com/58586.html](http://https://su-industria.livejournal.com/58586.html) (accessed 16.01.2018).
6. O poryadke obyazatel'nogo perevoda inzhenerov tekhnikov, masterov, sluzhashchikh i kvalifitsirovannykh rabochikh s odnikh predpriyatiy na drugie [On the procedure for compulsory transfer of engineers of technicians, masters, employees and skilled workers from one enterprise to another]. *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 19, 1940. Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues]. Moscow: Politizdat, vol. 2 (1967): 777–779.
7. Ob obrazovanii glavnogo upravleniia trudovykh rezervov pri Sovnarkome SSSR [About the formation of the main department of labor reserves under the Council of People's Commissars of the USSR]. *Resolution SNK USSR of October 2, 1940. Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues]. Moscow: Politizdat, vol. 2 (1967): 776–777.
8. O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh SSSR [About the State Labor Reserves of the USSR]. *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 2, 1940. Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues]. Moscow: Politizdat, vol. 2 (1967): 774–775.
9. Krasil'nikov S. A. *Serp i Molokh: Krest'ianskaia ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch: Peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSPEN), 2003, 288.
10. *O meropriiatiakh po uporiadochivaniiu vremennogo i postoiannogo rasseleniia vyslannykh kulak'skikh semei* [About measures to streamline the temporary and permanent resettlement of sent kulak's families. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 10, 1930]. *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special resettlers in Western Siberia. 1930 – the spring of 1931]. Comp. Krasil'nikov S. A., Kuznetsova V. L., Ostashko T. N., Pavlova T. F., Pashchenko L. S., Sukhanova R. K. Novosibirsk: Nauka, 1992, 283.
11. O meropriiatiakh po provedeniiu spetskolonizatsii v Severnom i Sibirskom kraia i Ural'skoi oblasti [About measures to conduct special colonization in the North and Siberian regions and the Urals region]. *Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 18, 1930. Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special resettlers in Western Siberia. 1930 – the spring of 1931]. Comp. Krasil'nikov S. A., Kuznetsova V. L., Ostashko T. N., Pavlova T. F., Pashchenko L. S., Sukhanova R. K. Novosibirsk: Nauka, 1992, 283.
12. Antoshchenko A. V., Meerovich M. G. *Trudo-bytovy kolektivy – sotsial'no-organizatsionnaia osnova doktriny sotsgoroda* [Work collectives – the social and organizational basis of the doctrine of socialist city. Miasta nowych ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu, no. 1, 2007, 101–112.
13. *Sotsial'no-kul'turnye osnovy osushchestvleniia gosudarstvennoi zhilishchnoi politiki v RSFSR (1917–1941 gg.): diss. ... doctora ist. nauk* [Welfare bases of implementation of the state housing policy in RSFSR (1917–1941). Dr. Hist. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2004, 659.
14. *O zhilishchnoi kooperatsii* [On Housing Cooperation – Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of August 19, 1924]. Collection of laws of the USSR, no. 5 (1924): art. 60.
15. Meerovich M. G. *Khrushchevskaia zhilishchnaia reforma v SSSR: neizuchennye stranitsy istorii* [Khrushchev housing reform in the USSR: unexplored pages of history]. *Fundamental'nye, poiskovyie i prikladnye issledovaniia RAASN po nauchnomu obespecheniiu razvitiia arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu* [Fundamental, exploratory and applied research RAASN on the scientific provision of architecture, urban development and construction industry in the Russian Federation in 2015]. Moscow: Izdatel'stvo ASV (2016): 297–301.
16. Meerovich M. G. *Prichiny vozniknoveniia monogorodov v SSSR* [The causes of the appearance of single-industry towns in the USSR]. *Sovremennyy gorod: vlast, upravlenie, ekonomika = Modern city: power, management, economy*, no. 1 (2016): 260–271.
17. Meerovich M. G. *Bazovyie postulaty sovetskoii urbanizatsii* [Basic postulates of Soviet urbanization]. *Fundamental'nye, poiskovyie i prikladnye issledovaniia RAASN po nauchnomu obespecheniiu razvitiia arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli Rossiiskoi Federatsii v 2016 godu* [Fundamental, exploratory and applied research of RAASN on scientific support of the development of architecture, town-planning and construction industry of the Russian Federation in 2016]. Moscow: Izdatel'stvo ASV, vol. 1 (2017): 288–297.
18. Meerovich M. G. *Istoriia vozniknoveniia sovetskikh monogorodov: sviaz' s programmoi industrializatsii* [The history of the appearance of Soviet single-industry towns: the link with the industrialization program]. *Oktiabr' 1917 v istorii arkhitektury i izobrazitel'nogo iskusstva Sibiri: izbr. tez. Vseros. nauch. konf.* [October 1917 in the history of architecture and the fine arts of Siberia: Proc. All-Russian Sci. Conf.]. Ed. Garkusha D. D., Orlova E. Iu., Dukhanov S. S. Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts; Siberian territorial division of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. Novosibirsk, 2017, 133–139.

УДК 930.1:321.6

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТОТАЛИТАРИЗМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1960-Х ГГ.

Елена В. Мороз¹.@

¹ Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 650992, Россия, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39

@ morozkem@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.10.2017. Принята к печати 28.11.2017.

Ключевые слова: тоталитаризм, историография, диктатура, фашизм, коммунизм, критика.

Аннотация: Цель статьи – проанализировать причины, основное содержание критического дискурса о тоталитаризме в зарубежной историографии 1960-х гг. Анализ осуществляется с помощью основополагающих методологических принципов историографического исследования: системного подхода, историзма и научной объективности. Основное внимание уделяется работам известных зарубежных исследователей этого феномена, таких как Х. Арендт, П. Сорокин, К. Фридрих, З. Бжезинский, Р. Миллс, А. Улам. Через раскрытие содержания этих работ выделяются основные методологические проблемы критического дискурса. Критике была подвержена тоталитарная модель за структурное и внешнее однообразие, незначительное внимание к различиям тоталитарных режимов. Ревизионизм в зарубежной историографии 60-х гг. способствовал изучению советского общества на базе социологической методологии, выделив его высокую социальную мобильность. В рамках критической дискуссии были выделены различия между коммунистическими и фашистскими системами, особенности отдельных коммунистических режимов. Однако представителям критического направления так и не удалось создать цельную теорию, по сравнению с адептами тоталитаризма. Критический дискурс тоталитаризма в 1960-е гг. способствовал формированию модернизированной концепции феномена. В заключении статьи делаются основные выводы дискуссии. Содержание и результаты данной статьи могут быть использованы в лекционных курсах по зарубежной историографии.

Для цитирования: Мороз Е. В. Критический дискурс тоталитаризма в зарубежной историографии 1960-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 66–73. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-66-73.

Данная статья является продолжением многолетних исследований американской историографии тоталитаризма [1].

Актуальность продолжения исследования обусловлена тем, что активная дискуссия о тоталитаризме конца 1980-х – 1990-х гг. прекратилась, а в последнее десятилетие вообще пропал интерес к проблеме тоталитаризма в отечественной науке. Появляются лишь небольшие статьи, в которых поверхностно применяется модель тоталитаризма к новым государствам [2] или дается пересказ существующих теоретических работ классиков теории [3]. Вместе с тем с приходом в историческую науку нового поколения, то есть каждые 15–20 лет, необходимо обновлять историографические концепции. Думается, что эвристический потенциал феномена тоталитаризма до сих пор не исчерпан как в научном, так и политическом смысле. Так, адепты тоталитаризма до сих пор используют данный методологический конструкт для формирования сознания политической элиты в США и странах Европейского Союза. А элиты этих стран, в свою очередь, очень активно последнее время применяют термин «тоталитаризм» для оценки политических режимов не только в Сирии и Ливии, но и все чаще при характеристике политической ситуации в нашей

стране. Поэтому очень важно изучать критику тоталитаризма непосредственно американских и западноевропейских исследователей о борьбе с тоталитарным подходом в России.

В сравнении с предыдущими работами [4] более глубоко дается методологический анализ новых историографических источников не только американских, но и французских, немецких исследователей.

К 1960-м гг. концепция тоталитаризма, зародившаяся в 20-е гг. прошлого века [5], стала подвергаться критике в зарубежной историографии. В эти годы термин «свободный мир», так часто используемый в качестве антонима тоталитаризму, становился все более бессодержательным. Все виды представительных правительств считались частью свободного мира просто потому, что они были антикоммунистическими, среди них наиболее известными были сменявшие друг друга режимы в Южном Вьетнаме.

Зарубежные историки и политологи все более критически стали смотреть на теорию тоталитаризма, находясь под влиянием политической ситуации как в собственных странах, так и тех изменений, которые происходили в Советском Союзе. Парадокс заключался в том, что критике в эти годы подвергался даже «эталон демократии» – Соединенные Штаты.

Был возрожден критиками старый аргумент о том, что СССР присутствует в Центральной Европе по соображениям безопасности, который задолго до этого был заменен представлением времен холодной войны (часто явно не выражаемым) в том, что советский тоталитаризм ведет Советский Союз к расширению своего влияния как в Европе, так и в Азии. Некоторые радикальные ученые даже стали утверждать, что создатели американской политики просто изобрели советскую угрозу как способ запугать общество, чтобы оно приняло гонку вооружений, реальной целью которых было поддержать крестовый поход для того, чтобы сделать весь мир безопасным для американского капитала.

Другим фактором, играющим роль в распространении критики понятия «тоталитаризм», которая усиливалась в течение 1960-х гг., было «возрождение» марксизма в качестве предпочтительной терминологии для выражения несогласия с ценностями буржуазного общества среди молодых европейских и американских интеллектуалов. Возрождаемый марксизм, по их мнению, – это «ранний марксизм», марксизм отчуждения, а не поздний марксизм «Капитала», который развился до институционализованного марксизма Второго, а затем Третьего Интернационала [6]. Но для марксистов или для мыслящих в марксистском русле интеллектуалов всегда было непросто усвоить тоталитарную модель. В рамках этой модели невозможны были традиционные отношения базиса и надстройки и прямо сравнивая коммунизм и фашизм, она могла быть чрезвычайно вредной для мировоззрения левых. Возрождение марксизма было также связано с распространением утопического образа мышления среди молодых американцев и европейцев. Духу бунтарского утопизма было суждено войти в решительное столкновение со сдержанным и прагматическим либерализмом более старых ученых.

Значительное влияние на изменение отношения к тоталитаризму в зарубежной историографии оказала эволюция советского политического режима после смерти Сталина и разоблачений Хрущевым «культ личности» [7].

Критический дискурс в 1960-е гг. был обусловлен необходимостью более детального изучения различных форм тоталитаризма. Критика была направлена на методологию формирования понятия «тоталитаризм», которое включает структурные признаки тоталитарного господства, ведущие при упрощенном подходе к абстрагированию от конкретных политико-социальных факторов отдельных режимов [8].

Критический дискурс оказал влияние даже на такие «классические» концепции тоталитаризма, как «тоталитарный синдром» З. Бжезинского и К. Фридриха. Концепция тоталитаризма К. Фридриха и З. Бжезинского эволюционирует через выделение «ранней» и «зрелой» стадий тоталитаризма и введение циклического понятия текущих «жестких» и «терпимых» фаз тоталитаризма [9, p. 275].

«Ранние» стадии и текущие «жесткие» фазы соответствуют первоначальному тоталитарному синдрому,

тогда как «зрелый» тоталитаризм и «терпимые» фазы характеризуются редактированной версией синдрома, которая включает психологический террор, децентрализацию, коллективное руководство, частичную литературную и художественную свободу, «социалистическую законность».

Хотя издание рассматривается как «частичная критика» понятия «тоталитаризм», оно содержит в себе доказательства убеждения К. Фридриха в том, что «в целом ... как теория, так и практика тоталитарной диктатуры стремятся подтвердить анализ, который мы предложили» [9, p. VII]. По мнению исследователей, «нет никаких оснований считать, что прежняя тоталитарная система вследствие своего внутреннего развития исчезла, хотя она, без сомнения, претерпела существенные изменения» [9, p. 17].

В 1966 г. появляется новое издание одной из самых известных работ по тоталитаризму – книга Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» [10]. Определенная эволюция взглядов на феномен изложена в двадцатистраничном вступительном очерке. Х. Арндт была готова признать, что смерть Сталина была решающим моментом, за которым последовал «не просто кризис преемника и временная «оттепель» в течение того периода, пока новый лидер не утвердит себя, но реальный процесс детоталитаризации, хотя так никогда и не ставший последовательным» [11, p. XXV].

Х. Арндт не пытается объяснить динамику советской детоталитаризации. Она приписывает значительное влияние на этот факт самой смерти Сталина, и в этом отношении оказывается солидарной с точкой зрения американского исследователя Р. Такера о решающей роли тоталитарного лидера. Возможно, по этой причине она верит, что Советский Союз «может впасть снова в тоталитаризм сегодня или завтра без государственного переворота» [10, p. IX].

Существенной эволюции концепция тоталитаризма Х. Арндт не претерпела, она создала мир, в котором политические силы добра противостоят силам зла, и в котором, по мнению самой Х. Арндт, «существование невозможно» [10, p. XII].

В отличие от Х. Арндт, известный французский политолог Р. Арон в книге «Демократия и тоталитаризм» (1965 г.) более осторожен в сравнении левого и правого вариантов тоталитаризма. Р. Арон видит не только черты сходства, но и различия: в социальных базах партий, в несовместимости идеологий. Он считает, что при сравнении двух режимов необходимо учитывать «два метода: история и идеология» [12]. Р. Арон полагает, что «советский режим порожден революционной волей, вдохновляемой гуманистическим идеалом» [12, с. 236], а «гитлеровский режим возник из-за стремления возродить моральное единство Германии» [12, с. 240].

Работа Р. Арона под влиянием хрущевской «оттепели» далека от крайне жестких оценок советского режима. Более того, Р. Арон выделяет в истории советского режима в качестве тоталитарных лишь отдельные периоды. Этот новый методологический

подход необходимо рассматривать в контексте критического дискурса 1960-х гг.

Постепенно в рамках критического дискурса о тоталитаризме в зарубежной историографии стали изучать новые объекты. Так, наш соотечественник П. Сорокин, вынужденный эмигрировать в 20-е гг. прошлого века из России, в 1960 г. публикует свое эссе «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу», в котором он практически не различает капиталистический и коммунистический типы обществ, а предлагает новый «интегральный» [13, р. 143].

Известный американский социолог Р. Миллс еще более категоричен в своих оценках, назвав США как «консервативную страну без консервативной идеологии». В книге «Властвующая элита» Миллс пишет: «США прошли уже значительное расстояние по пути к политически «инертному обществу», а этот путь ведет к тоталитарному государству» [14, с. 416].

В 1960-е гг. интерес к советскому режиму возрастает. С введением системы академических обменов в 60-х гг. зарубежные преподаватели и выпускники вузов стали посещать Советский Союз. Время, проведенное в Советском Союзе, обычно оказывало разрушительное воздействие на левые, просоветские взгляды, вместе с тем подрывался взгляд и на тоталитарную модель. Государство в СССР, конечно, вмешивалось во все сферы жизни, но разница между этим вмешательством и кошмарными видениями книги «1984 год» выглядела значительной в глазах иностранцев [15]. Эти изменения создавали фон методологического развития исследований в советологии, а иногда выходили и на передний план [16, р. 131–132].

Пример тому – книга известного американского советолога из Российского исследовательского центра Гарвардского университета А. Улама «Новое лицо советского тоталитаризма», в которой анализируется советский режим в постсталинский период [17].

Под тоталитаризмом понимается система, включающая в себя режим и идеологию [17, р. 60]. В своей работе А. Улам придерживается распространенного в американской советологии мнения, что основателем советской тоталитарной идеологии является В. И. Ленин, идеи которого претворил на практике, создав тоталитарный режим, И. Сталин.

К тоталитарной модели А. Улам относит фашистский, национал-социалистический и советский режимы. При этом основным объектом исследования для А. Улама остается советский вариант. Повторяя точку зрения Х. Арндт, А. Улам считает террор и идеологию основными чертами советского тоталитарного режима.

А. Улам не ставит своей задачей построить модель советского тоталитаризма, поэтому он дает не структурный, а функциональный анализ системы. Существование и развитие советской тоталитарной системы объясняется состоянием существования перманентного врага, с которым необходимо бороться. Внешняя политика также рассматривается через идеологические установки на расширение тоталитарной системы.

В самом названии книги автор подчеркивает, что на момент написания книги, т. е. после смерти Сталина, советская система остается тоталитарной, но с новым лицом. Что же новое выделяет Улам? Это некоторые попытки профессиональной автономии, повышение уровня жизни – черты модернизированного общества. Вместе с тем Улам подчеркивает, что либерализация и реформы в России обычно заканчиваются возобновленной волной централизации и притеснения.

Ситуацию в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве советолог характеризует как «эрозию тоталитаризма» [17, р. 113], используя распространенный в американской советологии термин, встречающийся также в работе Инкельса и Бауэра [18, р. 383–384].

Улам замечает в советском тоталитаризме не только тенденцию к эрозии, но противоположное – нежелание советских лидеров отказываться от тоталитарных средств управления и стремление отклонять любые социальные и политические изменения, угрожающие их власти. Историк удалось увидеть в начале 60-х гг. одно из противоречий тоталитарной системы, повлекшее за собой ее распад в конце 80-х гг. Это постепенное промышленное развитие страны в сочетании с повышением грамотности населения и, наоборот, сохранение тоталитарного режима, идеологии и методов управления. Советское руководство для удержания власти и сглаживания противоречий убеждало советских граждан, что коммунизм жизнеспособен и энергичен в отличие от устаревших демократических и либеральных идей.

Рассматривает Улам и внешнюю политику постсталинского периода. Его оценки также не выходят за рамки концепции тоталитаризма. Внешняя политика СССР однозначно характеризуется как экспансионистское продолжение российского империализма [17, р. 118]. Подобные характеристики были обусловлены состоянием «холодной войны». Следует заметить, что в основе внешней политики США лежали геополитические и идеологические задачи, которые не всегда решались мирными средствами, например, война США против Вьетнама.

Попытка создания нового определения тоталитаризма в зарубежной историографии была предпринята Г. Спиро в «Энциклопедии социальных наук». Г. Спиро выделил следующие определяющие черты тоталитаризма:

«– приверженность одной, позитивно сформулированной цели (будь то индустриализация, расовое господство и т. д.);

– непредсказуемость и неопределенность, вытекающие из перманентной процедурной флуктуации;

– широкомасштабное использование организованного насилия военными или полувоенными формированиями и секретной полицией;

– усилия по подчинению или ликвидации организаций или ассоциаций, не приверженных режиму;

– стремление достигнуть всеобщего участия населения в общественных организациях, преданных единой цели;

– универсализация цели в направлении переделки всего человечества по образу и подобию самой тоталитарной системы» [19, р. 108].

Выделение исследователем признака применения насилия было, скорее всего, вызвано событиями в Чехословакии. Трудно согласиться с автором, выделяющим в качестве признака тоталитаризма «непредсказуемость и неопределенность», тем более что далее Г. Спиро пишет о цели «переделки всего человечества».

Таким образом, определение Г. Спиро напоминает логическую конструкцию, подобную синдрому К. Фридриха и З. Бжезинского. Это определение показало, что изучение тоталитаризма в американской историографии пришло к полному абстрагированию от исторической ситуации, что приводило к своеобразным выводам и дефинициям.

В 60-е гг. был поставлен под сомнение тезис, что фашистский режим в Германии является тоталитарным. Этой проблеме была посвящена статья профессора из Беркли В. Зауэра, ученика известного немецкого историка К. Брахера, «Национал-социализм: тоталитаризм или фашизм?» [20].

Автор считает, что тоталитаризм не давал возможности исследовать в нужной мере историю национал-социалистического режима, но полностью отказаться от этой теории нельзя, так как «современные диктатуры имеют черты тоталитаризма» [20, р. 407].

В качестве недостатка теории В. Зауэр также отмечает нивелирование различий между фашизмом и большевизмом [20, р. 418]. Отвечая на поставленный в заглавии вопрос, автор считает, что «нацизм должен быть определен из нашего понимания природы фашизма как элемента германской истории» [20, р. 424].

Влияние на изменения взглядов на тоталитарную модель в 60-е гг. оказали социальные науки. Например, некоторые социологи, изучавшие Советский Союз в 1960-е гг., группы по интересам и их взаимодействие, казались жизненно важными для динамики общества, а «групповой подход» стал к концу десятилетия объединяющей идеей для ревизионистов теории тоталитаризма.

Социолог Г. Скиллинг был представителем этой позиции. В одной из своих статей он четко отмежевался от тоталитарной модели: «Понятие «тоталитаризма», которое преобладало в анализе коммунизма на Западе, как мне показалось, предотвращает возможность того, чтобы группы по интересам бросали вызов, или оказывали влияние на единственную правящую партию как источник всей власти. Считалось, что уникальность тоталитарной модели лежит в самой тотальности политической власти, исключая по определению любую сферу автономного поведения для групп кроме государства или партии, и более того, предотвращая серьезное влияние с их стороны на процесс принятия решений» [21, р. 435].

Затем Г. Скиллинг выделил «как минимум» восемь групп, которые в определенные периоды времени поддерживают особые интересы: интеллектуалы, юристы, управляющие, преподаватели, представители национальностей, ученые, военные и особая груп-

па в самой партии. Подход Г. Скиллинга отрицает исходное условие тоталитарной модели, состоящее в том, что коммунистические системы полностью отличаются от других социальных и политических систем. Если эти группы соревнуются за преобладание на советской политической сцене, не следует ли рассматривать Советский Союз в известной мере как плюралистическое общество? Позиция Г. Скиллинга приводит к абсурду. Д. Хоу позже замечает, что подход «групп по интересам» «рассматривает бюрократов не как марксистский правящий класс, а как образованный средний класс с разнообразными интересами и внутренними конфликтами» [22, р. 399]. Эта позиция Г. Скиллинга еще более приближала Советский Союз к западным обществам.

Под влиянием возросшего интереса в зарубежной историографии к сравнительному анализу различных стран и политических систем в апреле 1966 г. в Университете Чикаго состоялась конференция «Политическая наука на Среднем Западе». Основное внимание на этом форуме было уделено сравнительному анализу в изучении коммунистических систем. Наиболее интересные и дискуссионные выступления были опубликованы в одном из номеров журнала «Славик ревью» («Slavic Review») [23].

Значительное внимание в сделанных докладах было уделено тоталитарной модели, которая использовалась и для сравнения различных политических систем, включая коммунистическую и фашистскую.

С основным докладом «Сравнительное изучение коммунистических политических систем» на конференции выступил известный советолог А. Мейер [23, р. 3–12]. Цель выступления – критика модели тоталитаризма, которая видит сходство в коммунистических системах. А. Мейер же в своей статье (написанной на основе доклада) пытается доказать неповторимость каждого коммунистического государства. Исследователь подчеркивает, что тоталитаризм – это идеальный тип, которому никакая система не соответствует полностью.

Не отказываясь полностью от тоталитарной модели, А. Мейер предложил дополнительную – бюрократическую – модель для изучения коммунистических систем. Эти две модели, по мнению автора, дополняют друг друга, а не противостоят [23, р. 5].

Если тоталитарная модель изучает коммунистическую систему на ограниченном периоде роста, то бюрократическая рассматривает более длительный период накопления власти, а затем функционирования сформировавшейся системы. Однако, как наличие бюрократического аппарата в коммунистической системе способствует выявлению национальных, отличительных черт каждой коммунистической системы, из статьи А. Мейера не ясно. Наоборот, признак бюрократизации делает коммунистические системы схожими вне зависимости от национальной принадлежности.

Безусловно, коммунистический мир гетерогенный. Существуют различия между западными и азиатскими коммунистическими системами (латиноамериканский коммунизм как третий вариант). Думается, что кроме бюрократизма, который выделяет А. Мейер,

существуют многие другие переменные, отличающие одну коммунистическую систему от другой. Например, различная степень социальной стратификации, различные установленные структуры, различные отношения к власти, различные группы интересов и подкультуры.

В выступлении «Коммунизм и сравнительное изучение» американский политолог Дж. Каутский поддержал А. Мейера в активизации изучения коммунистических систем и сомнений относительно полноценности тоталитаризма [23, р. 13, 15]. Однако Дж. Каутский только тезисно говорит о контрасте между коммунистическими и фашистскими системами, между самими коммунистическими системами также. Его точка зрения о том, что концепция тоталитаризма затеняет эти отличия, идет в рамках общей критической тенденции зарубежной историографии тоталитаризма второй половины 60-х гг.

Позицию профессора А. Мейера также поддержали на конференции историки Д. Джекок и Р. Шаркт [23, р. 18, 22].

Научный форум, посвященный тоталитаризму и сравнительному изучению коммунистических систем, вызвал резонанс в научных кругах США. В одном из номеров журнала «Славик Ревью» («Slavic Review») вышла статья известного американского социолога П. Холландера «Наблюдения относительно бюрократии, тоталитаризма и сравнительного изучения коммунизма» [24].

В целом П. Холландер разделяет точку зрения А. Мейера о необходимости изучения коммунистических систем через сравнения. Социолог считает, что модель тоталитаризма для такого сравнения устарела, но другой модели он не видит. Поэтому полностью отказаться от тоталитарной модели, считает П. Холландер, преждевременно [24, р. 303].

П. Холландер высоко оценивает применение концепции тоталитаризма в американских исследованиях Советского Союза. Основным недостатком концепции тоталитаризма П. Холландер видит в акцентировании на принуждении, а тем более – на терроре. Конечно, такая точка зрения стала возможна только в постсталинский период, когда широкомасштабного террора в Советском Союзе не было. Но различные формы принуждения сохранились, это также выделяет П. Холландер, и на основании этого пишет о невозможности замены тоталитарной модели на бюрократическую модель.

П. Холландер утверждает, что актуальность тоталитарной модели остается при изучении коммунистических режимов даже во второй половине 60-х гг. В качестве достоинств модели социолог выделяет следующие черты:

- «1) идеология, основанная на утверждении квазиутопического социального порядка;
- 2) интенсивность управления;
- 3) двигатель в виде индустриализации;
- 4) отсутствие существенного плюрализма;
- 5) преднамеренно созданная взаимозависимость всех социальных, экономических, политических,

административных и культурных учреждений и действий» [24, р. 305].

Модель П. Холландера несовершенна, некоторые из вышеперечисленных черт можно встретить не только в коммунистических обществах. Любая модель создает идеальный тип, который в реальности отсутствует. Позитивным для модели П. Холландера является ее приближенность к советской системе 60-х гг.

В модели П. Холландера отсутствует динамизм, выделяются лишь структурные статичные признаки. Этим модель 60-х гг. П. Холландера мало отличается от модели К. Фридриха и З. Бжезинского 50-х гг. Но если в модели 50-х гг. основной признак – тотальный террор, то у П. Холландера – взаимозависимость всех институтов и действий, отсутствие выбора и свободы действия. То есть модель 60-х гг. фиксирует изменения тоталитарной системы, но не показывает сам процесс эволюции. Вместе с тем это шаг вперед в развитии зарубежной историографии тоталитаризма.

Некоторые зарубежные ученые в рамках критической дискуссии о тоталитаризме ограничились утверждением, что «тоталитарная модель уже дала большую часть того, что могла принести, и что нужны новые модели для изучения коммунистических государств и обществ в постсталинском мире» [19, р. 112]. «По-моему, не существует таких вещей, как правильная или неправильная социологическая модель», – писал социолог А. Инкельс, один из основателей советологии, – «существуют модели более богатые и более бедные» [25, р. 3].

В течение 60-х гг. социологи все чаще начинали чувствовать, что для того, чтобы изучать советскую политическую жизнь, необходимо понять, как общество функционирует через сети подчинения, покровительство и даже через политические и экономические «разногласия». Необходимо подчеркнуть, что исследователи советской политики все больше тяготели к опоре на те же средства анализа, которые используются для изучения других промышленно развитых и «развивающихся» обществ.

К концу 60-х гг. еще одним поводом для критики тоталитарной модели стало мнение ученых, что коммунистические режимы были не статичны, а проходили несколько фаз развития, в ходе которых различные аспекты систем требовали особо детального анализа. Вехой в исследовании коммунистических систем был долгосрочный проект, выполненный при содействии Американского совета научных обществ в конце 1960-х гг. Проект завершился публикацией в 1970 г. коллективной монографии «Перемены в коммунистических системах» [26]. Согласно ее редактору Ч. Джонсону, при изучении «различных коммунистических систем недостаточно использовались новые понятия социологии: изменение, развитие и модернизация. Говоря точнее, тоталитарная модель была неспособна направлять исследование в двух важных вопросах: как изменяются коммунистические системы и почему?» [26, р. 1–2].

Выводы дискуссии о тоталитаризме в зарубежной историографии в 60-е гг. заключаются в следующем:

- тоталитарную модель продолжили использовать при изучении диктаторских режимов;
- был подтвержден политизированный характер теории;
- в эти годы основное внимание было сосредоточено на изучении отдельных тоталитарных режимов с их особенностями и различиями.

В заключение необходимо отметить, что под влиянием критического дискурса в зарубежной историографии тоталитаризма в 1970-е гг. создается модернизированная концепция этого феномена. Она используется в основном при изучении фашизма. Основу модернизированной концепции составляет аргумент о «революционности» фашизма, базирующийся на антитезе «движение – режим».

Литература

1. Мороз Е. В. Феномен тоталитаризма в американской историографии (1930–1980-е годы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 50 с.
2. Карпов А. А. Современный тоталитаризм и его разновидности // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 52–58.
3. Мамедов А. А. О., Оришев А. Б. Тоталитаризм: трактовки прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2. С. 108–115.
4. Мороз Е. В. Критическое осмысление тоталитаризма в американской политической мысли середины прошлого века (некоторые аспекты проблемы) // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 2. С. 104–108.
5. Мороз Е. В. Тоталитаризм: интерпретации в зарубежных исследованиях 20–30-х годов XX века (некоторые аспекты проблемы) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сборник научных трудов. Т. II: Эволюция зарубежного государства и права, учений о зарубежном государстве и праве, проблемы теории, философии и методологии права в трудах-поздравлениях коллег / под ред. проф. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. С. 465–478.
6. Kolko J., Kolko G. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York: Harper & Row, 1972. 820 p.
7. Мороз Е. В. Некоторые проблемы эволюции политического учения о тоталитарном государстве // Право и образование. 2010. № 8. С. 68–80.
8. Мороз Е. В. Становление концепции тоталитарного государства в зарубежной общественно-политической мысли 20–30 гг. XX века // Современный мир. Современное образование. Проблемы, тенденции развития, подходы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, июнь 2012 г. / отв. ред. В. М. Филиппов. Москва: Издательство современного гуманитарного университета, 2012. С. 115–126.
9. Friedrich C. J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* / 2nd ed., revised by C. J. Friedrich. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1965. 439 p.
10. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. 3d ed. New York: Harcourt Brace & Company, 1966. 526 p.
11. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace & Company, 1973. 576 p.
12. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
13. Sorokin P. A. *Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type* // *International Journal of Comparative Sociology*. 1960. No. 1. P. 143–176.
14. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 544 с.
15. Мороз Е. В. Критика тоталитарного государства в американской общественно-политической мысли 60-х годов XX века // Социогуманитарный вестник. 2011. № 1. С. 66–73.
16. Gleason A. *Totalitarianism. The Inner History of the Cold War*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995. 307 p.
17. Ulam A. B. *The New Face of Soviet Totalitarianism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. 233 p.
18. Inkeles A., Bauer R. A. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1961. 533 p.
19. Spiro H. J. *Totalitarianism* // *International Encyclopedia of Social Sciences*. New York: Macmillan and Free Press, 1968–1976. Vol. 16. P. 106–107.
20. Sauer W. *National Socialism: Totalitarianism or Fascism?* // *The American Historical Review*. 1967. December. Vol. LXXIII. No. 2. P. 404–424.
21. Skilling H. G. *Interest Group and Communist Politics* // *World Politics*. 1966. April. P. 435–451.
22. Hough J. *The «Dark Forces», the Totalitarian Model, and Soviet History* // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. Is. 4. October. P. 397–403.
23. *Slavic Review*. 1967. March. Vol. XXVI. No. 1. P. 1–112.
24. Hollander P. *Observations on Bureaucracy, Totalitarianism, and the Comparative Study of Communism* // *Slavic Review*. 1967. June. Vol. XXVI. No. 2. P. 302–307.
25. Inkeles A. *Models and Issues in the Analysis of Soviet Society* // *Survey*. 1966. July. P. 3–17.
26. *Change in Communist Systems* / Ed. Ch. Johnson. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1970. 368 p.

CRITICAL DISCOURSE OF TOTALITARISM IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE 1960S

Elena V. Moroz^{1, @}

¹ Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992
@morozkem@yandex.ru

Received 10.10.2017. Accepted 28.11.2017.

Keywords:

totalitarianism,
historiography,
dictatorship, fascism,
communism, critique.

Abstract: The purpose of this article is to analyze the reasons and the substantive content of the critical discourse on totalitarianism developed in foreign historiography of the 1960s. The analysis is based on the fundamental methodological principles of historical study: systemic approach of historicism and scientific objectivity. The research focuses on the works by famous foreign researchers in the area: H. Arendt, P. Sorokin, K. Friedrich, Z. Brzezinski, R. Mills, A. Ulam. The content of these works makes it possible to highlight the main methodological problems of critical discourse. The author criticizes the totalitarian model for its structural and external uniformity and lack of differentiation of totalitarian regimes. Revisionism in foreign historiography of the 1960s contributed to the study of Soviet society on the basis of sociological methodology by highlighting its high social mobility. The critical approach specifies the differences between communist and fascist systems and the peculiarities of individual communist regimes. However, the representatives of the critical approach failed to create a coherent theory compatible to the one offered by the adherents of totalitarianism. The critical discourse of totalitarianism in the 1960s contributed to the formation of a modernized concept of the phenomenon. The final part of the article contains the main conclusions of the discussion. The content and results of this article can be used in foreign historiography courses.

For citation: Moroz E. V. Kriticheskiy diskurs totalitarizma v zarubezhnoi istoriografii 1960-kh gg. [Critical Discourse of Totalitarianism in Foreign Historiography of the 1960s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 66–73. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-66-73.

References

1. Moroz E. V. *Fenomen totalitarizma v amerikanskoj istoriografii (1930–1980-e gody)*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [The phenomenon of totalitarianism in American historiography (1930–1980s years). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2006, 50.
2. Karpov A. A. Sovremenniy totalitarizm i ego raznovidnosti [Modern totalitarianism and its variants]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, no. 1 (2016): 52–58.
3. Mamedov A. A. O., Orishev A. B. Totalitarizm: traktovki proshlogo i nastoiashchego [Totalitarianism: interpretation past and present]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 2 (2014): 108–115.
4. Moroz E. V. Kriticheskoe osmyslenie totalitarizma v amerikanskoj politicheskoi mysli serediny proshlogo veka (nekotorye aspekty problemy) [Critical understanding of totalitarianism in American political thought mid-century (some aspects of)]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naja kul'tura = Ethnosociology and interethnic culture*, no. 2 (2015): 104–108.
5. Moroz E. V. Totalitarizm: interpretatsii v zarubezhnykh issledovaniyakh 20–30-kh godov XX veka (nekotorye aspekty problemy) [Totalitarianism: the interpretation of the foreign studies of the 20–30s of XX century (some aspects of)]. *Evoliutsiia rossiiskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiiu kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo iuridicheskogo universiteta (1936–2016). Sbornik nauchnykh trudov. T. II: Evoliutsiia zarubezhnogo gosudarstva i prava, uchenii o zarubezhnom gosudarstve i prave, problemy teorii, filosofii i metodologii prava v trudakh-pozdravleniiakh kolleg* [Evolution of the Russian and foreign state and law. To the 80th anniversary of the Department of the History of State and Law of the Ural State Law University (1936–2016). Collection of scientific papers. Vol. II: Evolution of a foreign state and law, doctrines about a foreign state and law, problems of theory, philosophy and methodology of law in works-congratulations of colleagues]. Ed. Smykalin A. S. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet, 2016, 465–478.
6. Kolko J., Kolko G. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York: Harper & Row, 1972, 820.
7. Moroz E. V. Nekotorye problemy evoliutsii politicheskogo ucheniia o totalitarnom gosudarstve [Some problems of the evolution of political doctrine of the totalitarian state]. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, no. 8 (2010): 68–80.

8. Moroz E. V. Stanovlenie kontseptsii totalitarnogo gosudarstva v zarubezhnoi obshchestvenno-politicheskoi mysli 20–30 gg. XX veka [The formation of the concept of the totalitarian state in foreign political thinking in the 20–30 years of the twentieth century]. *Sovremennyi mir. Sovremennoe obrazovanie. Problemy, tendentsii razvitiia, podkhody: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kemerovo, iun' 2012 g.* [Modern world. Modern education. Problems, development trends, approaches: Proc. VI Russian Sc.-Prac. Conf. (June 2012)]. Ed. Filippov V. M. Moskva: Izdatel'stvo sovremennogo gumanitarnogo universiteta, 2012, 115–126.
9. Friedrich C. J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Revised by Friedrich C. J. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1965, 439.
10. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace & Company, 1966, 526.
11. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace & Company, 1973, 576.
12. Aron R. *Demokratiia i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow: Tekst, 1993, 303.
13. Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type. *International Journal of Comparative Sociology*, no. 1 (1960): 143–176.
14. Mills R. *Vlastvuiushchaia elita* [The ruling elite]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959, 544.
15. Moroz E. V. Kritika totalitarnogo gosudarstva v amerikanskoj obshchestvenno-politicheskoi mysli 60-kh godov XX veka [Criticism of the totalitarian state in American political thinking in the 60s of XX century]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik = Social and humanitarian bulletin*, no. 1 (2011): 66–73.
16. Gleason A. *Totalitarianism. The Inner History of the Cold War*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995, 307.
17. Ulam A. B. *The New Face of Soviet Totalitarianism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963, 233.
18. Inkeles A., Bauer R. A. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1961, 533.
19. Spiro H. J. *Totalitarianism. International Encyclopedia of Social Sciences*. New York: Macmillan and Free Press, vol. 16 (1968–1976): 106–107.
20. Sauer W. National Socialism: Totalitarianism or Fascism? *The American Historical Review*, December, LXXIII, no. 2 (1967): 404–424.
21. Skilling H. G. Interest Group and Communist Politics. *World Politics*, April (1966): 435–451.
22. Hough J. The «Dark Forces», the Totalitarian Model, and Soviet History. *Russian Review*, 46, October (1987): 397–403.
23. *Slavic Review*. March, XXVI, no. 1 (1967): 1–112.
24. Hollander P. Observations on Bureaucracy, Totalitarianism, and the Comparative Study of Communism. *Slavic Review*, June, XXVI, no. 2 (1967): 302–307.
25. Inkeles A. Models and Issues in the Analysis of Soviet Society. *Survey*, July (1966): 3–17.
26. *Change in Communist Systems*. Ed. Johnson Ch. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1970, 368.

УДК 930.85

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ТЕКСТИЛЬ XVII ВЕКА: НИЗАННЫЕ ЖЕМЧУЖНЫЕ РАБОТЫ МАСТЕРСКИХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Бэлла Л. Шапиро^{1, @}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6
@ b.shapiro@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: русская культура, XVII век, церемониал, текстиль, жемчуг, мастерские Московского Кремля.

Аннотация: В статье приводится результат исследования самого эффективного из всех видов текстиля, бытовавшего в царском обиходе в России XVII столетия – времени расцвета русской работы с жемчугом. В этом контексте изучаются жемчужные работы мастерских Московского Кремля, в то время хранившиеся в составе царской казны и патриаршей ризницы. Сегодня эти шедевры находятся в собрании Оружейной палаты. Анализ проводится на примере церемониальных платов и покровов различного назначения. В ходе исследования был уточнен предметный ряд, характеризующий светское и культово-ритуальное церемониальное текстильное убранство XVII в., которое оформлялось в технике жемчужного низания. Очерчен круг таких предметов, находящихся в отечественных музейных собраниях. Большое внимание уделено специфике древнерусской работы с жемчугом. Акцент сделан на одном из самых ценных предметов, выполненных в этой технике. Это «покровец с царствы» из царской Конюшенной казны, выполненный в начале второй четверти XVII в. Подводятся итоги работы, согласно которым низанный жемчугом текстиль может рассматриваться как значимый вещевой источник по истории церемониальной культуры позднего русского средневековья.

Для цитирования: Шапиро Б. Л. Церемониальный текстиль XVII века: низанные жемчужные работы мастерских Московского Кремля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 74–78. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-74-78.

На протяжении нескольких столетий именно жемчуг выступал основным материалом для украшения самых роскошных предметов из царского обихода. Текстиль, украшенный жемчугом, традиционно служил наиболее эффектным дополнением золота; в русской культуре он ассоциировался с вещественным выражением высокого статуса.

Отечественные исследователи русской культуры неоднократно обращались к изучению «жемчужного» текстиля. Среди них И. Е. Забелин (1869), Н. Л. Шабельская (1926), Л. И. Якунина (1955), В. А. Фалеева (1983), И. И. Вишневецкая (2007). Итогом стал довольно значительный корпус материалов, где работы русских мастериц были проанализированы с точки зрения их места в русской культуре и в русском декоративно-прикладном искусстве. В настоящей работе эта элитарная разновидность текстиля впервые рассматривается в качестве черты, характеризующей церемониальную культуру позднего русского средневековья как достигшую наивысшей пышности.

Жемчужные работы, выполненные в технике низания (то есть нанизывания жемчуга на нить), изготавливались на Руси в период XVI–XVII вв., а шитье жемчугом (то есть сажение) известно здесь уже с X в. [1, с. 4, 45]. Включение жемчуга в текстильные работы было отличительной чертой русских мастериц, так как иноземными рукодельницами этот материал, за редкими исключениями, таким способом не при-

менялся [2, с. 62]. Семнадцатый век стал «золотым» веком русских рукодельных работ, в том числе и для жемчужного низания. Именно в это время в мастерских Московского государства создавались подлинные шедевры [3, с. 21].

Для работ использовали привозной морской жемчуг, составлявший в XVII в. значимую часть импорта [4, с. 123, 127]. Ценность жемчуга определялась в зависимости от места его добычи, а также размера (выделялись зерна «большой, средней и малой руки») и цвета. В это время уже была введена браковка зерен по их форме.

Особо ценные экземпляры носили название «жемчужина», прочие же объединялись в общее понятие «жемчуг». Ровные круглые зерна назывались «скатыным» или «окатыным» жемчугом, который ценился значительно выше, чем жемчуг неправильной формы под названиями «уродец», «зубоватый», «угольчатый» или «рогатый» [1, с. 16–18]. Крупный жемчуг продавался поштучно или «кистями» (он нанизывался на нитки, которые затем связывались в кисти), мелкий – на вес, который измерялся в фунтах или золотниках [5, с. 91; 4, с. 123, 133, 139].

Наибольшую стоимость имел белый или светло-розовый ровный и крупный «бурмицкий» или «гурмицкий» жемчуг из Ормуза в Персидском заливе. Высоко ценился и крупный ровный жемчуг из черноморской Кафы. Несколько ниже оценивался цветной цей-

лонский и индийский не крупный жемчуг [6, с. 5–8; 1, с. 13]. Уточним, что кафимский жемчуг зачастую получал свое название не по месту его добычи, а по месту продажи [1, с. 14]; подобная практика была весьма характерна для торговли в прошлом [7, с. 414].

Техника низания представляла собой нанизывание жемчуга на нитку в виде сквозной сетки, которая была весьма разнообразна: «в низку», «в ряску», «в перье», «в прядь», «в две пряди», «в одно зерно», «в рефидь», «в сетку», «решеткой» и др. [8, с. 657; 1, с. 46, 48]. В работу шли как целые зерна, так и их половинки, что удешевляло стоимость изделия.

Для разнообразия к жемчугу добавлялись «плащики» – «род мелких фигурных бляшек из золота и серебра, которые делались выпуклые или плоские, резные, чеканные, с чернью или эмалью. Разнообразные по форме, плащики служили богатым добавлением, эффектно заполняя узор и шитье золотом или шелками или же низание жемчугом, внося большое разнообразие в орнамент и увеличивая художественное впечатление» [9, с. 123].

Кроме того, низание дополнялось аламами, или образцами – большими золочеными серебряными бляхами. Так, на бархатную шубку царицы Марьи Ильиничны в 1648 г. было «нашивано круживо с олами, около оламов низано жемчугом» [10, с. 3]. Схожую с алами роль исполняли и дробницы – более крупные бляхи с чеканными или резными сюжетами [10, с. 63].

Декоративность жемчужного низания еще более повышалась с применением так называемых «живых репьев» – маленьких металлических зубчатых чашечек-«гнезд», в которые вставлялись цельные жемчужные зерна или драгоценные камни. Репьи, закрепленные «на спнях», то есть подвижно, на продетой в них серебряной золоченой проволоке, от движения «качались, дрожали и тем производили еще больше блеску во всем уборе» [8, с. 589].

Среди драгоценных камней, которые использовались для жемчужного низания, встречались полудрагоценные камни, а также стекло и подделки под именем «простых камней» или «смазней» [5, с. 92]. (Наличие этого «неблагородного» по современным меркам материала объясняется его довольно высоким статусом в XVII столетии). Однако чаще всего в рукодельных работах задействовались рубины (под именем червчатых яхонтов), лалы (красные камни с окраской бледнее рубинов), изумруды («искры изумрудные») и сапфиры («яхонты лазоревые») [5, с. 91]. Так, зимой 1613–1614 гг. «в верх к государыне иноке Марфе Ивановне в хоромы отпущено 16-ть камней, яхонтов лазоревых больших <...> а вставляти те каменя в гнезда в круживо Государю» [11, с. 106]. Огранка камней в рассматриваемый период была далека от совершенства; в жемчужных работах использовались в том числе и необработанные камни [5, с. 90].

Дешевые сорта жемчуга, такие как китайский морской и отечественный речной, в русских низанных работах XVII в. не применялись, поскольку в это время вещи, украшенные жемчугом, встречались исключительно в царском кругу, и даже здесь их быто-

вание не было широким. Обыкновенно жемчужным низанием «с запоны и с камнем» декорировали вещи царского обихода и одежды царского наряда, такие как троны и парадные платна. Остальные одежды и бытовые предметы украшались более простыми отделками: кованым (на верхних платьях), тканым (на вторых платьях) и плетеным кружевом (повсеместно) [12, с. 46].

Жемчужное низание украшало собой и другой церемониальный текстиль: прежде всего это платы и покровы литургические (на престольные одежды, воздуха, индитии, а также крещатые и традиционные квадратные покровцы), свадебные платы (ширинки) и парадные конские покровы (попоны, чалдары и чепраки).

До настоящего времени сохранилось не так много образцов низаного жемчуга. Лучшие экземпляры в большинстве своем выполнены в Царицыной мастерской палате и других мастерских Московского Кремля (для проведения сложных работ в технике низания привлекались мастера Серебряной палаты) [3, с. 23]. В основном это вещевой материал, издавна хранившийся в составе царской казны и патриаршей ризницы. Сегодня эти предметы находятся в сокровищнице Оружейной палаты Московского Кремля. Большинство из них датируется второй половиной XVII в. Этот период стал временем расцвета русских работ с жемчугом; от прочих их отличает композиционное совершенство, сложность техники и бесконечное разнообразие применяемых материалов [6, с. 43, 60].

Одним из таких шедевров является так называемый «покровец с царствы», один из самых ценных покровцов, если не самый ценный из всех имевшихся в царской Конюшенной казне. Он вышит по лазоревому атласу «пряденым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне в центре; конь вынизан мелким жемчугом. В кайме покровца – десять кругов из белого атласа с вышитыми золотом, серебром, разноцветными шелками и жемчугом гербами областей Московского государства: Казанской, Сибирской, Новгородской, Тверской, Рязанской, Болгарской, Пермской, Вятской и Нижегородской; круги обведены рельефно вышитыми золотом и серебром обводками с жемчужным низанием; жемчуг обильно украшает все шитье покровца. По краю – серебряная бахрома, подкладка – желтой камки» [13, с. 268]. Покровец был выполнен в начале второй четверти XVII в. в технике так называемого «высокого» шитья золото-серебряной нитью способом «высокий шов» и «высокий накладной шов» с включением жемчужного низания [14, с. 15].

С большим искусством выполнен русскими мастерами и парадный чепрак «бархатный, червчатый, низанный жемчугом, угловатым и круглым, в виде развода из цветов, с коймою и с обводкою вокруг узора из волоченого золота, в виде веревочки; у цветов в средине, равно и по некоторым лепесткам вставки золотые, чеканные с припаянными гнездами, в которых посажены изумруды и красные яхонтики; с трех сторон чепрака, вместо бахромы, пришиты к золотой тесемочке так называемые раски или ниточки жемчужные длиною при-

мерно около полутора вершка с закрепками в виде русских пуговок из серебряной позолоченной проволоки. Подкладка под чепраком зеленая канвовая. На чепраке вставок в виде цветков сорок две. На середине репей, в котором посажен красный яхонт, граненый россыпью и кругом его на шести листках посажены через один три лалика и три изумрудца. Во всем же чепраке: яхонтов – 75, изумрудов – 65, жемчуга – 130 золотников» [1, с. 81, 139]. Этот предмет также выполнен в мастерских Кремля в XVII в.

Интересным декоративным оформлением чепрака служит сетка, сплетенная из золотого шнура с включением жемчуга. По манере исполнения она схожа с декором, который в XVII столетии носил название «гривы» [3, с. 25]: с «гривой конской», то есть с «плетеной из пряденого золота или серебра сеткой, которою покрывали гриву лошади для украшения» [10, с. 28], и с «гривой одеяльной». Такая вещь упоминается в «Приходной и расходной книге товарам и кроильные платью» за 1627 г.: «от царицы из хором принесена одеяльная грива – по атласу по червчатому низаны травы жемчугом; меж трав в гнездах 22 яхонты лазоревых, да 25 изумрудов, да 17 лалов; подкладка киндяк лазорев» [11, с. 339].

Богато декорированные парадные чепраки, закрывающие спину, бока, бедра и (частично) голени лошади, надевались под седло и использовались в комплекте с прочим парадным конским убранством при церемониалах светского (царских выездах, коронациях и венчаниях, встречах иноземных посланников) и культово-ритуального назначения [3, с. 21–27].

Последние совершались в день водоосвящения, на Пасху и в Вербное воскресенье. Вот как выглядело праздничное пасхальное шествие: «царь [возвращаясь из собора в Кремле], в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие – из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремена из серебра или великолепно позолочены, узда и сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2–3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла, да и сами лошади были не менее великолепы» [15, с. 152].

Еще одним видом церемониального текстиля, декорированного низаными жемчугом, были небольшие парадные платки «ширинки». В русской средневековой культуре эти предметы были весомой частью обряда выбора царской невесты. Передача ширинки знаменовала окончание процедуры избрания не-

сты [6, с. 14], после чего она торжественно вводилась в кремлевские палаты [8, с. 221]. Ширинки были обязательной частью свадебного женского костюма и свадебных даров [16, с. 42] и особо значимой частью патриарших и посольских даров: «а бывают те дары ширинки тафтяные белые, шиты кругом золотом и серебром, около кисти золото с серебром, а иные золото и серебро с шелком» [17, с. 10].

В XVII столетии такие платки выполнялись из ценных тонких хлопчатобумажных и шелковых тканей: арабского глянцевого миткаля, венецианской тафты «виницейки» или полупрозрачной кисеи [18, с. 57–59, 64]. По периметру они украшались полосами шитой или кружевной отделки из золота, серебра и шелка. Иногда края дополнительно снабжались кистями; эти ширинки носили название накищенных [8, с. 636–637]. Такой была, например, ширинка, найденная при раскопках Московского Кремля в начале XVIII в.: «ширинка тафтяная, вместо шитых узоров низано золотом с жемчугом, кисти золочены» [19, с. 29].

В Оружейной палате Московского Кремля также хранятся несколько ширинок, изготовленных мастерицами Царицыной мастерской палаты в 1670-х гг. [6, с. 13]. Все они сделаны из светлых однотонных тканей; золотное кружево к ним выполнено в форме оплетов в виде низанных жемчугом решеток. По периметру ширинки декорированы длинными кистями из золотных нитей.

Церемониальное литургическое убранство XVII в. декорировалось сходным образом.

В результате работы можно сделать следующие выводы:

– уточнен предметный ряд, характеризующий светское и культово-ритуальное церемониальное текстильное убранство XVII в., декорированное в технике жемчужного низания;

– выявлен круг таких предметов, находящихся в отечественных музейных собраниях;

– определена значимость текстильного убранства такого рода для церемониальной культуры позднего русского средневековья. Среди текстиля, задействованного в светских и культово-ритуальных церемониях Московского государства, вещи, декорированные низаными жемчугом, занимают одно из важнейших мест. Эти предметы иллюстрируют исключительно парадную сторону жизни царской семьи и ее ближайшего круга в XVI–XVII вв. Расцвет искусства низания относится ко второй половине XVII в.; именно в это время создаются подлинные шедевры, хранящиеся сегодня в Оружейной палате Московского Кремля.

Литература

1. Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М.: Искусство, 1955. 159 с.
2. Шапиро Б. Л. Золото-серебряный декор одежды в XIII–XVIII вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 4. С. 54–74.
3. Шапиро Б. Л. Жемчужный чепрак второй половины XVII в.: золото-серебряные работы мастерских Московского Кремля // «История кружева – история страны»: сборник статей Международной научно-практической конференции (3 ноября 2016). Москва, 2016. С. 21–27.
4. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. 624 с.

5. Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. Труды Государственного исторического музея. М.: Нижполиграф, 1928. С. 5–118.
6. Вишневецкая И. И. Жемчужное шитье на Руси. М.: Московский Кремль, 2007. 64 с.
7. Шапиро Б. Л. К истории «косыношной работы»: русские кружевные шали XIX – начала XX вв. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы 18-й международной научной конференции (26–29 мая 2015). Санкт-Петербург, 2015. С. 414–418.
8. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Грачева, 1869. 670; 178; VIII с.
9. Шабельская Н. Л. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. М.: Центральные государственные реставрационные мастерские, 1926. Вып. 1. С. 113–124.
10. Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1896. 184 с.
11. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. М.: Типо-лит. С. П. Архипова, 1877. 376 с.
12. Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М.: Тип. А. Семена, 1844. VIII, 702, 109 с.
13. Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 247–304.
14. Шапиро Б. Л. Гербовое убранство царской лошади: Россия позднего средневековья и Новое время // История: факты и символы. 2017. № 1. С. 14–26.
15. Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. СПб.: Symposium, 1996. 272 с.
16. Бошковска Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб.: Алетей, 2015. 524 с.
17. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. 260 с.
18. Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
19. К вопросу о раскопках в Московском Кремле в начале XVIII в. Описи дворцовых церквей (собора Воскресения Христова) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. М.: Университетская типография, 1897. Кн. 2. С. 17–86.

CEREMONIAL TEXTILE IN XVII CENTURY: PEARL WORKS OF THE MOSCOW KREMLIN WORKSHOPS

Bella L. Shapiro^{1, @}

¹ Russian State University for the Humanities, 6, Miusscay Square, Moscow, Russia, 125993
@ b.shapiro@mail.ru

Received 21.09.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Russian culture, XVII century, ceremonial, textiles, pearl, Moscow Kremlin workshops.

Abstract: The article introduces the results of a study dedicated to the most spectacular textile in the royal household in the XVII century Russia – the heyday of Russian pearl works. This is the context for the study of the Moscow Kremlin pearl works kept in those days in the Royal Treasury and the Sacristy. Today these masterpieces are in the collection of the Armory Chamber. The analysis involves ceremonial wraps and various pearl covers. The research refines the series of secular and cult-ritual ceremonial textile of the XVII century, which was adorned with the pearl threading technique. The author identifies a range of such items located in the national museum collections. Much attention is paid to the specifics of ancient Russian pearl work. The emphasis is on one of the most valuable items made in this technique. It is the so-called «Blanket with Kingdoms» from the Royal Stables Treasury; the item was made at the beginning of the second quarter of the XVII century. According to the results of the analysis, the textiles with pearl works can be regarded as a significant material source on the history of the ceremonial culture of the late Russian Middle Ages.

For citation: Shapiro B. L. Tseremonial'nyi tekstil' XVII veka: nizanye zhemchuzhnye raboty masterskikh Moskovskogo Kremlia [Ceremonial Textile in XVII Century: Pearl Works of the Moscow Kremlin Workshops]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 74–78. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-74-78.

References

1. Iakunina L. I. *Russkoe shit'e zhemchugom* [Russian sewing with pearls]. Moscow: Iskusstvo, 1955, 159.
2. Shapiro B. L. Zoloto-serebrianiy dekor odezhdy v XIII–XVIII vv. [Gold-silver decoration of clothes in XIII–XVIII centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii = Bulletin of Tver State University*, no. 4 (2015): 54–74.
3. Shapiro B. L. Zhemchuzhnyi cheprak vtoroi poloviny XVII v.: zoloto-serebrianye raboty masterskikh Moskovskogo Kremliia [Pearl caparison of the second half of the XVII century: gold and silver works of the workshops of the Moscow Kremlin]. «*Istoriiia kruzheva – istoriiia strany*»: *sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (3 noiabria 2016)* [«History of lace – the history of the country»: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (November 3 2016)]. Moscow, 2016, 21–27.
4. Kurts B. G. *Sochinenie Kil'burgera o russkoi torgovle v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha* [Kilburger's essay on Russian commerce in the reign of Alexei Mikhailovich]. Kiev: Tip. I. I. Chokolova, 1915, 624.
5. Baklanova N. A. Privoznye tovary v Moskovskom gosudarstve vo vtoroi polovine XVII v. [The imported goods in the Moscow state in the second half of the XVII century]. *Ocherki po istorii torgovli i promyshlennosti v Rossii v 17 i v nachale 18 stoletiiia. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Essays on the history of trade and industry in Russia in the 17th and early 18th centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow: Nizhpoligraf, 1928, 5–118.
6. Vishnevskaiia I. I. *Zhemchuzhnoe shit'e na Rusi* [Pearl embroidery in Russia]. Moscow: Moskovskii Kreml', 2007, 64.
7. Shapiro B. L. K istorii «kosynoshnoi raboty»: russkie kruzhevnye shali XIX – nachala XX vv. [To the history of «kosynoshnaya work»: Russian lace shawls XIX – early XX centuries]. *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii: materialy 18-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (26–29 maia 2015)* [Fashion and Design: Historical Experience – New Technologies: Proc. 18th Intern. Sc. Conf. (May 26–29 2015)]. Saint-Petersburg, 2015, 414–418.
8. Zabelin I. E. *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiiakh* [Home life of Russian queens in the XVI and XVII centuries]. Moscow: Tip. Gracheva, 1869, 670; 178; VIII.
9. Shabel'skaia N. L. Materialy i tekhnicheskie priemy v drevnerusskom shit'e [Materials and techniques in Old Russian sewing]. *Voprosy restavratsii. Sbornik Tsentral'nykh gosudarstvennykh restavratsionnykh masterskikh* [Questions of restoration: a collection of Central State Restoration Workshops]. Moscow: Tsentral'nye gosudarstvennye restavratsionnye masterskie, vol. 1 (1926): 113–124.
10. Savvaitov P. I. *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhov i konskogo pribora* [Description of the ancient Russian things, clothes, weapons, military armor and horse equipment]. Saint-Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk, 1896, 184.
11. Viktorov A. E. *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1584–1725 g.* [Description of note books and papers of ancient palace orders 1584–1725]. Moscow: Tipo-lit. S. P. Arkhipova, 1877, 376.
12. Stroev P. M. *Vykhody gosudarei tsarei i velikikh kniazei Mikhaila Fedorovicha, Alekseia Mikhailovicha, Fedora Alekseevicha, vseia Rusi samoderzhtsev (s 1632 po 1682 god)* [Outing of the sovereigns of kings and grand dukes Mikhail Fedorovich, Alexei Mikhailovich, Fedor Alekseevich, all Russia autocrats (from 1632 to 1682)]. Moscow: Tip. A. Semena, 1844, VIII, 702, 109.
13. Denisova M. M. Koniushennaia kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI–XVII vekov [Stable Treasury. The ceremonial horse decoration of the XVI–XVII centuries]. *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia* [The State Armory Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow, 1954, 247–304.
14. Shapiro B. L. Gerbovoe ubranstvo tsarskoi lozhadi: Rossiia pozdnego srednevekov'ia i Novoe vremia [The coat of arms of the royal horse: Russia of the late Middle Ages and the Modern history]. *Istoriiia: fakty i simvoly = History: facts and symbols*, no. 1 (2017): 14–26.
15. Vitsen N. *Puteshestvie v Moskoviiu. 1664–1665* [Travel to Muscovy. 1664–1665]. Saint-Petersburg: Symposium, 1996, 272.
16. Boshkovska N. *Mir russkoi zhenshchiny semnadtsatogo stoletiiia* [The world of a Russian woman of the seventeenth century]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2015, 524.
17. Kotoshikhin G. K. *O Rossii v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. Saint-Petersburg: Izdanie arkhograficheskoi komissii, 1884, 260.
18. Klein V. K. *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII v., i ikh terminologiiia* [Foreign fabrics that existed in Russia before the XVIII century and their terminology]. Moscow: Oruzheinaia palata, 1925, 67.
19. K voprosu o raskopkakh v Moskovskom Kreml'e v nachale XVIII v. Opisi dvortsovykh tserkvei (sobora Voskreseniia Khristova) [To the question of excavations in the Moscow Kremlin at the beginning of the XVIII century. Inventory of palace churches (the Cathedral of the Resurrection of Christ)]. *Chteniiia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow: Universitetskaia tipografiia, vol. 2 (1897): 17–86.

УДК 94(363.5)

СУЩНОСТЬ СУДЕБНЫХ РИТУАЛОВ В ЛАНГОБАРДСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕОльга С. Шумягина^{1, @}¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@olyaket@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2016. Принята к печати 30.09.2016.

Ключевые слова:

лангобарды, судебные ритуалы, символичность, клятва, поединок, вражда, публичное дарение, консенсуальный характер власти.

Аннотация: В статье рассматриваются основные судебные ритуалы, сложившиеся в обществе лангобардов: очистительная клятва, дуэль, вражда и публичное дарение. Цель исследования – выявить сущность ритуалов, определить их функцию и место в системе судопроизводства.

Статья основывается на анализе правовых сводов лангобардских королей-законодателей: Ротари, Гримоальда и Лиутпранда. Для сравнения также привлекаются законодательные памятники других германских племен: салических франков, аламанных, баваров. Дается характеристика каждой отдельной процедуры с точки зрения символичности. Анализируется степень влияния традиционных представлений германцев и социальных реалий лангобардов на становление и характер сакральных процедур. Затрагивается проблема специфики королевской власти и ее деятельности по отношению к обычно-правовым механизмам и институтам контроля за соблюдением правовых норм.

По итогам исследования были выявлены основные сакральные процедуры, существовавшие в лангобардском обществе. Среди них – очистительная клятва, поединок, вражда или кровная месть, широко распространенный обряд публичного дарения. В процессе анализа перечисленных ритуалов были сделаны выводы о глубокой символичности судебных процедур в лангобардском законодательстве. Сакральные процедуры формировались длительное время под влиянием обычно-правовых представлений того или иного племени и являлись одним из основных механизмов регулирования поведения человека в обществе. Институты государственной власти с переменным успехом пытались оказывать влияние на обычно-правовую сторону жизни общества.

Для цитирования: Шумягина О. С. Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 79–84. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-79-84.

Характерной чертой варварских законодательств является их приверженность разного рода ритуалам. Ритуальные процедуры играли важнейшую, если не первостепенную роль, в обществе и санкционировали его деятельность. Сакральные процедуры являлись неотъемлемым атрибутом в сфере судопроизводства, регулировали социальные и имущественные отношения. Попытаемся рассмотреть спектр судебных ритуалов, характерных для общества лангобардов, выявить их сущность. Основой для данного исследования послужили законодательные памятники лангобардов: эдикт Ротари, законы Гримоальда и Лиутпранда.

Любое варварское общество, в том числе и лангобардское, обладало рядом особенностей, что накладывало своеобразный отпечаток на различные сферы деятельности, что и отразилось в законодательстве. Казуистичность законодательства и присущая традиционному германскому мышлению символичность порождали совершенно уникальный феномен [1, с. 150–151]. Со временем между нормой-казусом, содержащей конкретные действия, и восстановлением гармоничного миропорядка устанавливалась прямая связь. Вследствие этого предписанные нормой

действия, процедуры возводились в ранг ритуала, приобретали сакральный символический характер [2, с. 287–288].

Одной из форм судопроизводства, ведущих свое начало от родового строя, являлась клятва очищения. Клятва приносилась лишь в тех случаях, когда на судебном обсуждении отсутствовали доказательства. Целью процесса при этом не было выяснение и доказательство фактов. Их очевидность происходила из самой очистительной клятвы [3, с. 60–62]. Видимо, клятва являлась наиболее распространенной и часто отправляемой формой ритуала. Об этом свидетельствует многократное обращение к ней в законах любого из лангобардских королей-законодателей (ст. 9, 143, 146, 153, 164–166, 195, 198, 202, 213, 237–232, 248, 264, 265, 342–345, 365, 381; ст. 2, 3, 4, 7; ст. 8, 11, 15, 56, 68, 70, 79, 81, 87, 93, 121, 133) [3, с. 17, 28–30, 32, 38–41, 44–46, 48, 49, 57, 61; 4, с. 65–67; 5, с. 70–71, 73, 84, 88, 91, 92, 94, 95, 104]. Путем принесения клятвы в обществе лангобардов решалось множество вопросов: снятие с человека обвинения в убийстве, насилии, клевете, краже; споры

о наследовании имущества; заключение залоговых сделок и др.

Ритуал очистительной клятвы был напрямую взаимосвязан с не менее древним институтом соприсяжничества. Количество соприсяжников обычно определялось в пределах 12 человек. Среди обязательных условий следует отметить наличие состояния свободы у приносящих клятву. Обычно роль соприсяжников выполняли родичи или же «сотоварищи» (ст. 359) [3, с. 59]. Соприсяжничество было развито у всех германцев. В титулах Салического закона «О выкупе руки из котелка» [6, с. 51–52], «О горсти земли» [6, с. 55–56] мы обнаруживаем совершенно идентичную процедуру свидетельствования, направленную на очищение виновного лица или же на санкционирование каких-либо ритуальных процедур. В случае с лангобардами интерес представляет терминология, применяемая по отношению к институту соприсяжничества. Наряду с наиболее употребимым латинским термином *legitimus sacramentales* (ст. 153) [3, с. 30], единожды встречается синонимичный термин германского происхождения *aídos* (ст. 359) [3, с. 59], что свидетельствует о древности и исконности данного института у лангобардов. Единичное его употребление, скорее всего, свидетельствует о постепенном вытеснении традиционной терминологии латинской. Однако по отношению к институту соприсяжничества термин «*sacramentales*», по нашему мнению, является достаточно удачным синонимом, так как отражает саму суть процесса принесения клятвы, его символичность. Соприсяжник по сути не является свидетелем в современном понимании или в понимании традиционного римского права. Соприсяжник – это участник некоего таинства, в процессе исполнения которого и рождается истина.

Поединок также представлял собой одну из форм судопроизводства. Практика проведения поединков является попыткой общества поставить под контроль агрессию, свойственную к проявлению в варварских обществах. В силу невозможности полностью искоренить насилие необходимо было ограничить его определенными социальными рамками. Поединок определял рамки вражды, позволял разрешить проблему ограниченному кругу лиц, предотвращая тем самым стремление к дальнейшей мести. Исход поединка был непререкаем, санкционировался высшими силами и не мог быть подвергнут апелляции. Правое должно победить, если друг другу противопоставляются спорящие не на жизнь, а на смерть [7, с. 219].

В «Эдикте Ротари» мы встречаем достаточно интересную статью законодательства, которая под разными углами рассмотрения может быть истолкована двояко. Статья 368 [3, с. 61] регламентирует порядок проведения поединка, а если быть точнее – запрещает использование магических предметов в процессе отправления ритуала. На первый взгляд может показаться, что запрет такого рода нацелен на устранение налета дохристианских традиций с самого процесса поединка. Однако, если вспомнить о том, что мышление лангобардов традиционно и глубоко символично,

то можно прийти к совершенно противоположному мнению. Статья не только не лишала процесс поединка символичности, а наоборот укрепляла его метафизическую основу. Статья 368 [3, с. 61] в качестве своей цели предусматривала уравнивание состоящих в условиях на всех этапах поединка. Применение магических атрибутов, талисманов могло нарушить ход поединка, ввести в заблуждение высшие силы, выступающие в качестве арбитра, дать преимущество неправой стороне и, как следствие, привести к ложному исходу. Таким образом, данная статья эдикта только уверяет нас в значимости рассматриваемого ритуала, нерушимости его принципов.

Очистительная клятва и поединок являются универсумом древнегерманского общества и несут на себе отпечаток военной организации общества лангобардов [8, с. 95–97]. Оружие играет значимую роль в проведении очистительных процедур. Символ оружия встречается в законодательствах прочих варварских государств: в Салическом законе, законе аламанных, баваров, – а на севере Европы распространен повсеместно. «Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит» [6, с. 34], «то разрешается тому, кому вменяется преступление, с обнаженным мечом против другого оправдаться» [9, с. 171–172], «то они должны выйти на суд божий и выступить на поединке, и кому бог даст победу, тому верьте (это должно происходить в присутствии народа, чтобы никто не погиб из ненависти)» [10, с. 250]. Если дело решается посредством поединка, то обязательным атрибутом очищающегося является щит: «со щитом в руках посредством поединка» (ст. 164–166) [3, с. 33]. В случае же с очистительной клятвой освященное оружие является альтернативой Евангелию (ст. 359, 363, 366) [3, с. 59, 60, 61]. Конечно, к клятве на оружии можно было прибегать далеко не всегда, а лишь при небольшой степени тяжести преступления, оцениваемого не выше 20 солидов. Но сам факт санкционирования использования оружия в процессе судопроизводства свидетельствует не только о сохранении древнегерманских традиций, но и о степени их укоренения в лангобардском обществе, которое не было готово расстаться с обычно-правовыми представлениями.

Особое положение среди судебных процедур занимает вражда или кровная месть, как ее чаще принято называть. Вражда выступала в качестве социально одобряемого регулятора отношений, возникающих на почве разнообразных конфликтов. Институт королевской власти у лангобардов не имел прочной опоры в лице государственных структур. Они были плохо структурированы и крайне немногочисленны. Ко всему прочему, постоянную конкуренцию королю составляли местные герцоги [11, с. 422–424]. В условиях слабости королевской власти, носящей скорее консенсуальный, нежели авторитарный или деспотический характер, и незавершенности формирования государственных институтов, в том числе в таких сферах, как судопроизводство и контроль за соблюдением правовых норм, вражда выступала в качестве основного механизма регулирования поведения че-

ловека в обществе. Традиционные механизмы регулирования были направлены на получение равного воздаяния за совершенное преступление и на достижение гармоничного миропорядка.

Ко всему прочему, вражда была напрямую связана с понятиями чести и достоинства не только пострадавшего лица, но и всей его семьи. При установлении типов родственных связей законодательство оперирует термином родственная группа, которая исчисляется до 7 колена. Однако на практике эти группы представляют собой куда более узкий круг, состоящий из ближайших родичей. По наблюдению автора, в законах в большинстве случаев фигурирует ограниченный круг родственников, а именно: отец, мать (в тексте используется крайне редко, только в том случае, если дело касается передачи имущества женщины детям), законнорожденный и незаконнорожденный сын и дочь (братья и сестры), дядя по отцу, двоюродные братья (ст. 163) [3, с. 32]. Право мундиума над женщиной в семье распространялось на отца, братьев, вне зависимости от того, законнорожденные они или нет, и ближайших родичей, под которыми, судя по всему, понимались дядя по отцу и двоюродные братья. Именно на указанную группу лиц возлагалась ответственность за оправдание женщины в суде. Вергельд за убитого человека выплачивался семье в соответствии со степенью родства. В случае отсутствия ближайших родичей право получения вергельда переходило к королевскому двору. Аналогичная процедура характерна и для передачи имущества по наследству. Следовательно, позор, нанесенный свободному лангобарду, автоматически распространялся на всю родственную группу, так как ее члены были связаны друг с другом взаимными обязательствами.

Однако применение принципа возмездия при отпущении правосудия не всегда способствовало примирению, скорее наоборот, могло вызвать цепную реакцию с множеством смертельных исходов среди враждующих. Поэтому само общество и государство стремились найти более приемлемые способы регулирования вражды. Статьи 45, 74, 75 [3, с. 21, 23] «Эдикта Ротари» устанавливают достаточно высокие выплаты как за нанесение телесных повреждений, так и за случаи со смертельным исходом. Более того, статья 74 [3, с. 23] указывает на значительное увеличение штрафных санкций по сравнению с теми, что были положены древними. В то же время законодательство свидетельствует о тщетности попыток государственного регулирования института вражды, так как, исходя из текста статьи 143 [3, с. 28], в некоторых случаях противостояние продолжалось и после получения предназначенного штрафа, и никто, даже государство, не мог предотвратить отправления возмездия.

Среди традиционных социальных ритуалов лангобардов следует обратить внимание на процедуру отпущения раба на свободу, а также на процедуру передачи имущества. Оба действия базируются на германском понятии *thinx* / *gairethinx*, трактовка которого неоднозначна. Возможно предположить, что под данным термином лангобарды подразумевали публичные дей-

ствия в собрании, что в некоторой степени не лишено смысла. Считается, что до вторжения в Италию и в первоначальный период проживания там у лангобардов существовало свое общеплеменное собрание *thinx*, звучащее на лангобардском диалекте как *gairethinx* [7, с. 236]. Однако стоит отметить, что в тексте законодательства не прослеживается прямых параллелей между *thinx* и собранием. Само существование собрания у лангобардов является вопросом дискуссионным, но автор полагает, что отсутствие в законах прямой информации о традиционном институте контроля за исполнением правовых норм не может в полной мере свидетельствовать о его отсутствии в реальной жизни общества. Сложно представить, что в условиях, когда королевская власть не обладала мощными рычагами воздействия, не существовало обычно-правовых институтов контроля. Скорее всего, на местах проводились сходки или собрания, на что косвенно указывают некоторые статьи, но в силу специфичности для разных территорий они уже не ассоциировались с некогда существовавшим общеплеменным собранием. В основу другой гипотезы положена идея о подмене значения термина *thinx* на совершенно иное, не совпадающее с изначальным его пониманием. Так, статья 172 [3, с. 33] «Эдикта Ротари» напрямую сопоставляет понятие *thinx* и дарение, подразумевая их равнозначность. Производные от *thinx* глагольные формы *thingare*, *thingaverit* по контексту статей обозначают акт дарения, процедуру передачи каких-либо благ. Следовательно, автор полагает, что под термином *thinx* лангобарды могли подразумевать «дарение». Однако возникает вопрос, как применить данную теорию на способы отпущения на свободу, ведь данные процедуры не подразумевают акт дарения в том виде, в котором его рассматривает статья 172 [3, с. 33]. По нашему мнению, отпущение раба на свободу носил реципрокционный характер. Господин даровал свободу своему рабу, который взамен в знак благодарности продолжал служить ему, но уже как патрону. Таким образом происходил взаимообмен нематериальными благами. Но не исключено, что вместе со свободой благодетель мог одарить своего вольноотпущенника и некоторыми материальными вещами. Между лицами, прежде выступавшими как раб и хозяин, сохранялась связь, зачастую переходящая из поколения в поколение. Мы предполагаем, что возможен синтез обеих гипотез, на основании которого термин *thinx* можно трактовать как публичное дарение.

Посредством публичного дарения, как уже было упомянуто, производилась процедура отпущения раба на свободу. Однако помимо символического названия она содержала в себе и другие сакральные элементы.

Во-первых, это акт передачи зависимого лица через четыре руки, что, насколько мы можем судить, производилось на местных собраниях, речь о которых шла выше.

Во-вторых, специфичным является символ перекрестка или четырех дорог. Его смысловую направленность можно истолковать по-разному. С одной стороны, перекресток как конечный пункт процедуры освобо-

ждения может расцениваться как граница и символ того, что бывший раб мог себе выбирать новую дорогу в жизни. С другой стороны, существует мнение, что символ берет свое начало из традиционного способа поселения лангобардов, где перекресток являлся центром, а следовательно и самым значительным местом, где, возможно, и проводились собрания [7, с. 156].

Обряд публичного дарения был также напрямую связан с передачей имущества, которая осуществлялась при полном отсутствии наследников в пользу неродственного дарителю лица. Дарение не является специфической формой передачи имущества, свойственной только для лангобардов. Наличие подобной процедуры под термином «аффагомия» просматривается и в законодательстве салических франков [6, с. 46–47].

Интерес представляет дарение с *launegild*, то есть с возмещением. Скорее всего, данная форма носит реципрокационный характер. Реципрокационный обмен в традиционном обществе предполагал, что на каждый преподнесенный дар должен был быть получен ответный, пусть даже формальный. Если же процедура нарушалась, то лицо, не способное отблагодарить дарителя, попадало в некую зависимость от последнего, нарушался общественный порядок. Законодательство лангобардов содержит несколько постановлений, регулирующих данную форму имущественных отношений. Статья 175 [3, с. 34] «Эдикта Ротари» законодательно устанавливает порядок дарения с *launegild*, при котором возмещение не обязательно является равноценным подаренному. Достаточно, чтобы оно было ему подобным. Право на получение *launegild* действовало достаточно длительный период, так как обязанность возмещения распространялась не только на одариваемого, но и на его наследников. Законодательство рассматривает и отдельный казус дарения с *launegild*: за подарок, врученный невесте в день заключения брака, обязательная выплата *launegild* возлагалась на ее законного мундоальда, то есть супруга (ст. 184) [3, с. 36].

Напоследок отметим, что ритуал в законодательстве лангобардов не ограничивается вышеназванным перечнем процедур. Мы обратили внимание лишь на наиболее значимые традиции древнегерманского права, нашедшие отражение в законодательстве. За рамками исследования остаются более мелкие, употребляемые

в исключительных случаях ритуалы и символы: приобретение вещи путем закрепления её поверх колена (ст. 260) [3, с. 48]; связывание рук при поимке в момент нарушения норм права (ст. 32, 33, 264) [3, с. 20, 48, 49]; троекратное напоминание о необходимости возврата долга (ст. 245, 246) [3, с. 46].

Подводя итоги, следует сказать, что традиционные судебные ритуалы являются характерной чертой всех германских обществ, в том числе и лангобардов. Эволюционировавшие из норм-казусов, порожденные символическим мышлением германцев сакральные процедуры становились важнейшими традиционными механизмами регулирования во всех основных сферах общества: судопроизводство, общественные и имущественные отношения. Законодательство лангобардов содержит множество сакральных процедур, основными из которых являются очистительная клятва, поединок, вражда или кровная месть, отпуск на свободу и передача имущества посредством публичного дарения. Каждый символический акт основывался на тех или иных обычно-правовых представлениях лангобардов, отразил в себе социальные реалии общества. Процедура принесения очистительной клятвы была напрямую связана с характерным для всех германских племен институтом соприсяжничества и представляла собой некое таинство установления справедливости, нежели попытку выяснения истины. Поединок представляет собой форму легализации вражды. Прибегая к нему, члены общества ограничивали круг вражды, вверяли функции судопроизводства высшим силам, способным разрешить конфликт справедливо. Вражда, носившая характер возмездия и покрывавшая позор, в большинстве своем основывалась на принципах родственных связей, сложившихся в обществе и характеризующихся взаимными семейными обязательствами по отношению друг к другу. Наконец, обряд публичного дарения, имевший в своей основе глубинные корни, носил реципрокационный характер.

Стоит отметить, что королевская власть, законодательно закрепляя те или иные сакральные процедуры, в то же время пыталась и ограничить их сферу влияния, вытеснить их значение на периферию с целью занять освободившуюся нишу собственными рычагами воздействия.

Литература

1. Дубровский И. В. На развалинах Западной империи. Рим и варвары // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Наука. 2012. С. 141–158.
2. Золотарев А. Ю. «*Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes*»: апелляция к предкам и традиции как средство легитимации законодательства в раннесредневековой Западной Европе // Средние века. 2013. Вып. 74. С. 287–297.
3. Эдикт короля Ротари // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 15–64.
4. Законы короля Гримоальда // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 65–67.
5. Законы короля Лиутпранда // Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 68–115.
6. Салическая правда. М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. 168 с.

6. Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени к (раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. 288 с.
7. Gasparri S. Kingship rituals and ideology in Lombard Italy // *Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Ed. F. Theuvs, J. L. Nelson. Leiden, Boston, 2000. P. 95–115.
8. Аламаннская правда // Данилова Г. М. Аламаннское и баварское общество VIII – начала IX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 158–190.
9. Баварская правда // Данилова Г. М. Аламаннское и баварское общество VIII – начала IX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 245–288.
10. Jarnut J. Gens, rex and regnum of the Lombards // *Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world*. Ed. Hans-Werner Goetz. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 409–429.

THE MEANING OF JURIDICAL RITUALS IN LANGOBARDIC LAW

Olga S. Shumyagina¹.@

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@olyakem@yandex.ru

Received 26.07.2016. Accepted 30.09.2016.

Keywords: the Langobards, judicial rituals, symbolical character, oath, duel, hostility, public donation, consensual character of the power.

Abstract: The article deals with the main juridical rituals in the Langobardic society: purification oath, duel, hostility and public donation. The purpose of the study is to determine the meaning of the rituals, their function and place in the proceedings.

The article is based on the analysis of law codes compiled by such royal lawmakers as Rothari, Grimoald and Liutprand. Legislative sources of other Germanic tribes such as the Salian Franks, the Alemanni and the Bavarians are used for comparison. Every procedure is characterised in the context of symbolism. The article features the influence of traditional beliefs of Germans and social realia of the Langobards on the sacral procedures formation and principles. It also introduces the problem of the specifics of royal power and its activity in relation to the ordinary law mechanisms and the institutes of control on the compliance to the legal norms. The study reveals the main sacral procedures that existed in Lombard society such as cleansing vow, duel, enmity or blood feud, public donation.

According to the results, a conclusion was made about the deep symbolism of the juridical rituals in the Langobardic legislation. Sacral procedures formed under the influence of ordinary legal ideas of the tribe were one of the main mechanisms of control of people's behaviour in their society. Institutions of state power, with varying success, tried to influence the ordinary legal side of society.

For citation: Shumyagina O. S. Sushchnost' sudebnykh ritualov v langobardskom zakonodatel'stve [The Meaning of Juridical Rituals in Langobardic Law]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 79–84. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-79-84.

References

1. Dubrovskii I. V. Na razvalinakh Zapadnoi imperii. Rim i varvary [On ruins of the western empire. Rome and barbarians]. *Vsemirnaia istoriia. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [World history. Vol. 2. Civilizations of the West and East of the Middle Ages]. Ed. Uvarov P. Iu. Moscow: Nauka, 2012, 141–158.
2. Zolotarev A. Iu. «Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes»: apelliatsiia k predkam i traditsii kak sredstvo legitimatsii zakonodatel'stva v rannesrednevekovoi Zapadnoi Evrope [«Dictaverunt legem... per proceres ipsius gentes»: the appeal to ancestors and tradition as means of legitimation of the legislation in early medieval Western Europe]. *Srednie veka = Middle Ages*, no. 74 (2013): 287–297.
3. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu etnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 15–64.
4. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu etnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 65–67.

5. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu étnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 68–115.
6. *Salicheskaia Pravda* [Salic law]. Moskow: Obrazth. tip.im. Zhdanova, 1950, 168.
7. Shervud E. A. *Zakony langobardov: Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu étnogenezu ital'iantsev)* [Lombardic law: Customary law of the Old German tribe (to early ethnogenesis of Italians)]. Moscow: Nauka, 1992, 131–276.
8. Gasparri S. Kingship rituals and ideology in Lombard Italy. *Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Ed. Theuws F., Nelson J. L. Leiden, Boston, 2000, 95–115.
9. Danilova G. M. *Alamanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII – nachala IX vekov* [Alamansky and Bavarian society VIII – the beginnings of IX centuries]. Petrozavodsk: Karelia, 1969, 158–190.
10. Danilova G. M. *Alamanskoe i bavorskoe obshchestvo VIII – nachala IX vekov* [Alamansky and Bavarian society VIII – the beginnings of IX centuries]. Petrozavodsk: Karelia, 1969, 245–288.
11. Jarnut J. Gens, rex and regnum of the Lombards. *Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world*. Ed. Goetz H. Leiden; Boston: Brill, 2003, 409–429.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕННОСТИ СУЕВЕРНОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ПРИРОДУ СУЕВЕРИЙ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХНадежда П. Андриюшкова¹.@¹ Донецкий национальный университет, 83001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24
@andruchkova@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.01.2018. Принята к печати 13.03.2018.

Ключевые слова: суеверие, суеверность, ритуал, вера, возраст, механизм.**Аннотация:** Статья посвящена анализу феномена суеверия, в частности суеверности как психологическому свойству личности. На основе исследований, направленных на установления причин обращения к суевериям, описаны основные мотивы использования суеверно-ритуальной деятельности в повседневной жизни. Проанализирован этап начала формирования суеверности. С целью более детального изучения трансформации суеверности на разных возрастных этапах, а также анализа обуславливающих ее причин, нами было проведено исследование, в котором участвовали 300 человек в возрасте 19–60 лет, разделенные на три группы в соответствии с их возрастом – молодой возраст, зрелый возраст 1 периода и зрелый возраст 2 периода. Представлены результаты исследования: сопоставлены взгляды на природу и определение понятия суеверия, особенностей применения различной суеверно-ритуальной деятельности в разных возрастных группах, проанализирован уровень выраженности общей суеверности и отдельных ее компонентов в каждой возрастной группе.**Для цитирования:** Андриюшкова Н. П. Особенности выраженности суеверности и представлений на природу суеверий на разных возрастных этапах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 85–89. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-85-89.

Суеверия являются неотъемлемой частью всех культур и осуществляют непосредственное влияние на повседневную жизнь человека. Достаточно *актуальными* являются вопросы о трактовке понятия суеверия, механизмах их возникновения, поддержания и распространения, мотивах, которые побуждают человека использовать суеверия, и особенности проявления суеверности как личностной характеристики на разных возрастных этапах [1–6].

Как и понятия «ложь», «истина», понятие «суеверие» четко не определено, и отнесение того или иного суждения к суевериям во многом субъективно. Как правило, к суевериям относят все, что невозможно объяснить рационально.

Суеверия уходят корнями в ранние этапы истории человечества, когда использовались тотемы, магия, амулеты, чтобы уберечься от зла. Одной из основных причин возникновения суеверий стало постоянное стремление людей предвидеть, что их ожидает в будущем (завтра, через месяц, через год). Такая необходимость у людей возникла с началом освоения трудовой деятельности. Чтобы подготовиться к трудностям, которые их ожидают при выращивании урожая или в путешествиях, нужно было эти трудности предусмотреть. Ситуации, в которых человек хочет достичь успеха, несмотря на собственные усилия, и быть уверенным, что он сделал все возможное, что-

бы гарантировать желаемый результат, могут побудить к суеверному поведению и, как следствие, повышению уровня суеверности. Важнейший результат, который получает человек на эмоциональном уровне от суеверий – ощущение безопасности и уверенности. Это тесно связано с плацебо – эффектом, что выражается в огромной силе веры в то, что выполнение определенного ритуала действительно помогает.

Суеверия упрощают и стабилизируют образ изменяющегося социального мира, обеспечивают его большую прогнозируемость и понятность. А. Спinoза достаточно четко определил причину использования людьми суеверий. По его мнению, страх есть причина, благодаря которой суеверия возникают, поддерживаются и сохраняются [7]. Люди обращаются к суевериям, чтобы уменьшить чувство беспомощности, чтобы стать более уверенными в себе. Суеверия позволяют экономить время на обдумывание, а потому не ограничены в использовании в повседневной, бытовой деятельности. Суеверные люди верят, что могут управлять собственным будущим, выполняя определенные ритуальные действия, это помогает уменьшить их беспокойство и улучшить собственные возможности в определенной ситуации. Человек может связать поведение и дальнейшее событие и начинает верить, что его поведение вызвало это событие. Таким образом, определенное действие

закрепляется и начинает использоваться чаще. Суеверия можно рассматривать как форму психического отражения окружающего и внутреннего мира, что не требует логических доказательств и довольствуется любым предлагаемым решением. Если человек сомневается в положительном результате важных для него событий, поддержку ему обеспечивают суеверия. Даже когда вера в суеверия непосредственно не влияет на события, она все же снижает внутреннее напряжение, а следовательно, реально влияет на субъективное благополучие человека. Чаще всего целью обращения к суеверно-ритуальной деятельности становятся деньги, достаток, хорошие оценки на экзаменах (или просто их сдача), хорошее настроение, успешная реализация задуманного дела, знание своего будущего, физическое и душевное благополучие, сохранение жизни, здоровья, семьи и т. п. [8].

Анализ исследований, направленных на установление причин обращения к суевериям, позволяет утверждать, что они распространены в тех областях, где есть риск потерять что-то значимое. Уровень суеверности растет в условиях напряжения, опасности. Часто люди используют суеверия в экстремальных ситуациях, в которых решается их судьба, испытывается их потенциал, способности и устойчивость. Стрессовыми являются ситуации соревнований и ситуации, которые требуют принятия ответственного решения при решении особо важных дел (свидание, свадьба, вынашивание и рождение ребенка, уход за ним, похороны, важные поездки, встречи и т. д.). И. Ялом считает, что функция веры в суеверия заключается в защите индивида от страха старения и неизбежности смерти. Таким образом, они уменьшают чувствительность к негативным жизненным событиям потерь, горя, одиночества, неразделенной любви, депрессии, отсутствия смысла жизни [9]. По мнению Д. А. Романюка, суеверия для военных являются специфическим квазиресурсом, который позволяет расширить их психологический потенциал, модернизировать их устойчивость в условиях боевых действий [10].

Достаточно интересным является вопрос об изменении суеверности на протяжении всей жизни, возраст, в котором она начинает формироваться, и возраст, в котором она имеет наибольшую выраженность. Можно предположить, что первые зачатки суеверности могут закладываться уже в возрасте 4–10 лет. В данном периоде у детей происходит формирование образа Я, развитие самосознания и личности в целом. Дети уже знакомы с такими понятиями, как «планета», «мир», «смерть» и др. Дошкольники уже могут дать определение смысла жизни. Компоненты веры во что-либо формируются в совместной деятельности ребенка с близкими людьми и характеризуются интенсивным развитием волевой сферы. Происходит механизм интериоризации социальных норм, культурных ценностей, передаваемых ребенку через общение и опыт; отделения себя от окружающих людей; формирование у ребенка индивидуального опыта. Объектами веры в этом возрасте становятся близкие люди, значимые другие, сказочные герои

из кино, книг, мифологической литературы, поэтому наиболее характерной для данного этапа является вера в магию, волшебство, существование тайн. В подростковом и юношеском возрасте происходит становление личности, значимость приобретает референтная группа и социальное окружение. Суеверность в данном возрастном периоде либо закрепляется и проявляется в повседневной жизни через суеверно-ритуальную деятельность, либо остается на низком уровне и не используется личностью.

Возраст молодости и зрелости является наиболее длительным и продуктивным в жизни человека. Какие трансформации происходят с суеверностью на данных возрастных этапах? Для того чтобы более подробно изучить данный вопрос, нами было проведено исследование. Приступая к исследованию, мы предположили, что существуют определенные различия в выраженности суеверности и представлений на природу суеверий на разных возрастных этапах.

Эмпирическую базу исследования составили 300 человек. Возраст испытуемых – 19–60 лет.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом – подготовительном – этапе в соответствии с задачами и целями исследования была разработана анкета, в которой учитывалось: понимание понятия «суеверие», самоопределение своей суеверности, отношение к суевериям и использование их в повседневной жизни. Также была подобрана методика «Опросник верований и суеверий» И. Я. Стояновой (ОВИС) [11], которая определяет степень выраженности в повседневной жизни примет, ритуалов, поверий, закрепленных социокультурными традициями либо сформированных индивидуально. Опросник содержит в себе 6 шкал: шкала пралогического восприятия, шкала магической тревожности, шкала магического прогноза, шкала использования нетрадиционных способов лечения, шкала активного применения пралогической защиты и шкала общего уровня суеверности.

На втором этапе исследования испытуемые были разделены на 3 группы в соответствии с их возрастом:

- 1 группа – молодой возраст (19–30 лет) – 100 испытуемых;
- 2 группа – зрелый возраст 1 периода (30–45 лет) – 100 испытуемых;
- 3 группа – зрелый возраст 2 периода (45–60 лет) – 100 испытуемых.

Все группы были урегулированы по половому составу. На данном этапе было проведено диагностическое обследование испытуемых.

Третий этап был направлен на анализ полученных результатов, анализировались полученные по анкете данные, и сравнивались показатели по методике в группах разного возраста при помощи метода математической статистики – однофакторного дисперсионного анализа с апостериорным попарным сравнением *t*-критерием Шеффе.

Анализируя результаты, полученные по анкете, важно отметить, что понятие суеверие в разных возрастных группах не одинаково. Например, в группах

молодого возраста 65 % выборки, а в группе зрелого возраста 1 периода 59 % выборки определяют суеверия как веру во что-либо необъяснимое и нерациональное. «Суеверие – это неправильная вера во что-то и это необъяснимо»; «суеверия – это закономерности в жизни, которые не объяснимы и в которые верит человек»; «суеверия – это вера людей в события, которые им неподвластны и которые они не могут объяснить». В группе же зрелого возраста 2 периода суеверия в большей степени (52 % выборки) характеризуются как встреча с необъяснимым, однако имеющем весомое влияние на жизнь человека и общества в целом. «Суеверия – это что-то потустороннее, влияющие на нашу жизнь»; «Суеверия – это предостережения человека от беды и неудач»; «Это вера в сверхъестественные силы, которая передается из поколения в поколения и служит для защиты человека». Большое количество испытуемых 34 % в группе молодого возраста, 40 % в группе зрелого возраста 1 периода и 46 % в группе зрелого возраста 2 периода определили *суеверия* как просто веру в приметы, поверия, сверхъестественные силы и т. д. Для части испытуемых было затруднительно дать определение понятию «суеверие».

Наиболее распространенными во всех 3-х группах стали такие суеверия, которые связаны с черной кошкой, рассыпанной солью, пустыми ведрами, разбитыми зеркалами, прохождением под лестницей, выносом мусора вечером.

В использовании суеверий в жизни между испытуемыми есть различия в группах. В молодом возрасте в большей степени используют ритуалы, связанные с принесением удачи – 30 % выборки (талисманы,

обереги). Читают и верят в гороскопы 80 % выборки, пытаются предсказать будущее 25 % выборки (различные гадания). В группе зрелого возраста 1 периода отмечались в качестве используемых такие суеверные ритуалы, как гороскопы – 55 % выборки, исполнение желаний – 25 % выборки (загадать желание на падающую звезду, на новый год и др.), а также суеверия, связанные с избеганием неудач (не выносить мусор и не давать в долг вечером, не оставлять ножи на столе ночью, не рассыпать соль). В группе зрелого возраста 2 периода используются суеверия, предотвращающие неприятности, болезнь, горе, – 85 % выборки (не расчесываться чужой расческой, не переходить дорогу траурной процессии, не давать никому лекарств, выпивать стакан воды после дурного сна), пользуются гороскопами 75 % выборки.

Как мы видим, во всех группах достаточно выражена вера в астрологию и гороскопы. В более молодом возрасте чаще используются ритуалы для принесения удачи и для того чтобы предугадать будущее, в более позднем возрасте происходит смещение в сторону предотвращения неприятностей и болезней.

Учитывая особенности каждого возрастного периода, характеризующиеся личностными изменениями: накопленным личностным опытом, мудростью, личностной зрелостью, изменением в разном возрастном периоде жизненной ситуации – можно предположить, что и уровень суеверности будет изменяться. Для более подробного анализа суеверности на каждом возрастном этапе рассмотрим результаты, полученные по методике «Опросник верований и суеверий» (таблица).

Таблица. Значимость среднегрупповых показателей в попарном сравнении групп разного возраста по методике ОВИС
Table. The significance of average group indicators in the pairwise comparison of different age groups according to the Questionnaire of beliefs and superstitions

Шкалы	Молодой возраст / Зрелый возраст 1 период	Зрелый возраст 1 период / Зрелый возраст 2 период	Зрелый возраст 2 период / Юношеский возраст
Шкала пралогического восприятия	16.5	16.0	17.2
Шкала магической тревожности	10.9	10.3	12.0
Шкала магического прогноза	11.0	13.1**	17.3**
Шкала использования нетрадиционных способов лечения	10.5	11.5*	15.5**
Шкала активного применения пралогической защиты	9.9**	5.7**	9.8
Общий уровень	58.9	56.7**	72.4**

Прим.: * – различие значимо на уровне $p \leq 0,05$; ** – различие значимо на уровне $p \leq 0,01$.

Анализируя показатель *общего уровня суеверности*, важно отметить наличие статистически значимых различий в группах зрелого возраста 1 и 2 периода ($t = -15,67$; $p \leq 0,01$) и в группах зрелого возраста 2 периода и молодого возраста ($t = 13,39$; $p \leq 0,01$). Низкую выраженность данный показатель

имеет в группе зрелого возраста 1 периода и умеренную выраженность в группе молодого возраста и зрелого возраста 2 периода. Как и предполагалось, существуют различия уровня суеверности в разных возрастных группах. Рассмотрим более подробно выраженность шкал методики.

По шкале магического прогноза значимыми являются различия между группами зрелого возраста 1 и 2 периодов ($t=-4,11$; $p\leq 0,01$) и между зрелым возрастом 2 периода и молодым возрастом ($t=-6,24$; $p\leq 0,01$). Данные показатели указывают на то, что по мере увеличения возраста выборки увеличивается выраженность данного показателя. Чем старше выборка, тем более выражены представления о предначертанности, изначальной заданности судьбы и неизбежности происходящего. Это может быть связано с тем, что по мере роста жизненного опыта у человека накапливаются определенные знания жизненных сценариев и факторов, способных на это влиять. Такого рода проявления суеверности могут выступать в качестве защитной схемы на снижение жизненной активности с возрастом у человека и значительное уменьшение жизненных перспектив, вследствие чего принимается более пассивная позиция, и человек как бы плывет по течению, не пытаясь что-либо изменить и оправдывая свою пассивность неизбежностью происходящего.

Рассматривая результаты групп по шкале использования нетрадиционных способов лечения, также получены значимые различия между группами зрелого возраста 1 и 2 периодов ($t=-3,94$; $p\leq 0,05$) и зрелым возрастом 2 периода и молодого возраста ($t=4,93$; $p\leq 0,01$). Показатели по данной шкале наименее выражены в группе молодого возраста и имеют наибольшую выраженность в группе зрелого возраста 2 периода. Следовательно, чем старше выборка, тем выше готовность обращаться за помощью в отношении здоровья к знахарям, целителям, экстрасенсам, повышается вера в чудесные исцеления при использовании особых магических лекарств, амулетов, оберегов и т. п. Данная тенденция может быть связана с ухудшением здоровья по мере увеличения возраста. Человек через подобные суеверия пытается взять в руки исправление и контроль своего здоровья.

По шкале активного применения пралогической защиты, которая отражает действенное применение су-

еверно-ритуальной деятельности в практике повседневной жизни, получены статистически значимые различия между группами молодого и зрелого возраста 1 периода ($t=4,23$; $p\leq 0,01$) и между зрелым возрастом 1 и 2 периодов ($t=4,13$; $p\leq 0,01$). Практически одинаковую умеренную выраженность данная шкала имеет в группах молодого возраста и зрелого возраста 2 периода, при этом в группе зрелого возраста 1 периода выраженность данного показателя низкая. Следовательно, в молодом и в зрелом возрасте 2 периода чаще используются определенные ритуальные действия с расчетом на их реальную помощь и направленные на снижение психоэмоционального напряжения. Это может быть связано с тем, что в молодом возрасте преобладает символическая деятельность, так как в большинстве случаев еще нет возможности реального активного изменения жизненной ситуации. В зрелом возрасте 2 периода снижается активность и стремление к изменению. Суеверия же не требуют особых затрат и усилий, поэтому и используются в большей степени создавая видимость действий по улучшению своей жизненной ситуации.

Таким образом, суммируя результаты, мы видим, что в разных возрастных группах существуют определенные различия во взглядах на суеверия и в особенностях их применения в повседневной жизни. Также мы можем предположить, что суеверность не взаимосвязана с незрелостью мышления или недостаточным личностным опытом, так как имеет высокие показатели не только в молодом, но и в зрелом возрасте. Наибольшую выраженность суеверность приобретает в тех возрастных периодах, в которых у человека создается нестабильная жизненная ситуация или снижается его жизненная активность. Следовательно, можно предположить, что повышению уровню суеверности способствует возрастание беспомощности в определенной жизненной ситуации, а суеверия выступают как некий адаптирующий и снижающий тревожность механизм через создание видимости реальной деятельности.

Литература

1. Саенко Ю. В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85–96.
2. Чеснокова Н. В. Вера как цель нравственного воспитания младшего школьника (новый взгляд) // Омский научный вестник. 2007. № 6. С. 128–131.
3. Ялом И. Д. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. М.: Класс, 2005. 114 с.
4. Ofori P. K., Tod D., Lavallee D. Predictors of superstitious beliefs // Journal of Psychology in Africa. 2017. Vol. 27. Iss. 1. P. 1–12.
5. Broch T. B., Kristiansen E. "The margin for error": Ritual coping with cultural pressures // Scandinavian Journal of Medicine. 2014. Vol. 24. Iss. 5. P. 837–845.
6. Fluke S. M., Webster R. J., Saucier D. A. Methodological and theoretical improvements in the study of superstitious beliefs and behavior // British Journal of Psychology. 2014. Vol. 105. Iss. 1. P. 102–126.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
8. Субботский Е. В. Выживание в мире машин: взгляд психолога на причины веры в магию // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 42–47.
9. Bleak J. L., Frederick C. M. Superstitious behavior in sport: Levels of effectiveness and determinants of use in three collegiate sports // Journal of sport behavior. 1998. Vol. 21. № 1. P. 1–15.
10. Романюк Д. А. Психологический анализ одного суеверия // Вісник післядипломної освіти. 2011. № 3. С. 447–451.
11. Стоянова И. Я. Пралогические образования в норме и патологии: автореф. дис. д-ра психол. наук. Томск, 2007. 36 с.

FEATURES OF MANIFESTATION OF SUPERSTITION AND VIEWS ON THE NATURE OF SUPERSTITION AT DIFFERENT AGE STAGES

Nadejda P. Andryushkova¹.@

¹ Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

@andruchkova@rambler.ru

Received 12.01.2018. Accepted 13.03.2018.

Keywords: superstition, ghost fear, ritual, faith, age, mechanism.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the phenomenon of superstition as a psychological property of the individual. The current research is based on various studies aimed at establishing the reasons that encourage people to appeal to superstitions, and features the main motives for using superstitious and rituals in everyday life. The initial stage of superstition formation has been analyzed. A thorough study on the transformation of superstitiousness at different age stages together with the analysis of its causes involved 300 respondents aged 19 – 60 that were divided into three age groups – the young, the first period maturity and the second period maturity. The author has compared the views on the nature and definition of superstitions, the characteristics of various superstitious ritual activities in different age groups, analyzed the level of expression of average superstition and its individual components in each age group.

For citation: Andriushkova N. P. Osobennosti vyrazhennosti suevernosti i predstavlenii na prirodu sueverii na raznykh vozrastnykh etapakh [Features of Manifestation of Superstition and Views on the Nature of Superstition at Different Age Stages]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 85–89. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-85-89.

References

1. Saenko Yu. V. Psikhologicheskie aspekty izucheniia sueverii [Psychological aspects of studying superstitions]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 6 (2006): 85–96.
2. Chesnokova N. V. Vera kak tsel' npravstvennogo vospitaniia mladshogo shkol'nika (novyi vzgliad) [Faith as the goal of moral education of the younger schoolchild (a new look)]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk scientific Bulletin*, no. 6 (2007): 128–131.
3. Yalom I. D. *Lechenie ot liubvi i drugie psikhoterapevticheskie novelly* [Treatment of love and other psychotherapeutic novels]. Moscow: Class, 2005, 114.
4. Ofori P. K., Tod D., Lavalley D. Predictors of superstitious beliefs. *Journal of Psychology in Africa*, vol. 27, Iss. 1 (2017): 1–12.
5. Broch T. B., Kristiansen E. "The margin for error": Ritual coping with cultural pressures. *Scandinavian Journal of Medicine*, vol. 24, Iss. 5 (2014): 837–845.
6. Fluke S. M., Webster R. J., Saucier D. A. Methodological and theoretical improvements in the study of superstitious beliefs and behavior. *British Journal of Psychology*, vol. 105, Iss. 1 (2014): 102–126.
7. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspect Press, 2003, 368.
8. Subbotskii E. V. Vyzhivanie v mire mashin: vzgliad psikhologa na prichiny very v magiiu [Survival in the machine world: a psychologist's view on the causes of faith in magic]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, no. 1 (2010): 42–47.
9. Bleak J. L., Frederick C. M. Superstitious behavior in sport: Levels of effectiveness and determinants of use in three collegiate sports. *Journal of sport behavior*, 21, no. 1 (1998): 1–15.
10. Romaniuk D. A. Psikhologicheskii analiz odnogo sueveriiia [Psychological analysis of one superstition]. *Visnik pisliadiploinoi osviti = Bulletin of postgraduate education*, no. 3 (2011): 447–451.
11. Stoyanova I. Ya. *Pralogicheskie obrazovaniia v norme i patologii*. Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Prelogical formations in norm and pathology. Dr. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2007, 36.

УДК 159.922.63

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ОПЫТОМ ПЕРЕЖИВАНИЯ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Ксения А. Боженкова^{1, @1, *}, Татьяна Г. Бохан^{1, @2, *}, Ольга В. Терехина^{1, @3, *}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36

@¹ bozhenkova.k@mail.ru

@² btg960@sibmail.com

@³ doterekhina@mail.ru

Поступила в редакцию 14.12.2017. Принята к печати 21.02.2018.

Ключевые слова: геронтологическое насилие, субъективное качество жизни, пожилые люди, психологический компонент здоровья, физический компонент здоровья.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия. Методы исследования: опросник SF-36 для оценки удовлетворенности общим состоянием здоровья; анкета, направленная на изучение психологического содержания геронтологического насилия (П. В. Пучков, 2009). В результате выявлено, что у большинства респондентов с опытом переживания геронтологического насилия значительно ограничена способность к выполнению повседневных видов деятельности, связанных с физическим напряжением (подъем по лестнице, подъем вещей, ходьба и др.). Они оказываются более ранимы, более чувствительны к изменению поведения, связанного с эмоциональными состояниями. Чаще ограничивают социальные контакты, уровень общения с семьей, родственниками, друзьями, соседями и др. в связи с ухудшением физического и эмоционального состояния. Негативное влияние на эмоциональную сферу оказывает наличие депрессивных, тревожных переживаний, психическое неблагополучие. Большая часть респондентов переживает психологический, экономический вид насилия и пренебрежительное отношение со стороны близких. Полученные новые научные данные могут быть использованы в развитии геронтологического направления в психологии развития, а также в кризисной психологической помощи пожилым людям.

Для цитирования: Боженкова К. А., Бохан Т. Г., Терехина О. В. Особенности субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 90–101. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-90-101.

В связи с увеличением доли пожилых людей в общей численности населения актуализируются проблемы старшего поколения, требующие научной разработки средствами различных наук (Ю. Б. Дубовик; А. А. Лебедева; М. В. Прохорова; Е. В. Щанина и др.).

Среди таких проблем – геронтологическое насилие, которое рассматривается как противоправное действие и действие, расходящееся с общепринятыми в данном обществе социокультурными нормами, социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которого является нанесение им физического, морального, психологического, экономического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни [1, с. 13], и различные аспекты которого становятся предметом изучения в медицине, социологии, юриспруденции, философии, в том числе и в психологии [2; 3].

Исследовательский интерес к проблеме геронтологического насилия обусловлен ростом жестокого обращения и пренебрежения в отношении пожилых

людей [4, с. 4], что в свою очередь актуализирует изучение субъективного качества жизни пожилых людей как предиктора и следствия переживания геронтологического насилия.

Таким образом возникает задача выявления взаимосвязи качества жизни с переживанием геронтологического насилия, что может внести вклад в разработку методов и задач организации психологической помощи при решении данной проблемы.

С точки зрения Д. А. Леонтьева, качество жизни – это комплексная характеристика, которая отражает возможности реализации в жизни различных сторон человеческого потенциала [5]. Заслуживает внимания тот факт, что большинство научных работ посвящено изучению качества жизни пожилого человека в контексте медицинских (Л. А. Егорова; А. А. Яковлев; В. В. Яворская; О. М. Ивко; А. В. Гузова; И. В. Вологодина) и социальных аспектов (А. О. Кабанов; Н. А. Ермак). Показано, что уровень качества жизни лиц пожилого и старческого возраста находится в прямой зависимости от их со-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 17-36-00014 «Геронтологическое насилие в структуре жизненного мира пожилых людей».

стояния здоровья [6, с. 117]. При анализе значимости различных сфер качества жизни пожилых людей выявлено, что для проживающих в условиях стационара наибольшую значимость имеют условия окружающей среды и личный физический комфорт, тогда как для проживающих самостоятельно пожилых людей наиболее важно ощущать независимость [7]. Установлено, что параметры качества жизни больного обладают независимой прогностической ценностью и являются не менее точными критериями определения состояния больного во время лечения, чем показатели оценки общесоматического статуса [8].

Однако работы, изучающие качество жизни пожилых людей в аспекте геронтологического насилия, встречаются фрагментарно и в основном в зарубежных работах [4, 9–13].

Д. А. Леонтьев говорит о том, что все аспекты качества жизни представляют собой возможности для достижения таких субъективных состояний, как счастье или субъективное благополучие [5]. С нашей точки зрения, в контексте изучаемой проблемы геронтологического насилия таким аспектом субъективного качества жизни для пожилых людей может являться субъективная оценка удовлетворенности показателями физического и психического компонентов здоровья. Физический компонент может быть представлен характеристиками: «Физическое функционирование», «Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием», «Интенсивность боли», «Общее состояние здоровья». Психический компонент здоровья – «Жизнеспособность», «Социальное функционирование», «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием», «Психологическое здоровье».

Таким образом, полученные новые научные данные могут быть использованы для разработки ком-

плексных программ и психологических методов профилактики психического здоровья и кризисной психологической помощи пожилым людям, переживающим различные виды насилия.

Цель исследования: изучение особенностей субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с переживанием геронтологического насилия.

Сбор эмпирического материала осуществлялся на базе Комплексного центра социального обслуживания населения Томской области (ОГАУ «КЦ-СОН ТО»); ОГАУ «Дом-интернат для престарелых и инвалидов»; Специализированного Дома ветеранов г. Томск. В исследовании приняли участие психически здоровые люди, всего 315 человек: с опытом переживания геронтологического насилия – 232 человека; без опыта переживания геронтологического насилия – 83 человека; из них пенсионеров – 193 человека; работающих пенсионеров – 57 человек; пенсионеры, проживающие в Доме престарелых, – 65 человек.

Методы исследования: анкета, направленная на изучение психологического содержания геронтологического насилия (П. В. Пучков, 2009 [1]); опросник SF-36 для оценки удовлетворенности общим состоянием здоровья. Статистическая обработка данных производилась в программе SPSS Statistics 21 и с помощью описательной статистики, сравнительного анализа методом критерия Манна-Уитни, факторный анализ – вращением Варимакс.

Результаты исследования. Используя метод квартильной оценки, мы выявили основные параметры выраженности показателей физического и психологического компонентов здоровья для данной выборки респондентов (таблица 1).

Таблица 1. Параметры выраженности компонентов субъективного качества жизни у пожилых людей
Table 1. The severity parameters of the components of subjective quality of life among senior citizens

Шкала	Высокие значения	Средние значения	Умеренно низкие значения	Низкие значения
Физическое функционирование	76–100	51–75	24–50	0–25
Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием	75–100	50–74	35–51	0–34
Интенсивность боли	74–100	60–73	32–59	0–31
Общее состояние здоровья	77–100	57–76	37–56	10–36
Жизнеспособность	80–100	60–79	35–59	0–34
Социальное функционирование	87–100	62–86	37–61	0–36
Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	66–100	63–65	33–62	0–32
Психологическое здоровье	80–100	56–79	33–55	4–32

Согласно данным описательной статистики (таблица 2) можно заметить, что шкала «Психологическое здоровье» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия соответствует сред-

нему значению. Полученные данные говорят о том, что, несмотря на наличие опыта переживания насилия, пожилые люди в средней степени достаточно позитивны и спокойны. Однако средние показатели по шкалам

«Физическое функционирование», «Интенсивность боли», «Общее состояние здоровья», «Жизнеспособность», «Социальное функционирование», «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» соответствуют умеренно низким значениям. Предположительно, физическая активность пожилого человека с опытом переживания геронтологического насилия значительно ограничена состоянием здоровья, интенсивностью боли, которую он испытывает в течение дня, у них отсутствуют перспективы лечения из-

за ожидаемого ухудшения общего состояния здоровья. Большинство респондентов ограничивают социальные контакты (общение с родственниками, друзьями, соседями). Пожилые люди, переживающие опыт геронтологического насилия, испытывают большие затруднения в бытовой активности по причинам, обусловленным их неблагоприятным эмоциональным состоянием. Для большинства характерна утомляемость, снижен общий показатель жизненной активности.

Таблица 2. Параметры выраженности компонентов субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия (N=232)

Table 2. The severity parameters of components of subjective quality of life among senior citizens with gerontological abuse experience (N=232)

Шкалы	Среднее	Медиана	Среднее отклонение	Минимум	Максимум
Физическое функционирование	43,8	45,0	32,8	0,0	100,00
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	28,3	0,0	40,8	0,0	100,00
Интенсивность боли	45,6	41,0	25,8	0,0	100,00
Общее состояние здоровья	50	50,0	16,2	0,0	100,00
Жизнеспособность	52,7	55,0	21,7	0,0	100,00
Социальное функционирование	57,2	50,0	25	0,0	100,00
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	31,8	0,0	41,9	0,0	100,00
Психологическое здоровье	57,8	60,0	20,2	0,0	100,00

Анализ показателей компонентов субъективного качества жизни (таблица 3) у лиц пожилого возраста без опыта переживания геронтологического насилия позволил заметить, что шкалы «Физическое функционирование», «Социальное функционирование», «Психологическое здоровье» соответствуют средним значениям. Умеренно низкие значения показателей по шкалам «Рольное функционирование, обусловленное физическим

состоянием», «Интенсивность боли», «Общее состояние здоровья», «Жизнеспособность», «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» свидетельствуют о том, что пожилые люди без опыта переживания геронтологического насилия испытывают повседневные трудности ввиду эмоционального и физического состояния, интенсивности болевых ощущений, они менее жизнерадостны, по сравнению

Таблица 3. Параметры выраженности компонентов субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста без опыта переживания геронтологического насилия (N=83)

Table 3. The severity parameters of components of subjective quality of life among senior citizens without gerontological abuse experience (N=83)

Шкалы	Среднее	Медиана	Среднее отклонение	Минимум	Максимум
Физическое функционирование	59,2	65,0	31,8	0,0	100,0
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	34,7	0,0	41,4	0,0	100,0
Интенсивность боли	51,9	41,0	25,2	0,0	100,0
Общее состояние здоровья	48,9	45,0	21,0	0,0	100,0
Жизнеспособность	51,0	50,0	21,4	0,0	90,0
Социальное функционирование	66,2	62,5	22,9	0,0	100,0
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	43,7	33,3	41,9	0,0	100,0
Психологическое здоровье	62,6	68,0	20,2	0,0	100,0

с лицами, переживающими геронтологическое насилие, не в полной мере удовлетворены общим состоянием своего здоровья.

Учитывая распределение полученных результатов, которое не является нормальным, для сравнительного анализа субъективного качества жизни у лиц с опытом переживания геронтологического насилия / без опыта переживания геронтологического насилия был использован непараметрический критерий U – Манна-Уитни (таблица 4).

Как видно из таблицы 4, сравнительный анализ результатов исследования субъективного качества жизни между группами респондентов, переживающих опыт геронтологического насилия и без него, указывает на значимые различия по шкалам «Физи-

ческое функционирование» ($p=0,00$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,01$); «Психологическое здоровье» ($p=0,03$).

Обуславливая важность рассмотрения качества жизни пожилых людей, находящихся на пенсии и в статусе «работающие пенсионеры», был проведен сравнительный анализ данных групп (таблица 5).

Сравнительный анализ результатов исследования субъективного качества жизни между группами «пенсионеры» / «работающие пенсионеры» показал значимые различия по всем шкалам, а именно: «Физическое функционирование» ($p=0,00$); «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» ($p=0,00$); «Интенсивность боли» ($p=0,00$);

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа групп респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без опыта переживания геронтологического насилия

Table 4. The results of the comparative analysis in groups of respondents with and without gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	43,8	59,2	7060,5	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	28,3	34,7	8663,0	$p=0,14$
Интенсивность боли	45,6	51,9	8284,5	$p=0,06$
Общее состояние здоровья	50,0	48,9	9185,5	$p=0,571$
Жизнеспособность	52,7	51,0	9222,5	$p=0,607$
Социальное функционирование	57,2	66,2	7511,5	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	31,8	43,7	7981,0	$p=0,01^*$
Психологическое здоровье	57,8	62,6	8119,0	$p=0,03^*$

Прим.: группа А – пожилые люди с опытом переживания геронтологического насилия, группа Б – пожилые люди без опыта переживания геронтологического насилия, * – значимые различия.

Таблица 5. Результаты сравнительного анализа групп респондентов «пенсионеры» (N=193) / «работающие пенсионеры» (N=57)

Table 5. The results of the comparative analysis of "retired" (N=193) / "working retired" (N=57) respondents

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	40,5	71,3	2440,0	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	20,9	65,1	2391,5	$p=0,00^*$
Интенсивность боли	43,6	58,7	3496,5	$p=0,00^*$
Общее состояние здоровья	50,0	56,4	4289,5	$p=0,01^*$
Жизнеспособность	52,0	58,5	4391,5	$p=0,03^*$
Социальное функционирование	56,6	70,9	3540,5	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	25,0	62,5	2804,0	$p=0,00^*$
Психологическое здоровье	59,1	64,0	4377,5	$p=0,03^*$

Прим.: группа А – пенсионеры, группа Б – работающие пенсионеры, * – значимые различия.

«Общее состояние здоровья» ($p=0,01$); «Жизнеспособность» ($p=0,03$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$); «Психологическое здоровье» ($p=0,03$).

Далее был проведен сравнительный анализ групп респондентов «пенсионеры» / «пенсионеры, проживающие в доме престарелых» (таблица 6).

Как видно из таблицы 6, сравнительный анализ результатов исследования субъективного качества жизни между группами «пенсионеры» / «пенсионеры, проживающие в доме престарелых» указывает на значимые различия по шкалам «Общее состояние здоровья» ($p=0,01$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$).

Сравнительный анализ между группами «работающие пенсионеры» и «пенсионеры, проживающие в доме престарелых» выявил достоверно значимые различия (таблица 7) по показателям шкал «Физическое функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» ($p=0,00$); «Интенсивность боли» ($p=0,02$); «Общее состояние здоровья» ($p=0,00$); «Жизнеспособность» ($p=0,01$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$); «Психологическое здоровье» ($p=0,04$).

Ввиду исследовательского интереса был проведен сравнительный анализ по критериям «вид насилия» (таблица 8) и «качество жизни» у респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без опыта переживания геронтологического насилия.

Выявлены статистически значимые различия между критерием «психологический вид насилия» (таблица 8) и показателями качества жизни (таблица 9) по шкалам «Физическое функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» ($p=0,00$); «Интенсивность боли» ($p=0,00$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$).

Выявлены статистически значимые различия между критерием «психологический вид насилия» (таблица 8) и показателями качества жизни (таблица 9) по шкалам «Физическое функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием» ($p=0,00$); «Интенсивность боли» ($p=0,00$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$).

Таблица 6. Результаты сравнительного анализа групп респондентов «пенсионеры» (N=193) / «пенсионеры, проживающие в доме престарелых» (N=65)

Table 6. The results of the comparative analysis of "retired respondents" (N=193) / "retired residents of assisted-living facilities" (N=65)

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	40,5	49,6	5337,0	$p=0,07$
Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием	20,9	26,9	5721,5	$p=0,20$
Интенсивность боли	43,6	48,4	5796,5	$p=0,35$
Общее состояние здоровья	50,0	43,1	4931,0	$p=0,01^*$
Жизнеспособность	52,0	47,5	5686,5	$p=0,25$
Социальное функционирование	56,6	58,8	5748,0	$p=0,307$
Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	25,0	40,8	4993,0	$p=0,00^*$
Психологическое здоровье	59,1	54,7	6095,0	$p=0,732$

Прим.: группа А – пенсионеры, группа Б – пенсионеры, проживающие в доме престарелых, * – значимые различия.

Таблица 7. Результаты сравнительного анализа групп респондентов «работающие пенсионеры» (N=57) / «пенсионеры, проживающие в доме престарелых» (N=65)

Table 7. The results of the comparative analysis of groups of "working retired" respondents (N=57) / "retired residents of assisted-living facilities" (N=65)

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	71,3	49,6	1227,5	$p=0,00^*$
Роловое функционирование, обусловленное физическим состоянием	65,1	26,9	971,5	$p=0,00^*$
Интенсивность боли	58,7	48,4	1402,0	$p=0,02^*$
Общее состояние здоровья	56,4	43,1	1166,5	$p=0,00^*$
Жизнеспособность	58,5	47,5	1345,0	$p=0,01^*$

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Социальное функционирование	70,9	58,8	1326,5	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	62,5	40,8	1324,0	p=0,00*
Психологическое здоровье	64,0	54,7	1428,5	p=0,04*

Прим.: группа А – работающие пенсионеры, группа Б – пенсионеры, проживающие в доме престарелых, * – значимые различия.

Таблица 8. Виды геронтологического насилия

Table 8. Types of gerontological abuse

Вид насилия	Частота встречаемости	Процент
Психологический		
Да	204	61,4
Нет	111	33,4
Физический		
Да	114	34,3
Нет	201	60,5
Экономический		
Да	159	47,9
Нет	156	47,0
Пренебрежительное отношение		
Да	163	49,1
Нет	152	45,8
Сексуальный		
Да	73	22
Нет	243	72

Таблица 9. Результаты сравнительного анализа критериев «качество жизни» – «психологический вид насилия» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без него

Table 9. The results of the comparative analysis of "quality of life" and "psychological violence" criteria in the group of respondents with / without experience of gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	41,0	60,8	7437,0	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	25,6	38,2	9334,0	p=0,00*
Интенсивность боли	44,3	52,7	9138,0	p=0,00*
Общее состояние здоровья	49,7	49,7	11026,0	p=0,80
Жизнеспособность	51,4	53,7	10465,5	p=0,324
Социальное функционирование	55,9	66,5	8280,5	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	29,3	45,4	8724,0	p=0,00*
Психологическое здоровье	57,5	61,9	9624,0	p=0,037

Прим.: группа А – пожилые люди с опытом переживания геронтологического насилия, группа Б – без опыта переживания геронтологического насилия, * – значимые различия.

Большинство респондентов не испытывали физическое насилие, тем самым они не имеют трудностей в осуществлении повседневных дел. Многие пожилые люди чувствуют себя довольно энергичными, обладают положительным настроением. Большинство респондентов удовлетворены своим физическим и эмоциональным состоянием (таблица 10). Выявлены статистически значимые различия между критерием «экономиче-

ский вид насилия» (таблица 11) и показателями субъективного качества жизни (таблица 13) по шкалам «Физическое функционирование» ($p=0,00$); «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» ($p=0,00$); «Интенсивность боли» ($p=0,00$); «Социальное функционирование» ($p=0,00$); «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($p=0,00$).

Таблица 10. Результаты сравнительного анализа критериев «качество жизни» – «физический вид насилия» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без него

Table 10. The results of the comparative analysis of "quality of life" and "physical violence" criteria in the group of respondents with / without experience of gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	36,7	54,3	8083,0	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	20,6	35,4	9304,0	$p=0,00^*$
Интенсивность боли	43,4	49,5	9947,5	$p=0,05$
Общее состояние здоровья	47,9	50,8	10331,0	$p=0,16$
Жизнеспособность	50,4	53,3	10386,0	$p=0,18$
Социальное функционирование	54,3	62,6	9091,0	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	25,9	40,1	9348,0	$p=0,00^*$
Психологическое здоровье	55,8	60,5	9533,5	$p=0,01^*$

Прим.: * – значимые различия.

Таблица 11. Результаты сравнительного анализа критериев «качество жизни» – «экономический вид насилия» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без него

Table 11. The results of the comparative analysis of "quality of life" and "economic violence" criteria in the group of respondents with / without experience of gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			U	p
Физическое функционирование	37,5	58,5	7884,5	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	21,0	39,1	9316,0	$p=0,00^*$
Интенсивность боли	43,5	51,1	9873,5	$p=0,02^*$
Общее состояние здоровья	49,5	49,9	12242,0	$p=0,91$
Жизнеспособность	51,2	53,3	11630,0	$p=0,38$
Социальное функционирование	54,3	65,0	8926,5	$p=0,00^*$
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	23,8	46,2	8520,0	$p=0,00^*$
Психологическое здоровье	57,7	60,5	11043,0	$p=0,11$

Прим.: * – значимые различия.

Таблица 12. Результаты сравнительного анализа критериев «качество жизни» – «пренебрежительное отношение» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без него

Table 12. The results of the comparative analysis of "quality of life" and "disregard" criteria in the group of respondents with / without experience of gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			Значение	p-значение
Физическое функционирование	40,1	56,2	8959,0	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	22,9	37,5	9783,0	p=0,00*
Интенсивность боли	43,5	51,3	10108,0	p=0,00*
Общее состояние здоровья	50,1	49,3	11966,5	p=0,66
Жизнеспособность	50,6	54,0	11064,0	p=0,11
Социальное функционирование	54,8	64,7	9110,5	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	26,7	43,7	9502,0	p=0,00*
Психологическое здоровье	57,2	61,1	10575,5	p=0,03*

Прим.: * – значимые различия.

Выявлены статистически значимые различия между критерием «экономический вид насилия» (таблица 11) и показателями субъективного качества жизни (таблица 13) по шкалам «Физическое функционирование» (p=0,00); «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (p=0,00); «Интенсивность боли» (p=0,00); «Социальное функционирование» (p=0,00); «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (p=0,00).

Выявлены статистически значимые различия между критерием «пренебрежительное отношение» (таблица 14) и показателями субъективного качества жизни (таблица 12) по шкалам «Физическое функционирование» (p=0,00); «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (p=0,00); «Интенсивность боли» (p=0,00); «Социальное функционирование» (p=0,00); «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (p=0,00); «Психологическое здоровье» (p=0,03).

обусловленное физическим состоянием» (p=0,00); «Интенсивность боли» (p=0,00); «Социальное функционирование» (p=0,00); «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (p=0,00); «Психологическое здоровье» (p=0,03).

Большая часть респондентов не переживает сексуальный вид насилия (таблица 13). В целом физическое и эмоциональное состояния удовлетворительные. Большинство чувствуют себя спокойно и умиротворенно.

На следующем этапе исследования выявлялась система внутренних взаимосвязей показателей субъективного качества жизни у лиц с опытом переживания геронтологического насилия (группа 1) / без него

Таблица 13. Результаты сравнительного анализа критериев «качество жизни» – «сексуальный вид насилия» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия / без него

Table 13. The results of the comparative analysis of "quality of life" and "sexual abuse" in the group of respondents with / without experience of gerontological abuse

Шкалы	Группа А	Группа Б	Достоверность различий по критерию U – Манна-Уитни между группами А и Б	
			Значение	p-значение
Физическое функционирование	20,6	53,1	5476,0	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	14,3	34,7	6377,0	p=0,00*
Интенсивность боли	38,9	49,8	6602,0	p=0,00*
Общее состояние здоровья	47,5	50,4	7993,0	p=0,66
Жизнеспособность	48,5	53,3	7621,0	p=0,11
Социальное функционирование	50,0	62,5	6018,5	p=0,00*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	16,8	40,4	6048,0	p=0,00*
Психологическое здоровье	54,7	60,4	7118,0	p=0,03*

Прим.: * – значимые различия.

(группа 2), а также варианты структуры этих взаимосвязей. С этой целью был осуществлен факторный анализ методом вращения Варимакс. С помощью опросника SF-36 определены следующие компоненты качества жизни (таблица 14).

В группе 1 первый фактор F1 объединяет шкалы психологического компонента качества жизни, а именно: «Жизнеспособность» (0,859), «Социальное функционирование» (0,845), «Психическое здоровье» (0,772), «Интенсивность боли» (0,683), «Общее состояние здоровья» (0,637).

Второй фактор F2 включает показатели физического компонента здоровья: «Физическое функционирование» (0,887), «Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием» (0,886), «Ролевое

функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (0,663). Кумулятивная (объясняющая) дисперсия составляет 72,89 % (таблица 14).

В группе 2 первый фактор F1 наполнен физическим компонентом здоровья: «Интенсивность боли» (0,897), «Физическое функционирование» (0,739), «Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием» (0,681), «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (0,564).

Второй фактор F2 включает психологические компоненты здоровья по шкалам: «Жизнеспособность» (0,893), «Психическое здоровье» (0,855), «Социальное функционирование» (0,591), «Общее состояние здоровья» (0,558). Кумулятивная дисперсия составляет 70,61 % (таблица 15).

Таблица 14. Результаты факторного анализа в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия
Table 14. The results of factor analysis in the group of respondents with gerontological abuse experience

Шкалы по опроснику SF-36	Фактор F1	Фактор F2
Психологическое здоровье	0,859	–
Жизнеспособность	0,845	–
Общее состояние здоровья	0,772	–
Социальное функционирование	0,683	–
Интенсивность боли	0,637	–
Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием	–	0,887
Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	–	0,886
Физическое функционирование	–	0,663

Таблица 15. Результаты факторного анализа в группе респондентов без опыта переживания геронтологического насилия

Table 15. The results of factor analysis in the group of respondents without gerontological abuse experience

Шкалы по опроснику SF-36	Фактор F1	Фактор F2
Психологическое здоровье	0,897	–
Жизнеспособность	0,739	–
Общее состояние здоровья	0,681	–
Социальное функционирование	0,564	–
Интенсивность боли	–	0,893
Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием	–	0,855
Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	–	0,591
Физическое функционирование	–	0,558

Обсуждение результатов. Основная исследовательская задача выражалась в изучении особенностей субъективного качества жизни как предиктора и следствия геронтологического насилия. Согласно полученным данным, у большинства респондентов с опытом переживания геронтологического насилия, по сравнению с респондентами без опыта переживания геронтологического насилия, значительно ограничена способность к выполнению повседневных видов деятельности, связанных с физическим напряжением (подъем по лестнице, подъем вещей, ходьба и др.).

Они оказываются более ранимы, более чувствительны к изменению поведения, связанного с эмоциональными состояниями. Они чаще ограничивают социальные контакты, уровень общения с семьей, родственниками, друзьями, соседями и др. в связи с ухудшением физического и эмоционального состояний. Негативное влияние на эмоциональную сферу оказывает наличие депрессивных, тревожных переживаний, психическое неблагополучие. Выявлено, что большей части пожилых людей в статусе «пенсииеры», по сравнению с респондентами группы «работающие пенсионеры»,

значительно снижена физическая работоспособность (самообслуживание, ходьба, подъем по лестнице, переноска тяжестей и др.), многие отмечают медленное восстановление после физической нагрузки. Повседневная деятельность «пенсionеров» значительно ограничена физическим и эмоциональным состоянием здоровья, а также интенсивностью возникновения болевого синдрома, который влияет на способность заниматься нормальной деятельностью, включая работу по дому и вне его. Общее состояние здоровья в настоящий момент оценивается как неудовлетворительное. Большинство респондентов группы «пенсionеры» не видят перспектив дальнейшего лечения, у них снижен показатель сопротивляемости болезни. В отношении психологического компонента здоровья выявлено, что у «пенсionеров» наблюдается пониженный фон настроения, наличие депрессивных, тревожных переживаний, снижение жизненных сил. Они более утомляемы, у них отсутствует ощущение полноты сил и энергии. Ввиду неудовлетворительного физического и эмоционального состояний большинство «пенсionеров» ограничивают общение с ближайшим окружением, для них характерен низкий уровень общения в связи с ухудшением здоровья.

Сравнительный анализ групп респондентов «пенсionеры» и «пенсionеры, проживающие в доме престарелых» показал, что пожилые люди в статусе «пенсionеры» в большей степени не удовлетворены общим состоянием своего здоровья, при этом не видят перспектив лечения и не способствуют лечению болезни. Они более ранимы, более чувствительны к изменению поведения, связанного с эмоциональными состояниями, т. е. эмоциональное состояние у «пенсionеров» тесно связано с выполнением повседневной деятельности, когда беспокойство, страх, внутреннее напряжение могут сопровождаться, например, уменьшением объема и скорости выполнения работы, большими трудозатратами времени на выполнение какой-либо деятельности и т. д. В то же время в группе «пенсionеры, проживающие в доме престарелых» достоверно чаще указывают на то, что ухудшение физического и эмоционального состояния негативно влияет на выполнение повседневной деятельности. Большинство респондентов испытывают болевые ощущения, не удовлетворены общим состоянием своего здоровья на момент обследования. Они менее жизнерадостны, обладают пониженным фоном настроения, у них снижен жизненный тонус, уровень социальной активности. Большинство пожилых людей, проживающих в доме престарелых, закрыты от общения с родственниками, друзьями, соседями. Их часто посещают трево-

жные и депрессивные мысли, отмечаются внутреннее беспокойство, потеря сил и энергии.

Проведенный сравнительный анализ по критериям «вид насилия» – «качество жизни» в группе респондентов с опытом переживания геронтологического насилия показал, что большая часть респондентов переживает психологический, экономический вид насилия и пренебрежительное отношение, невнимание. Небольшой процент переживает физический и сексуальный виды насилия. Респонденты, переживающие психологический и экономический виды насилия, испытывают болевые ощущения, физические и эмоциональные трудности при выполнении повседневной деятельности. Они испытывают большие затруднения в бытовой активности по причинам, обусловленным их неблагоприятным физическим и эмоциональным состоянием. Предположительно, эмоциональные переживания по поводу оскорблений, унижений, обманов при экономических сделках приводят к тому, что пожилые люди ограничивают социальные контакты, общение с родными, соседями, друзьями. Респонденты с опытом переживания пренебрежительного отношения, невнимания отмечают пониженную физическую активность, связанную с эмоциональными переживаниями (тревога, страх, депрессивные мысли). У большинства респондентов увеличилось время на выполнение повседневной деятельности. Ввиду неблагоприятного физического и эмоционального состояния они ограничивают общение с окружающими людьми.

По результатам факторного анализа можно предположить, что переживание опыта геронтологического насилия детерминруется совокупностью связей выраженных показателей социальной открытости (общения), жизненного тонуса, наличием положительных эмоций, психического благополучия, интенсивности болевых ощущений, удовлетворительным состоянием здоровья. Субъективное качество жизни у лиц с опытом переживания геронтологического насилия определяется такими составляющими, как удовлетворительное физическое и эмоциональное состояние, способность выполнять повседневную ролевую деятельность (качество и быстрота выполнения).

Таким образом, представленные результаты играют важную роль в оказании психологической помощи людям пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия / без него, находящимся в статусе «пенсionер», «работающий пенсionер», «пенсionеры, проживающие в доме престарелых», в рамках оказания консультативной, коррекционной, реабилитационной кризисной помощи с учетом характеристик субъективного качества жизни и преобладающего вида насилия.

Литература

1. Пучков В. И. Концептуальные основания превенции геронтологического насилия в современном Российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Самара, 2009. 32 с.
2. Ильин Е. П. Насилие как психологический феномен // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 1. С. 167–174.
3. Непомнящая В. А. Психологические механизмы формирования качества жизни // *Сибирский психологический журнал*. 2004. № 20. С. 28–33.

4. Krug E. G., Dahlberg L. L., Mercy J. A., Zwi A. B. World report on violence and health // Abuse of elderly. 2002. Chapter 5. P. 125–145.
5. Леонтьев Д. А. Качество жизни пожилого человека в России – реальность и запросы общества // Общество для всех возрастов: III Национальная конференция. Москва, 08.10.2015. Режим доступа: <http://videotv/video/60901/> (дата обращения: 23.11.2017).
6. Мамчиц Л. П. Состояние здоровья и качество жизни людей пожилого и старческого возраста // Проблемы здоровья и экологии. 2014. № 4. С. 116–120.
7. Тихонова Н. В., Добрецова Е. А., Астанина Н. Г., Ильюшенко В. М. Психологический аспект качества жизни пожилого населения // Медицина и образование в Сибири. 2014. № 4. Режим доступа: <http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/abauthors.php?id=1518> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Прошаев К. И., Горелик С. Г., Притчина А. И. Качество жизни пациентов старческого возраста // Вестник новых медицинских технологий. 2013. № 1. Режим доступа: <http://medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2013-1/4206.pdf> (дата обращения: 25.11.2017).
9. Baker A. A. Granny battering // Modern Geriatrics. 1975. № 5. P. 20–24. Режим доступа: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4899-3077-4_7 (дата обращения: 25.11.2017).
10. Garre-Olmo J., Planas-Pujol X., Lopez-Pousa S., Juvinya` D., Vila` A., Vilalta-Franch J. Prevalence and Risk Factors of Suspected Elder Abuse Subtypes in People Aged 75 and Older // Journal of the American Geriatric Society. 2009. Vol. 57. № 5. P. 23–27.
11. Lachs M. S., Williams C. S., Pillemer K. A. The mortality of elder mistreatment // Journal of the American Medical Association. 1998. Vol. 280. № 5. P. 428–432.
12. Lowenstein A., Eisikovits Z., Band-Winterstein T., Enosh G. Is elder abuse a social phenomenon? Data from the first national prevalence study in Israel // Journal of Elder Abuse and Neglect. 2009. Vol. 21. № 3. P. 253–277.
13. Phillips L. R. Abuse and Neglect of the Frail Elderly at Home: An Explanation of Theoretical Relationships // Journal of Advanced Nursing. 1983. Vol. 8. № 5. P. 379–392.

SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE OF SENIOR CITIZENS WHO EXPERIENCED GERONTOLOGICAL ABUSE

Ksenya A. Bozhenkova^{1, @1, *}, Tatyana G. Bokhan^{1, @2, *}, Olga V. Terekhina^{1, @3, *}

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@¹ bozhenkova.k@mail.ru

@² btg960@sibmail.com

@³ doterekhina@mail.ru

Received 14.12.2017. Accepted 21.02.2018.

Keywords: gerontological abuse, subjective quality of life, elderly people, psychological component of health, physical component of health.

Abstract: : The article presents the results of a study of the subjective quality of life in elderly people who have experienced gerontological violence. Methods of research: questionnaire SF-36 for general state of health assessment; a questionnaire aimed at studying the psychological content of gerontological abuse (Puchkov P. V., 2009). As a result, it was revealed that the majority of respondents who experienced gerontological abuse had a significantly limited ability to perform daily routine associated with physical stress (climbing stairs, lifting things, walking, etc.). They are more vulnerable and more sensitive to behavioral changes associated with emotional states. They often restrict social contacts, the level of communication with family, relatives, friends, neighbors, etc. due to the deterioration of physical and emotional state. Depressive, anxious experience and mental ill-being have a negative impact on emotional sphere. Most of the respondents are experiencing a psychological, economic kind of violence and a disdainful attitude on the part of their relatives. The new scientific data obtained can be used in the development of the gerontological direction in the developmental psychology, as well as in the crisis psychological support for senior citizens.

* The study was supported by the grant of the Russian Foundation for the Humanities, project 17-36-00014 "Violence against the elderly in the life-world structure of seniors".

For citation: Bozhenkova K. A., Bokhan T. G., Terekhina O. V. Osobennosti sub"ektivnogo kachestva zhizni u lits pozhilogo vozrasta s opytom perezhivaniia gerontologicheskogo nasiliia [Subjective Quality of Life of Senior Citizens who Experienced Gerontological Abuse]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 90–101. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-90-101.

References

1. Puchkov V. I. *Kontseptual'nye osnovaniia preventsii gerontologicheskogo nasiliia v sovremennom Rossiiskom obshchestve*. Avtoref. diss. doktora sotsiol. nauk [Conceptual grounds for the prevention of gerontological violence in modern Russian society. Dr. sotsiol. Sci. Diss. Abstr.]. Samara, 2009, 32.
2. Il'in E. P. Nasilie kak psikhologicheskii fenomen [Violence as a psychological phenomenon]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta = Universum: Bulletin of the Herzen University*, no. 1 (2013): 167–174.
3. Nepomnyashchaya V. A. Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniia kachestva zhizni [Psychological mechanisms of quality of life formation]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 20 (2004): 28–33.
4. Krug E. G., Dahlberg L. L., Mercy J. A., Zwi A. B. World report on violence and health. *Abuse of elderly*, Chapter 5 (2002): 125–145.
5. Leont'ev D. A. Kachestvo zhizni pozhilogo cheloveka v Rossii – real'nost' i zaprosy obshchestva [The quality of life of an elderly person in Russia is the reality and the needs of society]. *Obshchestvo dlia vseh vozrastov: III Natsional'naia konferentsiia* [Society for all ages: III National Conf.]. Moscow, 08.10.2015. Available at: <http://rideo.tv/video/60901/> (accessed 23.11.2017).
6. Mamchits L. P. Sostoianie zdorov'ia i kachestvo zhizni liudei pozhilogo i starcheskogo vozrasta [Health status and quality of life of elderly and senile people]. *Problemy zdorov'ia i ekologii = Problems of health and ecology*, no. 4 (2014): 116–120.
7. Tikhonova N. V., Dobretsova E. A., Astanina N. G., Il'iushenko V. M. Psikhologicheskii aspekt kachestva zhizni pozhilogo naseleniia [The psychological aspect of the quality of life of the elderly population]. *Meditsina i obrazovanie v Sibiri = Medicine and education in Siberia*, no. 4 (2014). Available at: <http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/abauthors.php?id=1518/> (accessed 23.11.2017).
8. Proshchaev K. I., Gorelik S. G., Pritchina A. I. Kachestvo zhizni patsientov starcheskogo vozrasta [Quality of life of patients of senile age]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii = Journal of new medical technologies*, no. 1 (2013). Available at: <http://medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2013-1/4206.pdf> (accessed 25.11.2017).
9. Baker A. A. Granny battering. *Modern Geriatrics*, no. 5 (1975): 20–24. Available at: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4899-3077-4_7 (accessed 25.11.2017).
10. Garre-Olmo J., Planas-Pujol X., Lopez-Pousa S., Juvinya` D., Vila` A., Vilalta-Franch J. Prevalence and Risk Factors of Suspected Elder Abuse Subtypes in People Aged 75 and Older. *Journal of the American Geriatric Society*, no. 5 (2009): 23–27.
11. Lachs M. S., Williams C. S., Pillemer K. A. The mortality of elder mistreatment. *Journal of the American Medical Association*, no. 5 (1998): 428–432.
12. Lowenstein A., Eisikovits Z., Band-Winterstein T., Enosh G. Is elder abuse a social phenomenon? Data from the first national prevalence study in Israel. *Journal of Elder Abuse and Neglect*, no. 3 (2009): 253–277.
13. Phillips L. R. Abuse and Neglect of the Frail Elderly at Home: An Explanation of Theoretical Relationships. *Journal of Advanced Nursing*, no. 5 (1983): 379–392.

УДК 159.9

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЕКСИТИМИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Елена Ю. Брель^{1. @1}, Ирина Я. Стоянова^{2. @2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36

² НИИ Психического здоровья Томского научно-исследовательского медицинского центра, 634014, Россия, г. Томск, ул. Алеутская, 4

@1 brelelena@mail.ru

@2 Ithka1948@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2017. Принята к печати 28.02.2018.

Ключевые слова:

алекситимия, алекситимическое пространство, тревожность, эмпатия, агрессивные реакции, психическое здоровье, факторный анализ.

Аннотация: В статье рассматривается алекситимия как один из важных факторов нарушения психического здоровья. Представлены материалы эмпирического исследования выраженности этого феномена в структуре личности пациентов с кардиологическими заболеваниями (64 человека) и «практически здоровых» испытуемых (85 человек). Результаты факторизации алекситимии в исследуемых выборках свидетельствуют о том, что алекситимия как психологическая характеристика, рассматриваемая в контексте психического и психосоматического здоровья, значительно выражена и является отдельным фактором в структуре личности пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы и входит в каждый из полученных факторов с весомым вкладом в психологические характеристики «практически здоровых» респондентов. Материалы исследования могут быть использованы для повышения результативности лечения при разработке и апробации модели клинико-психологического сопровождения пациентов. Сопровождение должно быть направлено на обучение больных построению нового арсенала способов конструктивного взаимодействия с социумом, в котором значительное место будет отведено осознанию собственных эмоциональных переживаний, умению их идентифицировать и отделять от изменения соматического состояния.

Для цитирования: Брель Е. Ю., Стоянова И. Я. Характеристики алекситимии в контексте психического здоровья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 102–108. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-102-108.

Введение. В настоящее время сохраняется актуальность исследования психического здоровья и его составляющих. Многомерность изучения этого феномена, разноплановость исследовательских подходов к его изучению до сих пор не позволяют дать всеобъемлющего определения, выделить достаточный набор его составляющих, разработать валидные и надежные критерии оценки его уровня [1]. Исследователи, занимающиеся проблемой психического здоровья в психиатрии, медицинской психологии, психотерапии и других научных дисциплин, рассматривают психическое здоровье либо в рамках патцентрической (медицинской) модели, включающей отсутствие симптомов и синдромов заболеваний, жалоб и болей, объективных нарушений в функционировании разных систем организма, либо саноцентрической (психологической) модели, когда здоровье определяется с учетом индивидуальных ресурсов и возможностей человека, его способностей к развитию, самореализации и самосовершенствованию [2].

Объем понятия «психическое здоровье» постоянно расширяется, наполняется все большим содержанием, обусловленным различными психологическими факторами. В современных условиях это сложный

системный феномен, включающий характеристики психического равновесия, гармонизацию взаимодействия различных сфер личности – эмоциональной, волевой, познавательной. Нарушения психического здоровья приводят к личностным деградациям, деструкциям, социальной дезадаптации [3; 4].

В современных исследованиях в качестве важного критерия психического здоровья рассматривается алекситимия [5–7]. В рамках концепции алекситимии исследователи описывают специфическую совокупность признаков, характеризующую психический склад индивидов, предрасполагающий к возникновению психосоматического заболевания, в том числе заболеваний сердечно-сосудистой системы [8].

Материалы и методы исследования. Для изучения специфики выраженности алекситимии и ее взаимосвязей с другими психологическими характеристиками в структуре личности в норме и при соматических заболеваниях, разработанная нами диагностическая модель была апробирована в двух группах респондентов.

Группа: 1–64 человека (32 мужчины и 32 женщины), находящиеся на лечении в стационаре Кемеровского областного кардиологического диспансера с различными заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Все испытуемые госпитализированы впервые с различными диагнозами: артериальная гипертензия, кардиомиопатия, эндокардит, миокардит, перикардит.

По результатам беседы с лечащими врачами и самими пациентами, направленной на изучение особенностей поведения, отношения к появлению кардиологического заболевания, к необходимости госпитализации и изменению привычного ритма жизни, все испытуемые были условно отнесены к категории кардиологических больных с поведением типа «А». Все респонденты социально успешны, работают в условиях ненормированного рабочего дня, оценивают себя как профессионалов в сфере своей деятельности. Некоторые отмечали, что «ничего страшного не произошло», что они «просто немного устали», выказывали неудовольствие пребыванием в клинике и делились опасениями относительно оторванности от работы. Такие высказывания соответствуют описанию в литературе поведения коронарных больных, которые часто вытесняют физиологические ощущения и вполне терпимы (или безразличны) к симптомам болезни [9].

Группа: 2–85 человек (46 мужчин и 39 женщин). В ходе индивидуальной беседы с ними зафиксировано отсутствие у них каких-либо хронических соматических заболеваний. Исходя из определения здоровья как состояния физического, эмоционального и социального благополучия, а не только отсутствие болезней, мы относим их к категории «практически здоровые».

Рассматривая алекситимию как психологическую составляющую психического здоровья, при разработке диагностической программы мы выдвинули гипотезу о том, что этот феномен следует изучать не как изолированную психологическую характеристику личности, а при высокой степени ее выраженности как формирующую особое психологическое пространство, включающее высокую тревожность, выраженные враждебные реакции и низкие эмпатийные способности. Данный подход обусловил выбор психодиагностических методов исследования.

Диагностическая программа включала в себя следующие основные составляющие:

1. Структурированное интервью.
2. Психодиагностические методы исследования (Торонтская алекситимическая шкала (TAS), кардиологический опросник Г. Шмишека, шкала тревожности Дж. Тейлор, тест опросник А. Басса и А. Дарки, тест – опросник способности к эмпатии И. М. Юсупова, опросник Г. Айзенка).

Следует отметить, что психологическое тестирование в группе 1 проводили в период относительной стабилизации состояния пациентов, чтобы исключить общую деморализацию испытуемых, связанную с необходимостью госпитализации и сменой привычного образа жизни, а также необходимостью осознания болезни.

3. Методы статистической обработки и анализа результатов исследования (определение достоверности различий по t-критерию Стьюдента, факторный анализ образов).

Результаты исследования. Тестирование по Торонтской алекситимической шкале показало, что большинство испытуемых группы 1 демонстрируют достаточно высокие показатели по алекситимии, причем у женщин исследуемой выборки показатели высокого и среднего уровня встречаются чаще, чем у мужчин. Эта тенденция подтверждается и при проведении статистической обработки результатов (при средних значениях по алекситимии 70,59 у мужчин и 78,93 у женщин ($t = 2,85$; $p = 0,005$)). Следует заметить, что средние значения у мужчин относятся к промежуточной группе и приближаются к высоким.

Сравнение результатов с полученными в группе 2 показало, что у респондентов с кардиологическими заболеваниями статистически достоверно более выражена алекситимия при средних значениях 68,44 и 74,77 соответственно ($t = 3,44$ и $p = 0,0006$).

Анализ результатов, полученных при изучении выраженности акцентуаций характера, тревожности, агрессивных и враждебных реакций, эмпатии, экставерсии и нейротизма в группах 1 и 2, показал, что при выраженной алекситимии пациенты с кардиологическими заболеваниями статистически достоверно:

- более эмотивны (при $t = 3,09$; $p = 0,002$) и тревожны (при $t = 2,52$; $p = 0,01$) и менее гипертимны (при $t = 2,32$; $p = 0,02$) и экзальтированы (при $t = 2,99$; $p = 0,003$), чем испытуемые группы 2;
- демонстрируют более высокие показатели по шкале «Чувство вины» (при $t = 3,05$; $p = 0,002$);
- менее экстравертированы (при $t = 3,17$; $p = 0,001$);
- более эмпатичны в целом (при средних значениях 47,64 и 41,51 соответственно, $t = 2,74$ и $p = 0,007$), а также демонстрируют более высокий уровень эмпатии с животными ($t = 3,14$ и $p = 0,002$), с детьми ($t = 3,19$ и $p = 0,001$) и с героями художественных произведений ($t = 2,74$ и $p = 0,007$).

При проведении факторного анализа с целью изучения алекситимических факторов структуры личности «практически здоровых» испытуемых факторизуемые параметры были логически сгруппированы в три смысловых фактора (таблица 1). Алекситимия при этом не является ключевым признаком ни в одном из факторов, однако наблюдается тенденция к участию этого показателя в каждом из полученных факторов (об этом свидетельствуют ее количественные вклады в общую структуру каждого фактора: 0,33; 0,38 и 0,36 соответственно).

В первый фактор, названный нами «Тревожная агрессивность», с положительно высокими значениями вошли такие шкалы, как возбудимость (0,59), тревожность по опроснику Дж. Тейлор (0,54), нейротизм (0,65), физическая агрессия (0,54), раздражение (0,63), обида (0,57), подозрительность (0,56), чувство вины (0,56), индекс враждебности (0,75) и индекс агрессивности (0,75). Такое сочетание психологических характеристик, объединенных в один смысловой фактор, достаточно логично с точки зрения тревожной склонности индивида к предвосхищению негативного развития событий и, соответственно, готовности к ответной агрессивной реакции на развитие ситуации.

Следует отметить и тенденцию к проявлению в структуре этого фактора алекситимии (со вкладом 0,33).

Второй смысловой фактор структуры личности «практически здоровых» испытуемых объединяет со значимыми отрицательными вкладами эмотивность (0,60) и все показатели опросника И. М. Юсупова: эмпатию с родителями (0,54), с животными (0,61), со стариками (0,53), с детьми (0,60), с героями художественных произведений (0,58), с незнакомыми людьми (0,62), а также общий суммарный показатель эмпатии (0,90). По аналогии со вторым фактором структуры алекситимии в исследуемой выборке мы назвали его «Гипоэмпатийные переживания». Важно, что в этом факторе отмечается тенденция к включению в него алекситимии (со вкладом 0,38). Такое сочетание выражается в сниженной способности к сочувствию в отношении любых объектов окружающего мира, невозможности идентифицировать и адекватно оценивать эмоциональные состояния и, как следствие, адекватно реагировать на них.

В третий смысловой фактор, названный нами «Дистимическая активность», вошли со значимыми отрицательными вкладами такие показатели, как гипертимность (0,68) и экстраверсия (0,67) и дистимичность со значимым положительным вкладом 0,53. Также внутри структуры фактора наблюдается тенденция к выраженности алекситимии (0,36). Очевидно, что для данной категории испытуемых характерно активное познание окружающего мира. Только при наличии активности, позитивно окрашенного эмоционального отношения к действительности становится возможным и его понимание на эмоциональном уровне. В этом случае и осуществляется эмоциональная идентификация собственного состояния, которая делает возможным эмоциональное понимание объектов окружающего мира.

Таким образом, алекситимия не является ключевым признаком структуры личности «практически здоровых» испытуемых, однако входит в каждый из полученных факторов с весьма весомыми собственными

Таблица 1. Алекситимические факторы структуры личности «практически здоровых» испытуемых
Table 1. Alexithymic factors of personality structure in «apparently healthy» subjects

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Пол	-0,07	0,47	-0,15
Гипертимность	0,13	0,16	-0,68
Неуравновешенность	0,39	0,17	-0,15
Эмотивность	-0,15	-0,60	-0,06
Педантичность	-0,35	0,31	-0,32
Тревожность	-0,48	0,13	-0,41
Циклоидность	-0,48	0,20	-0,03
Демонстративность	-0,15	0,26	0,38
Возбудимость	0,59	-0,01	0,08
Дистимичность	-0,32	0,03	0,53
Экзальтированность	0,47	0,41	-0,15
Эмпатия с родителями	0,10	-0,54	0,17
Эмпатия с животными	-0,12	-0,61	-0,02
Эмпатия со стариками	-0,03	-0,53	0,09
Эмпатия с детьми	-0,02	-0,60	0,23
Эмпатия с героями художественных произведений	-0,18	-0,58	-0,13
Эмпатия с незнакомыми людьми	0,04	-0,62	0,20
Общая эмпатия	-0,05	-0,90	0,14
Тревожность (Тейлор)	0,54	0,11	-0,48
Экстраверсия	0,10	0,02	-0,67
Нейротизм	0,65	0,15	-0,36
Физическая агрессия	0,54	-0,38	0,26
Косвенная агрессия	0,41	-0,01	0,18
Раздражение	0,63	-0,16	0,02
Негативизм	0,33	-0,16	0,45
Обида	0,57	-0,09	-0,02
Подозрительность	0,56	-0,11	0,09
Вербальная агрессия	0,49	-0,17	0,45

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Чувство вины	0,56	0,16	-0,22
Индекс враждебности	0,75	-0,15	0,06
Индекс агрессивности	0,75	-0,30	0,36
Алекситимия	0,33	0,38	0,36
Собственное значение фактора	10,08	7,71	5,16
% объясняемой дисперсии	16,25	12,44	8,33

вкладами. Данная неспецифическая характеристика, пронизывающая факторную структуру, может способствовать искажению эмоциональных проявлений и являться фактором риска формирования нарушений психического и психосоматического здоровья.

При проведении факторизации всех исследуемых характеристик с целью изучения структуры личности пациентов с нарушениями сердечно-сосудистой деятельности исследуемые параметры были сгруппированы в 5 основных смысловых фактора (таблица 2).

Таблица 2. Алекситимические факторы структуры личности пациентов с кардиологическими заболеваниями
Table 2. Alexithymic Factors of personality structure in patients with cardiovascular diseases

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Пол	0,11	-0,04	-0,48	-0,14	-0,28
Гипертимность	0,43	0,11	-0,35	-0,38	-0,05
Неуравновешенность	0,33	-0,24	0,01	-0,51	0,12
Эмотивность	0,24	-0,68	-0,38	0,09	0,00
Педантичность	0,34	-0,39	-0,09	0,19	0,47
Тревожность	0,53	-0,24	-0,32	0,30	0,08
Циклоидность	0,53	-0,18	-0,18	0,23	0,30
Демонстративность	0,27	-0,12	-0,63	-0,11	0,10
Возбудимость	0,50	0,09	-0,36	0,06	0,02
Дистимичность	0,23	0,06	0,31	0,54	0,22
Экзальтированность	0,49	-0,06	-0,09	-0,20	-0,20
Эмпатия с родителями	0,09	-0,75	0,06	-0,08	0,05
Эмпатия с животными	0,03	-0,66	0,26	0,08	0,04
Эмпатия со стариками	0,19	-0,60	0,26	-0,19	-0,29
Эмпатия с детьми	0,04	-0,62	0,12	-0,26	-0,08
Эмпатия с героями художественных произведений	0,35	-0,40	0,38	-0,10	0,09
Эмпатия с незнакомыми людьми	0,10	-0,61	0,32	0,04	-0,15
Общая эмпатия	0,20	-0,87	0,32	-0,12	-0,07
Тревожность (Тейлор)	0,55	0,06	0,09	0,00	0,34
Экстраверсия	0,52	-0,12	-0,55	-0,10	0,20
Нейротизм	0,68	-0,07	-0,13	0,15	0,13
Физическая агрессия	0,29	0,43	0,44	-0,38	0,16
Косвенная агрессия	0,59	0,27	0,02	-0,26	-0,14
Раздражение	0,57	0,37	0,15	-0,16	-0,28
Негативизм	0,36	-0,04	0,26	0,01	0,22
Обида	0,60	0,20	-0,14	0,27	-0,06
Подозрительность	0,57	0,27	0,32	0,24	0,01
Вербальная агрессия	0,65	0,23	0,16	-0,08	0,35
Чувство вины	0,45	-0,33	-0,18	0,39	-0,11
Индекс враждебности	0,71	0,30	0,14	0,31	-0,03
Индекс агрессивности	0,69	0,45	0,34	-0,27	0,09

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Алекситимия	0,00	0,02	-0,05	0,26	0,65
Собственное значение фактора	10,81	8,70	5,06	3,31	3,20
% объясняемой дисперсии	17,43	14,02	8,15	5,34	5,16

Интерес представляет пятый фактор, который образован единственной характеристикой – алекситимией – со значимым положительным вкладом 0,65. Данный фактор не является ключевым в структуре личности пациентов с кардиологическими заболеваниями, однако он достаточно значим, о чем свидетельствует его собственное значение (3,20) и процент объясняемой дисперсии (5,16).

Обсуждение. Алекситимия четко выражена в структуре личности пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями и представляет собой отдельный фактор в этой структуре. В связи с этим очевидно ее участие в формировании специфичной жизнедеятельности: избыточная концентрация на выполнении профессиональных обязанностей, постоянное стремление к достижению успехов и потребность в признании создает базу для общей эмоциональной некомпетентности, неумении строить конструктивные эмпатичные взаимоотношения с миром. Ритм жизни этих пациентов не оставляет времени на эмоциональные проявления и подлежат вытеснению. Подобное вытеснение эмоций и служит основой для формирования соматического заболевания. При его возникновении отмечается игнорирование болезненных симптомов и изменение соматического статуса. Однако наличие болезни может быть оценено пациентом как препятствие для осуществления профессиональной деятельности в рамках привычного образа жизни. Выраженные нарушения приводят к необходимости разграничения эмоциональных и физиологических проявлений, но этому препятствует выраженная алекситимия.

Наличие высокого уровня алекситимии у пациентов с сердечно-сосудистыми расстройствами определяет низкую эффективность общего терапевтического воздействия. Поэтому для повышения результативности лечения необходимо построение модели психологического сопровождения пациентов, направленного на обучение больных построению

новой модели жизнедеятельности, в которой значительное место будет отведено осознанию собственных эмоциональных переживаний, умению их идентифицировать и дифференцировать с соматическими характеристиками. Психологическая помощь пациентам будет способствовать повышению эффективности лечения, активизации участия самого больного в процессе выздоровления и формированию направленности на сохранение здоровья.

Алекситимия как психологическая характеристика, рассматриваемая в контексте психического и психосоматического здоровья, значительно выражена и является отдельным фактором в структуре личности пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. В связи с этим ее роль становится определяющей в личностных проявлениях кардиологических пациентов как фактор, способствующий усилению нарушений психосоматического спектра.

Для повышения результативности лечения необходима разработка и апробация модели клинко-психологического сопровождения пациентов, направленного на обучение больных построению нового арсенала способов конструктивного взаимодействия с социумом, в котором значительное место будет отведено осознанию собственных эмоциональных переживаний, умению их идентифицировать и отделять от изменения соматического состояния.

Следует обратить внимание специалистов и на то, что хотя алекситимия не является ключевым признаком, определяющим психологические проявления людей без выраженных психических и психосоматических нарушений здоровья, однако этот феномен является составляющим в каждом выявленном психологическом факторе со значительным собственным вкладом. Данная неспецифическая характеристика может способствовать искажению эмоциональных проявлений и являться фактором риска формирования нарушений психического и психосоматического здоровья.

Литература

1. Стоянова И. Я., Смирнова Н. С. Предикторы психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1. Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mrj/archiv_global/2018_1_48/nomer04.php (дата обращения: 09.10.2018).
2. Александрова Л. А. Адаптация к трудным жизненным ситуациям и психологические ресурсы личности // Личностный потенциал: структура и диагностика / науч. ред. Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2011. С. 547–578.
3. Корытова Г. С., Закотнова Е. Ю. Психологическая безопасность и защищенность образовательной среды: факторы риска, угрозы и условия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 96–102.
4. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В., Стоянова И. Я., Терехина О. В., Шухлова Ю. А. Социальная тревога в подростковом и юношеском возрасте в контексте психологической безопасности // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 63–75.
5. Кристал Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2006. 800 с.

6. Белокрылова М. Ф., Мучник М. М. Алекситимия и соматизация: уровень алекситимии у больных с функциональными сердечно-сосудистыми расстройствами // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2000. № 1. С. 39–42.
7. Искусных А. Ю. Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 53. С. 59–68.
8. Провоторов В. М., Будневский А. В., Кравченко А. Я., Грекова Т. И. Психосоматические соотношения у больных ишемической болезнью сердца с алекситимией // Кардиология. 2001. Т. 41. № 2. С. 46–49.
9. Грекова Т. И., Провоторов В. М., Кравченко А. Я., Будневский А. В. Алекситимия в структуре личности больных ишемической болезнью сердца // Клиническая медицина. 1997. № 11. С. 32–34.

CHARACTERISTICS OF ALEXITHYMIA IN THE CONTEXT OF MENTAL HEALTH

Elena Iu. Brel^{1, @1}, Irina Ia. Stoianova^{2, @2}

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

² Research Institute of Mental Health of Tomsk Scientific Research Medical Center, 4, Aleyskaya St., Tomsk, Russia, 634014

@1 brelelena@mail.ru

@2 Ithka1948@mail.ru

Received 25.12.2017. Accepted 28.02.2018.

Keywords: alexithymia, alexithymic space, anxiety, empathy, aggressive reactions, mental health, factor analysis.

Abstract: The article considers alexithymia as one of the important factors of mental health. The paper presents materials of empirical research on this phenomenon in personality structure of patients with cardiovascular diseases (64 people) and "apparently healthy" subjects (85 people). The obtained results of factorization of alexithymia indicate that alexithymia as a psychological characteristic is significantly expressed, if considered in the context of mental and psychosomatic health. Alexithymia is a separate factor of personality structure in patients with cardiovascular diseases and is involved in each separate factor, which makes it a prominent part of the psychological characteristics of the "apparently healthy" respondents. The research materials can be used to improve the effectiveness of treatment in the development and testing of clinical and psychological support. Such support should be aimed at teaching patients new ways of constructive interaction with society and raising their awareness of their own emotional pains, which they have to be able to identify and tell from ordinary somatic states.

For citation: Brel E. Iu., Stoianova I. Ia. Kharakteristiki aleksitimii v kontekste psikhicheskogo zdorov'ia [Characteristics of Alexithymia in the Context of Mental Health]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 102–108. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-102-108.

References

1. Stoianova I. Ia., Smirnova N. S. Prediktory psikhologicheskoi bezopasnosti u patsientov depressivnogo spektra [Predictors of psychological safety in depressive patients]. *Meditinskaja psikhologija v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 10, no. 1 (2018). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2018_1_48/nomer04.php (accessed 09.10.2018).
2. Aleksandrova L. A. Adaptatsiia k trudnym zhiznennym situatsiiam i psikhologicheskie resursy lichnosti [Adaptation to difficult life situations and psychological resources of the personality]. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Ed. Leont'ev D. A. Moscow: Smysl, 2011, 547–578.
3. Korytova G. S., Zakotnova E. Iu. Psikhologicheskaja bezopasnost' i zashchishchennost' obrazovatel'noi sredy: faktory riska, ugrozy i usloviia [Psychological safety and security of the educational environment: risk factors, threats and conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 9 (2015): 96–102.
4. Sagalakova O. A., Truevtsev D. V., Stoianova I. Ia., Terekhina O. V., Shukhlova Iu. A. Sotsial'naia trevoga v podrostkovom i iunosheskom vozraste v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti [Social anxiety in teenagers and adolescents in the context of psychological safety]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, no. 6 (2016): 63–75.
5. Kristal G. *Integratsiia i samoistselenie. Affekt, travma i aleksitimiia* [Integration and self-healing. Affect, trauma and alexithymia]. Moscow: In-t obshchegumanitar. issled., 2006, 800.

6. Belokrylova M. F., Muchnik M. M. Aleksitimiia i somatizatsiia: uroven' aleksitimii u bol'nykh s funktsional'nymi kardiovaskuliarnymi rasstroistvami [Alexithymia and somatization: alexithymia level in patients with functional cardiovascular frustration]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Journal of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 1 (2000): 39–42.

7. Iskusnykh A. Iu. Aleksitimiia. Prichiny i riski vozniknoveniia rasstroistva [Alexithymia. Reasons and risks of frustration]. *Lichnost', sem'ia i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii = Personality, family and society: questions of pedagogics and psychology*, no. 53 (2015): 59–68.

8. Provotorov V. M., Budnevskii A. V., Kravchenko A. Ia., Grekova T. I. Psikhosomaticheskie sootnosheniia u bol'nykh ishemicheskoi bolezniiu serdtsa s aleksitimiei [Psychosomatic ratios in patients with coronary heart disease with an alexithymia]. *Kardiologiya = Kardiologia*, 41, no. 2 (2001): 46–49.

9. Grekova T. I., Provotorov V. M., Kravchenko A. Ia., Budnevskii A. V. Aleksitimiia v strukture lichnosti bol'nykh ishemicheskoi bolezniiu serdtsa [Alexithymia in personality structure of patients with coronary heart disease]. *Klinicheskaiia meditsina = Clinical Medicine*, no. 11 (1997): 32–34.

УДК 159.9.072

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ СОЦИАЛЬНО-КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ**Сергей В. Духновский¹.@**¹ Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 640022, Россия, Курган, ул. Карла Маркса, 147А

@ dukhnovskysv@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2018. Принята к печати 21.02.2018.

Ключевые слова: государственный гражданский служащий, психологическая надежность, социально-кадровая политика, кадровые риски.

Аннотация: В статье с привлечением эмпирического материала выявлены доминирующие типы социально-кадровой политики у государственных гражданских и муниципальных служащих. Определены взаимосвязи типа кадровой политики с регулятивным, индивидуально-типологическим и профессионально-психологическим компонентом надежности служащих. Описаны кадровые риски типов кадровой политики у государственных гражданских и муниципальных служащих с разным профессионально-психологическим типом личности (руководитель, исполнитель, коммуникатор и генератор). В ходе исследований нашла свое эмпирическое подтверждение гипотеза о том, что рассогласование между используемой в организации типом социально-кадровой политики и его оценкой сотрудниками, обусловленной регулятивными, индивидуально-типологическими и профессионально-психологическими особенностями надежности, является источником кадровых рисков, снижающим безопасность организации. Установлено, что каждый тип социально-кадровой политики (инертный, демагог, прагматик и стабильный) имеет свои специфические кадровые риски, обусловленные регулятивным, индивидуально-типологическим и профессионально-психологическим компонентами надежности государственных гражданских и муниципальных служащих. Оценка регулятивных, индивидуально-типологических и профессионально-психологических особенностей государственного гражданского и муниципального служащего как компонентов его надежности, реализуемая в ходе личностно-профессиональной диагностики, может быть использована в рамках кадровой политики развития персонала, а также в оценках результатов деятельности работников. Оценка социально-кадровой политики выступает одним из условий управления кадровыми рисками, обусловленными индивидуально-психологическими особенностями государственных гражданских и муниципальных служащих, что является фактором, повышающим кадровую безопасность организации в целом.

Для цитирования: Духновский С. В. Взаимосвязь типов социально-кадровой политики с психологической надежностью государственных гражданских и муниципальных служащих // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 109–116. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-109-116.

Кадровая политика является одним из условий, минимизирующих риски, связанные с «использованием» человеческих ресурсов организации, повышая тем самым эффективность её функционирования и кадровую безопасность организации.

Проблема кадровой политики государственной гражданской и муниципальной службы освещалась в работах Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина [1], Н. Л. Ивановой, О. А. Васильевой [2], Р. Ф. Латыпова [3] и др.

В нашем исследовании мы придерживаемся позиции, согласно которой *кадровая политика* предполагает формирование кадрового потенциала, в профессиональном плане обеспечивающего эффективное функционирование организации; это своего рода средство обретения «человеческих ресурсов» организацией – способностей и умений работников; сохранение и поддержание баланса процессов обновления

и сохранения численного и качественного состава кадров в соответствии с потребностями самой организации, требованиями действующего законодательства. Социально-кадровая политика предполагает оценку психологической надежности государственных гражданских и муниципальных служащих, благодаря которой возможно осуществлять совершенствование профессиональной деятельности служащего (за счет раскрытия его потенциала) и, соответственно, за счет мастерства профессионализма работника повышать эффективность деятельности организации.

Вопросы надежности сотрудника, кадровой безопасности и кадровых рисков рассматривались в работах А. Р. Алавердова [4], В. М. Крука [5], В. Д. Небылицына [6], А. В. Смирнова [7] и др.

Под *психологической надежностью* государственных гражданских и муниципальных служащих по-

нимаем сочетание регулятивных, индивидуально-типологических и профессионально-психологических характеристик человека, которые могут манифестировать себя в поведении, а могут находиться в латентном состоянии и проявиться только при определенных условиях и обстоятельствах. *Психологическая надежность* служащих является условием, снижающим кадровые риски как для организации, так и для субъектов трудовой деятельности, условием успешной профессионализации служащих (их карьеры). Психологическая надежность имеет свои составляющие, к которым мы относим: регулятивную, индивидуально-типологическую и профессионально-психологическую.

Индивидуально-регулятивный компонент надежности включает в себя показатели социальной нормативности (ненормативности), интеллекта (репродуктивного – креативного), контроля поведения (рассудочного – эмоционального).

Личностно-типологический компонент надежности представлен латентными (скрытыми) или депривированными потребностями, которые являются наиболее мощными радикалами развития человека, образуя его личностный тип – «класс опасности» (в терминологии Л. Зонди).

Профессионально-психологический компонент надежности обусловлен наиболее развитыми актуальными и потенциальными способностями и личностными качествами человека, способными реализоваться (манифестироваться) в профессиональной деятельности. Это дает возможность более точно оценивать актуальный и будущий профессиональный потенциал кандидата (или действующего государственного гражданского и муниципального служащего), его профессиональный тип: руководитель, исполнитель, генератор и коммуникатор [8].

Кадровая безопасность системы государственной гражданской и муниципальной службы – комплекс мер, направленных на минимизацию психогенных кадровых рисков, обусловленных психологической надежностью (ненадежностью) работника, предполагающих причинение ущерба как организации (её отделов, подразделений, департаментов и т. п.), так и самому субъекту трудовой деятельности. Процесс кадровой безопасности включает мониторинг и оценку психологической надежности и кадровых рисков (угроз) [8].

При проведении эмпирического исследования мы исходили из того, что типы социально-кадровой политики «имеют» свои кадровые риски, обусловленные природой человека и в частности особенностями его психологической надежности. Кроме того, зачастую можно наблюдать рассогласование между используемой в организации кадровой политикой и её субъективной оценкой (восприятием) работниками. В этом случае, на наш взгляд, можно говорить о наличии кадрового риска, связанного с индивидуально-психологическими особенностями работников. Мы предполагаем, что рассогласование между социально-кадровой политикой, существующей в организации, и её субъективной оценкой сотрудниками

обусловлено особенностями регулятивного, индивидуально-типологического и профессионально-психологического компонентов надежности государственных гражданских и муниципальных служащих.

Методика исследования. В обследовании приняли участие 310 государственных гражданских и муниципальных служащих (170 государственных гражданских и 140 муниципальных служащих), проходивших повышение квалификации на базе Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, возраст обследованных $39,4 \pm 8,6$ лет. Все участники исследования – граждане Российской Федерации, практически здоровые, прошедшие обследование по просьбе психолога.

В исследовании использовался разработанный нами психодиагностический комплекс, включающий в себя следующие авторские психодиагностические методики:

1. «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР). *Основное назначение* – оценка регулятивного компонента психологической надежности сотрудника, факторами которой выступают: социальная нормативность (ненормативность), интеллект (репродуктивный – креативный), регуляция поведения (рассудочная – эмоциональная) [9].

2. «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ). *Основное назначение* – выявление типов личности, образованных латентными (скрытыми) или депривированными потребностями, детерминирующих психологическую надежность государственных гражданских и муниципальных служащих. Каждый личностный тип включает в себя «классы опасности» – психогенно обусловленные кадровые риски [9].

3. «Определение профессионально-психологического типа личности» (ППТ). *Основное назначение* – определение принадлежности обследованного к одному из основных профессиональных типов работника (руководителя, исполнителя, коммуникатора, генератора), обусловленных его индивидуально-психологическими характеристиками [9].

4. Авторская анкета «Социально-кадровая политика организации» (СКП), разработанная нами на основании представлений, имеющихся в работе И. Б. Гуркова, О. И. Зеленовой, А. А. Мутовина [10], и позволяющая выявить такие типы кадровой политики, как инертный, прагматичный, статичный и демагог.

Описание наиболее значимых результатов исследования. На первом этапе при помощи анкеты СКП нами была выявлена доминирующая управленческая стратегия организации.

Результаты, представленные в таблице 1, показывают, что доминирующими типами социально-кадровой политики у государственных гражданских и муниципальных служащих являются:

- *Инертный* (отмечается у 43,4 % опрошенных),
- *Демагог* (41,6 %).

Таблица 1. Средние значения по анкете «Социально-кадровая политика организации» у обследованных государственных гражданских и муниципальных служащих
Table 1. Average values according to the questionnaire "Social Personnel Policy of Organization" in civil and local government officers

Типы социально-кадровой политики	Средние значения
Инертный	40,0±7,7
Прагматичный	35,7±8,1
Статичный	26,8±5,7
Демагог	34,0±7,3

Далее на основании результатов корреляционного анализа нами были установлены взаимозависимости показателей регулятивного компонента надежности государственных гражданских и муниципальных служащих с типами социально-кадровой политики. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Матрица интеркорреляций показателей шкал методики «Нормативность. Интеллект. Регуляция» с типами социально-кадровой политики
Table 2. Matrix of intercorrelations between the scale indicators according to the technique "Normativity. Intelligence. Regulation" and types of social personnel policy

Тип социально-кадровой политики	Шкалы методики		
	Нормативность	Интеллект	Регуляция
Инертный	0,35	0,30	0,57*
Прагматичный	0,55*	0,35	0,32
Стабильный	0,33	0,56*	0,34
Демагог	0,26	0,31	0,54*

Прим.: * – коэффициенты корреляции на 5 %-м уровне значимости.

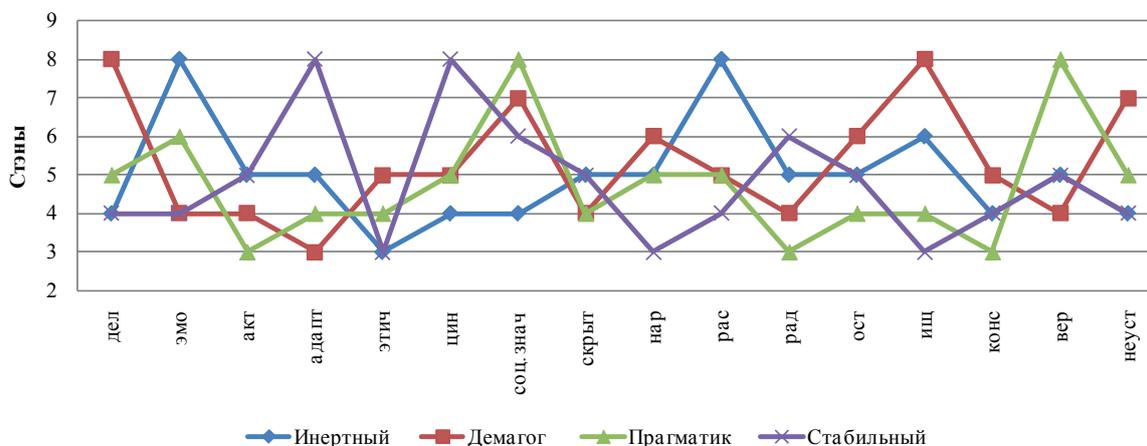

Рис. Выраженность доминирующих «классов опасности» личности обследованных государственных гражданских и муниципальных служащих с разным типом социально-кадровой политики
Fig. Manifestation of the dominating "danger classes" of the identity of the examined civil and local government officers with different type of social personnel policy

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что у государственных гражданских и муниципальных служащих с типом социально-кадровой политики «Инертный» и «Демагог» в регулятивном компоненте надежности выражен *рассудочный контроль поведения*. Соответственно, кадровыми рисками для данных типов кадровой политики могут выступать «жесткий самоконтроль, «маска» чувственной холодности, сдержанность, осторожность, формальность в поведении» [8].

Тип кадровой политики «Прагматик» взаимосвязан с показателем *социальная нормативность*. Кадровыми рисками при этом могут выступать «реагирование чувством вины на нарушение самых нестрогих норм поведения и деятельности, беспокойство и тревожность при угрозе нарушения норм, правил, договоренностей, активизация чувства неполноценности в непривычных ситуациях, стремление «заверить» правильность своего поведения» [8].

Тип кадровой политики «Стабильный» взаимосвязан с таким показателем регулятивного компонента надежности, как *репродуктивный интеллект*, которому присущи следующие кадровые риски: «отсутствие способности работать в условиях дефицита информации, неопределенности и четких инструкций. Трудности при решении творческих задач» [8].

На следующем этапе мы выявили доминирующие личностные типы («классы опасности») государственных гражданских и муниципальных служащих с отмеченными выше типами социально-кадровой политики. Для этого использовали данные, полученные по методике СОКОЛ. Результаты представлены на рисунке.

Результаты, представленные на рисунке, говорят о том, что каждому типу социально-кадровой политики присущи «свои» личностные типы (классы опасности) со свойственными им кадровыми рисками обследованных государственных гражданских и муниципальных служащих.

Тип кадровой политики «Инертный». Классом опасности личности для него является «Эмоционально-сдержанный», предполагающий хорошие адаптивные и общие способности, реалистичность в оценке жизни; стремление к сотрудничеству, ответственность, искренность, организованность, упорство и трудолюбие, ориентация на интеллектуальную активность и достижения. Кадровыми рисками данного типа являются «непереносимость монотонной работы; стремление доминировать может проявляться в конфликтности, бестактности, особенно когда дело касается защиты интересов других людей; протестные реакции выражаются в невыполнении инструкций и распоряжений или сознательной неявке на работу» [8]. Другим классом опасности, присущим данному типу кадровой политики, является «Расчетливый», для которого характерно наличие широких интеллектуальных интересов, упорство, настойчивость, способность к решению абстрактных задач; самоуверенность, независимость, способность к лидерству; реализм, любовь к логике и порядку, педантизм. Кадровыми рисками данного типа являются «Стремление к деструкции, которое в состоянии периодически наступающих депрессий может проявляться в длительной неявке на работу с полным пренебрежением к своим функциональным обязанностям» [8].

Тип кадровой политики «Демагог». Доминирующими классами опасности личности для него являются «Деликатный» и «Ищущий». Классу опасности «Деликатный» присущи следующие характеристики: мягкость, доброта, снисходительность к себе и другим, готовность к сотрудничеству, общительность, желание производить хорошее впечатление, упорство и практичность, ответственность, последовательность, чувство собственного достоинства, независимость; способность тонкого, интуитивного чувствования отношений, их оттенков и нюансов. Кадровыми рисками данного типа является то, что «поведение и позиция на работе чаще всего определяется положением дел в личной жизни. Например, в виде внезапно наступающего пьянства, воровства материальных средств, нарушения рекомендаций, инструкций, распоряжений, поэтому запрещено занимать руководящие должности. Требуется постоянный контроль за выполнением обязанностей и распоряжений» [8]. Для класса опасности «Ищущий» характерно стремление к новому, жажда перемен, неверность, любовь к новшествам, осторожность, эмоциональная холодность, сдержанность, упорство, предприимчивость, разнообразие интересов. Кадровыми рисками данного типа являются «проявление неуместной инициативности и радикализма. Возможны приступы запойного пьянства и попытки самоубийства на почве несчастной любви или конфликтов с близкими. Неустойчивость социальных связей, подверженность чужому влиянию, отсутствие прочных социальных норм» [8].

Тип кадровой политики «Прагматик». Классами опасности личности являются «Социально-значимый» и «Верный». Первому присущи следующие характеристики: деятельностная активность, стремление к социальной значимости, честолюбие, позерство,

желание постоянно быть в центре внимания. Они прекрасно оценивают сильные и слабые стороны собеседника. Кадровыми рисками данного типа является то, что они «не состоятельны как реальные руководители предприятий или производственного процесса, поскольку их единственной целью является достижение собственной значимости. Могут оказываться ведомыми и зависимыми от того, кто ими восхищается. Возможно проявление склонности к аферизму и мошенничеству» [8]. Классу опасности «Верный» свойственны приветливость, коммуникабельность, добродушие, страсть к удовольствиям и развлечениям; чуткость, отзывчивость, мягкость, уважение, стремление к согласию с другими, сочувствие и терпеливость. Кадровыми рисками данного типа является то, что они «могут становиться жертвой обмана и бесстыдной эксплуатации со стороны других лиц. Крайне тяжело переживают утрату отношений или обман. Утратив доверие к людям, отгораживаются от общества, могут совершать суицидальные действия, возможно чрезмерное употребление алкоголя» [8].

Тип кадровой политики «Стабильный». Ему свойственны такие классы опасности личности, как «Циничный» и «Адаптивный». Первому присущи следующие характеристики: тревожность, подавленность, чувствительность и ранимость к замечаниям и критике; подозрительность, скрытность и недоверчивость, упрямство, инертность, вспыльчивость, гневливость, завистливость. Кадровыми рисками данного типа являются «непомерное стремление к власти и зависть к успехам коллег; стремление к власти осуществляется с помощью различных интриг. В случае недостаточного, по их мнению, материального вознаграждения субъекты такого типа могут восполнить этот дефицит с помощью воровства материальных средств и ценностей» [8]. У класса опасности «Адаптивный» выражены любезность, вежливость в общении; стремление к сотрудничеству; снисходительность к себе и другим; консерватизм, конвенциональность (традиционность), пассивность. Кадровыми рисками данного типа являются зависимость поведения и трудовой деятельности от состояния дел в личной жизни, поэтому могут «перетаскивать» своих родственников, любовников и т. п. к себе на предприятие. Есть риск пьянства как реакции на «несчастья в личной жизни» [8].

Описанные факты подтверждаются результатами корреляционного анализа показателей анкеты «Социально-кадровая политика» с отмеченными выше показателями по шкалам методики «Субъективная оценка классов опасности личности». Коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,47 до 0,53 (при $p \leq 0,05$).

Таким образом, наличие значимых взаимосвязей позволяет сделать заключение о том, что типы социально-кадровой политики соотносятся с индивидуально-типологическим компонентом психологической надежности государственных гражданских и муниципальных служащих. Соответственно, каждый тип кадровой политики имеет кадровые риски, обусловленные «классами опасности» личности государственных гражданских и муниципальных служащих.

Далее нами были выявлен доминирующий тип социально-кадровой политики, характерный государственным гражданским и муниципальным служащим с разным профессионально-психологическим типом личности (данные представлены в таблице 3). Для этого были отобраны государственные гражданские и муниципальные служащие, чьи оценки показали рассогласование между социально-кадровой политикой, присущей организации, и её субъективной оценкой сотрудниками. Затем они были разделены на четыре группы в зависимости от доминирующего профессионально-психологического типа личности (на основании данных полученных по методике ППТ):

- первая группа – Руководители;
- вторая группа – Исполнители;

- третья группа – Коммуникаторы;
- четвертая группа – Генераторы.

Результаты, представленные в таблице 3, показывают следующее. Государственным гражданским и муниципальным служащим с профессионально-психологическим типом «Руководитель» соответствует тип социально-кадровой политики «Демагог», типу «Исполнитель» – «Прагматик», «Коммуникатору» – «Стабильный», а «Генератору» – «Инертный». Исходя из того, что каждый профессионально-психологический тип имеет «свои» кадровые риски, делаем заключение, что они могут отражаться в реализации (восприятии) социально-кадровой политики организации, обуславливая тем самым кадровую безопасность организации. Кадровые риски представлены в таблице 4.

Таблица 3. Выраженность типов социально-кадровой политики у государственных гражданских и муниципальных служащих с разным профессионально-психологическим типом личности, %

Table 3. Manifestation of types of social personnel policy in civil / local government officers with different professional and psychological types of the personality, %

Тип социально-кадровой политики	Профессионально-психологические типы			
	Руководитель	Исполнитель	Коммуникатор	Генератор
Инертный	5,9	8,1	7,5	77,1
Демагог	78,5	6,3	6,2	8,3
Прагматик	7,0	79,9	9,1	9,1
Стабильный	8,5	5,6	77,0	5,3

Таблица 4. Кадровые риски типов социально-кадровой политики, обусловленные профессионально-психологическим компонентом надежности государственных гражданских и муниципальных служащих

Table 4. The personnel risks of types of social personnel policy caused by a professional and psychological component of reliability in civil / local government officers

Тип социально-кадровой политики	Профессионально-психологический тип	Кадровые риски
Инертный	Генератор	Приступы недоверия и подозрительности в отношении коллег, как результат – возможно возникновение межличностных конфликтов. Крайняя осторожность, выражающаяся в нерешительности. Стремление оградить себя от любой неудачи может граничить с невротическими проявлениями в поведении (например, страхи и перестраховка). Иппохондричность. Бюрократические излишества в работе. Карьеризм, сочетаемый со страхом потерять свой престиж в глазах окружающих. Приступы высокомерия и властности в отношении коллег и подчиненных.
Демагог	Руководитель	Внезапно возникающие приступы усталости, легко переходящие в депрессию, сопровождаемую употреблением психоактивных веществ. Пренебрежение своими обязанностями, бросание всего «на самотек». Поиск виноватых в случае неудач или невыполнения чего-либо. Навязчивое стремление все время давать поручения и указания другим людям, не отдавая отчета в их объеме или выполнимости; стремление искать проблемы или создавать их с последующим желанием решить их.

Тип социально-кадровой политики	Профессионально-психологический тип	Кадровые риски
Прагматик	Исполнитель	Внезапные и агрессивные вспышки гнева, сопровождаемые вербальной агрессией. Восприятие других людей как препятствие и помеху на пути своих достижений. Проявление внезапного для окружающих агрессивного нетерпения к ограничениям. Стремление к независимости через поиск влиятельных лиц. Кверуленность и сутяжничество. Изворотливость, хитрость.
Стабильный	Коммуникатор	Стремление к постоянной эмоциональной возбужденности. Сильная тяга к деньгам и материальному обогащению, которая может переходить в буквальную алчность. Обидчивость со скрываемой ревностью и раздражительностью. Депрессивное реагирование на неудачи. Склонность к употреблению алкоголя или транквилизаторов. Неспособность к самоограничениям и слабость волевой регуляции поведения. Неспособность быстро отказываться от своих притязаний или намерений, даже если их удовлетворению препятствуют объективные обстоятельства.

Данные, представленные в таблице 4, показывают следующее. Каждый из описанных выше типов социально-кадровой политики «несёт» в себе кадровые риски, обусловленные профессионально-психологическим компонентом надежности государственных гражданских и муниципальных служащих.

Наше предположение о том, что социально-кадровая политика организации взаимосвязана с компонентами психологической надежности служащего, нашло своё эмпирическое подтверждение. В частности, установлено следующее.

Для типа социально-кадровой политики «Инертный» кадровые риски обусловлены рассудочным контролем поведения (регулятивный компонент надежности), классами опасности личности «Эмоциональный» и «Расчетливый» (индивидуально-типологический компонент надежности) и профессиональным типом «Генератор» (профессионально-психологический компонент надежности).

Для типа социально-кадровой политики «Демагог» кадровые риски обусловлены рассудочным контролем поведения (регулятивный компонент надежности), классами опасности личности «Деловой» и «Ищущий» (индивидуально-типологический компонент надежности) и профессиональным типом «Руководитель» (профессионально-психологический компонент надежности).

Для типа социально-кадровой политики «Прагматик» кадровые риски обусловлены социальной нормативностью (регулятивный компонент надежности), классами опасности личности «Социально-значимый» и «Верный» (индивидуально-типологический компонент надежности) и профессиональным типом «Исполнитель» (профессионально-психологический компонент надежности).

Для типа социально-кадровой политики «Стабильный» кадровые риски обусловлены репродуктив-

ным интеллектом (регулятивный компонент надежности), классами опасности личности «Циничный» и «Адаптивный» (индивидуально-типологический компонент надежности) и профессиональным типом «Коммуникатор» (профессионально-психологический компонент надежности).

Выводы

1. В ходе исследований найдено эмпирическое подтверждение гипотезы о том, что рассогласование между используемым в организации типом социально-кадровой политики и его оценкой сотрудниками, обусловленной регулятивными, индивидуально-типологическими и профессионально-психологическими особенностями надежности, является источником кадровых рисков, снижающим безопасность организации.

2. Установлено, что каждый тип социально-кадровой политики (инертный, демагог, прагматик и стабильный) имеет свои специфические кадровые риски, обусловленные регулятивным, индивидуально-типологическим и профессионально-психологическим компонентами надежности государственных гражданских и муниципальных служащих.

3. Оценка регулятивных, индивидуально-типологических и профессионально-психологических особенностей государственного гражданского и муниципального служащего как компонентов его надежности, реализуемая в ходе личностно-профессиональной диагностики, может быть использована в рамках кадровой политики развития персонала, а также в оценках результатов деятельности работников.

4. Оценка социально-кадровой политики выступает одним из условий управления кадровыми рисками, обусловленными индивидуально-психологическими особенностями государственных гражданских и муниципальных служащих, что является фактором, повышающим кадровую безопасность организации в целом.

Литература

1. Управление персоналом: учебник для вузов / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2002. 560 с.
2. Иванова Н. Л., Васильева О. А. Кадровая политика в государственном управлении: проблемы и поиски и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 171–186.
3. Латыпов Р. Ф. Классификация моделей государственной кадровой политики: опыт системного анализа // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 2. С. 487–490.
4. Алавердов А. Р. Управление персоналом: учебное пособие. М.: МАРКЕТ ДС, 2009. 304 с.
5. Крук В. М. Психология обеспечения личностной надежности специалиста. М.: Изд-во НИИ радиоэлектроники и лазерной техники МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2012. 376 с.
6. Небылинцын В. Д. К надежности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии. 1961. № 6. С. 9–18.
7. Смирнов А. В. Кто такой неблагонадежный работник? // Актуальные вопросы психологии в области человеческого фактора: материалы второй международной научн. практ. конф. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 157–161.
8. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровые риски государственных гражданских и муниципальных служащих // Власть. Безопасность. Общество. Современные исследования, поиск концепций: сборник научных трудов, посвященный 20-летию Курганского филиала РАНХиГС. Куртамыш: Куртамышская типография, 2017. С. 25–58.
9. Духновский С. В., Кофанов В. М. Программный комплекс «Оценка психологической надежности государственных гражданских и муниципальных служащих». М.: ФГНУ ИНИПИ РАО, ОФЭРНиО, 13.12.2016. № 22361.
10. Гурков И. Б., Зеленова О. И., Мutowин А. А. Бизнес-стратегии и социально-кадровая политика современных Российских предприятий: учебно-методическое пособие. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2007. 81 с.

INTERRELATION BETWEEN THE TYPES OF SOCIAL PERSONNEL POLICY AND PSYCHOLOGICAL RELIABILITY OF CIVIL OFFICERS AND MUNICIPAL EMPLOYEES

Sergey V. Dukhnovsky¹, @

¹ *Kurgan Branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, 147A, Karl Marx St., Kurgan, Russia, 640022*

@ dukhnovskysv@mail.ru

Received 15.01.2018. Accepted 21.02.2018.

Keywords: civil servant, psychological reliability, social personnel policy, personnel risks.

Abstract: The current research uses empirical material to define the dominating types of social personnel policy exerted by civil and local government officers. It establishes the interrelations between the personnel policy type and a regulatory, individual-typological or professional-psychological component of reliability of employees. The paper describes personnel risks according to the types of personnel policy of civil / local government officers with various professional and psychological types of personality (leader, performer, communicator, and generator). The research has proved the following hypothesis: a mismatch between the type of social personnel policy in the organization and its assessment by the employees resulting from regulatory, individual-typological or professional-psychological features of reliability is a source of personnel risks that can reduce safety of the organization. It has been established that each type of social personnel policy (inert one, demagogue, pragmatist, and stable one) has specific personnel risks resulting from the regulatory, individual-typological and professional-psychological components of reliability of the civil officers and local government employees. An assessment of regulatory, individual-typological and professional-psychological features of a civil / local government officer as components of his or her reliability can be identified with the help of personal and professional diagnostics; it can be used in personnel policy and in performance assessment. Social personnel policy assessment is a factor of increasing personnel safety of the organization in general; it acts as a condition of personnel risk management and concerns the risks caused by individual and psychological features of civil / local government officers.

For citation: Dukhnovsky S. V. Vzaimosviaz' tipov sotsial'no-kadrovoi politiki s psikhologicheskoi nadezhnost'iu gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh [Interrelation between the Types of Social Personnel Policy and Psychological Reliability of Civil Officers and Municipal Employees]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 109–116. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-109-116.

References

1. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Ed. Bazarov T. Iu., Eremin B. L. 2nd ed. Moscow: IuNITI, 2002, 560.
2. Ivanova N. L., Vasil'eva O. A. Kadrovaia politika v gosudarstvennom upravlenii: problemy i poiski i resheniia [Personnel Policy in Public Administration: Problems and Searches and Solutions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia = Public Administration Issues*, no. 2 (2011): 171–186.
3. Latypov R. F. Klassifikatsiia modelei gosudarstvennoi kadrovoi politiki: opyt sistemnogo analiza [Classification of models of the state personnel policy: experience of system analysis]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 15, no. 2 (2010): 487–490.
4. Alaverdov A. R. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow: MARKET DS, 2009, 304.
5. Kruk V. M. *Psikhologiiia obespecheniia lichnostnoi nadezhnosti spetsialista* [Psychology of personal reliability of a specialist]. Moscow: Izd-vo NII radioelektroniki i lazernoï tekhniki MGTU im. N. E. Baumana, 2012, 376.
6. Nebylitsyn V. D. K nadezhnosti raboty cheloveka-operatora v avtomatizirovannykh sistemakh [On the reliability of the human operator in automated systems]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 6 (1961): 9–18.
7. Smirnov A. V. Kto takoi neblagonadezhnyi rabotnik? [Who is an unreliable worker?]. *Aktual'nye voprosy psikhologii v oblasti chelovecheskogo faktora: materialy vtoroi mezhdunarodnoi nauchn. prakt. konf.* [Actual questions of psychology in the field of the human factor: Proc. 2nd Intern. Sc.-Pract. Conf.]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008, 157–161.
8. Dukhnovskii S. V. Psikhologicheskaiia nadezhnost' i kadrovyie riski gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh [Psychological reliability and personnel risks of state civil and municipal employees]. *Vlast'. Bezopasnost'. Obshchestvo. Sovremennye issledovaniia, poisk kontseptsii* [Power. Security. Society. Modern research, the search for concepts]. Kurtamysh: Kurtamyshskaia tipografiia, 2017, 25–58.
9. Dukhnovskii S. V., Kofanov V. M. *Programmnyi kompleks «Otsenka psikhlogicheskoi nadezhnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh»* [The program complex "Evaluation of mental health of state civil and municipal employees"]. Moscow: FGNU INIPI RAO, OFERNiO, No. 22361 (13.12.2016).
10. Gurkov I. B., Zelenova O. I., Mutovin A. A. *Biznes-strategii i sotsial'no-kadrovaia politika sovremennykh Rossiiskikh predpriiatii* [Business strategies and social-personnel policies of modern Russian enterprises]. Moscow: Gosudarstvennyi universitet – Vysshaiia shkola ekonomiki, 2007, 81.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СУБЪЕКТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА С РАЗЛИЧНЫМИ «КРИЗИСНЫМИ ПРОФИЛЯМИ»Юлия А. Журавлева¹. @¹ Курганский государственный университет, 640020, Россия, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4
@ zhurava.psi@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2018. Принята к печати 13.03.2018.

Ключевые слова: субъекты педагогического процесса, переживание кризиса, «кризисный профиль», интегральная индивидуальность личности, дисгармония межличностных отношений.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями». Показано, что у субъектов с разным «кризисным профилем» имеются различия в отношении в контексте их гармоничности – дисгармоничности. Эмпирически доказано, что переживание кризиса оказывает значимое влияние на составляющие социально-психологической дистанции между участниками педагогического процесса.

Установлено, что переживание кризиса в межличностных отношениях субъектами педагогического процесса имеет свои общие и отличительные особенности в различных системах отношений: «педагог – педагог», «педагог – администрация образовательного учреждения», «педагог – воспитанник / обучающийся», «педагог – родители воспитанника / обучающегося». Наиболее подверженными влиянию деструктивного переживания кризиса в отношениях являются отношения педагога с администрацией образовательного учреждения. Во взаимоотношениях с детьми, напротив, педагоги сохраняют гармоничные отношения, основанные на взаимопонимании и эмоциональной близости.

Результаты исследования могут быть использованы при организации работы по психологическому сопровождению педагогического процесса, направленного на профилактику и преодоление деструктивного переживания кризиса в межличностных отношениях субъектов педагогического процесса.

Для цитирования: Журавлева Ю. А. Особенности межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 117–125. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-117-125.

Педагогу отводится ведущая роль не только в передаче подрастающим поколениям знаний, умений и навыков, формировании способности применять их на практике, но и возлагается ответственность за формирование личности учащегося или воспитанника и создание реальных условий для ее всестороннего развития. На наш взгляд, ведущее значение при этом приобретает характер межличностных отношений, складывающихся между взаимодействующими субъектами педагогического процесса – детьми разного возраста, их родителями, педагогами, администрацией образовательного учреждения.

Взаимодействие субъектов педагогического процесса, включающее их общение и отношения между ними – это одна из сторон профессиональной жизни педагога, объединяющая в себе его личностные и профессиональные особенности. Поэтому любые переживания педагога, трудности, с которыми он сталкивается, неизбежно находят свое отражение в его профессиональной деятельности, в том числе и в его отношениях. С другой стороны, педагогическое общение требует больших эмоциональных затрат, нередко имеет конфликтно-генный характер

и само по себе также может стать причиной переживаний педагога [1].

В связи с этим считаем, что проблема профилактики деструктивного переживания кризиса в отношениях, способного оказывать разрушающее воздействие как на личность воспитателя, учителя или преподавателя, так и на его отношения с субъектами педагогического процесса, приобретает особую значимость.

Изучением проблемы переживания кризиса и его деструктивных проявлений занимались Л. С. Выготский, В. С. Мерлин, В. В. Лукин-Григорьев, Е. Л. Солдатова, Э. Э. Сыманюк, А. Г. Амбрумова, В. А. Ананьев, С. В. Духновский, Л. В. Куликов и др. Так, основываясь на позиции В. С. Мерлина об *интегральной индивидуальности личности* [2], мы предположили, что переживание кризиса в межличностных отношениях субъектами педагогического процесса будет во многом определяться особенностями интегральной индивидуальности личности педагога, образованной системами свойств организма и индивидуальных психических свойств, системой социально-психологических и индивидуально-типологических особенностей личности. Особенности интегральной индивидуальности, «определяемые соотношением

величины кризисной нагрузки субъекта и наличием или отсутствием превентивных ресурсов – адапционно-компенсаторных способностей для конструктивного (деструктивного) преодоления кризиса» формируют «*кризисный профиль*» личности субъектов педагогического процесса [3].

В ходе проведенных С. В. Духновским исследований было установлено, что в переживании кризиса (острого, резкого перелома в жизни) «участвуют» перечисленные выше системы интегральной индивидуальности личности. От них зависит, будет ли переживание кризиса носить конструктивный или деструктивный характер [4].

Так, по мнению автора, свою «конструктивную необходимость» кризис приобретает, когда в процессе его переживания субъект воспринимает его как некое испытание, некую «ступень», позволяющую ему по-новому взглянуть на ситуацию, кардинально пересмотреть, а порой и изменить свое отношение к ней, увидеть новые горизонты и перспективы жизни. «Неудачные» с точки зрения влияния переживания (как на самого человека, так и на его отношения с окружающими), являющиеся по своему характеру деструктивными, нарушают полноценное функционирование субъекта как личности, в том числе и как профессионала, негативно отражаются на его социально-психологическом здоровье [4–6].

О влиянии переживаний на взаимоотношения говорит Е. Л. Солдатов, отмечая, что переживание кризиса меняет не свойства личности, а систему ее отношений [7]. Эмпирические исследования Е. Л. Солдатовой показали, что независимо от фазы нормативного кризиса он находит своё отражение во взаимоотношениях обследованных с окружающими их людьми. Об этом же говорит Э. Э. Сыманюк, указывая на тот факт, что наиболее подверженной деструктивному изменению является коммуникативная составляющая педагогического опыта [8]. Таким образом, переживание любого кризиса (личностного или профессионального) будет связано с качественной перестройкой сферы отношений субъектов педагогического процесса, в том числе и межличностных отношений, осуществляемых педагогом в рамках своей профессиональной деятельности [1; 2]. Следовательно, межличностные отношения воспитателей, учителей и преподавателей могут, с одной стороны, стать источником (пусковым фактором) переживания кризиса, а с другой – кризис может наблюдаться и в самих отношениях. Мы предположили, что проявлением переживания кризиса педагогом в межличностных отношениях будет *гармония – дисгармония отношений субъектов педагогического процесса*, глубина и характер которых будет зависеть от особенностей интегральной индивидуальности педагога. Характеристикой дисгармонии межличностных отношений является *социально-психологическая дистанция*, проявляющаяся в переживании и понимании близости (отдаленности) между партнерами по общению. Как показали исследования С. В. Духновского и Л. В. Куликова, составляющими дистанции

являются когнитивная, коммуникативная, эмотивная, поведенческая и деятельностная [9].

На наш взгляд, перспективным направлением в исследовании переживания (как нормативных, так и ненормативных) кризисов в межличностных отношениях является его рассмотрение с позиции методологического принципа неопределенности в психологии, в рамках которого переживание любого, даже нормативного кризиса приобретает ненормативный характер [10]. Исходя из принципа неопределенности, спрогнозировать исход кризиса невозможно, однако эффективным способом профилактики деструктивных переживаний кризиса в межличностных отношениях может стать развитие потенциалов личности субъектов педагогического процесса, их адаптационных способностей. Именно их развитие даст педагогу силы и возможности для преодоления трудных ситуаций, позволит ему воспринимать их не как критическую, неразрешимую ситуацию, а как способ приобретения нового опыта, как толчок для дальнейшего развития. Позволит ему несмотря ни на что сохранять свою эффективность как личности и как профессионалу, поддерживать гармоничные отношения с окружающими людьми.

Говоря о субъектах педагогического процесса, изучая особенности отношений между ними, будем рассматривать в качестве основных их представителей – педагогов (воспитателей, учителей, преподавателей), администрацию образовательного учреждения, воспитанников и учеников, а также их родителей. Поэтому мы выделили четыре системы отношений в их профессиональной деятельности:

- «педагог – педагог»;
- «педагог – администрация образовательного учреждения»;
- «педагог – воспитанник / обучающийся»;
- «педагог – родители воспитанника / обучающегося».

Как мы видим, ключевой фигурой в отмеченных системах отношений является педагог, так как именно на него ложится ответственность за организацию и эффективность педагогического процесса, за обеспечение взаимодействия между его участниками.

В данном контексте считаем, что изучение особенностей межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями» является значимым и своевременным. При проведении исследования мы исходили из следующих предположений. Субъекты с разным «кризисным профилем» имеют различия в межличностных отношениях по степени их гармоничности – дисгармоничности. Переживание кризиса в межличностных отношениях субъектами педагогического процесса имеет свои общие и отличительные особенности в различных системах отношений: «педагог – педагог», «педагог – администрация образовательного учреждения», «педагог – воспитанник / обучающийся», «педагог – родители воспитанника / обучающегося».

Далее обратимся к описанию методики исследования и анализу наиболее значимых эмпирических данных.

Методика исследования. Нами был обследован 541 педагог образовательных учреждений, реализующий программы дошкольного, общеобразовательного и среднего профессионального образования г. Кургана и Курганской области. Среди них 195 воспитателей муниципальных дошкольных образовательных учреждений (далее – МДОУ), 216 учителей средних общеобразовательных школ (начального, основного общего, среднего полного общего образования) (далее – СОШ), 130 преподавателей образовательных учреждений среднего профессионального образования (далее – СПО). Все граждане России, прошедшие обследование по просьбе психолога. Возраст обследованных – $44,7 \pm 10,4$ лет, педагогический стаж – $20,3 \pm 12,0$ лет. В рамках данного исследования мы не ставили задачу изучить гендерные различия педагогов, переживающих и не переживающих кризис.

В качестве психодиагностических методик использовались:

- методика «Переживание психологического кризиса личностью» («ППК»), предназначенная для выявления степени переживания кризиса, «кризисного профиля» и его характеристик [3];
- методика «Субъективная оценка межличностных отношений» («СОМО»), предназначенная для определения характеристик дисгармонии межличностных отношений (напряженность, отчужденность, конфликтность, агрессия) [11];
- методика «Определение социально-психологической дистанции» («СПД»), предназначенная для оценки степени близости (отдаленности) между взаимодействующими субъектами, обусловленные пониманием, доверием, положительным чувственным тоном и возможностью совместного времяпровождения [11].

Выбор методик обусловлен следующими моментами. Во-первых, они в наибольшей степени соответствуют основной цели исследования, во-вторых, они достаточно хорошо зарекомендовали себя в психолого-педагогических исследованиях [4; 6; 9], в-третьих, их психометрические характеристики, а следовательно и надежность результатов не вызывают сомнений.

Анализ и интерпретация результатов исследования

На первом этапе изучались особенности «кризисного профиля» личности субъектов педагогического процесса, переживающих и не переживающих кризис в межличностных отношениях.

Анализ «кризисного профиля» личности субъектов педагогического процесса позволил на основе данных, полученных по методике «ППК» (соотношение шкал «Ситуационное реагирование» и «Психологическая устойчивость»), разделить обследованных на две подгруппы:

1. Педагоги, не переживающие кризис в межличностных отношениях ($n = 296$, что составило 54,7 % от всех обследованных).

2. Педагоги, переживающие кризис в межличностных отношениях ($n = 245$, что составило 45,3 % от общего числа обследованных).

Соотношение показателей шкал методики «ППК» позволило не только определить «кризисный профиль» личности субъектов педагогического процесса, но и описать психологические характеристики личности, свойственные для каждого из «кризисных профилей». Полученные результаты показали, что переживающие и не переживающие кризис в межличностных отношениях педагоги имеют значимые различия в сочетании личностных характеристик, участвующих в переживании, определяющих их глубину и характер, способствующих или препятствующих преодолению кризиса в целом [6; 12–14].

На втором этапе исследования мы обратились к изучению особенностей межличностных отношений субъектов педагогического процесса, переживающих и не переживающих кризис в отношениях.

Так, результаты, полученные по методике «СОМО» (таблица 1), показали наличие статистически значимых различий по показателям данной методики у субъектов педагогического процесса, переживающих и не переживающих кризис в межличностных отношениях. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что переживание кризиса в межличностных отношениях способствует увеличению дистанции между субъектами педагогического процесса. Отношения вызывают чувство дискомфорта, может снижаться доверие, ощущение понимания

Таблица 1. Средние значения по методике «Субъективная оценка межличностных отношений» педагогов обеих групп
Table 1. Average values according to the technique of "Subjective evaluation of interpersonal relationships" among teachers in both groups

Шкалы методики «Субъективная оценка межличностных отношений»	Средние значения	
	Субъекты, переживающие кризис	Субъекты, не переживающие кризис
Напряженность отношений	$27,8 \pm 10,0$	$24,1 \pm 7,3^{**}$
Отчужденность в отношениях	$41,1 \pm 11,3$	$39,2 \pm 10,2^*$
Конфликтность в отношениях	$26,6 \pm 7,3$	$25,0 \pm 6,6^*$
Агрессивность в отношениях	$24,1 \pm 8,4$	$22,0 \pm 7,2$

Прим.: * – различия достоверны на уровне значимости выше $p \leq 0,01$; ** – различия достоверны на уровне значимости выше $p \leq 0,001$.

и эмоциональной близости. В данном случае межличностные отношения будут приобретать характер дисгармоничных. Данный факт был выявлен у 81 обследованного, что составило 33,1 % от общего числа педагогов, переживающих кризис в межличностных отношениях.

Следует отметить, что показателем дисгармоничности отношений может выступать не только увеличение дистанции в общении, но и напротив, стремление значительно ее сократить. Так как стремление к установлению «неприемлемо близкой для субъектов дистанции» (в терминологии С. В. Духновского) может восприниматься субъектами педагогического процесса как нарушение их личного пространства, вызывать негативные эмоции. Данный факт выявлен у 29 обследованных, что составило 11,8 % от общего числа педагогов, переживающих кризис в межличностных отношениях.

Таким образом, у 44,9 % педагогов (от общего числа переживающих кризис в межличностных отношениях) переживание кризиса сопровождается дисгармонией межличностных отношений с субъектами педагогического процесса.

В группе не переживающих кризис педагогов отношения достаточно гармоничные, носят стабильный и открытый характер. Предполагают способность эффективного взаимодействия субъектов педагогического процесса, сопровождающегося ощущением эмоционального комфорта.

Наличие значимых различий по шкалам «Напряженность отношений», «Отчужденность в отношениях» и «Конфликтность в отношениях» методики «СОМО» (таблица 1) могут говорить о следующем. Переживание кризиса в межличностных отношениях может способствовать возникновению у педагога чувства неудовлетворения от существующей системы отношений, вызывать озабоченность и беспокойство (показатели по шкале «Напряженность отношений» методики «СОМО»). Напряженность в отношениях может сопровождаться эмоциональной неустойчивостью, повышенной утомляемостью и гнетущими чувствами. Полагаем, что в попытке избавиться от негативных эмоций и переживаний педагог, скорее всего, будет пытаться дистанцироваться от других людей (показатели по шкале «Отчужденность в отношениях» методики «СОМО»). В случае невозможности избежать контактов отношения в них, скорее всего, будут приобретать формальный характер, не затрагивающий внутренний мир педагога. Вероятно возникновение противоречий, несогласия по значимым вопросам и ориентация на собственные интересы и потребности субъектов педагогического процесса (показатели по шкале «Конфликтность в отношениях» методики «СОМО»). Преобладание негативного эмоционального фона, неудовлетворенность отношениями будут способствовать дисгармонии межличностных отношений, проявляющейся в переживании одиночества и субъективном ощущении изолированности от других участников педагогического процесса.

Результаты корреляционного анализа (с использованием коэффициента корреляции Пирсона) показали

наличие значимых связей между показателями по шкалам методики «Переживание психологического кризиса личностью» «ППК» и показателями по шкалам методики «Субъективная оценка межличностных отношений» «СОМО». Чем выше показатели индекса ситуационного реагирования (показатель по шкале «СР» методики «ППК»), свидетельствующего о наличии переживания кризиса и его глубине, тем более выражены такие характеристики дисгармонии межличностных отношений субъектов педагогического процесса, как напряженность и отчужденность в отношениях (на достоверно значимом уровне выше $p \leq 0,001$). Данная связь прослеживается во всех системах отношений, осуществляемых педагогами в рамках своей профессиональной деятельности.

Кроме того, на основании результатов обследования по методике «СОМО» были выявлены особенности переживания кризиса в различных системах отношений, осуществляемых педагогами в рамках своей профессиональной деятельности (рисунок). Данные, представленные на рисунке, позволяют говорить о следующем. Переживание кризиса в межличностных отношениях сопровождается нарастанием отчужденности во всех системах отношений – с коллегами, администрацией, учениками / воспитанниками и их родителями. Наиболее выраженным этот показатель является в системе отношений педагога с администрацией образовательного учреждения. Причинами таких отношений могут быть, например, авторитарный стиль руководства представителей администрации образовательного учреждения, необъективность требований, предъявляемых к педагогам, провоцирующие усиление существующих противоречий и увеличение дистанции между ними.

Для всех систем отношений субъектов педагогического процесса, переживающих кризис, характерно снижение показателей по шкале «Напряженность отношений», свидетельствующее о том, что при переживании кризиса социальные контакты педагога, которые ему необходимо поддерживать в процессе своей профессиональной деятельности, перестают обладать достаточной глубиной и значимостью, приобретая преимущественно поверхностный характер. Кроме того, отношения педагогов со всеми участниками педагогического процесса отличаются слабо выраженной конфликтностью и отсутствием проявлений агрессии. Для педагогов характерно преобладание компромиссного поведения, демонстрация альтруизма и гиперсоциальности. Агрессивные тенденции если и имеют место, то тщательно скрываются или контролируются. Такой образ вполне соответствует принятым в обществе стереотипам модели поведения педагога, вероятно, в своем стремлении соответствовать ему воспитателям, учителям и преподавателям приходится постоянно сдерживать себя, контролировать свои эмоции, взвешивать свои слова. В результате педагог находится в постоянном напряжении, которое только усиливает переживание кризиса в межличностных отношениях, всё больше отдаляя его от окружающих людей.

Для более полного анализа социально-психологического аспекта переживания кризиса субъектами пе-

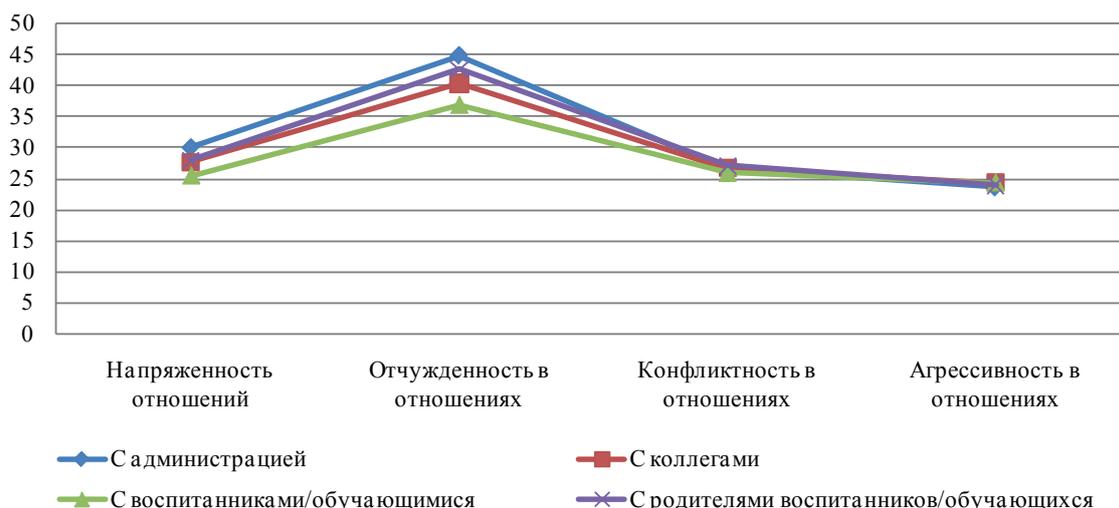

Рис. Средние значения (в баллах) показателей по шкалам методики «Субъективная оценка межличностных отношений» педагогов, переживающих кризис в различных системах отношений

Fig. Average values indicators (in points) according to the scales of "Subjective evaluation of interpersonal relationships" method among teachers going through a crisis in various systems of relations

дагогического процесса был проведен сравнительный анализ результатов, полученных по методике «Определение социально-психологической дистанции» («СПД») в группах педагогов, переживающих и не переживающих кризис в межличностных отношениях (таблица 2). Данные, представленные в таблице 2, говорят о том, что переживание кризиса в межличностных отношениях сопровождается увеличением когнитивной дистанции («Cog-d»). Можно предположить, что наличие переживания кризиса будет способствовать утрате взаимопонимания между субъектами педагогического процесса, отсутствию стремления к познанию и принятию особенностей партнеров по общению.

Переживание кризиса в межличностных отношениях сопровождается чувством отчужденности и эмо-

циональной холодности в отношениях субъектов педагогического процесса, характерным становится взаимодействие «без чувств» («Емо-d»).

Для обеих групп педагогов характерно снижение степени доверия по отношению к партнеру («Com-d»), свидетельствующее о том, что независимо от наличия или отсутствия у педагогов переживания кризиса в межличностных отношениях, они склонны больше доверять себе и в принятии решений полагаться только на свои силы.

Кроме того, выявлено нежелание осуществлять какую-либо совместную деятельность с субъектами педагогического процесса, длительное время находиться друг с другом («Act-d»). Соответственно, этот фактор может стать возможной причиной дисгармонии в отношениях.

Таблица 2. Средние значения по методике «Определение социально-психологической дистанции» у педагогов обеих групп

Table 2. Average values according to the method of "Definition of a social and psychological distance" among teachers in both groups

Шкалы методики «Определение социально-психологической дистанции»	Средние значения	
	Педагоги, переживающие кризис	Педагоги, не переживающие кризис
Когнитивная дистанция («Cog-d»)	44,4±8,4	48,9±7,6
Коммуникативная дистанция («Com-d»)	32,1±6,9	34,1±7,3
Эмотивная дистанция («Емо-d»)	45,1±7,5	50,8±6,8
Поведенческая и деятельностная дистанция («Act-d»)	32,3±8,1	36,1±8,8
Образ самого себя («Si»)	15,6±5,5	14,2±4,9

Прим.: * – все различия достоверны выше на уровне значимости $p \leq 0,01$

Сравнительный анализ показателей методики «Определение социально-психологической дистанции» «СПД» в различных системах отношений, осуществляемых педагогами, переживающими кризис в межличностных отношениях, показал следующее (таблица 3).

Отношения педагогов с детьми, независимо от наличия личных трудностей и негативных переживаний, строятся на основе взаимопонимания и гармонии друг с другом. Педагоги сохраняют стремление понять и принять детей такими, какие они есть («Cog-d»).

В отношениях с участниками педагогического процесса педагоги, переживающие кризис в межличностных отношениях, склонны больше доверять

себе, в принятии решений полагаться только на себя. Также воспитатели, учителя и преподаватели могут проявлять осторожность в установлении близких отношений, предпочитая не доверять партнеру по общению информацию, представляющую личностную значимость («Com-d»).

Переживание кризиса в отношениях педагога с руководством, коллегами и родителями воспитанников / учеников сопровождается преобладанием удаляющих чувств, отчужденности и эмоциональной холодности («Emo-d»). Во взаимоотношениях с детьми педагоги, напротив, несмотря на наличие негативных переживаний, сохраняют эмоциональную близость, проявляя дружелюбие и добросердечность по отношению к ним.

Таблица 3. Средние значения по методике «Определение социально-психологической дистанции» в различных системах отношений педагогов, переживающих кризис в межличностных отношениях

Table 3. Average values according to the method of «Definition of social and psychological distance» in various systems of relations among teachers enduring a crisis of interpersonal relations

Субъекты отношений	Шкалы методики «Определение социально-психологической дистанции»				
	«Cog-d»	«Com-d»	«Emo-d»	«Act-d»	«Si»
Администрация	42,9±8,4	31,9±7,0	42,8±7,6	29,3±8,1	15,5±5,4
Коллеги	44,3±7,9	34,4±7,2	44,9±7,5	32,9±7,7	16,8±5,5
Воспитанники / обучающиеся	46,5±8,9	31,6±6,4	48,1±7,9	36,0±8,7	15,3±5,4
Родители воспитанников / обучающихся	43,9±8,2	30,4±7,3	44,7±6,9	31,1±8,1	14,9±5,8

Прим.: * – Cog-d – когнитивная дистанция, Com-d – коммуникативная дистанция, Emo-d – эмотивная дистанция, Act-d – поведенческая и деятельностная дистанция, Si – положительный – отрицательный образ самого себя.

Нежелание осуществлять какую-либо совместную деятельность наиболее ярко проявляется в отношениях педагога, переживающего кризис с администрацией образовательного учреждения. Мы можем говорить о том, что длительное взаимодействие с субъектами педагогического процесса, в особенности с администрацией образовательного учреждения, в котором работает педагог, приводит к усилению у него чувства напряжения, рассогласованности их действий и дисгармонии отношений в целом.

Анализ полученных по методике «СПД» результатов позволяет сделать вывод о том, что наиболее подверженными влиянию деструктивного переживания кризиса в отношениях являются отношения педагога с администрацией образовательного учреждения. Вызванные кризисом в отношениях негативные переживания будут отражаться на отношениях субъектов педагогического процесса, и в группу риска, в первую очередь, будут попадать отношения педагога со своим руководством. Поэтому профилактика деструктивных переживаний кризиса в межличностных отношениях субъектов педагогического процесса должна строиться с учетом данных особенностей (направлена на развитие навыков конструктивного взаимодействия, сотрудничества, умения работать в команде).

Выводы

1. Установлено, что педагоги с различным «кризисным профилем» личности имеют различия в меж-

личностных отношениях по степени их гармоничности – дисгармоничности.

2. Переживание кризиса в отношениях сопровождается проявлением таких характеристик дисгармонии межличностных отношений с субъектами педагогического процесса, как напряженность и отчужденность в отношениях.

3. Переживание кризиса в межличностных отношениях субъектами педагогического процесса имеет свои общие и отличительные особенности в различных системах отношений – «педагог – педагог», «педагог – администрация образовательного учреждения», «педагог – воспитанник / обучающийся», «педагог – родители воспитанника / обучающегося».

4. Отношения педагогов, переживающих кризис в межличностных отношениях, отличаются слабо выраженной конфликтностью и отсутствием проявлений агрессии, при этом носят преимущественно поверхностный, формальный характер. Переживание кризиса в отношениях сопровождается нарастанием отчужденности. Установлено, что данный показатель наиболее выражен в системе отношений педагога с администрацией образовательного учреждения.

5. Переживание кризиса сопровождается изменением социально-психологической дистанции между субъектами педагогического процесса. В частности, увеличением коммуникативной дистанции. У педагогов, переживающих кризис в отношениях, проис-

ходит увеличение эмотивной дистанции с администрацией образовательного учреждения, коллегами и родителями воспитанников / учеников. Во взаимоотношениях с детьми, напротив, педагоги сохраняют стремление к взаимопониманию, чувство эмоциональной близости и дружелюбие.

6. Переживание кризиса в отношениях педагога с руководством сопровождается не только нарастанием отчужденности, увеличением коммуникативной и эмотивной дистанций, но и увеличением поведенческой и деятельностной дистанции.

Считаем, что результаты исследования могут быть использованы при разработке модели профилактики

деструктивного переживания кризиса в межличностных отношениях, построенной на диагностической основе и включающей развитие особенностей интегральной индивидуальности субъектов педагогического процесса. Данная модель может применяться в рамках психологического сопровождения субъектов педагогического процесса в образовательных учреждениях различных типов (детских дошкольных учреждениях, средних общеобразовательных школах, средне-профессиональных образовательных учреждениях и высших учебных заведениях).

Литература

1. Духновский С. В. Психология отношений личности: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 380 с.
2. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 253 с.
3. Духновский С. В. Психодиагностическая методика «Переживание кризиса личностью»: руководство по применению. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. 52 с.
4. Духновский С. В. Кризис и его переживание личностью: результаты эмпирического исследования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 2. С. 30–35.
5. Ананьев В. А. Основы психологии здоровья. Книга 1. Концептуальные основы психологии здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.
6. Журавлева Ю. А., Духновский С. В. Особенности дистанции в межличностных отношениях воспитателей дошкольных образовательных учреждений переживающих и не переживающих кризис // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 2. С. 51–57.
7. Солдатова Е. Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 267 с.
8. Сыманюк Э. Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. Практико-ориентированная монография / под ред. Э. Ф. Зеера. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 252 с.
9. Духновский С. В. Куликов Л. В. Социально-психологическая дистанция в межличностных отношениях: факторы и регуляция // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 2-1. С. 20–26.
10. Чиркова Т. И. Методологические основы психологии. М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2013. 406 с.
11. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб: Речь, 2009. 141 с.
12. Журавлева Ю. А. «Кризисные профили» личности воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Современное образовательное пространство: психологическое благополучие и культура безопасности: сборник докладов межрегиональной конференции с международным участием (15–16 февраля 2017). Екатеринбург, 2017. С. 146–152.
13. Журавлева Ю. А. Особенности «кризисного профиля» личности преподавателей профессиональных образовательных организаций // Дружининские чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (26–27 мая 2017) / под ред. И. Б. Шуванова, Ю. Э. Макаревой, И. Г. Макаревой. Сочи, 2017. С. 121–127.
14. Журавлева Ю. А. Некоторые особенности «кризисного профиля» субъектов педагогического процесса // Безопасность и развитие личности в образовании: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (19–21 мая 2016). Таганрог, 2016. С. 109–112.

INTERPERSONAL RELATIONS AMONG PEDAGOGICAL PROCESS MEMBERS WITH VARIOUS CRISIS PROFILES

Julia A. Zhuravleva^{1, @}

¹ Kurgan State University, 63, str. 4, Sovetskaya St., Kurgan, Russia, 640020

@zhurava.psi@mail.ru

Received 30.01.2018. Accepted 13.03.2018.

Keywords: members of pedagogical process, crisis experience, «crisis profile», integrated identity of the personality, disharmony of interpersonal relations.

Abstract: The current paper features some results of an empirical study of interpersonal relations among members of pedagogical process exhibiting various «crisis profiles». It is shown that those with a variable «crisis profile» reveal differences in the relations according to harmony – disharmony. It has been empirically proven that crisis experience has a significant impact on the components of the socio-psychological distance between various participants of pedagogical process.

The research has revealed that crisis experience in interpersonal relations has general and distinctive features in various systems of relations, i.e. "teacher – teacher", "teacher – administration", "teacher – student", "teacher – parents". "Teacher – administration" relations are especially sensitive to the destructive crisis experience. On the contrary, "teacher – children" relations remain harmonious and based on mutual understanding and emotional intimacy.

The results can be used in psychological follow-up of pedagogical process aimed at prevention and overcoming of destructive crisis experience in the interpersonal relations among pedagogical process members.

For citation: Zhuravleva Ju. A. Osobennosti mezhlchnostnykh otnoshenii sub"ektov pedagogicheskogo protsessa s razlichnymi «krizisnymi profiliami» [Interpersonal Relations among Pedagogical Process Members with Various Crisis Profiles]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 117–125. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-117-125.

References

1. Duhnovskii S. V. *Psihologiya otnoshenii lichnosti* [Psychology of personal relationships]. Kurgan: Kurg. gos. un-t, 2014, 380.
2. Merlin V. S. *Ocherk integral'nogo issledovaniia individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika, 1986, 253.
3. Duhnovskii S. V. *Psihodiagnosticheskaya metodika «Perezhivanie krizisa lichnost'iu»: rukovodstvo po primeneniui* [Psychodiagnostic technique «Experience of crisis by personality»: a guide to the application]. Kurgan: Kurg. gos. un-t, 2016, 52.
4. Duhnovskii S.V. Krizis i ego perezhivanie lichnost'iu: rezul'taty empiricheskogo issledovaniia [Crisis and its experience by the person: results of empirical research]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 21, no. 2 (2015): 30–35.
5. Anan'ev V. A. *Osnovy psikhologii zdorov'ia. Kn. 1. Kontseptual'nye osnovy psikhologii zdorov'ia* [Fundamentals of the psychology of health. Book 1. Conceptual basis of the psychology of health]. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 384.
6. Zhuravleva Iu. A., Duhnovskii S. V. Osobennosti distantsii v mezhlchnostnykh otnosheniiakh vospitatelei doskol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii perezhivaiushchikh i ne perezhivaiushchikh krizis [Features of the distance in the interpersonal relations of educators of pre-school educational institutions experiencing and not experiencing a crisis]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia = The successes of modern science and education*, 6, no. 2 (2017): 51–57.
7. Soldatova E. L. *Struktura i dinamika normativnogo krizisa perekhoda k vzroslosti* [Structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood]. Chelyabinsk: IuUrGU, 2007, 267.
8. Symaniuk E. E. *Psikhologicheskie bar'ery professional'nogo razvitiia lichnosti*. Praktiko-orientirovannaia monografiia [Psychological barriers to professional development of the individual. Practical-oriented monograph]. Ed. Zeer E. F. Moscow: Moskovskii psikhologo-social'nyi institut, 2005, 252.
9. Duhnovskii S. V., Kulikov L. V. Sotsial'no-psikhologicheskaya distantsiia v mezhlchnostnykh otnosheniiakh: faktory i reguliatsiia [Socio-psychological distance in interpersonal relations: factors and regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 2-1 (2009): 20–26.

10. Chirkova T. I. *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological basis of psychology]. Moscow: Vuzovskii uchebnik: Infra-M, 2013, 406.
11. Duhnovskii S. V. *Diagnostika mezhlchnostnykh otnoshenii. Psikhologicheskii praktikum* [Diagnosis of interpersonal relationships. Psychological workshop]. Saint-Petersburg: Rech', 2009, 141.
12. Zhuravleva Iu. A. «Krizisnye profili» lichnosti vospitatelei doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii ["Crisis profiles" of the personality of educators of pre-school educational institutions]. *Sovremennoe obrazovatel'noe prostranstvo: psikhologicheskoe blagopoluchie i kul'tura bezopasnosti: sbornik dokladov mezhhregional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (15–16 fevralia 2017)* [Modern educational space: psychological well-being and safety culture: Proc. Interreg. Conf. with international participation (February 15–16 2017)]. Ekaterinburg, 2017, 146–152.
13. Zhuravleva Iu. A. Osobennosti «krizisnogo profilia» lichnosti prepodavatelei professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsii [Features of the "crisis profile" of the personality of teachers of professional educational organizations]. *Druzhininskie chteniia: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (26–27 maia 2017)* [Druzhininsky readings: Proc. XV Russian Sc.-Prac. Conf. (May 26–27 2017)]. Ed. Shuvanova I. B., Makarevskoi Iu. E., Makarevskoi I. G. Sochi, 2017, 121–127.
14. Zhuravleva Iu. A. Nekotorye osobennosti «krizisnogo profilia» sub"ektov pedagogicheskogo protsessa [Some features of the «crisis profile» among pedagogical process members]. *Bezopasnost' i razvitie lichnosti v obrazovanii: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (19–21 maya 2016)* [Safety and development of personality in education: Proc. III Russian Sc.-Prac. Conf. (May 19–21 2016)]. Taganrog, 2016, 109–112.

УДК 159.96; 37.025; 37.032.5; 316.77

ЖИВАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ВСТРЕЧ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО ЛИДЕРСТВА В ЭПОХУ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Валерий И. Кабрин^{1, @}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия,
г. Томск, пр. Ленина, 36
@ kabrin@list.ru

Поступила в редакцию 04.12.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:
символическая анимация, множественные реальности, креативное лидерство, ноодинамика и холодинамика встречи.

Аннотация: В статье представлена проблема оптимального соотношения дистантного и непосредственного обучения при подготовке трансфессионалов. При этом на первый план выходит задача – как подготовить креативных лидеров в среде живого настоящего аутентичного общения преподавателей и студентов. Эта проблема осложняется бурным развитием дистанционного образования. Оно влечет за собой множественную игровую анимацию виртуальных реальностей.

В этом контексте осуществляется коммуникативно-холистический анализ потенциала встречи с неизвестным. Она есть центральный фактор актуализации креативности и лидерства. Встреча рассматривается как единица, или квант транскоммуникации. Встреча как транскоммуникативное событие всегда носит смыслообразующий характер. Результатом является растворение границ эго и децентрация, которая расширяет и изменяет состояние сознания. И это формирует креативную и одновременно лидерскую позицию личности. Выявляются основные уровни психологической ноодинамики встречи в универсальном холистическом контексте на его эмерджентном, аттрактивном, фрактальном и холодинамическом уровнях.

В результате выделяются 16 основных разноуровневых психоэтических факторов встречи. На уровне психоэтики обращается внимание на возрастание подвижности переживаний энергетического тонуса, информационных впечатлений, динамики пространства и времени. На психодинамическом уровне выявляются основные фазы встречи, такие как стресс-транс-формация: стресс-мобилизация, реориентация, трансформация, обновление. На уровне микроноэзиса выделяются основные векторы пиковых переживаний в контексте встречи: катарсис, импринтинг, экстаз, инсайт. На уровне макроноэзиса (жизнь как встреча) выделяются области трансперсональных состояний сознания: протонойя, ортонойя, паранойя и метанойя. Таким образом, во встрече раскрываются все наиболее существенные психологические факторы личности как креативного лидера. Эта программа и матрица встреч являются сегодня основой формирования исследовательских проектов персонального и сетевого креативного лидерства.

Для цитирования: Кабрин В. И. Живая аутентичность встреч и проблема развития креативного лидерства в эпоху дистанционного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 126–132. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-126-132.

Расслоение (дифференциация) реальностей обнаружена в древнейших пещерных изображениях человека. С этим связывают корни сознания Homo sapiens (Мишлав, Нойман) [1; 2], но настоятельная необходимость рефлексии множественного спектра разнокачественных и разномасштабных состояний сознания обнаружилась сравнительно недавно (Уилбер) [3]. Это оказалось и симптоматично, и своевременно. Очевидно, что «информационно-культурный взрыв» современной эпохи практически «разоблачает» фантастическую множественность реальностей, в которых существует современный человек, испытывающий при этом множественную идентичность. И проблема креативной аутентичности человека уже открыто

и остро конфликтует с проблемой его социокультурной шизофрении. Как же хорошо все начиналось...

Для университета эта проблема обостряется в связи с бурным развитием дистанционного образования. Возникает специфическая проблема поиска оптимального соотношения дистанционного и непосредственного межличностного обучения. Роль последнего особенно возрастает в связи с ориентацией на формирование трансфессионалов, центральным фактором которого является воспитание креативных лидеров [4]. В свою очередь, это возможно лишь в среде полноценного, живого, аутентичного общения преподавателей и студентов как между собой, так и друг с другом. В этом контексте рассматриваются возможности сохранения и развития аутентич-

ной коммуникации на основе прояснения многомерной социально-психологической значимости живых встреч в связи с необходимостью формирования креативных лидеров-трансфессионалов.

Казус протоной и оптимизм ортоной [5]

Символическое изображение всегда есть открытие более потенциального по сравнению с однозначной очевидностью – и вот он, анимизм (одухотворенность) архаической культуры. Но символизация – от ритуалов, письма, письменности, книги, издательства – пришла через литературную и живописную традиции к видеоконструкционистской, игровой, компьютерной анимации.

Ласкающий ужас анимации СМИ и игрового Интернета уже не конкурирует по яркости, а *замещает* первичную онтологическую реальность, изначально возникшую в *переживаниях анимы* человека, поскольку тотально овладевает самими этими переживаниями. С другой стороны, оптимизм ортоной в том, что эта история культурной драмы прогресса осуществлялась с возникновением и наложением всё новых форм и способов *символической коммуникации* человека с другими, собой, культурой, миром. Вовлеченность в такую символически-онтологическую активность качественно трансформировала и основные модусы душевной жизни или «психической организации» человека.

Наслоения и трансформации форм и средств коммуникации качественно модифицируют свойства памяти, перцептивного внимания, реконструирующего воображения, чувствующей интуиции. С внешней стороны, «объективно», происходит последовательное отчуждение их функций – замещение (внешняя память), захват управления (прежде всего, вниманием); реструктуризация (воображение); инструментализация (даже в «навыках» чувственной интуиции). Возникает ощущение, что протоноя в этом процессе «застигнута врасплох» (конечно, в историческом времени).

Сомнения и призраки паранойи [5; 6]

Пессимисты в таком процессе видят признаки и опасность деградации всех указанных интимно-душевных способностей; оптимисты – возможности перехода на качественно новый уровень жизни, или, по крайней мере, функционирования. Так или иначе, сознание человека как *интимная* сторона коммуникации обнаруживает себя в силу своей интенциональности на перекрестке парадоксальных проблем сопряженной множественной реальности. *Аутентичная реальность* на пересечении множества разнокачественных «*кривых зеркал ее анимаций*» в пробуждающемся новом сознании пытается остаться самой собой, т. е. выходить за пределы всех «*эрзац-реальностей*».

Это лишь одна возможная рефлексия индивидуального сознания конкретного человека, а избегание когнитивного диссонанса толкает на поиск простых решений. Уходить ли от известных зеркал и обнаруживать новые зеркальные репрезентации? Остановиться ли на наиболее приятных и полезных

анимациях и уговаривать других присоединиться? Конечно! Тем более что поиск абстрактной истины безнадежен. Помимо того, как *традиционные ценности-зеркала* все более тускнеют для современной молодежи, виртуальные игровые пространства сетей Интернет становятся все более животрепещущими и намного *реальнее*, чем всё менее понятная аутентичная реальность. Да и что это уже такое при иррадирующей её множественности?

Привлекательность и заманчивость потока новых степеней свободы и потенциалов во множестве жизней и уровней реальности актуализирует все психические способности и практически полностью вовлекает и погружает человека в *игровую реальность*. Она уже становится образцом, эталоном *реальности первичной*. «Игровые смерти» уже могут легко переноситься в *игры смерти* в жизни. Но многие корпорации и организации увидели в этом заманчивый способ повышения коммерческой эффективности офисного планктона, менеджеров и фрилансеров. Геймификация обучения становится мейнстримом, однако, недооцениваемая проблема стратегического плана в том, кто кем владеет?

Анимационно-игровые технологии изошренно воздействуют основные известные психологические и нейробиологические факторы, формируя у человека захватывающие переживания *активного участия в гиперреальности*. Кстати, может, не ведая того, «гиперреализм» и новая эстетика неизбежно этому содействуют и даже подражают; компьютерная, игровая анимация и искусство все чаще сливаются в экстатических процессах. Овладевая все более привлекательными гаджетами, человек порой даже не замечает, что сам стал гаджетом множества анимационно-игровых сетей. Чувствует он сейчас потребность в какой-то собственной свободе и аутентичности? Если нет, то его сознание уже ассимилировано в макротехнологические сети, настоящие ценности которых ему уже недоступны. В результате современная молодежь легко запутывается в паутине такой антропной дисгармонии анимационно-игровых реальностей или безропотно вязнет в одной из них.

Деградирует ли современное сознание человека до технологически ангажированного участия в множественных анимационно-игровых реалиях или они выведут его на новые рубежи самотрансценденции и осознания в качестве Номо poeticus?! Этот уже поставленный вопрос открыт, но есть гипотетический проект перспективы возможного решения.

Коммуникативно-холистический потенциал встречи

Вся история анимации как осознания символических смыслов «потайного большего» в ритуальной *коммуникации* человека со стихиями мира, другими людьми и собой эксплицирует и развертывает и его дремлющие, потаенные психологические силы и способности. Интуиция, воображение, перцепция и память, участвуя в осознаваемой анимации, преобразуются сами, поражаясь восхитительным пре-

одолением границ, пределов, масштабов, скоростей, конфигураций времён – пространств – информации – энергий. Всего того, что физически и материально постоянно ограничивает и сковывает человека.

Все это качественно «взвинчивает», *ускоряет развитие потенциала осознания человеком* не только недостижимых и неочевидных свойств мира как среды обитания, но и самих душевных потенциалов. Открытие спектра состояний сознания [3] означает, что сегодня легко преодолеваются иллюзорные границы между «бессознательным», «сверхсознательным», бодрствующим, сновидным, имажинативным, медитативным и т. п. сознаниями. *Встреча как транскомуникация* с этими состояниями открывает бесконечные возможности к их целостному холодинамическому видению и синтезу (Юнг, Кабрин) [7; 8].

Психологические практики психосинтеза, активного воображения, индивидуации, символдрамы эффективно работают в этом направлении. Количество конкретных частных социально-психологических техник и технологий уже невозможно перечислить, а океан транскомуникативных миров осознания человека безбрежен.

Поэтому вышерассмотренная многогранная феноменология охватывается емким концептом встречи. Встреча – это «такт», *единица транскомуникации* и одновременно потенциально осознаваемое *событие* универсума (у Т. Шардена – атомы – это центры Вселенной) [9]. Во встрече, как в капле воды, отражается бесконечный холизм жизни. Но суть вопроса в нюансах, поэтому лучше обозначить исходные дефиниции.

Встреча не взаимодействие. Последнее универсально. Непрерывно взаимодействуя как тела в среде в качестве физических тел, мы стремимся сохранить *лишь опыт встреч*. Принцип биологического столкновения «бей – беги» с выделением адреналина или норадреналина уже достаточно изучен и в этологии. Но бегство или нападение – это часто результат инстинктивного предвзятого предопределения, т. е. «преждевременной анимации» неизвестного нового как известного.

Встреча – это не столкновение с известным, особенно при желании сделать с ним что-то *привычное*. Убежать от «опасности» и *встретиться* с ней – это очень разные *события*. Но мы настолько часто сталкиваемся с «известным» (привычным, обычным), уже изошрённо *избегая препятствия на пути*, что также часто упускаем шанс реальной встречи с новым, неизвестным, иным. Конечно, вспоминая Гераклита – делать *каждый шаг* как «новый» да в «неизвестное» – мы глубокомысленно считаем абсурдным, избыточным и неэкономным. И разумеется, мы не задумываемся над тем, *что при этом теряем* (классическая техника Ф. Перлза – когда называние каждого шага через осознание приводит многих в возмущение), однако, будучи вдруг замороженными и восхищёнными чьей-то походкой, мы также стали немного другими.

Встреча как транскомуникация – это всегда контакт с иным, неизвестным, новым – это всегда риск, а как динамичный такт, это часто взаимно. П. Тиллих назвал это «отвагой быть» [10]. Я неслучайно при-

вожу предельно простые примеры с походкой, считающейся верхом достигаемых *автоматизмов* – т. е. *невстреч*. Но посмотрите на вкрадчивую походку человека в момент неизвестности и неопределённости «здесь и сейчас» и эффектно-демонстративную походку, выражающую *поисковый смысл* значительно более масштабного радиуса пространства и времени, чем наличная ситуация. Поэтому встреча как транскомуникативное событие всегда смыслообразующа. Рождение нового смысла во встрече инаковых – это *новый концепт* как плод в буквальном этимологическом смысле (*concupiscere* – зачать). Рождение концепта (смыслового зародыша) – это *транскомуникативная вспышка осознания в момент встречи*.

Сегодня яркие горизонты концептуально-игровой анимации ясно подсказывают уже не только мудрецу-философу, но и любому современнику, что границы его познания и понимания определяются границами его аутентичного, т. е. транскомуникативного осознания.

Понимание того, что встреча – это событие универсума – уже не просто интуитивно; оно уже артикулировано с позиций современного холистического или *холодинамического подхода* (Джексон, Липтон, Бхаэрман) [11; 12]. Однако сначала представим ее *экспириентально-феноменологически*. При ближайшем рассмотрении, вчувствовании во встречу с новым её опыт ошеломляет: отвага риска принятия и встречной открытости *пробуждает* осознание, а его интенсивность, глубина возрастают, поскольку *рефлексия не наступает преждевременно*.

В этом контексте ноодинамики рассмотрим четыре основных уровня встречи:

1. Психонезтика встречи

Децентрация и растворение границ эго изменяет и расширяет общее состояние сознания. Становятся подвижными базовые онтоэтические координаты бытия: замедляется-ускоряется переживание *времени*; уплотняется и расширяется *чувство пространства*; возникают новые спонтанные впечатления – приходит *неожиданная информация*; сдавленность и мотивационно-эмоциональный подъем *энергии*, меняют тонус. Это может происходить в секунды и растягиваться на часы.

Это сжатое описание интенсивного многомерного комплекса переживаний участников классических групп встреч (по К. Роджерсу) и одномоментных *экспириентальных встреч*: Я – Группа, с последующим описанием возникших переживаний. Еще большая динамика переживаний по *базовым порталам осознания* (времени – пространству – информации – энергии) мы наблюдали в результатах медитативных путешествий на основе методов управляемого (Ассаджиоли) [13] и активного (Юнг) [14] воображения (Кабрин) [8].

2. Психодинамика встречи

Готовность и предрасположенность к встрече – удивительно специфическая проблема. Однажды в молодости я сидел в кресле стоматолога с широко открытым ртом, в котором начинал орудовать бур. Желая

отвлечься от встречи с ним, я стал ловить взгляды прохожих прямо передо мною в окне, поскольку оно открывало большой обзор тротуара и было на удивление низким. Нечаянные взгляды прохожих, которых было много, часто попадали прямо на меня. Подавляющее большинство взглядов моментально, с инстинктивным отторжением, отводились от такой картины; но некоторые задерживались со странным интересом. Иногда все же были и сочувствующие при всей несурзанности ситуации. Правда, мою проблему в этот момент эти встречи облегчили.

Столкновение с неожиданным неизвестным чаще вызывает не уход, а шаг навстречу – «стресс-мобилизацию» (приемлемое волнение). Первый шаг влечет за собой другой – «реориентацию» (пересмотр по-новому момента «здесь и сейчас»), что может привести к трансформации ситуации (изменению образа действий, или образа мыслей). В результате может возникнуть качественно новое переживание нового, иного состояния – качественно новой формы жизни. Реальное вхождение во встречу с иным делает и самого человека также иным, обновленным.

3. Микроноэзис встречи

Очерченные четыре фазы психодинамики встречи – стресс-мобилизация – реориентация – трансформация – обновление (превращение) – могут быть в разной степени кумулятивны и синхронистичны. Если наша самость входит во встречу, мы этого не сможем не заметить, поскольку она выводит нас из прежнего равновесия и вызывает пиковые переживания. Так, катарсис в стресс-мобилизации очищает от старого (предвзятого); импринтинг реориентации завораживает и наполняет новыми впечатлениями; экстенсия (экспансия) трансформации рождает новые усилия инициативных преобразований; инсайт обновления (открытия) просветляет.

4. Макроноэзис встречи

Поразительно, что все это может кристаллизоваться, сверкнуть в одном мгновении судьбоносной встречи и лишь потом, рефлексивно-ностальгически, осознаваться и переживаться очень долгое время. Когда такая встреча в искусстве или науке артикулированно развер-

тывается как удивление... увлечение... решение... придание достойной формы – это переживается и осознается как творчество и как важнейшие моменты всей жизни. Истории и драмы таких встреч постоянно изображаются в литературе, науке, поскольку это самое аутентичное, что возникает в жизни большинства людей. В этих удивительно-универсальных векторах жизни синхронизируется культура и натура (Уоллес, Кабрин) [4; 15].

Если представить жизнь как встречу с иным, то актуализируются концепты более высокого порядка из ноэтической психологии.

Имеется в виду протоноя – чистое спонтанное и одновременно архетипическое присутствие ребенка в жизни; ортоноя – запечатление хороших, правильных форм жизни; параноя – преодоление и трансформация старых навязанных форм жизни; метаноя – просветленное принятие иных потаённых форм жизни, как обновлённое переживание жизни в целом (Уайт, Кабрин) [6; 8]. В этих случаях уже сама жизнь воспринимается не как рождение – расцвет – увядание – умирание, а как нарастающее пиковое переживание и отвага встречи... В таком контексте это можно обозначить одним концептом: свершается ноопоэзис.

Очень эвристично, что современный холистический подход к творчеству (в широком смысле к научному, художественному, техническому, организационному жизнетворчеству) движется во встречных направлениях и в согласии с его базовым метаконцептом: от универсального целого к некоему единичному и подобному в нем.

В современной литературе выделяют четыре основных уровня холодинамики (Джексон) [11]:

Эмерджентия: возникновение – исчезновение (превращение) качественно нового в их единстве. Исключительная важность эмерджентного взгляда – это понимание события в континууме преобразования: возникновения – исчезновения. Ему может соответствовать и наиболее емкая психосемантическая единица – смысл ценности, содержащий реальную тайну события, интуитивно переживаемую.

Аттракция: «стягивание» в единство, интеграция противоположностей, несовместимостей. Аттракторы

Макроноэзис	Протоноя	Ортоноя	Параноя	Метаноя
Микроноэзис	Катарсис	Импринтинг	Экстаз	Инсайт
Психодинамика	Стресс-мобилизация	Реориентация	Трансформация	Обновление
Психоноэтика	Энергия	Информация	Пространство	Время
Ноодинамика	Холон	Фрактал	Аттрактор	Эмерджентия
Холодинамика				

Рис. Холоноэтика встречи
Fig. Holonoethic of the meeting

характеризуют потенциальные направления эмерджентций. Они живут соединением полярных тенденций в эмерджентном горизонте, образуя «синтегративность» (Beer) [16] событий. Им соответствуют смысловые зародыши – *концепты* – динамические тенденции, живущие творческими противоречиями.

Фрактальность: бесконечно умножающееся разнообразие самоподобий по аттракторам и в целом (Князева) [17]. Фракталам соответствуют *конструкты* – психосемантические единицы, дифференцирующие наполнение концептов различиями и объединениями их разных аспектов (Кабрин) [18].

Холоны (Уилбер) [19]: уникальные «протоформы», совершенные свершения (кристаллы, цветы и т. п.); уходящие в бесконечность отношения: часть – целое. Холону, как кванту холодинамической жизни, «свершенному совершенству», соответствует *символ*, экспрессивно выражающий смысл «чего-то большего» как в восходящем, так и в нисходящем направлении. Например, *эффектное воплощение* простой дизайнерской мысли, эстетического образа, вызывающих удивление, восхищение, полет воображения.

В результате коммуникативно-холистическую нозтику встречи можно представить в системе двух координат:

- Холодинамическое «горизонтальное» метаизмерение показывает онтологическую и психосемантическую универсальность встречи.

- Ноодинамическое «вертикальное» метаизмерение – интуитивный ум в трансперсональных уровнях осознания показывает психоноэтическое становление человека в качестве Homo Noeticus.

Таким образом, получаем метаматрицу холистической нозтики встречи человека с аутентичной реальностью, в которой взаимно интегрированы все ее аспекты, рассмотренные выше.

Поскольку все холоны человеческих встреч могут признаваться весьма автономными и соразмерными по сложности (Князева) [17], видим, что матрица оказывается транскомуникативно-холистичной и по горизонтали, и по вертикали, и по диагонали. Поэтому она может рассматриваться и как многовекторное простран-

ство аттракторов *концептуального роста личности* в эмерджентных координатах. Но она также отражает многогранный мир драмы аутентичных ценностно-смысловых эмерджентций Homo Noeticus.

Все это позволяет использовать ее в качестве исследовательского инструмента в on-line и off-line образовательных контекстах для релевантного понимания эффективности творческого становления университетской молодежи.

Человек университетского типа, переживающий аутентичный опыт встреч, осваивающий их холодинамику, ноодинамику, психосемантику, не станет уже заложником игровых анимаций, эрзац-встреч во множественных паутинах эрзац-реальностей. Более того, именно в интенсивном опыте таких встреч обнаруживается органичное единство креативных озарений и одновременного вовлечения в соучастие своих партнеров. Интуитивная креативная инициатива одного является вдохновляющим фактором для других. В атмосфере открытой встречи она легко перехватывается, поскольку уже не является «предметом эгоизма». Тем самым и лидерство становится иррадиирующим, распределенным, формируя общую креативно-коммуникативную атмосферу группы, где креативность и лидерство оказываются взаимно транзитивными, т. е. транскомуникабельными. Психологическая культура встреч как основа развития потенциала креативного лидерства профессионала эффективно формируется в специальных группах потенциализации достижений, интенсивного экзистенциального, нозтического, имагинативного, коммуникативно-креативного опыта.

В частности, они лежат в основе образовательной программы магистратуры факультета психологии Томского государственного университета «Практическая психология достижений личности». Эта программа и обозначенная в статье схема холодинамического анализа транскомуникативных событий (встреч) становится сегодня основой формирования исследовательских проектов персонального и сетевого креативного лидерства (Кабрин) [20].

Литература

1. Мишлав Дж. Корни сознания. Киев: София, 1995. 416 с.
2. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1998. 462 с.
3. Уилбер К. Интегральное видение. Краткое введение в революционный подход к жизни, Богу, вселенной и всему остальному. М.: Открытый Мир, 2009. 232 с.
4. Кабрин В. И. Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 170–182.
5. Кабрин В. И. Ноэтическое измерение в психологии человека: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 23–28.
6. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. С. 181–193.
7. Юнг К. Г. Аналитическая психология: ее теория и практика: Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1998. 295 с.
8. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 247 с.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда. М.: АСТ: Астрель, 2011. 446 с.
10. Тиллих П. Мужество быть. М.: Модерн, 2011. 240 с.

11. Джексон М. С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф. П. Тарасенко. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 404 с.
12. Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция. Позитивное будущее и как туда добраться. Киев: София, 2010. 576 с.
13. Ассаджиоли Р. Психосинтез. М.: Психотерапия, 2008. 384 с.
14. Активное воображение. Юнгианский подход / под ред. Б. Дорст, Р. Фогеля. Харьков: Гуманитарный Центр, 2016. 200 с.
15. Искусство мыслить: Г. Уоллес о четырех этапах творчества. Режим доступа: <https://monocler.ru/iskusstvo-myishleniya-grem-uolles-o-chetyiryoh-etapah-tvorchestva/> (дата обращения: 24.11.2017).
16. Beer S. Beyond Dispute: The Invention of Team Syntegrity. John Wiley, Chichester. UK, 1994. 380 p.
17. Князева Е. Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 23–35.
18. Кабрин В. И. Транскоммуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропоэзис) // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 158–175.
19. Уилбер К. Краткая история всего. М.: Постум, 2016. 576 с.
20. Кабрин В. И. Креативное лидерство: транскультуральная перспектива // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 121–135.

LIVE AUTHENTICITY OF MEETINGS AND PROBLEMS OF CREATIVE LEADERSHIP DEVELOPMENT IN THE EPOCH OF REMOTE EDUCATION

Valery I. Kabrin¹.@

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@kabrin@list.ru

Received 04.12.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: symbolical animation, multiple realities, creative leadership, noodynamics and holodynamics of a meeting.

Abstract: The paper features the problem of the optimal ratio of distance learning and live learning (face to face) in the training of transfessionals. The main issue here is how to prepare creative leaders in the midst of a real live authentic communication of students and teachers. This problem is complicated by the rapid development of distance education. It entails multiple game animations of virtual realities. The research contains a communicative-holistic analysis of the potential of the Meeting with the Unknown. It is the central factor in the actualization of creativity and leadership. Meeting as a trans-communicative event always brings the semantic essence into the interaction. The result is the dissolution of the boundaries of the ego and the decentration. The study points out emergent, attractive, fractal and holodynamic levels of the psychological noodynamics of a meeting in a universal holistic context.

As a result, 16 main psychonoethical factors of the meeting are singled out. At the level of psychonoethical attention is drawn to the increasing mobility of experiences of energy tone, information impressions, dynamics of space and time. At the psychodynamic level, the main phases of the meeting are identified as stress-transformation: stress-mobilization, reorientation, transformation, renewal (updating). Thus, the meeting reveals all the most significant psychological factors of personality of a creative leader.

This program and matrix of meetings are the current basis of research projects formation aimed at development of personal and network creative leadership.

For citation: Kabrin V. I. Zhivaia autentichnost' vstrech i problema razvitiia kreativnogo liderstva v epokhu distantsionnogo obrazovaniia [Live Authenticity of Meetings and Problems of Creative Leadership Development in the Epoch of Remote Education]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 126–132. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-126-132.

References

1. Mishlav Dzh. *Korni soznaniia* [The roots of consciousness]. Kiev: Sofia, 1995, 416.
2. Noimann E. *Proiskhozhdenie i razvitie soznaniia* [Origin and development of consciousness]. Moscow: Refbuk, Kiev: Vakler, 1998, 462.

3. Wilber K. *Integral'noe videnie. Kratkoe vvedenie v revoliutsionnyi podkhod k zhizni, Bogu, vselennoi i vsemu ostal'nomu* [Integral vision. A brief introduction to the revolutionary approach to life, God, the universe and everything else]. Moscow: Otkrytyi Mir, 2009, 232.
4. Kabrin V. I. Kreativnoe liderstvo v kholodinamike kommunikativnykh mirov samoobnovliaiushcheisia organizatsii [Creative leadership in the refrigeration of the communicative worlds of a self-renewing organization]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 63 (2017): 170–182.
5. Kabrin V. I. Noeticheskoe izmerenie v psikhologii cheloveka: novoe i vechnoe [The Noethical Dimension in Human Psychology: New and Eternal]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 12 (2000): 23–28.
6. White J. Prosvetlenie i iudeisko-khristianskaia traditsiia [Enlightenment and the Judeo-Christian tradition]. *Chto takoe prosvetlenie? Issledovanie tseli dukhovnogo puti* [What is enlightenment? Study the purpose of the spiritual path]. Moscow: Izd-vo Transpersonal'nogo Instituta, 1996, 181–193.
7. Jung C. G. *Analiticheskaia psikhologiya: ee teoriia i praktika: Tevistokskie leksii. Issledovanie protsessu individualizatsii* [Analytical psychology: its theory and practice: Tevistock lectures. Study of the process of individuation]. Moscow: Refl-buk, Kiev: Vakler, 1998, 295.
8. Kabrin V. I. *Kommunikativnyi mir i transkommunikativnyi potentsial zhizni lichnosti: teoriia, metody, issledovaniia* [The communicative world and the transcommunicative potential of the life of the individual: theory, methods, research]. Moscow: Smysl, 2005, 247.
9. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka. Bozhestvennaia sreda* [The phenomenon of man. The divine environment]. Moscow: AST: Astrel', 2011, 446.
10. Tillich P. *Muzhestvo byt'* [Courage to be]. Moscow: Modern, 2011, 240.
11. Dzhekson M. S. *Sistemnoe myshlenie: Tvorcheskii kholizm dlia menedzherov* [Systemic thinking: Creative holism for managers]. Ed. Tarasenko F. P. Tomsk: Izd. Dom Tom. gos. un-ta, 2016, 404.
12. Lipton B., Bkhaerman S. *Spontannaia evoliutsiia. Pozitivnoe budushchee i kak tuda dobrat'sia* [Spontaneous evolution. A positive future and how to get there]. Kiev: Sofiia, 2010, 576.
13. Assagioli R. *Psikhosintez* [Psychosynthesis]. Moscow: Psikhoterapiia, 2008, 384.
14. *Aktivnoe voobrazhenie. Iungianskii podkhod* [Active imagination. The Jungian approach]. Ed. Dorst B., Fogel' R. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr, 2016, 200.
15. *Iskusstvo myslit': G. Uolles o chetyrekh etapakh tvorchestva* [The art of thinking: H. Wallace on the four stages of creativity]. Available at: <https://monocler.ru/iskusstvo-myishleniya-grem-uolles-o-chetyiryoh-etapah-tvorchestva/> (accessed 24.11.2017).
16. Beer S. *Beyond Dispute: The Invention of Team Syntegrity*. John Wiley, Chichester. UK, 1994, 380.
17. Kniازهva E. N. Vozvrashchenie k edinstvu: metodologicheskie aspekty evoliutsionnogo kholizma [Return to Unity: Methodological Aspects of Evolutionary Holism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 3 (2016): 23–35.
18. Kabrin V. I. Transkommunikabel'nost' tsennostno-smyslovykh kontseptov i kognitivno-konstruktivnykh reshenii tvorcheskoi lichnosti (vvedenie v noeticheskii antropopoezis) [Trans-communication of value-semantic concepts and cognitive-constructive solutions of creative personality (introduction to noethical anthropoiesis)]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 54 (2014): 158–175.
19. Wilber K. *Kratkaia istoriia vsego* [A Brief History of Everything]. Moscow: Postum, 2016, 624.
20. Kabrin V. I. Kreativnoe liderstvo: transkul'tural'naia perspektiva [Creative Leadership: Transcultural Perspective]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 58 (2015): 121–135.

УДК 159.9.072.432

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТА БАРНУМА**Виталий В. Калита^{1, @1}, Антон С. Гайдай^{2, @2}**¹ Дальневосточный федеральный университет, 690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8² Морской государственный университет им. адмирала Г. И. Невельского, 690003, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а@¹ 700200@mail.ru@² Netparoley@gmail.com

Поступила в редакцию 16.11.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:

эффект Барнума, релевантность, тривиальное личностное описание, детерминанта, Я-концепция.

Аннотация: В статье исследуется релевантность психологического портрета как фактор влияния на эффект Барнума. Приведены определения исследуемого явления, а также нескольких важных для данной работы понятий. Дан краткий обзор литературы по исследованию этой переменной. Испытуемыми выступили студенты очных форм обучения Дальневосточного федерального университета и Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского, которым предоставлялось тривиальное личностное описание для соотнесения со своей Я-концепцией. Исследование осуществлялось в соответствии со стандартной процедурой, применяющейся в эмпирических исследованиях эффекта Барнума. Обработка полученных данных осуществлялась при помощи статистического критерия Пирсона χ^2 . По итогам проведенного исследования было обнаружено статистически значимое различие в оценке испытуемыми точности тривиального личностного описания в зависимости от типа релевантности, что уточняет наши представления об эффекте Барнума. В выводе обозначены дальнейшие пути исследования эффекта Барнума и использования полученных данных.

Для цитирования: Калита В. В., Гайдай А. С. Релевантность психологического портрета как детерминанта эффекта Барнума // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 133–138. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-133-138.

В данной работе будет рассмотрена релевантность психологического портрета с точки зрения ее влияния на эффект Барнума. Хотя феномен, обозначаемый как эффект Барнума, изучается уже около семидесяти лет [1], все еще имеется потенциал для его продуктивного исследования. Это связано с тем, что многие аспекты указанного явления по-прежнему остаются неясными и слабо исследованными. В первую очередь, это, конечно же, проблема детерминации эффекта Барнума. Она до сих пор далека от решения. За годы исследований по вопросу детерминирования эффекта Барнума рассматривался целый ряд переменных: авторитет исследователя, приятность описаний, их происхождение, культура испытуемых, их гендер, преобладание тех или иных личностных черт и многое другое [2–11]. Одной из таких переменных является релевантность психологического портрета. Тут необходимо сразу уточнить термин «релевантность» применительно к исследованиям эффекта Барнума. Релевантность – это заявленное экспериментатором соответствие предлагаемого описания испытуемому. То есть когда испытуемый считает, что в психологическом портрете описан лично он, мы говорим, что описание релевантно. Если же испытуемый считает, что это описание какого-то другого человека, значит описание нерелевантно. Релевантность в данном

контексте не имеет никакого отношения к тому, кто описывается на самом деле. Важно только мнение испытуемого об этом.

Именно исследованию влияния релевантности на эффект Барнума и посвящена настоящая работа. Но прежде чем переходить к сути вопроса, кратко определим основные понятия. Как мы могли убедиться на примере релевантности, понятия, связанные с эффектом Барнума, зачастую требуют уточнений, без которых понимание данной темы может оказаться проблематичным.

Эффект Барнума – это узнавание себя в неспецифическом психологическом портрете. Данная дефиниция является авторской, а потому кажется уместным добавить и словарные определения:

– эффект Барнума – склонность людей принимать за чистую монету описания или общие оценки своей личности, если они преподносятся под научным, магическим или ритуальным соусом [12];

– эффект Барнума относится к склонности людей принимать неопределенные, в целом положительные утверждения об их личности как уникальные для них, хотя отзывы, скорее всего, верны для большинства людей [13];

– эффект Барнума относится к феномену, в котором люди принимают заявления о личности, которые

применяются к большинству людей, как если бы эти высказывания давали достоверное представление о себе [14].

Психологический портрет (описание, характеристика) – совокупность утверждений о характере и поведении. В рамках изучения эффекта Барнума выделяют следующие виды описаний:

– тривиальное (оно же барнумовское) – состоит преимущественно или целиком из неконкретных утверждений, применимых практически к любому человеку (такое описание не имеет эмпирических оснований, то есть ему не предшествует исследование);

– настоящее описание – составлено на основе интерпретации данных, полученных при помощи специализированного психодиагностического инструментария.

Оценка (описания испытуемым) – количественное либо качественное выражение испытуемым субъективного впечатления о степени соответствия описания Я-концепции.

Рассмотрев необходимые определения, вернемся к релевантности. К. Снайдер и Г. Ларсон, впервые описавшие эту переменную, отмечали, что во многих исследованиях тривиальные описания предоставлялись студентам под видом результатов специальной обработки пройденных этими студентами методик. Исследователи предположили, что предъявление студентам описаний, якобы сделанных специально для них, должно оказывать хотя бы частичное влияние на последующее одобрение студентами этих описаний. Эта форма презентации личностных описаний была обозначена как «релевантность теста по отношению к субъекту». Испытуемые в исследовании К. Снайдера и Г. Ларсона действительно оценивали выше точность тех описаний, которые обозначались как созданные специально для каждого студента, чем тех, которые обозначались просто как «правда о людях». В последнем варианте студенты не выполняли никаких тестов. Следует отметить, что все студенты оценили тривиальные утверждения о личности как точные. Исследователи заключили, что одобрение клиентами личностных описаний, в частности, основанных на личностных опросниках, не должно использоваться в качестве метода валидации ни самого теста, ни его интерпретации [15]. Этот эффект «релевантности» был подтвержден в исследовании К. Снайдера, в котором сравнивается результат использования проективного теста, интервью, объективного теста и контрольной группы, в которой никакого теста не предоставлялось [16]. Самые низкие оценки точности получили тривиальные описания в контрольной группе. Этот результат также был успешно воспроизведен в ряде других исследований [17–21]. К. Коллинз, В. Дмитрук и Дж. Ренни не обнаружили устойчивых отличий между разными условиями релевантности, хотя полученные данные имели слабовыраженные тенденции к сходству с выводами вышеупомянутых авторов [22].

Еще до всех перечисленных авторов Б. Форер выдвигал гипотезу о том, что люди будут охотно принимать тривиальные личностные описания на свой

счет, вдобавок считая их точными, и в то же время проявят неспособность распознать то, что это же описание подходит любому другому человеку ничуть не хуже. В определенном смысле эта гипотеза является антагонистичной гипотезе К. Снайдера и Д. Ларсона о «релевантности». З. Зив и С. Невенхаус просили студентов оценить точность тривиальных личностных описаний самих себя и других людей. Испытуемые оценивали точность описаний выше, когда «примеряли их на себя», чем когда оценивали их по соответствию характерам других людей. Этот результат был успешно воспроизведен в аналогичном исследовании К. Снайдера и Р. Шенкеля. Также Снайдер и Шенкель обнаружили взаимодействие между приятностью и релевантностью описаний. Действительно, только те студенты, которые получили приятные описания, оценили их в целом как более точные для описания себя, чем для описания окружающих. Неприятные описания были оценены как одинаково точно описывающие и оценивающих, и окружающих [19].

Наша задача состоит в апробации и оценке релевантности как детерминанты эффекта Барнума для будущего ее сопоставления с другими переменными в рамках нашей диссертационной работы. Перейдем к описанию метода.

Представленные ниже данные были собраны на базах следующих вузов г. Владивостока: Дальневосточного федерального университета и Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского. В качестве испытуемых выступали студенты различных специальностей и годов обучения. Сбор данных происходил различным способом в зависимости от релевантности описаний. Так, оценка релевантных описаний производилась по стандартной схеме эмпирического исследования эффекта Барнума, а именно: 1) испытуемым предлагалась произвольная, но одинаковая психологическая методика для её выполнения; 2) после заполнения методики и перерыва на обработку результатов испытуемым предлагалось оценить психологический портрет, составленный якобы на основе вышеупомянутой методики. Нерелевантные описания оценивались другим способом – они предлагались студентам с ходу и представлялись как «психологический портрет среднего студента». Оценка производилась по 9-балльной шкале, где «1» означало «описание полностью неточно», а «9» – «описание абсолютно точно». При этом оценка в 5 баллов обозначала примерно равное сочетание точных и неточных утверждений с точки зрения испытуемого. Подчеркнем, что все испытуемые оценивали одно и то же тривиальное описание, вся разница состояла в его преподнесении. Приведем данное описание:

«Вы очень нуждаетесь в том, чтобы другие люди любили и восхищались вами. Вы довольно самокритичны. У вас есть много скрытых возможностей, которые вы так и не использовали себе во благо. Хотя у вас есть некоторые личные слабости, вы в общем способны сводить их к минимуму. Дисциплинированный и уверенный с виду, на самом деле вы склонны волноваться и чув-

ствовать неуверенность. Временами вас охватывают серьёзные сомнения, приняли ли вы правильное решение или сделали ли правильный поступок. Вы предпочитаете некоторое разнообразие, рамки и ограничения вызывают у вас недовольство. Также вы гордитесь тем, что мыслите независимо; вы не принимаете чужих утверждений на веру без достаточных доказательств. Вы поняли, что быть слишком откровенным с другими людьми не слишком мудро. Иногда вы экстравертны, приветливы и общительны, иногда же – интровертны, осторожны и сдержанны. Некоторые из ваших стремлений довольно нереалистичны. Одна из ваших главных жизненных целей – стабильность» [1].

Как студенты оценили это описание в зависимости от заявленной релевантности, можно узнать из таблицы 1.

Используем критерий Пирсона χ^2 для выявления значимости различий в распределении признака, а именно – эффекта Барнума, операционализированного в суммарных баллах, выставленных испытуемыми релевантному и нерелевантному описаниям [23; 24].

Сформулируем следующие гипотезы:

H0: Эмпирические распределения оценок не имеют статистически значимых отличий друг от друга.

H1: Эмпирические распределения оценок отличаются друг от друга статистически значимо.

Основные результаты вычислений по критерию Пирсона χ^2 представлены в таблице 2.

Таблица 1. Оценки испытуемыми точности предъявляемых описаний в зависимости от релевантности
Table 1. Evaluations of the accuracy of the descriptions presented to the subjects according to the relevance

Тип данных	Релевантное описание	Нерелевантное описание
Количество испытуемых	184	211
Суммарный балл	1479	1215
Средний балл	8,03	5,76

Таблица 2. Расчет критерия χ^2 при сопоставлении эмпирического распределения оценок между описаниями с равномерным распределением

Table 2. Calculation of the χ^2 criterion when comparing the empirical distribution of estimates between descriptions with uniform distribution

Типы описаний	Эмпирические оценки (f _э)	Теоретические оценки (f _т)	(f _э -f _т)	(f _э -f _т) ²	(f _э -f _т) * 2 / f _т
Релевантное	1479	1347	132	17424	12,935
Нерелевантное	1215	1347	-132	17424	12,935
Суммы	2694	2694	0	-	25,87

Эмпирическое значение χ^2 равняется 25,87.

Для определения критических значений χ^2 было вычислено количество степеней свободы ν по формуле: $\nu=k-1$, где k – количество разрядов. В нашем случае $\nu = 2-1 = 1$.

$\chi^2_{кр}$ составило 3,841 для $p \leq 0,05$ и 6,635 для $p \leq 0,01$.

$\chi^2_{эмп} > \chi^2_{кр}$. H1 принимается.

Таким образом, можно утверждать, что распределения оценок, выставленных испытуемыми релевантному и нерелевантному описаниям, отличаются друг от друга статистически значимо.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что релевантность психологического портрета оказывает статистически значимое влияние на эффект Барнума в рамках использованной модели исследования. Однако о полном сведении данного эффекта на нет говорить не приходится, ведь те испытуемые, которые рассматривали описание в условиях нерелевантности, в целом оценили его не как неточное, а как примерно равное по сочетанию точных и неточных утверждений о себе, ведь средняя оценка, данная описанию в этих условиях, составляет 5,76 балла из 9 возможных. Это говорит о том, что даже без претензий на описание конкретного испытуемого, а лишь как « психологиче-

ский портрет среднего студента», тривиальное описание по-прежнему воспринимается по меньшей мере как наполовину точное. На наш взгляд, так происходит в силу обобщенности и двусмысленности входящих в описание утверждений (см. текст описания выше).

Поэтому неудивительно, что, когда к тривиальному тексту испытуемый имеет основание относиться как к своему личному психологическому портрету, высокая оценка точности становится практически неизбежной. 8,03 средних балла из 9 возможных являются прямым тому подтверждением. В то же время существует ряд других факторов, выходящих за рамки исследований эффекта Барнума, но значимых для их результатов. Так, испытуемые далеко не всегда обладают ясными представлениями о структуре человеческой, а тем самым – и своей собственной личности, что делает маловероятным восприятие тривиальных описаний в качестве бессистемного перечисления общих мест, каковыми они и являются. Винить испытуемых в этом не приходится как по причине относительно юного возраста (практически все испытуемые – студенты), так и потому, что в самой психологической науке нет общепринятого представления о структуре человеческой личности. Кроме того, засилье всевозможных псевдонаучных лич-

ностных описаний в средствах массовой информации создает искаженно-упрощенное представление о психологическом портрете. В итоге получается, что даже критически настроенным испытуемым не с чем соотносить тривиальное описание. Нет образца, на фоне

которого недостатки тривиального описания приобрели бы выпуклые формы.

Полученные результаты будут использованы для построения системы детерминант эффекта Барнума в рамках нашей диссертационной работы.

Литература

1. Forer B. R. The fallacy of personal validation: a classroom demonstration of gullibility // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1949. № 44. P. 118–123. DOI: 10.1037/h0059240.
2. Rosen G. M. Effects of source prestige on subjects' acceptance of the Barnum effect: Psychologist versus astrologer // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1975. № 43. P. 95. DOI: 10.1037/h0076289.
3. Mosher D. L. Approval Motive and Acceptance of "Fake" Personality Test Interpretations which Differ in Favorability // *Psychological Reports*. 1965. № 17(2). P. 395–402. DOI: 10.2466/pr0.1965.17.2.395.
4. Richards W. S., Merrens M. R. Student evaluation of generalized personality interpretations as a function of method of assessment // *Journal of Clinical Psychology*. 1971. № 27. P. 457–459. DOI: 10.1002/1097-4679(197110)27:4<457::aid-jclp2270270413>3.0.co;2-i.
5. Калита В. В., Гайдай А. С. Детерминанты эффекта Барнума: объективность характера тривиальных личностных описаний // *Сибирский психологический журнал*. 2014. № 54. С. 48–61.
6. Mason O. J., Budge K. Schizotypy, self-referential thinking and the Barnum effect // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2011. № 42. P. 145–148. DOI: 10.1016/j.jbtep.2010.11.003.
7. Rogers P., Soule J. Cross-Cultural Differences in the Acceptance of Barnum Profiles Supposedly Derived From Western Versus Chinese Astrology // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. № 40. P. 381–399. DOI: 10.1177/0022022109332843.
8. Layne C. Gender and the Barnum Effect: A Reinterpretation of Piper-Terry and Downey's Results // *Psychological Reports*. 1998. № 83. P. 608–610. DOI: 10.2466/pr0.1998.83.2.608.
9. Farley-Icard R. L. (2007). Factors that influence the Barnum Effect: Social desirability, base rates and personalization. (January 1, 2007). ETD Collection for University of Texas, El Paso. Paper AAI1444101.
10. Калита В. В., Гайдай А. С. Профессиональная направленность и тип описания как детерминанты эффекта Барнума // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 4-1. С. 113–117.
11. Гайдай А. С. Детерминанты эффекта Барнума // Сборник докладов 59-й Международной молодежной научно-технической конференции «Молодежь – наука – инновации» (21–23 марта 2012). Владивосток, 2012. Т. 2. С. 173–177.
12. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 551 с.
13. Corsini R. J., Craighead W. E., Weiner I. B. The Corsini encyclopedia of psychology: Vol. 1. Hoboken, NJ: Wiley, 2010.
14. Rosen G. M. Barnum Effect. *The Encyclopedia of Clinical Psychology*, 2015. 1–3. DOI: 10.1002/9781118625392.wbecp482.
15. Snyder C. R., Larson G. R. A further look at student acceptance of general personality interpretations // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1972. № 38. P. 384–388. DOI: 10.1037/h0032899.
16. Snyder C. R. Acceptance of personality interpretations as a function of assessment procedures // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. № 42. P. 150. DOI: 10.1037/h0036033.
17. Snyder C. R., Larsen D. L., Bloom L. J. Acceptance of general personality interpretations prior to and after receipt of diagnostic feedback supposedly based on psychological, graphological, and astrological assessment procedures // *Journal of Clinical Psychology*. 1976. № 32. P. 258–265. DOI: 10.1002/1097-4679(197604)32:2<258::aid-jclp2270320211>3.0.co;2-o.
18. Dickson D. H., Kelly I. W. The 'Barnum Effect' in Personality Assessment: A Review of the Literature // *Psychological Reports*. 1985. № 57. P. 367–382. DOI: 10.2466/pr0.1985.57.2.367.
19. Snyder C. R., Shenkel R. J. Effects of «favorability,» modality, and relevance on acceptance of general personality interpretations prior to and after receiving diagnostic feedback // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1976. № 44. P. 34–41. DOI: 10.1037//0022-006x.44.1.34.
20. Jackson D. E. The effect of test taking on acceptance of bogus personality statements // *Journal of Clinical Psychology*. 1978. № 34. P. 63–68. DOI: 10.1002/1097-4679(197801)34:1<63::aid-jclp2270340113>3.0.co;2-x.
21. Baillargeon J., Danis C. Barnum Meets the Computer: A Critical Test // *Journal of Personality Assessment*. 1984. № 48. P. 415–419. DOI: 10.1207/s15327752jpa4804_15.
22. Collins R. W., Dmitruk V. M., Ranney J. T. Personal validation: Some empirical and ethical considerations // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1977. № 45. P. 70–77. DOI: 10.1037//0022-006x.45.1.70.
23. Высоков И. Е. Математические методы в психологии. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 388 с.
24. Ермолаев-Томин О. Ю. Математические методы в психологии. М.: Юрайт, 2016. 511 с.

RELEVANCE OF INTERPRETATION AS THE DETERMINANT OF THE BARNUM EFFECT

Vitaliy V. Kalita^{1, @1}, Anton S. Gaidai^{2, @2}¹ Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova St., Vladivostok, Russia, 690950² Admiral Nevelskoi Maritime State University, 50a, Verhneportovaya St., Vladivostok, Russia, 690003@¹ 700200@mail.ru@² Netparoley@gmail.com

Received 16.11.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Barnum effect, relevance, trivial personal interpretation, determinant, self-concept.

Abstract: The current research features the relevance of the psychological portrait as a factor of influence on the Barnum effect. The article contains some definitions of the phenomenon in question, as well as some other relevant concepts. It offers a brief review of the literature on the matter. The subjects of the research were full-time students of the Far East Federal University and the Admiral Nevelskoy Maritime State University, who were offered to relate a trivial personal description to their self-concept. The study was carried out in accordance with the standard procedure used in empirical studies of the Barnum effect. The processing of the obtained data was carried out with the help of the Pearson statistical criterion χ^2 . Based on the results of the study, a statistically significant difference in the assessment of the accuracy of the trivial personal description was found. The difference depends on the type of relevance, which clarifies the current understanding of the Barnum effect. The conclusion features some further ways of investigating the Barnum effect and using the obtained data.

For citation: Kalita V. V., Gaidai A. S. Relevantnost' psikhologicheskogo portreta kak determinanta effekta Barnuma [Relevance of Interpretation as the Determinant of the Barnum Effect]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 133–138. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-133-138.

References

1. Forer B. R. The fallacy of personal validation: a classroom demonstration of gullibility. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, no. 44 (1949): 118–123. DOI: 10.1037/h0059240.
2. Rosen G. M. Effects of source prestige on subjects' acceptance of the Barnum effect: Psychologist versus astrologer. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 43 (1975): 95. DOI: 10.1037/h0076289.
3. Mosher D. L. Approval Motive and Acceptance of "Fake" Personality Test Interpretations which Differ in Favorability. *Psychological Reports*, no. 17 (1965): 395–402. DOI: 10.2466/pr0.1965.17.2.395.
4. Richards W. S., Merrens M. R. Student evaluation of generalized personality interpretations as a function of method of assessment. *Journal of Clinical Psychology*, no. 27 (1971): 457–459. DOI: 10.1002/1097-4679(197110)27:4<457::aid-jclp2270270413>3.0.co;2-i.
5. Kalita V. V., Gaidai A. S. Determinanty effekta Barnuma: ob»ektivnost' kharaktera trivial'nykh lichnostnykh opisaniy [Determinants of the Barnum Effect: Objectivity of the Character of Trivial Personal Descriptions]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, no. 54 (2014): 48–61.
6. Mason O. J., Budge K. Schizotypy, self-referential thinking and the Barnum effect. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, no. 42(2) (2011): 145–148. DOI: 10.1016/j.jbtep.2010.11.003.
7. Rogers P., Soule J. Cross-Cultural Differences in the Acceptance of Barnum Profiles Supposedly Derived From Western Versus Chinese Astrology. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 40 (2009): 381–399. DOI: 10.1177/0022022109332843.
8. Layne C. Gender and the Barnum Effect: A Reinterpretation of Piper-Terry and Downey's Results. *Psychological Reports*, no. 83 (1998): 608–610. DOI:10.2466/pr0.1998.83.2.608.
9. Farley-Icard R. L. (2007). *Factors that influence the Barnum Effect: Social desirability, base rates and personalization*. (January 1, 2007). ETD Collection for University of Texas, El Paso. Paper AAI1444101.
10. Kalita V. V., Gaidai A. S. Professional'naia napravlennost' i tip opisaniia kak determinanty effekta Barnuma [Professional orientation and type of description as determinants of the Barnum effect]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4-1 (2013): 113–117.
11. Gaidai A. S. Determinanty effekta Barnuma [Determinants of the Barnum effect]. *Sbornik dokladov 59-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii «Molodezh' – nauka – innovatsii» (21–23 marta 2012) [«Youth – Science – Innovations»]*: Proc. 59th Intern. Youth Sc.-Prac. Conf. (March 21–23 2012)]. Vladivostok, vol. 2 (2012): 173–177.
12. Golovin S. Iu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of Practical Psychologist]. Minsk: Harvest, 1998, 551.

13. Corsini R. J., Craighead W. E., Weiner I. B. *The Corsini encyclopedia of psychology*: Vol. 1. Hoboken, NJ: Wiley, 2010.
14. Rosen G. M. Barnum Effect. *The Encyclopedia of Clinical Psychology*, 2015. 1–3. DOI: 10.1002/9781118625392.wbecp482.
15. Snyder C. R., Larson G. R. A further look at student acceptance of general personality interpretations. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 38 (1972): 384–388. DOI: 10.1037/h0032899.
16. Snyder C. R. Acceptance of personality interpretations as a function of assessment procedures. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 150. DOI: 10.1037/h0036033.
17. Snyder C. R., Larsen D. L., & Bloom L. J. (1976). Acceptance of general personality interpretations prior to and after receipt of diagnostic feedback supposedly based on psychological, graphological, and astrological assessment procedures. *Journal of Clinical Psychology*, 32, 258–265. DOI:10.1002/1097-4679(197604)32:2<258::aid-jclp2270320211>3.0.co;2-o.
18. Dickson D. H., & Kelly I. W. The ‘Barnum Effect’ in Personality Assessment: A Review of the Literature. *Psychological Reports*, no. 57 (1985): 367–382. DOI: 10.2466/pr0.1985.57.2.367.
19. Snyder C. R., Shenkel R. J. Effects of «favorability,» modality, and relevance on acceptance of general personality interpretations prior to and after receiving diagnostic feedback. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 44 (1976): 34–41. DOI:10.1037//0022-006x.44.1.34.
20. Jackson D. E. The effect of test taking on acceptance of bogus personality statements. *Journal of Clinical Psychology*, no. 34 (1978): 63–68. DOI: 10.1002/1097-4679(197801)34:1<63::aid-jclp2270340113>3.0.co;2-x.
21. Baillargeon J., Danis C. Barnum Meets the Computer: A Critical Test. *Journal of Personality Assessment*, no. 48 (1984): 415–419. DOI: 10.1207/s15327752jpa4804_15.
22. Collins R. W., Dmitruk V. M., Ranney J. T. Personal validation: Some empirical and ethical considerations. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 45 (1977): 70–77. doi:10.1037//0022-006x.45.1.70.
23. Vysokov I. E. *Matematicheskie metody v psikhologii* [Mathematical Methods in Psychology]. Moscow: Iurait, 2016, 388.
24. Ermolaev-Tomin O. Iu. *Matematicheskie metody v psikhologii* [Mathematical Methods in Psychology]. Moscow: Iurait, 2016, 511.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТУДЕНТОВ И ОРДИНАТОРОВ ХИРУРГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Дарья С. Люкшина^{1, @1}, Наталья С. Бартковская^{1, @2}

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, г. Владивосток, пр. Острякова, 2

@1 danyasergeevna@gmail.com

@2 bns1996@mail.ru

Поступила в редакцию 26.10.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: психологические характеристики, профессионально важные качества, хирургический профиль, студенты, ординаторы, медицинский университет, личностный опросник, медицинское образование.

Аннотация: Цель исследования – выявить и описать психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических специальностей медицинского университета. В исследовании приняли участие 22 студента 6 курса, планирующие поступать на хирургический профиль и 20 ординаторов хирургической специализации. Использовался 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Форма А). У студентов 6 курса преобладают следующие психологические характеристики: тревожность, подозрительность, радикализм, мечтательность, доминантность, сдержанность, прямолинейность, жестокость, робость, низкий уровень самоконтроля, высокий уровень нормативности поведения. А у ординаторов – тревожность, самоконтроль, доминантность, радикализм, подозрительность, неконформизм, жестокость, практичность, смелость. По результатам статистической обработки выявлены различия в психологических характеристиках у студентов 6 курса и ординаторов первого года обучения. У ординаторов более выражена жестокость, подозрительность, практичность, высокий уровень самоконтроля. Уровень самоконтроля у студентов существенно ниже, чем у ординаторов, и более выражена мечтательность. Материалы исследования могут быть использованы для улучшения процесса профессионального медицинского образования и подготовки молодых специалистов.

Для цитирования: Люкшина Д. С., Бартковская Н. С. Психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 139–146. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-139-146.

На сегодняшний день медицинское образование претерпело очередные изменения и предполагает продолжение обучения на уровне ординатуры или трудоустройство. В своем исследовании А. Н. Калягин и соавторы указывают на то, что трудности выбора узкой специализации возникают у 30 % обучающихся. На их выбор оказывают влияние как факторы внутренней мотивации – интерес к специальности, так и внешние – экономические факторы, выражающиеся в выборе более высокооплачиваемой специализации и пожеланий работодателей. «До 5 % поступивших на программы ординатуры в течение первых 2–3 месяцев обучения высказывают неудовлетворенность выбором и приходят к мысли о смене профессии. Это свидетельствует о наличии объективных обстоятельств, препятствующих освоению программ и о психологической незрелости личностей, делающих выбор» [1, с. 133].

В данном случае мы можем говорить о кризисе профессионального самоопределения. При кризисе у студентов специальности «лечебное дело в силах военно-морского флота» изменяются мотивы и ценностные ориентации, накапливается опыт, понимание и эмоциональное отношение к специфике будущей профессиональной деятельности. «Происходит осознание выбора профессии, которое может приве-

сти либо к решению о дальнейшей реализации в рамках данной профессии, либо смене специальности и ВУЗа» [2, с. 141–142].

Изучение психологических характеристик у студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки может способствовать улучшению и оптимизации процесса профессионального медицинского образования, снижению процента обучающихся, испытывающих трудности при выборе специализации и желающих сменить профессию.

Формирование профессионально важных качеств личности врача в хирургической специальности особенно остро можно наблюдать в период обучения студентов в ординатуре. В хирургической специальности ординаторы сразу начинают глубоко погружаться в выбранную специализацию и с первого года принимают участие в операциях и другого рода врачебных манипуляциях хирургического профиля.

В Казанском федеральном университете было проведено исследование среди студентов-интернов и врачей по определению профессионально важных качеств по специальности «хирургия». По результатам корреляционного анализа было выявлено, что у врачей со стажем и интернов нет различий в профессионально важных качествах. Это можно объяснить тем, что интерны непосредственно включаются в процесс

профессиональной деятельности, начинают уже в первый год проводить операции, успешно справляясь с основными профессиональными функциями на трудовом посту. Хирургическая деятельность в большинстве случаев является экстренной, в связи с этим формирование профессионала происходит быстрее [3].

О. Ю. Богачева отмечает, что «структуру ПВК хирурга отличает наличие аттенционных, мыслительных, волевых качеств и свойств работоспособности» [4].

В. А. Корзунин считает, что для военного врача на старших курсах обучения характерны такие ПВК, как «высокое развитие познавательных психических процессов, высокое развитие коммуникативно-деонтологических и эмпатических качеств и недостаточное развитие организаторских качеств, военно-профессиональная направленность к концу обучения слабо выражена» [5].

В исследовании И. В. Кагиной у студентов медицинского вуза были выявлены две группы качеств, обеспечивающих успешное выполнение профессиональной деятельности врача: профессиональные и личные качества. К профессиональным качествам относятся высокий уровень развития внимания, хорошо развитая долговременная память, быстрота реакций. В личные качества входят терпеливость, доброжелательность, ответственность, аккуратность, тактичность. Профессионализм врача определяется совокупностью профессиональных и личных качеств [6].

Исследование особенностей становления профессиональных качеств врача в динамике провели в Южно-Уральском государственном медицинском университете. В процессе шестилетнего обучения в медицинском вузе личностные характеристики студентов претерпевают изменения. На протяжении всего времени обучения для студентов приоритетной ценностью считается получение образования, на третьем курсе у них случается ценностный перелом: появляется стремление в получении морального удовольствия от своей деятельности. К концу обучения приоритетной ценностью становится получение качественного образования и престиж [7].

Выпускники Тихоокеанского государственного медицинского университета дифференцируют личностные и профессиональные качества врача, такие как ответственность, терпение, доброта, внимательность, аккуратность, знание, профессионализм, самосовершенствование, сдержанность. Акцентируют внимание на личностных качествах, а профессиональные указываются реже, вероятно, из-за неполного вхождения в профессиональную деятельность и изучения всего спектра профессиональных обязанностей [8].

По результатам исследования, проведенного в Оренбургском государственном медицинском университете, студенты 1 курса при выборе профессии врача руководствовались «идеальным образом» медицинского работника. В идеальный образ вошли следующие профессионально важные качества: волевые, коммуникативные, хорошая вработываемость. Выбор профессии совершался в большей части из-за интереса к профессии [9].

А у студентов Кемеровского государственного университета «на 4 году обучения прослеживаются изменения представлений о предстоящей профессиональной деятельности, и преобладает ориентация на дальнейшее профессиональное развитие» [10, с. 124].

По мнению Б. А. Ясько, специфическими ПВК для врача-хирурга являются «волевые свойства личности, свойства психомоторики, преобладание нравственно-этических ценностей, высокий уровень потребности достижения, познавательные психические процессы: системный тип мышления, развитая оперативная память, высокие показатели объема и избирательности внимания. В конфликтных ситуациях трудовой деятельности врачи хирургического направления чаще отдают предпочтение авторитарным стратегиям разрешения конфликта, как субъектным качествам личности, формирование которых детерминировано спецификой профессиональной деятельности в данном виде врачебного труда» [11].

Таким образом, на основе проведенных исследований психологический портрет врача представлен совокупностью профессиональных и личных качеств: внимательность, ответственность, аккуратность, тактичность, профессионализм, терпеливость, доброжелательность, высокое развитие познавательных психических процессов, волевых качеств и свойств работоспособности личности.

Цель. Выявить и описать психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических специальностей медицинского университета.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие студенты 6 курса специальности «лечебное дело» Тихоокеанского государственного медицинского университета, которые планируют поступать на любой хирургический профиль, в количестве 22 человек, юноши и девушки в возрасте от 22 до 25 лет. И 20 ординаторов хирургической специализации, юноши и девушки в возрасте от 23 до 26 лет. А именно: ординаторы хирургии – 5 человек, стоматологической хирургии – 7 и челюстно-лицевой хирургии – 8.

В ходе исследования был применен метод тестирования, использовался 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Форма А), методы математической статистики: непараметрический критерий U – Манна-Уитни.

Результаты исследования. Психологические характеристики, выявленные у студентов 6 курса специальности «лечебное дело» и ординаторов первого года обучения, представлены в таблицах 1–3. Преобладающими психологическими характеристиками, выявленными у студентов 6 курса специальности «лечебное дело» и представленными в таблице 1, являются тревожность, подозрительность, радикализм, мечтательность, доминантность, сдержанность, прямолинейность, жестокость, робость, низкий уровень самоконтроля и высокий уровень нормативности поведения. Данные характеристики могут проявляться в различных сферах деятельности студентов и оказывать непосредственное влияние.

Таблица 1. Результаты исследования по тесту Кеттелла 16 PF (Форма А) у студентов 6 курса специальности «лечебное дело»
 Table 1. Results of the study to the Cattell test 16 PF (Form A) in the sixth-year students of the medical specialty

Фактор	Студенты 6 курса (мужчины)			Студенты 6 курса (женщины)			Студенты 6 курса (Общие результаты)		
	Низкие	Средние	Высокие	Низкие	Средние	Высокие	Низкие	Средние	Высокие
Е (подчиненность / доминантность)	2	7	2	1	3	7	3	10	9
F (сдержанность / экспрессивность)	2	9	0	4	6	1	6	15	1
G (низкая нормативность поведения / высокая)	5	4	2	0	6	5	5	10	7
H (робость / смелость)	3	7	1	2	6	3	5	13	4
I (жестокость / чувствительность)	2	5	4	4	5	2	6	10	6
L (доверчивость / подозрительность)	0	9	2	0	2	9	0	11	11
M (практичность / мечтательность)	1	5	5	3	3	5	4	8	10
N (прямолинейность / дипломатичность)	1	8	2	1	8	2	2	16	4
O (спокойствие / тревожность)	0	1	10	1	4	6	1	5	16
Q1 (консерватизм / радикализм)	1	5	5	1	4	6	2	9	11
Q3 (низкий самоконтроль / высокий)	0	8	3	1	6	4	1	14	7

Тревожность сильнее выражена у мужчин, которая может проявляться в виде неуверенности и сомнений. Особенно остро это можно заметить в паре с подозрительностью. По результатам исследования подозрительность выше в 4 раза у женщин, чем у мужчин. Данные свойства могут вызывать эмоциональное и физическое перенапряжение, отрицательно сказывающееся на личности и сфере деятельности. Люди с высокой тревожностью могут испытывать сильное чувство вины и самобичевания даже в случае отсутствия с их стороны существенных ошибок, что может вызвать трудности в работе хирургического профиля. С другой стороны, данное качество присуще людям с сильным чувством долга, что может выражаться в упорстве, настойчивости, активности и заинтересованности в профессиональной деятельности.

В связи с тем, что в исследовании приняли участие выпускники университета, они начинают испытывать потребность в автономии, независимости и самоутверждении. На данный факт указывает и преобладающая в группе женщин психологическая характеристика – доминантность. Она проявляется в сильной, а порой и агрессивной, позиции личности в отноше-

нии трудовой деятельности и отстаивании собственных интересов. Доминантность как характеристика личности может проявляться в лидерской позиции человека, претензии на руководящую должность.

Радикализм может указывать на способность и желание изменять себя и свою деятельность. Креативность и экспериментальный подход к выбранной специализации – общая тенденция у испытуемых. Развитое воображение дает возможность свежего взгляда на обыденные вещи, с помощью которого проявляется способность находить новые и нестандартные решения. В профессии хирургического профиля, с одной стороны, необходим точный, четкий, автоматизированный механизм выполнения, а с другой нужно принимать верные решения в ограниченное время, и они не всегда соответствуют наработанным шаблонным механизмам. В таких суровых условиях данная характеристика легко находит себе применение.

Сдержанность и робость – это качества, которые проявляются в благоразумии и серьезности человека и его намерений. Данные характеристики могут свидетельствовать о сформированности и зрелости эмоциональной сферы. Выраженную робость студентов можно

объяснить также их средой и насущными задачами. Поскольку их успешность в учебе и жизни университета в частности зависит от преподавателей, старших товарищей, можно предположить, что эти условия и воздействия побуждают их вести себя скромней и сдержанней. Робость, застенчивость и нерешительность – качества, присущие сдержанному человеку, который чаще всего придерживается норм и правил и всегда остро реагирует, если что-то идет не так.

Однако, жестокость и прямолинейность – противоположная сторона эмоциональной сдержанности. Низкая эмпатия и заинтересованность самочувствием и переживанием болезни пациентом, а также резкость в сообщении неоптимистичного диагноза может отрицательно сказаться на психологическом и соматическом здоровье личности. Низкая чувствительность, сухость и эмоциональная невосприимчивость может быть обусловлена как спецификой обучения в медицинском университете, так и спецификой самой профессиональной деятельности. Специфика иного отношения к болезни и человеку как к носителю определенного недуга связана с профессиональной обязанностью врача хирургического направления устранить соматическое расстройство без взаимодействия с психикой и сохранить жизнь и здоровье пациенту.

Среди группы студентов 6 курса жестокость превалирует у женского пола. Хирургический профиль считается трудным полем трудовой деятельности, особенно для молодых девушек, принимая во внимание

их от природы высокую чувствительность и эмпатийность. Возможно, противостоя этому утверждению, они пытаются показать, что их восприимчивость и способность сопереживать ничем не отличается от мужской. И в профессии она не сможет помешать принимать объективные и независимые решения.

Психологическая характеристика нормативности поведения менее выражена у мужчин, чем у женщин. Мужчины больше подвержены влиянию случая и обстоятельств, в большей степени избегают выполнения правил и подчинения каким-либо обязательствам. Данный фактор может повлиять на степень ответственности в работе и готовность соблюдать корпоративные нормы в сфере профессиональной деятельности.

Преобладающими психологическими характеристиками, выявленными у ординаторов первого года обучения и представленными в таблице 2, являются тревожность, высокий самоконтроль, доминантность, радикализм, неконформизм, подозрительность, жестокость, практичность, смелость.

Доминантность более выражена у женщин, а радикализм сильнее проявляется у мужчин. Неконформизм, подозрительность, практичность и высокий самоконтроль свойственны всем ординаторам и отражают общий настрой и целеустремленность личности. Данные качества демонстрируют сильную и уверенную натуру, подходящую на роль лидера или человека совершенно не зависимо от группы – одиночку, который будет полагаться только на себя и свои решения.

Таблица 2. Результаты исследования по тесту Кеттелла 16 PF (Форма А) у ординаторов первого года обучения
Table 2. Results of the study to the Cattell test 16 PF (Form A) in the residents of the first year of training

Фактор	Ординаторы (мужчины)			Ординаторы (женщины)			Ординаторы (Общие результаты)		
	Низкие	Средние	Высокие	Низкие	Средние	Высокие	Низкие	Средние	Высокие
Е (подчиненность / доминантность)	0	6	4	0	3	7	0	9	11
Н (робость / смелость)	2	6	2	0	6	4	2	12	6
І (жестокость / чувствительность)	1	8	1	1	8	1	2	16	2
L (доверчивость / подозрительность)	0	6	4	0	7	3	0	13	7
М (практичность / мечтательность)	0	8	2	1	9	0	1	17	2
О (спокойствие / тревожность)	0	5	5	0	3	7	0	8	12
Q1 (консерватизм / радикализм)	0	2	8	1	5	4	1	7	12
Q2 (конформизм / неконформизм)	0	4	6	0	6	4	0	10	10
Q3 (низкий самоконтроль / высокий)	0	2	8	0	6	4	0	8	12

В группе ординаторов также выражена жестокость – суровость, черствость, неспособность сопереживать другим, однако среди мужчин и женщин она выражена в равной степени. Такая личностная характеристика проявляется в упоре на рационализацию и практичность, с отказом от эмпатии и сентиментальности. Жестокость и сухость в работе, особенно в профессии, связанной с людьми, может привести к цинизму и безразличному отношению к людским чувствам и переживаниям.

Люди с такой чертой личности, как смелость, могут быть предприимчивыми, общительными, уверенными в себе. Перечисленные качества могут помогать в решении различных задач, так как обладатели этого качества

не боятся брать на себя ответственность, а также держатся свободно и уверенно в любых ситуациях. Однако они могут быть склонны к не всегда оправданному риску и авантюрам, при этом не всегда понимая и принимая во внимание их опасные последствия. Поэтому данная характеристика требует высокого самоконтроля, который сможет нивелировать импульсивность и добавить обдуманности поступкам и действиям.

По результатам статистической обработки по U – критерию Манна-Уитни выявлены различия в психологических характеристиках у студентов 6 курса и ординаторов первого года обучения, представленные в таблице 3.

Таблица 3. Данные использования U – критерия Манна-Уитни по тесту Кеттелла 16 PF (Форма А), характерные для студентов 6 курса специальности «лечебное дело» и ординаторов первого года обучения

Table 3. Usage data of Mann-Whitney U-test according to the Cattell test 16 PF (Form A), inherent for the sixth-year students of the medical specialty and residents of the first year of training

Факторы	Объемы сравниваемых выборок	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U		Значения верхних критических точек, Z		P-level	
		студенты	ординаторы	студенты	ординаторы	студенты	ординаторы
I (жестокость / чувствительность)	22/20	519,500	383,500	-1,19311	-1,15848	0,232828	0,246670
L (доверчивость / подозрительность)	22/20	519,500	383,500	-1,18801	-1,15848	0,234829	0,246670
M (практичность / мечтательность)	22/20	548,000	355,000	-1,91860	-1,87623	0,055036	0,060624
Q3 (низкий самоконтроль / высокий)	22/20	381,500	521,500	2,36496	2,29177	0,018033	0,021919

У ординаторов более выражена жестокость и менее проявляется чувствительность по сравнению с группой студентов. Это обусловлено спецификой самой профессиональной деятельности и стажем работы в ней. Ординаторы глубже и дольше находятся в выбранной профессии, и их черты личности принимают более отчетливый характер.

У них более выражена подозрительность как профессиональное качество. При определении состояния, постановки правильного диагноза больного, для оказания своевременной профессиональной медицинской помощи оно необходимо. В работе хирурга воспринимать на веру полученную от пациента информацию без проведения анализов, сбора анамнеза и т. д. просто недопустимо.

Различия в группах студентов и ординаторов были выявлены в характеристике «практичность» и «мечтательность». Студенты проявили богатое воображение и ориентированность на своей внутренний мир, в отличие от реалистичности и практичности ординаторов. Данное различие может быть связано с задачами, стоящими перед ними на сегодняшний день. Ординаторы уже погружены в реальность профессиональной деятельности, которая требует от них рационального

и быстрого решения практических задач. Богатое воображение, идеалистичность, поглощенность своими идеями свойственны людям с богатым творческим потенциалом, который они могут реализовать и проявить в различных сферах. Будь то процесс окончания обучения, завершающийся государственной итоговой аттестацией, выпускной вечер и прохождением этапов профессиональной аккредитации.

Личностная характеристика «практичность» проявляется в четкости, твердости, рациональности, выгоды и долгосрочности. Они ориентированы на решение практической стороны вопроса, их в большей степени интересует решение земных, насущных проблем, нежели сфера искусства и творчества. Такие люди точно знают свою профессиональную задачу, внимательны к мелочам, точны и конкретны в постановке вопросов и принятых решениях. В трудовой деятельности четко, уверенно и качественно выполняют свои обязанности, редко отступают от норм, правил и графика, как правило, пунктуальны и исполнительны.

Уровень самоконтроля у студентов существенно ниже, чем у ординаторов. Это может быть связано с недостатком профессионально-ориентированного опыта

студентов. Возможно, они еще не сталкивались с ситуациями, в которых им был бы необходим высокий уровень самоконтроля, в то время как ординаторы уже с более богатым опытом укрепили в себе данную черту. Низкий уровень самоконтроля может проявляться в небрежности, безалаберности, недисциплинированности, что, в свою очередь, может негативно сказаться на трудовой деятельности специалиста. Банальная невнимательность к мелочам может обернуться серьезными последствиями, особенно в хирургии.

Высокий уровень самоконтроля выражается в волевом характере личности, контроле собственных эмоций и поведения. Даже в самой нестандартной и экстраординарной ситуации такой человек доведёт свое дело до конца. Целенаправленность, точность, осознанность – незаменимые качества в работе врача в повседневной работе. Люди с таким набором качеств, старательные и внимательные работники, не поддаются на провокации чувств и эмоций, руководствуются осознанным планом действий. Благодаря волевой выдержке и целеполаганию достигают успеха.

На основе проведенного исследования мы получили следующие психологические характеристики, свойственные студентам 6 курса специальности «лечебное дело»: тревожность, подозрительность, радикализм, мечтательность, доминантность, сдержанность, прямолинейность, жестокость, робость, самоконтроль, нор-

мативность поведения. А у ординаторов первого года обучения преобладают тревожность, самоконтроль, доминантность, радикализм, подозрительность, неконформизм, жестокость, практичность, смелость.

При соотнесении полученных эмпирических данных с результатами проведенного теоретического анализа можно отметить следующее. В группе студентов внимательность проявляется через тревожность и подозрительность, терпеливость – через сдержанность, волевые качества – через самоконтроль, тактичность через нормативность поведения. В группе ординаторов внимательность также проявляется через тревожность и подозрительность, ответственность – через неконформизм, волевые качества – через смелость. Но есть и отличия эмпирических данных от теоретического анализа. В группе студентов преобладает вместо тактичности и профессионализма прямолинейность. И в обеих группах вместо доброжелательности – жестокость. Возможно, это обусловлено численностью выборки и необходимостью ее дальнейшего увеличения, либо спецификой обучения студентов и ординаторов Приморского края. Полученные материалы исследования могут быть использованы для улучшения процесса профессионального медицинского образования и подготовки молодых специалистов в Тихоокеанском государственном медицинском университете.

Литература

1. Калягин А. Н., Жукова Е. В., Погорелова И. Г., Варава Ю. О. Психологические особенности и типология личности студента медицинского вуза // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2015. Т. 136. № 5. С. 132–135.
2. Капустина Т. В., Будко В. А. Кризис профессионального самоопределения у студентов специальности «лечебное дело в силах военно-морского флота» // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2016. Т. 6. С. 135–142.
3. Сагдуллина Г. Ю., Сагдуллин И. Р. Развитие профессионально важных качеств врача специальности хирургия // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-1. С. 98–99.
4. Богачева О. Ю. Эмпирическое исследование проблемы влияния эмпатии на деятельность врачей (на примере врачей-терапевтов и врачей-хирургов) // Психология и Психотехника. 2013. № 2. С. 196–202. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.02.9.
5. Корзунин В. А. Закономерности динамики профессионально важных качеств военных врачей в процессе профессионализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб, 2002. 44 с.
6. Кагитина И. В. Профессиональная социализация студентов медицинских вузов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2008. 28 с.
7. Гатауллин И. Г., Забирова Л. М., Гатауллин И. И. Социологическое исследование мотивации врачей // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 284–288.
8. Люкшина Д. С., Петрова Ю. И. Отношение студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. Т. 61. № 3. С. 96–98.
9. Смирнова С. В., Пчелинцева Е. В. Формирование профессиональной направленности будущих врачей на разных этапах обучения в медицинском вузе // Вестник Ивановской медицинской академии. 2015. Т. 20. № 3. С. 56–58.
10. Морозова И. С., Воронова Е. В. Динамика содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 120–125. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-2-120-125.
11. Ясько Б. А. Психология медицинского труда: личность врача в процессе профессионализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2004. 42 с.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS AND RESIDENTS OF SURGICAL DIRECTIONS OF TRAINING

Daria S. Lyukshina¹.@¹, Natalya S. Bartkovskaya¹.@²

¹ Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002

@¹ danyasergeevna@gmail.com

@² bns1996@mail.ru

Received 26.10.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: psychological characteristics, professionally important qualities, surgical specialization, students, residents, medical university, personality factor questionnaire, medical education.

Abstract: The purpose of the study is to detect and describe the psychological characteristics of students and residents of surgical specialties of the medical university. The study involved 22 sixth-year students planning to enter the surgical section and 20 residents of surgical specialization. The 16 Personality Factor Questionnaire (16PF) by R. Cattell (Form A) was used. The following psychological characteristics prevail among the sixth-year students: anxiety, suspicion, radicalism, dreaminess, dominance, restraint, straightforwardness, cruelty, shyness, low level of self-control, high level of normative behavior. For the residents such characteristics are: anxiety, self-control, dominance, radicalism, suspiciousness, non-conformism, cruelty, practicality, courage. According to the results of statistical calculations, differences in psychological characteristics were revealed among the 6th year students and residents of the first year of training. The residents have a higher level of cruelty, suspicion, practicality and self-control. Self-control among the students is significantly lower and dreaminess is more expressed than among the residents. The materials of this study can be used to improve the process of professional medical education and training of young specialists.

For citation: Lyukshina D. S., Bartkovskaya N. S. Psikhologicheskie kharakteristiki studentov i ordinatov khirurgicheskikh napravlenii podgotovki [Psychological Characteristics of Students and Residents of Surgical Directions of Training]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 139–146. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-139-146.

References

1. Kaliagin A. N., Zhukova E. V., Pogorelova I. G., Varavko Iu. O. Psikhologicheskie osobennosti i tipologiya lichnosti studenta meditsinskogo vuza [Psychological features and typology of the personality of a student at a medical school]. *Sibirskii meditsinskii zhurnal (Irkutsk) = Siberian Medical Journal (Irkutsk)*, 136, no. 5 (2015): 132–135.
2. Kapustina T. V., Budko V. A. Krizis professional'nogo samoopredeleniia u studentov spetsial'nosti «lechebnoe delo v silakh voenno-morskogo flota» [The crisis of professional self-determination among students of the specialty «medical work in the forces of the navy»]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznediel'nosti = Personality in extreme conditions and crisis situations of life activity*, vol. 6 (2016): 135–142.
3. Sagdullina G. Iu., Sagdullin I. R. Razvitie professional'no vazhnykh kachestv vracha spetsial'nosti khirurgii [Development of professionally important qualities of a doctor of specialty surgery]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia = International Journal of Experimental Education*, no. 6-1 (2014): 98–99.
4. Bogacheva O. Iu. Empiricheskoe issledovanie problemy vliianiia empatii na deiatel'nost' vrachei (na primere vrachei-terapevtov i vrachei-khirurgov) [Empirical study of the problem of the influence of empathy on the activity of doctors (on the example of physicians-therapists and surgeons)]. *Psikhologiya i Psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, no. 2 (2013): 196–202. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.02.9.
5. Korzunin V. A. *Zakonomernosti dinamiki professional'no vazhnykh kachestv voennykh vrachei v protsesse professionalizatsii*. Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Regularities of the dynamics of professionally important qualities of military doctors in the process of professionalization. Dr. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2002, 44.
6. Kagitina I. V. *Professional'naia sotsializatsiia studentov meditsinskikh vuzov*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Professional socialization of students of medical high schools. Cand. soc. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2008, 28.
7. Gataullin I. G., Zabirowa L. M., Gataullin I. I. Sotsiologicheskoe issledovanie motivatsii vrachei [Sociological study of doctors' motivation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 4 (2015): 284–288.
8. Lyukshina D. S., Petrova Iu. I. Otnoshenie studentov meditsinskogo vuza k professional'noi deiatel'nosti [Attitude of students of medical high school to professional activity]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal = Pacific Medical Journal*, 61, no. 3 (2016): 96–98.
9. Smirnova S. V., Pchelintseva E. V. Formirovanie professional'noi napravlenosti budushchikh vrachei na raznykh etapakh obucheniia v meditsinskom vuze [Formation of the professional orientation of future doctors at different stages

of training in a medical college]. *Vestnik Ivanovskoi meditsinskoi akademii = Bulletin of the Ivanovo Medical Academy*, 20, no. 3 (2015): 56–58.

10. Morozova I. S., Voronova E. V. Dinamika sodержatel'nykh kharakteristik tsennostno-motivatsionnogo komponenta psikhologicheskoi gotovnosti studentov k professional'noi deiatel'nosti na razlichnykh etapakh obucheniia v vuze [Dynamics of the content characteristics of the value-motivational component of students' psychological readiness for professional activity at various stages of study in the university]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 120–125. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-2-120-125.

11. Ias'ko B. A. *Psikhologiya meditsinskogo truda: lichnost' vracha v protsesse professionalizatsii*. Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Psychology of medical labor: the identity of the doctor in the process of professionalization. Dr. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Krasnodar, 2004, 42.

УДК 159.9.07

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА ТЕЛА ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФИГУРНЫМ КАТАНИЕМ*Ирина С. Морозова^{1, @1, *}, Ксения Н. Белогай^{1, @2, *}, Елена С. Каган^{1, @3, *}*¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6@¹ *ishmorozova@yandex.ru*@² *belogi@mail.ru*@³ *applmath@kemsu.ru**Поступила в редакцию 04.09.2017. Принята к печати 21.12.2017.***Ключевые слова:**

образ тела, образ тела в подростковом возрасте, девочки-подростки, самоотношение; самооценка; функциональные характеристики тела.

Аннотация: В статье анализируются результаты исследования содержательных характеристик образа тела девочек-подростков. В эмпирическом исследовании принимали участие девочки 12–14 лет, занимающиеся фигурным катанием, и девочки, не занимающиеся спортом. Образ тела девочек двух групп исследовался при помощи опросных и проективных методов. Показано, что содержательные характеристики образа тела взаимосвязаны с параметрами самоотношения и самооценкой, не зависимо от того, занимается ли девочка спортом. При этом спортсменки выше оценивают функциональные характеристики тела – его активность и силу, девочки контрольной группы выше оценивают свою внешность. Показано, что разрыв между реальным и идеальным образом тела выше у спортсменок. Сравнение корреляционных матриц в двух группах показывает, что в группе спортсменок показатели самоотношения увязаны с оценкой тела, оценкой его силы, активности и функциональных характеристик, в контрольной группе показатели самоотношения увязаны как с функциональными характеристиками тела, так и с оценкой внешности.

Для цитирования: Морозова И. С., Белогай К. Н., Каган Е. С. Содержательные характеристики образа тела девочек-подростков, занимающихся фигурным катанием // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 147–152. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-147-152.

Интерес исследователей к изучению проблемы образа тела имеет в последние десятилетия все более устойчивый характер [1–3]. Термин «образ тела» ввел в своей книге «Образ и внешний вид человеческого тела» (The Image and Appearance of the Human Body) в 1935 году П. Шильдер. Однако за полвека до этого доктором Э. Морселли было описано искажение образа тела (дисморфофобия) [цит. по: 4]. П. Шильдер переместил изучение образа тела из невропатологии в плоскость биопсихологии, определяя образ тела в своей работе как многогранный феномен. Рассматривая образ тела преимущественно как схему тела, П. Шильдер указывает, что образ тела обозначает картину собственного тела, какой она представлена индивиду в его сознании. Ощущения возникают тогда, когда индивид видит какую-то часть поверхности тела, у него присутствует тактильная, температурная, болевая чувствительность. Выделяют проприоцептивные и интероцептивные ощущения. Кроме того, есть непосредственное восприятие единства тела, которое превосходит ощущение. П. Шильдер называет это схемой тела или телесной схемой [цит. по: 5]. Используя точку зрения Х. Хэда (Head), исследователи рассматривают схему тела как трехмерный образ себя, который есть у каждого индивида. Пред-

полагается, что данный образ не является образом только ощущения или воображения, но также включает ментальные образы и представления [цит. по: 6].

В последние десятилетия все больше появляется исследований, посвященных отдельным этапам формирования образа тела, например в детском и подростковом возрасте, а также искажению образа тела у детей и взрослых с различными психосоматическими и соматическими патологиями. Значительное число западных работ на сегодняшний день посвящено конструированию методик для исследования образа тела [7], в том числе их компьютерных версий [8].

Один из методологических принципов анализа в психологии телесности гласит, что кроме двух традиционных аспектов развития ребенка – физического и психического – необходимо выделить еще один аспект – психосоматическое развитие, которое рассматривается как процесс закономерного становления механизмов психологической регуляции телесных функций, действий и феноменов [3]. Специфика данной области исследования состоит в том, что феноменология нормального онтогенеза, с позиций психологии телесности, находится на стадии описания, в то время как уже описаны многие искажения психосоматического развития в ситуациях разного рода заболеваний.

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект № 17-36-00016.*

Опираясь на достижения репродуктивной психологии, мы полагаем, что образ тела женщины теснейшим образом связан с репродуктивным возрастом женщины, такими событиями жизненного цикла, как беременность, рождение ребенка, лактация; в более поздние периоды онтогенеза – наступление менопаузы, в более ранние – менархе и становление менструального цикла [9]. Для описания нормального психосоматического развития необходимо описывать содержательные характеристики образа тела женщины на разных этапах онтогенеза в разных группах, а также охарактеризовать факторы риска в развитии образа тела.

Подростковый возраст – один из критических периодов в формировании образа женского тела – время, когда тело существенно изменяется в короткие сроки, у девочек появляется менархе, устанавливается менструальный цикл. Не в последнюю очередь из-за давления социальных стереотипов, подростковый и юношеский возраст критический относительно попадания девочки в группу риска в плане развития анорексии и других подобных нарушений. Подростковый возраст – это также время активного развития самосознания; рефлексия позволяет подростку критически оценить самого себя, обнаружить свои ресурсы и «слабые места». При этом образ тела – один из первых феноменов, подвергающийся рефлексивному анализу со стороны подростка. Большую роль в формировании образа в подростковом возрасте тела играет среда ребенка, субкультура, которая подталкивает его с пристрастием изучать и формировать отношение к своему телу. Мощным фактором в формировании образа тела является двигательная активность. С каждым годом в России растет число детей с избыточным весом. Причинами избыточного веса современного ребенка могут быть разные факторы: и генетическая предрасположенность, и экологический фактор; большой интерес представляет поведенческий фактор, в частности отсутствие достаточной двигательной активности. В ходе нашей работы важно сопоставить содержательные характеристики образа тела девочек подростков в двух группах: занимающихся и не занимающихся спортом. С одной стороны, спортивная деятельность оказывает положительное влияние на психосоматическое развитие, с другой стороны, профессиональный спорт выдвигает множество требований к личности, сам по себе он сложен и иногда противоречив, поэтому его влияние на становление личности не всегда однозначно.

Организация и методы исследования. Проведенное нами исследование было направлено на выявление содержательных характеристик образа тела девочек-подростков, занимающихся фигурным катанием, а также на выявление взаимосвязи этих характеристик с параметрами самооценки. Исследование проводилось на базе «Детско-Юношеской Спортивной Школы № 6 по фигурному катанию на коньках» г. Кемерово и МБНОУ «Городской классической лицей» в 2017 г. В исследовании приняли участие 60 человек. Девочки, занимающиеся фигурным катанием (30 человек) составили экспериментальную группу, девоч-

ки, не занимающиеся спортом (30 человек) составили контрольную группу. Возраст девочек, принявших участие в исследовании от 13 до 16 лет, среднее значение – 14,5 лет. В работе были использованы опросные и проективные методы. К примеру, методика «Мое тело» К. Н. Белогай [10], методика «Жизненная динамика удовлетворенности внешним обликом» Е. В. Белугиной [11]; проективная рисуночная методика «Автопортрет», адаптированная Р. Бернсом; анкета; методика самооценки личности С. А. Будаси; тест-опросник самооценки В. В. Столина, С. Р. Панталева. Статистическую обработку полученных результатов производили с помощью пакета прикладных программ Statistica v.6.0. Для сравнения выборочных средних в двух независимых группах использовался критерий Стьюдента (при уровне значимости $p < 0,01$). Для поиска взаимосвязей между параметрами самооценки и характеристиками образа тела применялся корреляционный анализ (при уровне значимости $p < 0,05$). Также для обработки данных использовался дисперсионный анализ.

Обсуждение результатов. Сопоставим различия, полученные в характеристиках исследуемых групп подростков. Для выявления значимых различий в средних значениях показателей в сравниваемых группах применялся критерий Стьюдента (табл. 1). Девочкам-спортсменкам собственное тело видится активным и сильным, но при этом они в меньшей степени довольны своей внешностью. Девочки контрольной группы оценивают свое тело как достаточно слабое и не очень активное, но при этом они выше оценивают свою внешность.

Сопоставляя рисунки девочек, можем отметить, что статистически значимые различия между двумя группами имеются по нескольким признакам: реалистичность изображения (девочки, не занимающиеся спортом, изобразили свое тело более реалистично, чем фигуристки); фигуру в движении чаще изображали фигуристки (девочки рисовали свое тело в танцевальном движении, движении на коньках или просто себя идущую).

Девочки контрольной группы делали акцент в рисунке на груди и бедрах, фигуристки практически никак не выделяли свою грудь и бедра, таким образом, в рисунке реального тела девочки контрольной группы подчеркивают женственность своей фигуры. При этом фигуристки были склонны уделять внимание деталям (например прическе, «принтам» на одежде). К числу «часто встречающихся» элементов в рисунках испытуемых экспериментальной группы, мы отнесли прорисовывание своих мышц. По сути, девочки-фигуристки делают в рисунке акцент на роли «я – спортсменка», а девочки контрольной группы – на роли «я – девушка». Рисунки с изображением идеального тела получились ярче и проработаннее у фигуристок. Статистически значимые различия имеются по многим показателям. Спортсменки чаще рисовали себя в полный рост, в движении, с большим количеством аксессуаров. В этом рисунке, как и в первом, они не подчеркивали грудь и бедра. Еще можно отметить, что фигуристки активно использовали цветные карандаши

для изображения своего тела. Фигуристки изображали спортивную атрибутику, 50 % из них нарисовали себя на коньках, либо в платье для выступления. Сопоставляя два рисунка, мы обнаружили, что разница между изображением реального и идеального тела больше в экспериментальной группе.

В таблице 2 представлено распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к своему телу?». В целом ответы разделились на три группы: тело меня не устраивает; тело когда-то нравилось, сейчас не очень, или наоборот; меня все устраивает в моем теле.

Таблица 1. Сравнения средних показателей по методикам К. Н. Белогай и Е. В. Белугиной в исследуемых группах
Table 1. Comparison of the Average Indicators according to K. N. Belogay and E. V. Belugina's methods

	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t-знач.	p
Шкалы методики «Мое тело»				
Принятие тела	2,83	5,37	-1,50	0,14
Внешний образ	1,07	4,17	-2,52	0,01
Функциональные характеристики	2,43	1,17	0,87	0,39
Сила	2,87	0,40	3,55	0,00
Активность	3,13	0,07	2,95	0,00
Оценка телосложения	-1,53	0,30	-1,52	0,13
Методика Е. В. Белугиной				
Внешний образ в 5 лет	9,03	8,60	0,83	0,41
Внешний образ в 10 лет	7,57	7,20	0,58	0,57
Внешний образ в настоящее время	5,23	6,10	-1,33	0,19

Прим.: шрифтом в таблице выделены значимые различия, $p \leq 0,01$.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос анкеты «отношение к своему телу»
Table 2. Distribution of answers to the "attitude to one's body" question

Параметры ответов	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Частота	%	Частота	%
Негативное отношение к своему телу	12	40	8	26,6
Вариативность отношения к своему телу	8	26,6	9	30
Позитивное отношение к своему телу	10	33,3	13	43,3

Необходимо отметить, что в группе фигуристок больше девочек, недовольных своим телом, что говорит о больших требованиях к себе, нежели у девочек, не занимающихся спортом. Все респонденты поясняли, до какого периода они были довольны своим телом – в большинстве случаев речь шла о 12 годах, т. е. периоде начала полового созревания. Появление изменений, связанных с этим моментом, вызывает недовольство почти у 38 % обследованных подростков. Среди фигуристок определено большее количество девочек, которые позитивно относились к своему телу до 12 лет и негативно относятся на данный момент.

Анализируя данные анкетного опроса, мы также обнаружили существенные различия между группами. Опрошенные девочки отвечали на вопросы о том, какие части тела их устраивают, а какие – нет. Девочек, занимающихся спортом, больше всего устраивают талия и руки, на втором месте был ответ «все не устраивает», на третьем – «все устраивает». Лицом, бедрами, ягодицами и грудью девочки этой группы недовольны. Девочек, не занимающихся спортом, устраивают такие части тела, как талия, руки и ноги. В половину меньшее число девочек довольны бедрами, ягодицами и грудью. Существенно меньше тех, кто недоволен всеми параметрами своего тела и тех, кого тело полностью устраивает. Из всей выборки опрошенных девочек 83, 3 % хотят что-либо изменить в своем теле, при этом разницы между группами по данному вопросу не выявлено. Спортсменки больше всего хотят изменить ноги либо все. 16,6 % девочек этой группы желают похудеть. Девочки контрольной группы акцентируют свое внимание на изменении талии и рук. Также несколько испытуемых контрольной группы хотят стать выше (среди фигуристок таких нет). Среди фигуристок больше девочек, стремящихся похудеть, что связано с требованиями тренеров и спецификой спорта.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа исследовалось влияние отношения к своему телу на самооценку в исследуемых группах.

В обеих группах самооценка девочек, недовольных своим телом, примерно одинакова. В случае нейтрального отношения к своему телу самооценка несколько выше в экспериментальной группе, в случае

положительного отношения – наоборот, в контрольной. При этом в обеих обследованных группах самооценка девочек-подростков зависит от отношения к своему телу и, как и предполагалось, выше в группе девочек, довольных своим телом.

В таблице 3 представлены данные корреляционного анализа в экспериментальной группе.

Таблица 3. Содержательные характеристики образа тела во взаимосвязи с параметрами самоотношения – данные корреляционного анализа экспериментальной группы

Table 3. The content characteristics of the body image in relation to the parameters of the self-relationship - the data of the correlation analysis in the experimental group

Шкалы МИС и методики «Мое тело»	Принятие тела	Оценка внешности	Функциональные характеристики	Сила	Активность	Оценка телосложения
Глобальное самоотношение	0,49					0,50
Самоуважение	0,37			0,41		0,38
Аутосимпатия	0,38					
Ожидаемое отношение от других	0,47					
Самоинтерес			0,45			
Самоуверенность	0,44		0,42	0,51		0,39
Отношение других	0,46					
Саморуководство		0,47			0,39	

Прим.: в таблице приведены значимые корреляции, $p \leq 0,05$.

Все значимые корреляции между параметрами самоотношения и характеристиками образа тела являются прямыми. Наиболее тесно с образом тела у спортсменок связаны самоуважение и самоуверенность. Среди характеристик образа тела наибольшее число связей с самоотношением имеют функциональные характеристики и принятие своего тела. Также для самоотношения имеет значение, оценивает ли девочка свое тело как крупное (мелкое), тяжелое (легкое), полное (худое). Все полученные корреляционные связи легко объяснимы, учитывая специфику такого вида спорта, как фигурное катание.

В таблице 4 представлены данные корреляционного анализа во второй группе. Значимые корреляционные связи в контрольной группе также прямые. Принятие тела и функциональные его характеристики связаны в контрольной группе с параметрами самоотношения. В отличие от спортсменок, у девочек контрольной группы с самоотношением тесно связана оценка внешности, что для спортсменок оказалось не характерным.

Сформулируем основные выводы по проведенному исследованию. Анализируя проблему развития образа тела в подростковом возрасте, мы, как и предполагалось, находим множество взаимосвязей содержательных характеристик образа тела и параметров самоотношения в группе девочек-подростков. При этом характеристики образа тела взаимосвязаны с параметрами самоотношения, независимо от того, занимается ли девочка спортом. Сравнение корреляционных матриц в двух группах показывает, что в группе спортсменок показатели

самоотношения увязаны с оценкой тела, оценкой его силы, активности и функциональных характеристик, в контрольной группе показатели самоотношения увязаны как с функциональными характеристиками тела, так и с оценкой внешности. Дисперсионный анализ позволил подтвердить зависимость самооценки от принятия тела в двух группах – в обследованных группах самооценка девочек зависит от отношения к своему телу и выше в группе девочек, довольных своим телом. В целом спортсменки выше оценивают функциональные характеристики своего тела – его активность и силу, девочки контрольной группы выше оценивают свою внешность. По всем методикам прослеживается общая тенденция: спортсменки относятся к своему телу критичнее и строже по сравнению с девочками контрольной группы. Разрыв между образами реального и идеального тела выше в группе спортсменок. У девочек данной группы есть очень четкий проработанный образ идеального тела, однако реальное тело при этом существенно отличается от идеального. Получается, что образ тела у девочек-подростков достаточно противоречив и характеризуется существенным разрывом между реальным и идеальным вариантами. Профессиональное занятие таким видом спорта, как фигурное катание, на наш взгляд, скорее увеличивает проблемы в данной области, высокая интернальность спортсменок, их умение «работать над собой» и одновременно жёсткие требования к весу спортсменок в данном виде спорта повышают вероятность попадания девочек в группу риска относительно такого невроза, как анорексия.

Таблица 4. Содержательные характеристики образа тела во взаимосвязи с параметрами самоотношения – данные корреляционного анализа контрольной группы

Table 4. The Content Characteristics of the Image of the Body in Relation to the Parameters of the Self-Relationship – the Data of the Correlation Analysis in the Control Group

Шкалы МИС и методики «Мое тело»	Принятие тела	Оценка внешности	Функциональные характеристики	Сила	Активность	Оценка телосложения
Глобальное самоотношение	0,42	0,42				0,38
Самоуважение	0,40		0,37			
Аутосимпатия	0,51	0,40				
Ожидаемое отношение от других	0,37					
Самоуверенность	0,42	0,37				
Отношение других			0,47			
Саморуководство					0,40	
Самоинтерес			0,48	0,48		
Самопонимание		0,40	0,40			
Саморуководство		0,47			0,39	

Прим.: в таблице приведены значимые корреляции, $p \leq 0,05$.

Литература

1. Психосоматика: телесность и культура: учебное пособие для вузов / под ред. В. В. Николаевой. М.: Академический Проект, 2009. 311 с.
2. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
3. Николаева В. В., Арина Г. А. Клинико-психологические проблемы психологии телесности // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 119–126.
4. Фролова Ю. Г. Медицинская психология. 2-е изд., испр. Минск: Вышэйшая школа, 2011. 384 с.
5. Татаурова С. С. Актуальные проблемы исследования образа тела // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 8. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2009. С. 142–154. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25396572> (дата обращения: 01.06.2017).
6. Gallagher S., Cole J. Body Schema and Body Image in a Deafferented Subject // Journal of Mind and Behavior. 1995. Vol. 16. P. 369–390.
7. Williamson D. A., Womble L. G., Zucker N. L., Reas D. L., White M. A., Blouin D. C. & Greenway F. L. Body image assessment for obesity (BIA-O): development of a new procedure // International Journal of Obesity. 2000. 24. P. 1326–1332.
8. Stewart T. M., Williamson D. A., Smeets M. A. M., Greenway F. L. A Computerized Assessment of Body Image: A Psychometric Study // Obesity Research. 2000. No. 9. P. 43–50.
9. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. О. Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье: монография. М.: Ленанд, 2015. 240 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25102530> (дата обращения: 01.06.2017).
10. Белогай К. Н. Материнство и телесность женщины: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. 240 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23367524> (дата обращения: 01.06.2017).
11. Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003. 199 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16009277> (дата обращения: 01.06.2017).

CHARACTERISTICS OF BODY IMAGE IN TEENAGE GIRLS ENGAGED IN FIGURE SKATING

Irina S. Morozova^{1, @1, *}, Kseniia N. Belogai^{1, @2, *}, Elena S. Kagan^{1, @3, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ ishmorozova@yandex.ru

@² belogi@mail.ru

@³ applmath@kemsu.ru

Received 04.09.2017. Accepted 21.12.2017.

Keywords: body image, body image in adolescence, teenage girls, self-relationship, self-evaluation, functional characteristics of the body.

Abstract: The paper features the results of the study of the body image content characteristics in adolescent girls. The empirical study involved 12–14 year-old girls engaged in figure skating, and those not engaged in sports. The body image analysis was based on questionnaires and projective methods. It has been revealed that the content characteristics of the body image are interrelated with the parameters of self-relationship and self-esteem, regardless of whether the girl is engaged in sports or not. At the same time, athletes mostly appreciate the functional characteristics of the body, i.e. its activity and strength, whereas the girls in the control group assess their appearance. The gap between the real and the ideal body images appears to be higher in athletes. Comparison of the correlation matrices in the two groups shows that, in the group of athletes, the self-relationship parameters are correlated with the body evaluation, the evaluation of its strength, activity and functional characteristics. In the control group, the self-relationship parameters are related both to the functional characteristics of the body and to the appearance evaluation.

For citation: Morozova I. S., Belogai K. N., Kagan E. S. Soderzhatel'nye kharakteristiki obraza tela devochek-podrostkov, zanimaiushchikhsia figurnym kataniiem [Characteristics of Body Image in Teenage Girls Engaged In Figure Skating]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 147–152. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-147-152.

References

1. *Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura* [Psychosomatics physicality and culture]. Ed. Nikolaeva V. V. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 311.
2. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl, 2002, 287.
3. Nikolaeva V. V., Arina G. A. Kliniko-psihologicheskie problemy psikhologii telesnosti [Clinical and psychological problems of the psychology of corporeality]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 24, no. 1 (2003): 119–127.
4. Frolova Iu. G. *Meditssinskaia psikhologiya* [Medical Psychology]. Minsk: Vysheishaia shkola, 2011, 334.
5. Tataurova S. S. Aktual'nye problemy issledovaniia obraza tela [Actual problems of the study of the image of the body]. *Psikhologicheskii vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Psychological bulletin of the Ural State University]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. Gor'kogo A. M., vol. 8 (2009): 142–154. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25396572> (accessed 01.06.2017).
6. Gallagher S., Cole J. Body Schema and Body Image in a Deafferented Subject. *Journal of Mind and Behavior*, no. 16 (1995): 369–390.
7. Williamson D. A., Womble L. G., Zucker N. L., Reas D. L., White M. A., Blouin D. C. & Greenway F. L. Body image assessment for obesity (BIA-O): development of a new procedure. *International Journal of Obesity*, no. 24 (2000): 1326–1332.
8. Stewart T. M., Williamson D. A., Smeets M. A. M., Greenway F. L. A Computerized Assessment of Body Image: A Psychometric Study. *Obesity Research*, no. 9 (2000): 43–50.
9. Morozova I. S., Belogai K. N., Borisenko Iu. V., Ott T. O. *Regulatsiia reproduktivnogo povedeniia i reproduktivnoe zdorov'e* [Regulation of reproductive behavior and reproductive health]. Moscow: Lenand, 2015, 240. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25102530> (accessed 01.06.2017).
10. Belogai K. N. *Materinstvo i telesnost' zhenshhiny* [Motherhood and corporality of women]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2014, 240. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23367524> (accessed 01.06.2017).
11. Belugina E. V. *Otnoshenie k svoemu vneshnemu obliku v period serediny zhizni*. Diss. kand. psikhol. nauk [Attitude to his appearance in the middle of life. Cand. psihol. Sci. Diss.]. Rostov-on-Don, 2003, 199. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16009277> (accessed 01.06.2017).

* The article was prepared with the financial support of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-36-00016.

УДК [159.91+612.821]:159.923.4:613.2

ТЕМПЕРАМЕНТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Лариса А. Проскурякова^{1, @1}, Елена Н. Лобыкина^{2, @2}

¹ Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, 654041, Россия, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23

² Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал РМАНПО Минздрава России, 654005, Россия, г. Новокузнецк, пр. Строителей, 5

@¹ lora-al@yandex.ru

@² kafoipp@mail.ru

Поступила в редакцию 29.10.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: пищевое поведение, экстер-нальный, эмоциогенный, ограничительный типы пищевого поведения, темперамент, психологическая и психофизиологическая детерминанта.

Аннотация: В статье темперамент рассматривается как психологическая и психофизиологическая детерминанта нарушений пищевого поведения. Представлены результаты взаимосвязи типа темперамента с пищевым поведением у взрослого населения (150 человек) с учетом гендерных и возрастных особенностей. Рациональный тип пищевого поведения установлен только у 12 % респондентов. Выборку составили 33,3 % респондентов с меланхолическим темпераментом, 28,7 % – флегматиков, 20 % – сангвиников и 18 % – холериков. Установлено, что женщины-меланхолики чаще имеют риск формирования эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, а мужчины-меланхолики – ограничительного типа. Эмоциогенный тип пищевого поведения встречается у представителей всех типов темперамента, но в разные периоды онтогенеза: у сангвиников и холериков – до 29 лет; у меланхоликов – в возрасте от 30 лет и старше; у флегматиков – с 50 лет. Экстернальный тип пищевого поведения наиболее характерен для холериков в возрасте до 29 лет. Результаты показали, что темперамент является фактором нарушения пищевого поведения с учетом возрастных и гендерных особенностей.

Для цитирования: Проскурякова Л. А., Лобыкина Е. Н. Темперамент как психологическая и психофизиологическая детерминанта пищевого поведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 153–159. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-153-159.

Пищевое поведение включает совокупность определенных форм поведения человека, связанных с приемом пищи (режим, темп приема пищи, предпочтительность потребления отдельных видов продуктов, субъективное отношение к процессу приема пищи и т. д.) [1]. В последнее время все больше внимание общества занимает проблема нарушения пищевого поведения в связи с высоким распространением избыточной массы тела и ожирения среди населения России [2; 3]. Известно, что поведение человека во многом зависит от его психологических свойств личности, индивидуальных особенностей свойств нервных процессов, лежащих в основе типа высшей нервной деятельности человека, а пищевое поведение и энергетический баланс регулируются комплексом поведенческих, нейроэндокринных и генетических факторов [4; 5].

В психологических механизмах регуляции поведения человека, в том числе и пищевого, большую роль занимает характер человека, определяющий его действия [6]. Существенное влияние на формирование характера, на динамические особенности поведения человека оказывает темперамент [7]. Темперамент отражает преимущественно врожденные динамические аспекты поведения, поэтому свойства темпе-

рамента наиболее устойчивы и постоянны по сравнению с другими психическими особенностями человека. От него может зависеть, каким способом человек будет реализовывать свои действия не только в отдельных аспектах своей жизнедеятельности, но и в предпочтении продуктов питания, темпа, режима приема пищи и т. д. Согласно этому, темперамент можно рассматривать как фактор детерминации нарушений пищевого поведения.

Темпераментные особенности человека выступают как психофизиологические возможности его поведения, питания: подвижность нервных процессов обуславливает динамические качества интеллекта, гибкость ассоциативных процессов; возбудимость – легкость возникновения и интенсивность ощущений в жизни, устойчивость внимания, силу запечатления и хранения образов памяти [8].

Физиологической основой темперамента являются свойства нервной системы: сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов. Эта зависимость протекания психических процессов и поведения человека от функционирования нервной системы была еще доказана И. П. Павловым. Он считал, что темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, самая основная характеристика

его нервной системы, влияющая на всю жизнедеятельность личности, немаловажную роль в которой занимает питание [4; 8]. Определенно, в контексте особенностей протекания нервных процессов у людей с различным типом темперамента можно предположить склонность к развитию соответствующих нарушений пищевого поведения.

Объект и методы исследования

С целью изучения взаимосвязи между темпераментом и пищевым поведением обследованы 150 человек в возрасте от 25 до 75 лет (мужчин – 37,4 %, женщин – 62,6 %) – врачей и преподавателей Новокузнецкого института усовершенствования врачей. Пищевое поведение диагностировано с помощью Голландского опросника DEBQ (The Dutch Eating Behaviour Questionnaire) – адаптированного Т. Г. Вознесенской [9], в котором выделяются 3 типа его нарушения: эмоциогенное, экстернальное и ограничительное. Из 30 вопросов анкеты для оценки ограничительного типа пищевого поведения использовались первые 10 вопросов (за норму взят средний балл 2,4), для выявления эмоциогенного типа пищевого поведения – вопросы с 11 по 23 (нормальное значение – 1,8) и экстернального типа пищевого поведения – вопросы 24–33 (норма – 2,7 баллов). Темперамент изучался с помощью теста Г. Айзенка (Eysenck Personality Inventory) [10]. Расчеты проводились в свободно расширяемой программной среде статистической обработки данных R-3.4.0. Использован критерий хи-квадрат Пирсона (χ^2). Сравнение распределения признака по отдельным градациям осуществлялось с помощью Фридмана (χ^2_r). Статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования пищевого поведения показали, что у 88 % обследованных диагностировались различные типы его нарушений, лишь у 12 % респондентов установлен рациональный тип пищевого поведения. Из 150 опрошенных человек наиболее распространенным типом нарушения пищевого поведения установлен экстернальный – 62 % респондентов. Ограничительный тип пищевого нарушения регистрировался у 39 % респондентов, а эмоциогенный – у 43 %. Характерно то, что более одного типа нарушения пищевого поведения имеют 44 % (67 человек из 150), в том числе два типа нарушения зарегистрировано у 33 % (50 человек из 150), все 3 нарушения – у 11 % (17 человек из 150).

Частота встречаемости экстернального типа нарушения статистически значимо выше, чем ограничительного ($\chi^2=16,33$, $p < 0,001$) и эмоциогенного ($\chi^2=10,48$, $p=0,001$). Распространенность в исследуемой выборке эмоциогенного и ограничительного типов нарушения пищевого поведения статистически значимо не отличается ($\chi^2=0,68$, $p=0,411$).

Экстернальное пищевое поведение впервые описал Шехтер [11]. Оно проявляется повышенной реакцией человека на внешние стимулы при приеме

пищи, то есть возбуждение аппетита на накрытый стол, рекламу пищевых продуктов, красивые этикетки на пищевых продуктах вне зависимости от того, когда последний раз человек принимал пищу. При рациональном пищевом поведении жажду голода должны вызывать внутренние гомеостатические стимулы к приему пищи: уровень глюкозы и свободных жирных кислот в крови, наполненность желудка, моторика желудочно-кишечного тракта [1]. Эмоциогенный тип нарушения пищевого поведения характерен для людей, испытывающих состояние эмоционального дискомфорта, обиды, разочарование, раздражение, плохое настроение. Человек как бы «заедает» стресс. Стимулом для приема пищи становится эмоциональный дисбаланс. Третий тип нарушений пищевого поведения – ограничительный, характерен для людей, часто ограничивающих себя бессистемными, слишком строгими диетами – по А. Стундарку (1953 г), «диетическая депрессия» [12]. Поэтому периоды ограничительного пищевого поведения будут сменяться этапами перекармливания.

Определение психодинамических свойств темперамента позволило установить, что чаще всего в исследуемой группе респондентов встречались меланхолики (50 человек, 33,3 %) и флегматики (43 человека, 28,7 %). Согласно характеристике типов темперамента, для флегматика характерна инертность и неторопливость; он ненаходчив, с трудом переключает внимание, медленно приспосабливается к новой обстановке и перестраивает навыки и привычки; требует систематического внимания [8]. Нервные клетки у флегматиков могут выдерживать длительное возбуждение или торможение, что, предположительно, характеризует людей, склонных к длительным диетам и самозапретам в питании. В то же время при сильных внешних воздействиях (стрессовых, посттравматических факторах) для флегматиков стимулом для приема пищи может стать эмоциональный дискомфорт в связи с малой подвижностью нервных процессов, преобладанием торможения над возбуждением.

Нестойкими перед жизненными обстоятельствами, имеющими слабые свойства нервных процессов, являются меланхолики. Они пассивны, неактивны; им присуще неустойчивое внимание; всё новое и необычное вызывает заторможенность. Это самый чувствительный и ранимый тип, требующий для эффективной коммуникации предельной мягкости и доброжелательности [2]. Безусловно, такие психологические и психофизиологические особенности меланхоликов могут служить факторами формирования эмоциогенного пищевого поведения.

Респонденты с сангвиническим и холерическим темпераментом встречались реже (30 человек, 20 % и 27 человек, 18 % соответственно). Оба вида темперамента характеризуются сильным типом высшей нервной деятельности, подвижными, лабильными нервными клетками, неуравновешенной нервной системой у холериков. Они достаточно коммуникабельны, чаще эмоциональны, любознательны и т. д. Это позволяет предположить формирование у них

экстернального пищевого поведения, например, переедания за компанию, избыточного приема пищи в гостях. Также у сангвиников и холериков возможно развитие эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, присущего людям, склонным есть до тех пор, пока не закончится коробка конфет, вазочка с печеньем; либо часто останавливающихся у киоска с мороженым, витрины продуктового магазина.

В процессе анкетирования установлено, что у респондентов одного типа темперамента могло наблюдаться сочетание нескольких типов нарушения пищевого поведения.

Выявление корреляционной зависимости между темпераментом и пищевым поведением показало, что независимо от темперамента наиболее распространенным типом нарушения пищевого поведения у респондентов является экстернальный тип ($\chi^2_r=7,60$, $p=0,022$). На 2-м и 3-м месте по частоте – эмоциогенный и ограничительный типы нарушения пищевого поведения. Доля респондентов с нарушением экстернального типа статистически значимо выше доли респондентов с ограничительным ($\chi^2_r=4,00$, $p=0,046$) и эмоциогенным ($\chi^2_r=4,00$, $p=0,046$) типом пищевого поведения (таблица 1).

Таблица 1. Распространение пищевого поведения у взрослых с различным темпераментом
Table 1. Distribution of eating behavior in adults with different temperaments

Тип темперамента	Всего		Виды нарушения пищевого поведения					
			Ограничительный		Эмоциональный		Экстернальный	
	Человек	%	Человек	% [95 % ДИ]*	Человек	% [95 % ДИ]*	Человек	% [95 % ДИ]*
Меланхолик	50	100	16	32,0 [19,5–46,7]	19	38,0 [24,7–52,8]	30	60,0 [45,2–73,6]
Флегматик	43	100	20	46,5 [31,2–62,3]	20	46,5 [31,2–62,3]	26	60,5 [44,4–75,0]
Сангвиник	30	100	10	33,3 [17,3–52,8]	13	43,3 [25,5–62,6]	21	70,0 [50,6–85,3]
Холерик	27	100	12	44,4 [25,5–64,7]	13	48,1 [28,7–68,1]	16	59,3 [38,8–46,7]

Прим.: * – указан доверительный интервал.

Безусловно, такая психологическая характеристика личности, как темперамент, с учетом лежащих в его основе генетически детерминированных свойств нервных процессов могла бы иметь взаимосвязь с определенным типом нарушения пищевого поведения (например, у холериков развитие экстернального типа пищевого поведения, а у меланхоликов – преобладание эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения). Предрасположенность респондентов с определенным типом темперамента к одному из видов нарушения пищевого поведения выявлена не была, т. е. темперамент не влиял на формирование определенного типа нарушений пищевого поведения.

Учитывая, что взаимосвязь темперамента и пищевого поведения может проявляться не на всей популяции в целом, а только в отдельной её когорте, была про-

нализирована зависимость темперамента и пищевого поведения с учетом гендерных и возрастных различий.

Среди мужчин независимо от типа темперамента чаще наблюдались экстернальный и эмоциогенный типы нарушения пищевого поведения. Исключение составили мужчины-меланхолики, у которых второе место по частоте составил ограничительный тип пищевого поведения.

Среди респондентов-женщин чаще всего также наблюдался экстернальный тип нарушений пищевого поведения. Однако, у женщин флегматиков, сангвиников и холериков вторым по частоте был эмоциогенный тип нарушения пищевого поведения, а у женщин-меланхоликов – ограничительный тип нарушений пищевого поведения (таблица 2).

Таблица 2. Распределение частоты нарушений пищевого поведения среди мужчин и женщин с определенным типом темперамента

Table 2. Distribution of the frequency of eating disorders among men and women with a certain type of temperament

Тип темперамента	Всего	Из них имеют вид нарушения пищевого поведения					
		Ограничительный		Эмоциогенный		Экстернальный	
	абс.	абс.	% [95 % ДИ]*	абс.	% [95 % ДИ]*	абс.	% [95 % ДИ]*
Мужчины (n=56)							
Меланхолик	10	6	60,0 [26,2–87,8]	3	30,0 [6,7–65,2]	7	70,0 [34,8–93,3]
Флегматик	15	5	33,3 [11,8–61,6]	6	40,0 [16,3–67,7]	10	66,7 [38,4–88,2]
Сангвиник	14	3	21,4 [4,70–50,8]	8	57,1 [28,9–82,3]	12	85,7 [57,2–98,2]
Холерик	17	7	41,2 [18,4–67,1]	9	52,9 [27,8–77,0]	11	64,7 [38,3–85,8]
Женщины (n=94)							
Меланхолик	40	10	25,0 [12,7–41,2]	16	40,0 [24,9–56,7]	23	57,5 [40,9–73,0]
Флегматик	28	15	53,6 [33,9–72,5]	14	50,0 [30,6–69,4]	16	57,1 [37,2–75,5]
Сангвиник	16	7	43,8 [19,8–70,1]	5	31,3 [11,0–58,7]	9	56,3 [29,9–80,2]
Холерик	10	5	50,0 [18,7–81,3]	4	40,0 [12,2–73,8]	5	50,0 [18,7–81,3]

Прим.: * – указан доверительный интервал.

При сравнении частоты пищевых нарушений в зависимости от пола в рамках одного типа темперамента выяснено, что мужчины-меланхолики более склонны к нарушениям ограничительного типа, чем меланхолики-женщины (60,0 % [26,2–87,8] и 25,0 % [12,7–41,2] соответственно, $\chi^2=4,50$, $p=0,034$).

Установлено, что женщины-меланхолики менее предрасположены к нарушениям пищевого поведения ограничительного типа, чем женщины другого темперамента (25,0 % [12,7–42,2] и 50,0 % [36,1–63,9] соответственно, $\chi^2=6,02$, $p=0,049$).

Таким образом, гендерные особенности имеют большее значение для людей с меланхолическим темпераментом: женщины-меланхолики чаще имеют риск формирования эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, а мужчины-меланхолики – ограничительного типа нарушения пищевого поведения. Для других типов темперамента учет гендерных различий как фактора, влияющего на пищевое поведение, не целесообразен.

С целью изучения взаимосвязи темперамента и нарушений пищевого поведения с учетом возраста все респонденты были разделены на 4 возрастные группы [7]: до 29 лет включительно – 1 группа, 30–39 лет включительно – 2 группа, 40–49 лет включительно – 3 группа, 50 лет и старше – 4 группа (таблица 3). Среди всех респондентов в возрасте до 30 лет чаще встречал-

ся эмоциогенный и экстернальный типы нарушений пищевого поведения. Среди респондентов старше 30 лет – эмоциогенный тип ПП, однако в возрасте 30–39 лет он преобладал у флегматиков и холериков, а в период 40–49 лет – у меланхоликов, сангвиников и холериков, в возрасте старше 50 лет – у меланхоликов и сангвиников.

При сравнительной оценке частоты нарушений пищевого поведения среди респондентов в зависимости от их возраста в рамках одного типа темперамента было установлено, что для меланхоликов выявлена взаимосвязь между возрастом и предрасположенностью к эмоциогенному типу нарушения пищевого поведения. Меланхолики в возрасте до 29 лет были менее склонны к эмоциогенному типу нарушений пищевого поведения по сравнению с меланхоликами более старшего возраста (7,7 % и 48,6 % соответственно, $p=0,009$). В возрасте 30–39 лет, напротив, доля респондентов с эмоциогенным типом нарушения пищевого поведения среди меланхоликов статистически значимо выше, чем в другом возрасте (87,5 % и 28,6 %, $p=0,003$).

Флегматики в возрасте 50 лет и старше менее склонны к формированию эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, чем флегматики более молодого возраста (18,2 % и 56,3 % соответственно, $\chi^2=4,69$, $p=0,030$).

Таблица 3. Распределение доли респондентов с указанным типом нарушений пищевого поведения среди всех респондентов определённого возраста и темперамента

Table 3. Distribution of the proportion of respondents with the indicated type of eating disorders among all respondents of a certain age and temperament

Тип темперамента	Всего	Из них имеют вид нарушения пищевого поведения					
		Ограничительный		Эмоциогенный		Экстернальный	
	абс.	абс.	% [95 % ДИ]*	абс.	% [95 % ДИ]*	абс.	% [95 % ДИ]*
1 группа – до 29 лет включительно							
Меланхолик	13	2	15,4 % [1,9–45,4]	1	7,7 % [0,2–36]	8	61,5 % [31,6–86,1]
Флегматик	10	4	40 % [12,2–73,8]	3	30 % [6,7–65,2]	8	80 % [44,4–97,5]
Сангвиник	14	2	14,3 % [1,8–42,8]	9	64,3 % [35,1–87,2]	10	71,4 % [41,9–91,6]
Холерик	9	2	22,2 % [2,8–60]	8	88,9 % [51,8–99,7]	8	88,9 % [51,8–99,7]
2 группа – 30–39 лет включительно							
Меланхолик	8	3	37,5 % [8,5–75,5]	7	87,5 % [47,3–99,7]	3	37,5 % [8,5–75,5]
Флегматик	10	6	60 % [26,2–87,8]	7	70 % [34,8–93,3]	7	70 % [34,8–93,3]
Сангвиник	2	1	50 % [1,3–98,7]	0	0	1	50 % [1,3–98,7]
Холерик	6	3	50 % [11,8–88,2]	3	50 % [11,8–88,2]	4	66,7 % [22,3–95,7]
3 группа – 40–49 лет включительно							
Меланхолик	13	5	38,5 % [13,9–68,4]	7	53,8 % [25,1–80,8]	9	69,2 % [38,6–90,9]
Флегматик	12	5	41,7 % [15,2–72,3]	8	66,7 % [34,9–90,1]	7	58,3 % [27,7–84,8]
Сангвиник	7	4	57,1 % [18,4–90,1]	2	28,6 % [3,7–71]	5	71,4 % [29–96,3]
Холерик	5	2	40 % [5,3–85,3]	2	40 % [5,3–85,3]	4	80 % [28,4–99,5]
4 группа – 50 лет и старше							
Меланхолик	16	6	37,5 % [15,2–64,6]	4	25 % [7,3–52,4]	10	62,5 % [35,4–84,8]
Флегматик	11	5	45,5 % [16,7–76,6]	2	18,2 % [2,3–51,8]	4	36,4 % [10,9–69,2]
Сангвиник	7	3	42,9 % [9,9–81,6]	2	28,6 % [3,7–71]	5	71,4 % [29–96,3]
Холерик	7	5	71,4 % [29–96,3]	0	0	0	0

Прим.: * – указан доверительный интервал.

Сангвиники в возрасте до 29 лет более склонны к развитию эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, чем сангвиники старших возрастных групп (64,3 % и 25,0 % соответственно, $\chi^2=4,76$, $p=0,029$).

Холерики в возрасте до 29 лет более склонны к нарушениям пищевого поведения эмоционального

и экстернального типа, по сравнению с холериками старших возрастных групп (88,9 % и 27,8 %, $p=0,004$ для эмоциогенного типа нарушения пищевого поведения, 88,9 % и 44,4 %, $p=0,042$ для экстернального типа нарушения пищевого поведения). В возрасте 50 лет и старше, напротив, холерики менее склонны

к нарушениям пищевого поведения эмоциогенного типа, по сравнению с холериками более молодого возраста (0 % и 65 %, $p=0,006$ для эмоциогенного типа пищевого поведения; 0 % и 80 %, $p<0,001$ для экстернального типа нарушения пищевого поведения).

Таким образом, в формировании нарушений пищевого поведения статистически значимым фактором для представителей всех типов темперамента является возраст. Наиболее распространенным типом нарушения пищевого поведения, взаимосвязанного с возрастом человека, установлен эмоциогенный тип. Этот вид пищевого поведения встречается у представителей всех типов темперамента, но в разные периоды онтогенеза. У представителей сангвинического и холерического типов темперамента эмоциогенное пищевое поведение достоверно чаще встречается в молодом возрасте –

до 29 лет. Среди респондентов с меланхолическим темпераментом эмоциогенное пищевое поведение регистрируется в среднем возрастном периоде – от 30 лет и старше. У представителей флегматического темперамента эмоциогенное пищевое поведение чаще встречается в зрелом возрасте – с 50 лет и старше. Экстернальный тип пищевого поведения наиболее характерен для холериков в возрасте до 29 лет.

Результаты проведенного исследования показали, что, являясь одним из важнейших среди всего многообразия факторов формирования пищевого поведения, описанных в литературных источниках [4; 8; 12], темперамент как психологическая и психофизиологическая характеристика с учетом возрастных и гендерных особенностей детерминирует нарушения пищевого поведения.

Литература

1. Вознесенская Т. Г. Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция // Ожирение и метаболизм. 2004. № 2. С. 2–6.
2. Вознесенская Т. Г. Причины неэффективности лечения ожирения и способы ее преодоления // Проблемы эндокринологии. 2006. Т. 52. № 6. С. 51–54.
3. Лобыкина Е. Н., Хвостова О. И., Проскурякова Л. А., Рузаев Ю. В. Методология профилактики избыточной массы тела и ожирения на современном этапе // Профилактическая медицина. 2008. Т. 11. № 2. С. 18–23.
4. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 319 с.
5. Ковалева А. В. Нейрофизиология, физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 365 с. Режим доступа: <https://biblio-online.ru/viewer/6486EE1F-52D6-4246-82A1-82B53AB60D02> (дата обращения: 27.10.2017).
6. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Психологическое исследование. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
7. Хухлаева О. В., Зыков Е. В., Бубнова Г. В. Психология развития и возрастная психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 367 с. Режим доступа: <https://www.biblio-online.ru/viewer/E815976A-54CE-4F5B-BF26-22ADA2CBF425> (дата обращения: 27.10.2017).
8. Бороздина Г. В. Основы психологии и педагогики: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 2016. 415 с.
9. Van Strein T. The Dutch eating behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional and external eating behavior. Режим доступа: [http://dx.doi.org/10.1002/1098-108X\(198602\)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T](http://dx.doi.org/10.1002/1098-108X(198602)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T) (дата обращения: 27.10.2017).
10. Глуханюк Н. С., Щипанова Д. Е. Психодиагностика: учебное пособие для вузов. Москва: Академия, 2011. 240 с.
11. The Eating Disorders. Ed. A. James Giannini, Andrew E. Slaby. Springer-Verlag New York Inc. 1993. 283 p.
12. Stunkard A. J. Obesity // American Psychiatric Association Annual Review. Eds. R. E. Yales, A. I. Fransis. Washington. DC. American Psychiatric Press. Inc. 1985. Vol. 4. P. 419–442.

TEMPERAMENT AS A PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL DETERMINANT OF EATING BEHAVIOR

Larisa A. Proskuryakova^{1, @1}, Elena N. Lobykina^{2, @2}

¹ Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, Russia, 654041

² Novokuznetsk State Institute for Further Training of Physicians – Branch Campus of the Russian Medical Academy of Continuous Professional Education of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 5, Stroitelei Ave., Novokuznetsk, Russia, 654005

@1 lora-al@yandex.ru

@2 kafopp@mail.ru

Received 29.10.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: eating behavior, external, emotional, restrictive, temperament, psychological and psychophysiological determinant.

Abstract: In the article, temperament is considered as a psychological and psychophysiological determinant of eating disorders. The results of the relationship between the temperament type and eating behavior in the adult population (150 people) are presented according to gender and age characteristics. Only 12 % of respondents have a rational type of eating behavior. The sample was 33.3 % of respondents with melancholic temperament, 28.7 % – phlegmatic, 20 % sanguine and 18 % choleric, respectively. It is established that women-melancholics are more likely to develop an emotiogenic type of eating disorders, and men-melancholics are of a restrictive type. Emotiogenic type of eating behavior occurs in representatives of all types of temperament, but in different periods of ontogenesis: sanguine and choleric patients under 29 years old; melancholics at the age of 30 and older; phlegmatics since 50 years of age, respectively. The external type of eating behavior is most characteristic for choleric persons under the age of 29. The results showed that temperament is indeed a factor in eating disorders and depends on age and gender characteristics.

For citation: Proskuryakova L. A., Lobykina E. N. Temperament kak psikhologicheskaya i psikhofiziologicheskaya determinanta pishchevogo povedeniya [Temperament as a Psychological and Psychophysiological Determinant of Eating Behavior]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 153–159. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-153-159.

References

1. Voznesenskaia T. G. Rasstroistva pishchevogo povedeniya pri ozhirenii i ikh korrektsiia [Eating disorders in obesity and their correction]. *Ozhirenie i metabolizm = Obesity and Metabolism*, no. 2 (2004): 2–6.
2. Voznesenskaia T. G. Prichiny neeffektivnosti lecheniya ozhireniya i sposoby ee preodoleniya [The causes of ineffective treatment of obesity and ways to overcome it]. *Problemy endokrinologii = Problems of endocrinology*, 52, no. 6. (2006): 51–54.
3. Lobykina E. N., Khvostova O. I., Proskuriakova L. A., Ruzaev Iu. V. Metodologiya profilaktiki izbytochnoi massy tela i ozhireniya na sovremennom etape [Methodology of preventing overweight and obesity at the present stage]. *Profilakticheskaya meditsina = Profilakticheskaya medicina*, 11, no. 2. (2008): 18–23.
4. Teplov B. M. *Problemy individual'nykh razlichii* [Problems of individual differences]. Moscow: Izdvo APN RSFSR, 1961, 319.
5. Kovaleva A. V. *Neirofiziologiya, fiziologiya vysshei nervnoi deiatel'nosti i sensorykh system* [Neurophysiology, physiology of higher nervous activity and sensory systems]. Moscow: Iurait, 2018, 365. Available at: <https://biblio-online.ru/viewer/6486EE1F-52D6-4246-82A1-82B53AB60D02> (accessed 27.10.2017).
6. Bozhovich L. I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. Psikhologicheskoe issledovanie* [Personality and its formation in childhood. Psychological research]. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 464.
7. Khukhlaeva O. V., Zykov E. V., Bubnova G. V. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology and Developmental Psychology]. Moscow: Iurait, 2018, 367. Available at: <https://www.biblio-online.ru/viewer/E815976A-54CE-4F5B-BF26-22ADA2CBF425> (accessed 27.10.2017).
8. Borozdina G. V. *Osnovy psikhologii i pedagogiki* [Fundamentals of Psychology and Pedagogy]. Minsk: Vysshaia shkola, 2016, 415.
9. Van Strein T. *The Dutch eating behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional and external eating behavior*. Available at: [http://dx.doi.org/10.1002/1098-108X\(198602\)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T](http://dx.doi.org/10.1002/1098-108X(198602)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T) (accessed 27.10.2017).
10. Glukhaniuk N. S. *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosics]. Moscow: Akademiya, 2011, 240.
11. *The Eating Disorders*. Ed. A. James Giannini, Andrew E. Slaby. Springer-Verlag New York Inc., 1993, 283.
12. Stunkard A. J. Obesity. *American Psychiatric Association Annual Review*. Eds. Yales R. E., Fransis A. I. Washington. D. C.: American Psychiatric Press. Inc., vol. 4 (1985): 419–442.

УДК 81'373

**БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ ЦВЕТА ПРИ ОПИСАНИИ ЧЕЛОВЕКА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ
В СРАВНЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ**

Майя Д. Абжапарова¹.@

¹ Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, 630090, Россия,
г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
@maiya7_7_787@mail.ru

Поступила в редакцию 14.11.2017. Принята к печати 16.03.2018.

Ключевые слова:

языковая картина мира, цвет, ахроматический цвет, цветовосприятие, цветообозначение, цветовое поле, фразеологизмы, человек.

Аннотация: В рамках данной статьи рассмотрена проблема цветовосприятия в языковой картине мира при описании человека с цветовой палитрой «черное и белое» с точки зрения трех языков – казахского, английского и русского, а также связанные с этими цветами фразеологизмы.

Цвет является одним из принципов культуры, многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета, в частности, при описании человека можно выделить ряд общих ассоциативных цветовых полей, в которых много эквивалентных и отличающихся друг от друга реакций. На базе фразеологических словарей казахского, английского и русского языков, произведений художественной литературы показано, что цветообозначения *ақ – белый – white, қара – черный – black*, отличаются своей универсальностью при описании внешности, характера и социального статуса человека.

Предмет: цветовосприятие в языковой картине мира носителей трех языков: русского, казахского и английского.

Цель работы: выявить общие и дифференциальные проявления белого и черного цвета в разных лингвокультурах через функционирование лексем *ақ – белый – white, қара – черный – black* во фразеологизмах.

Метод исследования: семантический и коммуникативный анализ.

И в казахском, и в русском, и в английском языках белый и черный цвета, характеризующая человека, имеют широкую сферу применения. Их относительно высокая продуктивность свидетельствуют о том, что данные цветообозначения входят в группу лексем с высоким потенциалом фразеологической активности. И в быту, и в литературном языке активно употребляются эти цвета при описании человека с помощью цветовых контрастов.

Материал исследования: в работе рассматриваются фразеологизмы с элементами цветообозначения белый, черный, красный из устного творчества и материалов художественных произведений классиков казахской литературы, а также произведений русских и английских писателей.

Для цитирования: Абжапарова М. Д. Белый и черный цвета при описании человека в казахском языке в сравнении с английским и русским языками // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 160–167. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-160-167.

Цвет – это межуровневая семантическая категория, которая насыщена в языке образными ассоциациями и смыслами. По мнению Н. Н. Амосовой, «цвета играют большую роль в формировании языковой картины мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [1, с. 74].

Предмет исследования: цветовосприятие *белого* и *черного* ахроматических цветов в описании человека в языковой картине мира носителей трех языков: русского, казахского и английского.

В работе рассматриваются фразеологизмы с элементами цветообозначения *белый, черный* из устного творчества и материалов художественных произведений классиков казахской литературы, а также произведений русских и английских писателей.

Фразеологизмы – это крылатые слова и выражения, которые воспринимаются нами как естественный элемент речи, идущий от народа, из глубины веков. Фразеологизмы придают окраску выражению, чтобы усилить его смысл [2, с. 12].

Данный выбор цветов обусловлен тем, что именно *белый* и *черный* считают основными цветами, рань-

ше всех появившимися в человеческой культуре, как свет и тьма. У каждого народа свои цветовые ассоциации, поэтому рассмотрим употребление двух ароматических цветов белый и черный на примере казахского языка в сравнении с английским и русским языками и связанные с ними ассоциативные поля.

Новизна исследования заключается в том, что через белый и черный цвет выявляются особенности именования соматизмов в разных культурах, должностного положения людей и т. п.

В общем соматическая фразеология представлена фразеологическими единицами, в состав которых входит компонент, обозначающий часть тела или орган человека [3, с. 6]. На сегодняшний день соматическая лексика находится в постоянном развитии и активно используется, в том числе и во фразеологии, и является ярчайшим отражением языковой картины мира народа, его менталитета, особенностей языка, культуры и быта [4, с. 21].

Особенностью цветовой номинации в казахском, русском и английском языках является то, что цветообозначения *ақ – белый – white, қара – черный – black* отличаются своей универсальностью при описании внешности, характера и социального статуса человека. Сравнительно большое количество фразеологизмов с белым и черным цветом, связанных с описанием человека, их относительно высокая продуктивность свидетельствуют о том, что данные цветообозначения входят в группу лексем с высоким потенциалом фразеологической активности.

Рассмотрим фразеологизмы с описанием внешности человека, в которых используются белый и черный ароматические цвета, то есть рассмотрим конкретное описание человеческого лица, рук, глаз и т. д.

1. Лицо. В казахском языке описание лица чаще всего ассоциируется с белым цветом: *ақ дидар* (белый лик), *ақшыл өңді* (светлый облик), *ақ маңдай* (белый лоб), *аққұба* (светлолицый) [5]. В русском языке: *бела как лебедь, матово-белый цвет лица, белоликая девица, белый цвет лица* [6]. В английском языке: *white complexion* (белый цвет лица), *whiter than white* (белее белого – о лице) [7].

Данные словосочетания функционируют в рассматриваемых языках при описании человеческого лица независимо от пола и возраста, и с ними ассоциируются такие положительные коннотации, как «красивый», «светлый», «видный», «матовый», «яркий»: *Мен екінші сыныпқа көшкен кезде бізге басқа ауылдан аққұба өңді, жұқа сары шашты, бетінің аздап секпілі бар, жұмсақ мінезді Мұқан аға Мағауин мұғалім болып келгені...* – Когда я перешел во второй класс, к нам привели старшего учителя из другого села, светлолицего, покрытого веснушками, с тонкими желтыми волосами (Шайкенов Б. Көктем, бет. 45); *Ақ маңдай қызы қазақтың әнін тегін жүктеу* – Белоликая девушка пела казахскую песню (Муканов С. Алтын астық, бет. 72); *Красивое белое лицо её было спокойно, и только в глазах время от времени пробежали искорки голубого света* (Аверченко А. Т. Сорные травы, с. 63); *Хозяина*

не было; встретила их жена, родная сестра Платонова, белокурая, белоликая, с прямо русским выражением, так же красавица, но так же полусонная, как он (Гоголь Н. Мертвые души, с. 135); *A pearly smile, healthy, light white complexion, silky skin...* – Прекрасная улыбка, здоровый белый цвет лица, кожа на ощупь, чисто шелк (Rose Ch. Labyrinths, p. 132).

Белый цвет лица в рассматриваемых языках можно встретить и при описании нездорового состояния человека, болезней. При этом в казахском языке употребляется синоним *боз / бледный*, в русском языке можно встретить и синонимы, и прямое указание на цвет кожи, в английском языке – это только прямое указание на цвет кожи: *Ол боз оянды, ауқымдармен көздердің астында, қарамастан және оған болоғаш, бұл дейін кездердің мында болады* – Он просыпался бледный, с кругами под глазами, и ему было странно, что он до сих пор находится здесь (Муканов С. Алтын астық», бет. 92); *И сам он, говорят, был страшен, смертельно бледный, с траурной каймой бороды, с белым, почти прозрачным, лицом, властный и непреклонный в своей странной, никому не нужной, джигитовке* (Искандер Ф. Дерево детства, с. 33); *And as he spoke, like the flush creeping along the underside of a cloud at sunrise, the colour came back to her white face and her eyes grew bright and she sat up and said, «Why, I do declare I feel that better»* – И как только он сказал это, краски, как румянец, покрывающий облако на рассвете, вернулись на ее бледное лицо, глаза засверкали ярче, она села и сказала: «Я заявляю, что чувствую себя куда лучше» (Lewis C. S. Alice's Adventures in Wonderland, p. 102).

Черный цвет в описании лица ассоциируется с болезнями, злым состоянием человека, горем у казахов и русских: *қара бет* (черное лицо) в значении опозорившийся, совершивший нехороший поступок; почерневшее от ярости (лицо): *Қара бет болып қашқаннан, Қайрат көрсетіп өлген артық* – Опозоренный Кайрат показал много лишнего (Нурпеисов А. Ер жігіттің бойында болуы тиіс қасиеттер, бет. 47); *Его черное лицо посерело, в глазах появился смертельный ужас* (Булгаков М. Белая гвардия, с. 242). В английском языке черный цвет в описании лица больше используется именно как конкретное описание облика человека: *an equally dark complexion* (одинаково темный цвет лица): *«How did he look?» – asked Miss Dandy. – «He had a dark complexion, and wore a mustache. «It is he»* – А какой из себя? – спросила Хорошавка. – Черноватый, с усами. – Должно, он (Толстой Л. Воскресение, с. 94).

В казахском, русском и английском языках практически одинаково употребляются белый и черный цвета в описании лица человека. Но здесь важно отметить, что в казахском языке белый цвет в описании лица человека определяет не саму внешность человека, а такие положительные коннотации, как «красивый», «светлый», «видный», «матовый», «яркий», «прекрасный». Черный цвет в описании лица у казахов ассоциируется с болезнями, злым состоянием человека. В русском языке одинаково встречаются как коннотации, так и конкретные описания лица с ис-

пользованием *белого* и *черного* цветов. В английском языке *черный* и *белый* цвета используются при определенной конструкции «*complexion*», непосредственно прямых слов, относящихся к лицу, нами не было найдено, они относятся больше к облику человека.

2. Глаза. В сознании человека именно глаза напрямую связаны с внутренним миром человека, его мыслями, чувствами, душой. Наиболее часто описываются глаза при помощи оттеночных цветов, но *черный* и *белый* цвета тоже нередко присутствуют при описании глаз.

В книге Каната Тасибекова «Ситуативный казахский» есть такие фразеологизмы, как *көзге ақ түсу*, *ақ қалу* (досл. *появление бельма на глазу* в значении «не попадаться на глаза»), *көздің ағы* (белки глаз). В подобных значениях слово *ақ* имеет эксплицитную форму выражения (то есть это означает уточнение понятий с помощью словесного выражения) и, соответственно, не передает выразительность и яркое проявление эмоций; а вот словосочетание *ақ көз* функционирует в переносном значении и определяет человеческий характер [8, с. 69]. Им передается следующий ассоциативный образ: «бесстрашный», «безрассудный», «чересчур смелый», «безоглядный»: *Ол қызды екінші қайтара айттыратын, кісі шықса – не ақ көзер, не есуас, бөтен, аралық бағажоқ – Он опять сватал девочку во второй раз. Что это, как не безрассудность* (Нажімеденов Ж. Кішкентай, бет. 51).

В русском и английском языках описание глаз в сочетании с прилагательным *белый* (*белые глаза*) / *white eye* имеет значение «безумие» и нередко встречается в художественной литературе: *Его опустошенные белые глаза ничего не видели* (Ильчевский А. Пловец, с. 42). *The horrified whisper began again, and Hathi's watchful little white eye cocked itself in Shere Khan's direction* – Снова поднялся шепот ужаса, и маленькие, безумные глаза Хати устремились на Шер Хана (Харрис Т. Black resurrection, p. 39).

Черный цвет при характеристике глаз человека является самым употребляемым как в казахском языке, так и в русском. Это связано с национальными особенностями внешности человека.

Выражение *көздің ағы мен қарасындай* (букв. как белок и зрачок глаз) передает следующие значения: «самый дорогой, бесценный, единственный» – обычно им определяют своих детей. Ср.: *Көздің ағы мен қарасындай көру, қорғау – Беречь как зеницу ока.*

В русском языке выявлено достаточное количество лексем, характеризующих женщину по глазам, бровям: *черноглазка, черноокая, стальной цвет глаз; чернобровка. Черные / темные* волосы и *черные / карие* глаза не составляют эталона русской красоты, но они также могут положительно охарактеризовываться в русской культуре, поскольку указанные атрибуты внешности выступают знаками «экзотического мира», символизируя Восток, страсть, знойный темперамент. Основанием подобной оценки являются сложившиеся в русской культуре представления о жителях Востока как о людях, которым свойственна страстность и пылкость чувств. Поэтому описание

женщин с темным цветом волос и глаз, к примеру, часто в русском языке сопровождается метафорическим языком «огня», например: *жгучая брюнетка; очи карие, очи жгучие.*

В английском языке *черный* цвет при описании глаз может обозначать и отрицательную символику: *black eye* – подбитый глаз; синяк под глазом.

В русском языке *черный* цвет глаз нередко означает зло, коварство, зависть, подлость: *черный глаз* – недобрый, дурной, завистливый взгляд; глаза, наводящие взглядом порчу. В английском языке тоже есть подобные ассоциации: *to give someone a black look* – бросить на кого-либо черный взгляд, посмотреть на кого-либо со злостью.

И в казахском, и в русском языках *черный* цвет при характеристике глаз человека является самым употребляемым из всех цветовых оттенков. Это связано с национальными особенностями внешности человека. *Белый* цвет также используется при описании глаз человека в казахском, русском и английском языках. Но его использование чаще всего связано с такими коннотациями, как «страх», «безумие», «тревога» [9, с. 37]. Слова *белый* и *черный* в выражениях, фразеологизмах в трех анализируемых языках при описании глаз в большинстве случаев придают емкость, возвышенную эмоциональность речи.

3. Волосы, борода. Нередко с помощью *белого* и *черного* цветов описываются волосы в казахском, английском и русском языках. Если для описания волос в английском языке чаще всего применяется термин *золотые кудри*, связанный с фольклором, в русском языке преимущество имеет русский цвет (русая коса, русский чуб), то в казахском языке таким цветом однозначно считается *черный*: *қанаты қарға* (крыло ворона / иссиня *черный*).

В казахском языке слово *ақ* в описании волос, бороды передает значение «седой» и в большинстве случаев указывает на пожилой возраст человека, например, *ақ шашты* (белые волосы), *ақ сақалды* (белобородый аксакал, почтенный человек), *ақ самайлы* (белоголовый представитель), *сақал-мұртын ақ шалған (кісі)* (белобородый старец). Следует отметить, что слово *ақсақал* у казахов всегда употребляется в значении «уважаемый», «почтенный», и оно до сих пор функционирует при обращении к соответствующим лицам [10, с. 63].

Полностью седые волосы у казахов чаще всего сравниваются со снегом, инеем и серебром, например, *қардай аппақ шаш* (как снег *белые* волосы), (белоснежные волосы), *қардай аппақ бас* (как снег белая голова), (белоснежная голова), *аппақ қыраудай самай* (белые как иней виски) (серебристые виски). Описание волос, бороды перечисленными определениями вызывают такие ассоциации, как «преклонный возраст», «старость». А также слово *қу* «лебедь» в сочетании с усилительным слогом *аппақ қудай шал* описывает полностью поседевшего старого человека: *белоснежные как лебедь волосы* и аналог в русском языке *седой как лунь*.

В переводческих трудах описания светлых волос, например, с русского: *русый, блондин, светловолосый* и т. д., передаются словами *ақ шашты, ақ сары шашты*, при этом сохраняются стилистические особенности языка-оригинала. Слово *ақ бурыл шаш* характеризует переходное состояние, изменение цвета волос от естественного к седым, и соответственно, оно определяет средний, немолодой возраст.

В казахском языке слова *ақ шаш – қара шаш, ақ сақал–қара сақал* являются цветовым семантическим переосмыслением противопоставленных понятий «старость-молодость». И слово *ақ* как определение старости имеет несколько негативное значение, а слово *қара*, наоборот, позитивное.

В русском языке *белый* цвет волос ассоциируется с седыми волосами, *совсем белые волосы* (о немолодом человеке), но седина может обозначаться и другими примерами: *грязно-серые волосы* (о старухе).

В английском языке цветообозначения, служащие для характеристики бороды, усов чаще всего имеют прямое значение: *silvery or grey, usually from age* – серебряный или серый, обычно из-за возраста. Здесь следует отметить, что в английском языке обычно употребляется только семантика «цвет волос»: *blonde, goldilocks, brunette, redhead*.

Черный цвет волос естествен для казахов, поэтому он не так часто встречается при описании внешности человека, а как бы само собой подразумевается. В русском языке, наоборот, он используется достаточно часто, фразеологизм *черные волосы* можно часто встретить в русской художественной литературе при описании внешности человека. Ср.: *жесткие чёрные волосы; курчавые чёрные волосы; но чёрные волосы уже поредели; волосы хотя и с проседью, но ещё чёрные-чёрные*.

И в казахском, и в русском, и в английском языках *черный* и *белый* цвета достаточно активно используются при описании волос и бороды человека. При этом *черный* цвет более естествен при описании данных частей тела человека. Он может иметь как прямое, так и метафорическое значение. *Белый* цвет в русском и английском языках нередко ассоциируется со значением «красивый» при описании внешности женщин. Но чаще всего и в казахском, и в русском, и в английском языках *белый* цвет употребляется в значении «седой» при описании волос и бороды человека.

4. Зубы. Белые зубы являются принадлежностью здоровых красивых молодых людей. В казахском, русском и английском языках красивые зубы сравниваются с жемчугом «жемчужные зубы», а иногда с рисом у казахов (*күріштей ақ тіс*): *Оразтай – бригадир, тісі күріштей ақ, өзі жылтыр қара – Оразтай – бригадир* – с белыми как рис, блестящими зубами (Орашбаев Т. М. Достық туы, бет. 71).

Белый цвет при описании зубов в казахском языке очень естествен: *ақ тіс* (белые зубы), *аппақ тістер* (белоснежные зубы), *меруерттей ақ тістер* (жемчужные зубы), *күріштей ақ тістер* (белые как рис зубы), (ослепительно белые зубы), *кіршіксіз ақ тістер* (чисто белые зубы). Здесь словами *ақ* и *аппақ*,

которые еще больше усиливают белизну зубов, ассоциируется известная коннотация: «красивый», «ослепительный». Для сравнения в русском: *необычайно белые и острые зубы; очень белые зубы – это красиво; жемчужная белизна зубов*.

Черный цвет в данном случае при описании человека хоть и редко, но встречается и казахском, и в русском, и в английском языках. Он употребляется в значении «бедность», «нищета» в трех анализируемых языках. Ср.: *қара (шірік) тістер / черные (гнилые) зубы / black (rotten) teeth*.

В казахском, русском и английском языках самым употребляемым из ахроматических цветов при описании зубов как части тела человека является *белый* цвет. Это касается и физиологического, и образного описания человека.

5. Шея, подбородок. В казахском языке слово *ақ* ассоциируется со значением «красивый». Так характеризуется шея молодой девушки, женщины: *ақ тамақ* (нежная шея), *аққу мойын* (лебединная белая шея), *ақ бұғақ* (белый подбородок), – такие фразеологизмы в основном функционируют в художественной речи.

В русском языке словосочетания *белая шея* и *белые щеки* нередко являются обязательным атрибутом при описании внешности женщины. Ср.: *бархатно-белая шея, изогнувшаяся белая шея, глядя на ее белые щеки*. Но часто встречается фразеологизм *бледные щеки* при описании болезни, страха. Фразеологизм *черная шея* иногда встречается при описании внешности мужчин в художественной литературе: *...черная шея в туго стянутом белом воротничке с ярко-желтым галстуком...* (Новиков-Прибой А. С. Две души, с. 44).

В английском языке словосочетание *white neck* не несет понятия красоты, чаще оно употребляется с символическим значением. Ср. *He has got a long white neck. He was very old and writer described his death...* – У него длинная белая шея. Он был очень стар, и писатель описал свою смерть.

В целом при описании таких частей тела человека, как лоб, щеки и шея в казахском, русском и английском языках, бесспорно, преобладает употребление *белого* цвета. Он ассоциируется чаще с такими понятиями, как «красота», «волнение», реже – «болезни». *Черный* цвет при описании данных частей тела можно встретить в основном лишь в казахском языке. Это связано и с физиологией, и с тем, что именно в казахском языке встречается больше метафорических сравнений.

6. Руки. С помощью белого цвета в казахском языке передаются значения «красивые руки (пальцы, локти)»: *ақ білек* (часть руки между локтем и запястьем), *ақ бармақ* (палец), *ақ саусақ* (палец). Слово *ақ білек* имеет также значение «сильная, твердая рука», например, *ақ білектің күшімен (благодаря силе руки)*.

Словосочетание *ақ саусақ* чаще употребляется в переносном значении и имеет отрицательную коннотацию. В этом значении оно полностью является адекватным русскому слову «белоручка», служит определением человека, который избегает физиче-

ской или вообще любой трудной, грубой работы. Слово *ақ бармақ* по своему значению является синонимом *ақ саусақ*, но по частоте своей употребляемости уступает ему. В русском языке также можно встретить подобные примеры. Ср.: *Белые ручки чужие труды любят* (посл.); *изящные белые руки, красивые белые руки, большие белые руки*.

Черный цвет при описании рук человека в анализируемых языках нередко ассоциируется с чем-то грязным как в буквальном смысле, так и переносном.

В английском, казахском, русском языках при описании рук и тела человека чаще всего употребляется белый цвет. Это прежде всего связано и с физиологией человека, и с расовой принадлежностью. Но белый цвет при описании такой части тела, как руки, может ассоциироваться со значением «красота» у девушек, «чистый», «честный» в переносном смысле. Соответственно черный цвет чаще всего при описании человека используются для передачи метафорических значений.

7. Характеристика человека, социальное положение, эмоции. В современном казахском языке для определения моральных качеств, характера человека функционируют следующие слова: *ақ бейіл /нейіл* (скупо / доброжелательный), *ақ көңіл* (добродушный, благородный, светлая душа), *ақ ниет* (белые намерения / добрые пожелания), *ақ жарқын* (светлый / сияющий), *ақ жүрек* (белое сердце / честный, добрый, душевный (о человеке)), *ақ көкірек* (белая душа / честный, добрый, душевный (о человеке)). Все перечисленные сочетания ассоциируют следующие коннотации: «добрый», «добродушный», «добронравный», «открытый», «честный», «верный», «дружественный».

В русском и английском языках белый цвет также ассоциируется со значением чистый: *чистый характер / pure character, чистая душа, чистые помыслы*.

В русском языке нередко, характеризуя человека, говорят о его душе. Например, душа как характеристика плохого человека: *иметь черную душу*.

Белый цвет в русском языке часто соотносится с духовностью, но встречается также и при передаче отрицательных эмоций. Так, в русском языке часто используется фразеологизм *довести до белого каления*, что дословно означает «очень сильно разозлить». В английском языке подобное эмоциональное и физическое состояние человека означает *to flow into a white rage* (излиться в белую ярость, прийти в состояние иступления, полной потери самообладания); *at a white heat* (до белой жары); *to drive to a white heat* (въехать в белую жару) – заставить терять терпение, вывести из себя, лишать кого-то самообладания, сильно разозлить.

В английском языке довольно часто встречаются выражения, описывающие эмоциональные состояния с помощью ахроматических цветов. Так, *белый* – это цвет мира, спокойствия, но у него есть и негативные значения: болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение: *to be / look white as sheet (ghost, death)* – очень сильно побледнеть, обычно от страха или волнения; *to be white-hot* – быть разъяренным, дове-

денным до белого каления; *white as death* – белый как смерть; *white as ashes* – белый как пепел; *white as fleece* – белый как руно, овечья шерсть. *Bloodless or pale, as from pain, emotion* – бескровный или бледный как следствие боли, эмоций. Все эти выражения означают в русском языке эмоции страха – смертельно бледный; побледневший.

Другой пример: *Black out* (досл. затемнение). Это выражение используется по отношению к человеку, который теряет сознание. *Black dog* – тоска зеленая, дурное настроение, уныние.

Все вышеназванные определения вызывают следующие экспрессивно-эмоциональные коннотации: *бледный, слабый, бесцветный, болезненный, слабый, хрупкий, усталый, скорбный, испуганный*.

Устойчивые сочетания с компонентом *черный* отпечатались в казахском и русском языках как исторические, уже устаревшие понятия и явления: *чернильная душа* – бюрократ, чиновник, формалист (человек уже очень давно не пользуется чернилами, но семантика фразеологизма указывает именно на эту характерную черту чиновников); *черная кость* – человек незнатного происхождения (тот, кто принадлежал к непривилегированному сословию), *черный народ* (крестьяне и ремесленники). В русском языке также много подобных примеров.

В казахском языке есть выражение: *Аузынан ақ ит кіріп, қара ит шықты* (букв. в рот вошла белая собака и вышла черная), которое характеризует сильную брань. В русском языке также можно встретить такие выражения, характеризующие неприязнь к человеку. Ср.: *Черных кобелей набело перемывать* (погов.); *Рубашка беленька, да душа черненька* (посл.).

В казахском, русском и английском языках при описании эмоций и характера человека *белый* и *черный* ахроматические цвета используются достаточно активно. Они чаще всего употребляются в метафорическом значении. Но, что интересно, ассоциация белого цвета при описании эмоций и характера человека различна, даже противоположна. Так, при описании эмоций *белый* цвет в казахском, русском и английском языках чаще всего выступает в значениях *бледный, слабый, бесцветный, болезненный, слабый, хрупкий, усталый, скорбный, испуганный*. А при описании характера – в значениях *добрый, открытый, честный, дружественный*.

Для английского языка вообще характерно традиционное соотнесение черного цвета с чем-то плохим, а белого – с хорошим. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным *black* имеют негативные коннотации, а прилагательное *white*, как правило, входит в состав номинативных групп, имеющих положительные оттенки значения.

Ср.: *white hot* – впечатляющий, волнующий; *to mark with a white stone* – отметить какой-либо день как особо счастливый; *white hope* – перспективный человек; *white lie* – ложь во благо; *white-haired / white-headed boy* – любимчик; *to be whiter than white* – быть предельно честным, нравственным; *lily-white reputation* – незапятнанная репутация; *white hands* – честность,

незапятнанность, невиновность; *white light* – в объективном освещении.

В истории слова отражаются и международные языковые контакты. В казахском языке, к примеру, слово *ақ* в этой функции является семантической калькой соответствующего прилагательного русского языка, а в русском, в свою очередь, с французского. «Белыми» назывались реакционные, католико-монархические силы. Так, в следующих словосочетаниях слово *ақ* употребляется в значении «контрреволюционный»: *ақтар* «белые», *ақ гвардия*, *ақ әскер*, *ақ банда*.

Слово *Ақ патша* в казахском языке, если первоначально означало «западный царь», то с течением времени получило новые осмысления, например, до революции в сознании народа оно ассоциировалось примерно так: «честный», «добрый», «благородный». А после революции эти ассоциации изменились и приобрели только противоположные значения.

Словом *Ақсүйек* (белая кость) до революции называли привилегированные сословия общества, богатых, знатных, старейшин рода. Слово *ақсүйек* также обозначает «старинную казахскую национальную игру» [11, с. 65].

Белый в английском языке – цвет благородства, знатности, величия, привилегированности. Поэтому и символы государственности включают этот цвет. Ср.: *White Rose* – эмблема Йоркского королевского дома; *Whitehall (Palace)* – резиденция британского правительства или само правительство; *Whitehall Street* – улица в Лондоне, где располагаются государственные учреждения.

В современности все вышеперечисленные слова, обозначающие определенный социальный слой общества, функционируют в основном при описании той эпохи, когда они существовали.

8. Одежда. Неотъемлемой частью портрета человека является и одежда. Через цветообозначение одежды человека прорисовывается его портрет, характеризуются его образ, чувства. Роль того или иного цвета для каждого этноса в определенной мере отражается в их языковом сознании.

Так, белое платье обычно и в английской, и в русской, и даже в казахской культурах носят юные девушки. Это символ невинности, свадебный наряд. Пышное белое платье обычно «выдает» невесту – это культурный знак бракосочетания.

С помощью ахроматических цветов в одежде можно передать различные оттенки чувств, которые надо показать в той или иной ситуации. Например, характеризуя платье как *a black dress* в контексте художественного произведения, можно понять, что черное платье обозначает платье черного цвета, *a white dress* – белое платье, определяет цвет платья как цвет снега, соли, оперения лебедя [12, с. 117].

В русском языке круг существительных, определяемых прилагательным *белый* применительно к одежде, широк и разнообразен. Здесь самую многочисленную группу составляют имена артефактов, среди которых частотными являются лексемы *платок* и *рубаша*, являющиеся наименованиями одежды

крестьян. К примеру, белое, как правило, надевалось жителями села в праздники или по особым торжественным случаям.

Белое и *черное* имеют символический смысл в погребальных и свадебных обрядах казахского, русского и английского народов. По казахскому обычаю, умершего человека обворачивают полностью белым полотном и, когда соблюдаются все ритуалы, при проходах в последний путь говорят: «*ақ арулап көмді*», «*ақ арулап жөнелтті (қойды)*», «*ақ жуып, арулап көмді (қойды)*», «*ақ орап қойды*» (букв. обернулся белым саваном). Все перечисленные выражения констатируют смерть. И в русской, и английской культурах черный цвет ассоциируется с трауром, поэтому черное платье может быть либо траурным, либо официальным вечерним нарядом. Если в художественном произведении появляется ребенок в черном, значит, в его семье кто-то умер, потому что черной одежды в обеих культурах дети не носят.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что в казахском, русском и английском языках белый и черный цвета, характеризующие человека, имеют широкую сферу применения. При этом при описании человека посредством черного и белого цветов средствами фразеологических единиц видны следующие отличия:

1) в русском и казахском языках количество цветковых понятий с черным и белым цветами намного больше, чем в английском языке;

2) в английском языке ахроматические цветообозначения передаются в составе сложных существительных, образованных сочетанием цветкового прилагательного с существительным – носителем данного признака.

В целом белый и черный цвета, относящиеся к описанию человека, имеют широкую сферу применения: и в быту, и в литературном языке активно употребляются эти цвета при описании человека с помощью цветковых контрастов.

Однако и у казахов, и у русских, и у англичан свои наиболее часто употребляемые фразеологизмы с использованием ахроматических цветов в описании соматических единиц. Это объясняется важностью той или иной части тела в процессе познания действительности, ведь каждый народ в силу различных причин воспринимает ее по-своему. Тем не менее, и это важно подчеркнуть, несмотря на своеобразие и уникальность культуры каждого народа, человеку присуще образное ассоциативное мышление, независимо от его принадлежности к тому или иному народу. И здесь соматические фразеологические единицы являются своего рода отражением исторического процесса познания действительности человеком, его оценки самого себя в окружающем мире.

Таким образом, соматизмы являются древнейшим пластом лексики, они активно участвуют в образовании фразеологических единиц. А высокая частотность использования ахроматических цветов в соматической лексике объясняется тем, что человеческое тело – это самый удобный «ориентир» в окружающей нас действительности, который дает возможность исследовать

взаимосвязь между языком и различными сферами жизни человека. Соматическая лексика находится в постоянном развитии и активно используется, в том чис-

ле и во фразеологии, и является ярчайшим отражением менталитета каждого народа, особенностей языка, культуры и быта.

Литература

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Либроком, 2015. 224 с.
2. Синицына Н. В. Соматические номинации в субстандартной фразеологии английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2013. 25 с.
3. Семьянова М. К. Соматическая лексика в рамках субстандартной фразеологии английского и русского языков // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.-практ. конф. (6 мая 2014). Новосибирск. № 5. С. 96–100.
4. Кудрина А. В., Мещеряков Б. Г. Семантика цвета в разных культурах // Дубна. 2011. № 1. С. 107–115.
5. Толковый казахско-русский словарь. Режим доступа: <https://sozdik.kz/ru/> (дата обращения: 11.10.2017).
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 11.10.2017).
7. Англо-русский толковый словарь. Режим доступа: <http://www.diclib.com/> (дата обращения: 12.10.2017).
8. Тасибеков К. Ситуативный казахский. Алматы: ИП Такеева, 2012. 196 с.
9. Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 113–123.
10. Танабаева А. М., Оразгалиева Ф. Ш. Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации. Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. 115 с.
11. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
12. The Pocket Oxford Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1996. 634 p.

COLOR NAMES "WHITE" AND "BLACK" IN DESCRIPTIONS OF PERSON IN THE KAZAKH LANGUAGE VS. ENGLISH AND RUSSIAN

Maya D. Abzhaparova¹.@

¹ Novosibirsk State National Research University, 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090
@maiya7_7_787@mail.ru

Received 14.11.2017. Accepted 16.03.2018.

Keywords: language worldview, color, color perception, color designation, achromatic color, phraseological units, individual.

Abstract: This article is dedicated to the problem of color perception in the language worldview in describing a person according to the «black and white» color palette in Kazakh, English and Russian; it also examines phraseological units that feature these colors.

Color is one of the principles of culture; many cultural phenomena cannot be understood without taking into account the importance of color. In particular, in descriptions of person one can distinguish a number of general associative color fields with similarities and differences. A study of phraseological dictionaries of the Kazakh, English and Russian languages, as well as works of fiction, has revealed that the color designation "ақ-белый-white" and "қара-черный-black" differ in their versatility in describing one's appearance, character and social status.

Subject: color perception in the language worldview of Russian, Kazakh and English speakers.

The purpose of the work: to identify common and differential manifestations of white and black in different linguocultures using lexemes "ақ – белый – white" and "қара – черный – black" in phraseological units.

Method of investigation: semantic and communicative analysis. In Kazakh, Russian, and English, white and black colors in description of person have a wide scope of application. Their frequency means that these color codes are part of a group of tokens with a high potential for phraseological activity. These colors are actively used both in everyday life and fiction when a person is described with the help of color contrasts.

Material of the research: the paper features phraseological units with the elements of color identification "white", "black" and "red" from verbal folklore and Kazakh literature classics, as well as works by Russian and English writers.

For citation: Abzhaparova M. D. Belyi i chernyi tsveta pri opisanií cheloveka v kazakhskom iazyke v sravnenii s angliiskim i russkim iazykami [Color names "White" and "Black" in Descriptions of Person in the Kazakh Language vs. English and Russian]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 160–167. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-160-167.

References

1. Amosova N. N. *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliiskogo iazyka* [Etymological foundations of the vocabulary of modern English]. Moscow: Librokom, 2015, 224.
2. Sinitsyna N. V. *Somaticheskie nominatsii v substandartnoi frazeologii angliiskogo i russkogo iazykov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Somatic nominations in the sub-standard phraseology of the English and Russian languages. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Pyatigorsk, 2013, 25.
3. Sem'ianova M. K. *Somaticheskaia leksika v ramkakh substandartnoi frazeologii angliiskogo i russkogo iazykov* [Somatic vocabulary within the framework of substandard phraseology of English and Russian languages]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletia. Gumanitarnye nauki: sb. st. po mat. XX mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. (6 maia 2014)* [Scientific community of students of the XXI century. The humanities: Proc. XX Stud. Sc.-Prac. Conf. (May 6, 2014)]. Novosibirsk, no. 5, 96–100.
4. Kudrina A. V., Meshcheriakov B. G. *Semantika tsveta v raznykh kul'turakh* [Color semantics in different cultures]. *Dubna*, no. 1 (2011): 107–115.
5. *Tolkovyi kazakhsko-russkii slovar'* [Explanatory Kazakh-Russian dictionary]. Available at: <https://sozdik.kz/en/> (accessed 11.10.2017).
6. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. Ed. Kuznetsov S. A. Saint-Petersburg: Norint, 1998. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 11.10.2017).
7. *Anglo-russkii tolkovyi slovar'* [English-Russian explanatory dictionary]. Available at: <http://www.diclib.com/> (accessed 12.10.2017).
8. Tasibekov K. *Situativnyi kazakhskii* [Situational Kazakh]. Almaty: IP Takeeva, 2012, 196.
9. Voevoda E. V. *Tsvetovospriatie i assotsiativnye polia v russkom i angliiskom iazykakh* [Color perception and associative fields in Russian and English languages]. *Nauchnyi Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia = Scientific Bulletin of the Voronezh State Architectural and Construction University. Series: Modern linguistic and methodological and didactic studies*, no. 18 (2012): 113–123.
10. Tanabaeva A. M., Orazgalieva F. Sh. *Leksika i frazeologiya kak istochnik etnokul'turnoi informatsii* [Vocabulary and phraseology as a source of ethno-cultural information]. Karaganda: Izd-vo KarGU, 2001, 115.
11. *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka: Syyshe 4 000 slovarnykh statei* [Phraseological Dictionary of the Russian language: Over 4 000 entries]. Comp. L. A. Voinova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov; ed. Molotkov A. I. Moscow: Russian language, 1986, 543.
12. *The Pocket Oxford Dictionary of Current English*. Oxford University Press, 1996, 634.

УДК 811.58

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОРФЕМНОГО СОСТАВА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА В ЦЕЛЯХ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Инга И. Акимова^{1, @}

¹ Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, 191123, Россия, 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22
@ kazyulkinatata@mail.ru

Поступила в редакцию 29.09.2017. Принята к печати 11.01.2018.

Ключевые слова:

аспектуальности категории, грамматический вид русского глагола, лингводидактика, обучение русскому языку как иностранному, объективная грамматика.

Аннотация: В статье рассмотрен ряд лингводидактических вопросов морфологии русского глагола. Работа выполнена с учетом «объективной грамматики» русского языка в рамках лингвистического направления функционально-коммуникативной грамматики (школа М. В. Всеволодовой).

Задача исследования – сопоставить морфемный состав русского глагола и значение «совершенный» vs. «несовершенный вид» глагола, разграничить собственно видовые корреляты и явление способов глагольного действия (характеризованные глаголы). Автор исходит из посыла о том, что четкое понимание аспектуальной картины позволяет проводить межъязыковое сопоставление и более эффективно обучать русскому языку носителей неславянских языков.

С факторами языковой относительности как со стороны содержания, так и со стороны средств выражения связана необходимость сопоставительного анализа лексико-грамматической категории глагольного вида, охватывающей категорию способов глагольного действия, и возможностей выражения аналогичных аспектуальных и лексических значений в китайском языке. Категория способов глагольного действия рассматривается в качестве средства выражения категории глагольной аспектуальности русского языка.

Функционально-коммуникативный подход позволяет создать лингводидактическое описание, релевантное для всей языковой системы (так называемую «объективную грамматику»), а сопоставительный метод способствует преодолению лингвистических барьеров учащегося-носителя аналитического языка.

Для цитирования: Акимова И. И. Представление морфемного состава глагольного слова в целях лингводидактики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 168–177. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-168-177.

1. Грамматический аспект языка имеет непосредственное отношение к языковой концептуализации и ментальности народа как способа миропонимания и его языкового выражения [1]. Глагольный вид – этноуникальная славянская категория (причем значения вида и способы их выражения не совпадают даже в родственных языках [2]). Не случайно, что максимальные трудности инофонов связаны с категорией глагольного вида [3–5]. Лексико-грамматический характер категории глагольного вида как важнейшего средства выражения универсально-языковой категории аспектуальности требует корректного лингводидактического представления русской категории глагольного вида. К сожалению, теоретическая лингвистика пока не в состоянии предложить лингводидактике непротиворечивую и полную картину русской аспектуальности [6–10], работающую на материале всего языка [11–13], а не только его литературной усеченной разновидности, хотя важные шаги сделаны [14–16].

Важной составной частью данной работы считаем поиск корреляций показателя в морфемном составе

русского глагольного слова и аспектуального значения форм совершенного и несовершенного вида глагола. Отметим три аспекта данной проблемы.

1. Как известно, универсальных показателей видового значения в русском языке нет, за исключением вспомогательного глагола «быть» в сложном будущем времени (будет [что делать]), который не меняет вид глагола, а лишь маркирует несовершенный вид [17].

2. В связи с многофункциональностью русских аффиксов у инофонов возникают формальные трудности при овладении видовыми значениями.

3. Кроме чисто видовых отношений, формы СВ глагола связаны с однокоренными формами НСВ как чистовидовыми, так и словообразовательными отношениями. Среди глагольных дериватов особо выделяются характеризованные глаголы, составляющие категорию способов глагольного действия [17; 18]. Суффикс -НУ-выражает значение однократности моментального действия: *шептАть* – *шепнУть*, *шагАть* – *шагнУть*, *кричАть* – *крикнУть*, и его следует считать способом образования характеризованных глаголов.

2. Далее покажем еще не учтенные методикой языковые явления в сфере морфологии глагола, формирующие внутриязыковую интерференцию [19; 20].

2.1. Морфологический состав русского глагольного слова и значение вида. Глагольные суффиксы многозначны, и это фактор внутриязыковой интерференции русского языка. Покажем три известных нам случая несовпадения глагольных формантов и указанных в учебниках и грамматиках значений вида.

2.1.1. Формы совершенного вида семантически предельного глагола – *решить, купить, простить, бросить* – по своему морфемному составу ничем не отличаются от форм НСВ глаголов: *тушить, варить, шить, строить, лечить, любить, стелить, гнить, смешишь* – **смешать, спешишь, громишь*, у которых этот же суффикс «И» не указывает на СВ. А глагольные формы одного и того же вида имеют различия в морфемной структуре, ср.: НСВ – *решать и опаздывать* и СВ – *решить и опоздать*, на что указано в [21, 506–508].

2.1.2. Глаголы, имеющие связанную основу, такие как *петь, шуметь* – несовершенного вида, а аналогичный по морфемной структуре глагол *дуть* (*куда дуть цветы? куда дуть книгу?*) и *лечь* – совершенного вида. Связанной некоторые лингвисты называют непроизводную основу, встречающуюся только в соединении со словообразовательными аффиксами или другой основой. Такова основа -бав- (она встречается только в составе производных основ: *добавить, надбавить*, др.), -верг- (*извергнуть, опровергнуть, отвергнуть, подвергнуть, свергнуть*), -вык- (*отвыкнуть, привыкнуть*) и другие.

2.1.3. Наконец, скажем о глаголах с -НУ-, называющих логически предельные процессы. Глаголы предельного действия имеют лексическую сему «постепенность» и поэтому результативны в каждый момент своего осуществления: *мокнуть – немного промокнуть, чахнуть – зачахнуть и подчахнуть*. Данные глаголы семантически не тождественны глаголам однократного (моментального) действия типа *толкнуть* (и *толкнуто*), *кинуть* (и *кидано*), *крикнуть*. Интенсивность же однократного действия (акта) выражается в глагольных дериватах *толкнуто, плясано, кидано*. К сожалению, об этих фактах объективной грамматики не упоминается ни в одной из грамматик для иностранцев.

2.2. Внутриглагольное словообразование как языковой барьер иностранных учащихся. Словообразовательные глагольные аффиксы так же, как и формообразующие, не имеют однозначного лексического и грамматического значения и в зависимости от лексического значения производящей основы дают разные варианты лексем.

2.2.1. К примеру, приставка «ЗА-» в слове *забыть* является частью корня, в слове *закрывать* это словообразовательная приставка (ср. *закрывать*), в слове *забить* (до смерти) «ЗА-» – «чисто видовая» приставка предельного глагола СВ со значением «результативное завершение»; *закашлять(ся)* – начинательный СГД, в слове *заехать* (за угол) приставка «ЗА-»

имеет пространственное значение. Глагол он загулял обозначает начало состояния, и это не то же самое, что начало действия *забегал* и *заходил по комнате*, аналогично *запил* (*начал пить алкоголь постоянно или часто, ушел в запой*); ср. другую лексему: *запить лекарство молоком*.

2.2.2. В морфемном составе многих глаголов русского языка содержится морфема -СЯ (постфикс), которая характеризуется многозначностью и потому способна выполнять как минимум одну из пяти функций. Лексико-семантические группы глаголов с -СЯ должны быть выявлены с учетом их управления. Перечислим группы глаголов, в составе которых морфема -СЯ получает разные значения.

1. Постфикс -СЯ является неотъемлемой частью производящей основы у целого ряда непереходных глаголов, так как: НСВ *бороться* – СВ *побороться*, НСВ *смеяться* – СВ соотносительный (непарный) глагол *засмеяться* (начинательный СГД), *улыбаться* – *заулыбаться*, а также относящиеся к СГД приставочно-суффиксальные дериваты: *надеяться* – *понадеяться*, *шляться* – *прошляться*, *гореть* – *загореться* (с оттенком начинательности) и др. С помощью -СЯ образованы новые слова: *волочиться* (= ухаживать за кем) от *волочить что куда*, *заниматься (спортом)* от *занимать кого чем*, наконец, *забиться* (*под кровать от страха*) образовано от слова «забить», которое имеет несколько лексико-семантических вариантов: *забить кого чем* (*каменьями = убить, уничтожить*) или *забить что чем* (*окно досками, дыру ватой = закрыть*) и *забить* (*раковину мусором = закупорить, засорить*). Ясно, что в случае *забиться* (кто, куда = скрыться, спрятаться) мотивирующая словообразовательная связь не лежит на поверхности: не ясно, от какого именно лексико-семантического варианта лексемы «забить» происходит словообразование, вероятнее всего, это значение «засорить».

2. Постфикс -СЯ образует возвратную форму переходных глаголов: *учить* – *учиться*; *сердить кого* – *сердиться самому*; *родить кого самому* – *родиться самому*; *двигать что* – *двигаться самому*; *чесать* (что кому: *чесать себе спину*) – *чесаться* (состояние: *что у кого* и действие: *Что ты все время чешешься?*); *умывать* – *умываться*; *удивлять* – *удивляться*; *стеснять кого* – *стесняться* (данные лексемы разошлись по значению), *терзать кого* – *терзаться чем*, *женить (сына)* – *жениться самому на ком*.

3. Постфикс -СЯ выражает взаимность действия в так называемых взаимно-возвратных глаголах: *целоваться, обниматься, встречаться, видаться, драться, плеваться* (*друг в друга*) и другие. Возможна замена глагола с -СЯ на сочетание глагола без -СЯ с сочетанием слов «друг друга». Данное словосочетание считаем возможным назвать возвратным местоимением: *плевать друг в друга, целовать друг друга, передразнивать друг друга* и *передразниваться* и т. п.

В данную лексико-семантическую группу входят также глаголы, которые не имеют постфикса -СЯ, но сочетаются с возвратным местоимени-

ем «друг друга» в падежных формах, которого нет в других славянских языках: любить друг друга, но не *любиться; ждать друг друга, но не *ждать-ся, жить друг с другом, но не *жить-ся, просить друг у друга (прощения), но не *просить-ся, так как эта форма уже занята в другом значении – *проситься куда* (гулять, в гости, на постой к кому). Глаголы этой группы с -СЯ и «друг друга», насколько нам известно, никем не выявлены, а для иностранца это важно.

4. Есть постфикс -СЯ, который вместе с приставкой образует СГД:

– начинательный: *забиться* (о пойманной на крючок или вытащенной из воды рыбе), перен. *забиться в истерику, задвигаться, задуматься, заботиться, замучаться, заругаться* (с оттенком внезапности, интенсивности) и др.;

– прерывисто-возвратный СГД: *переругиваться, переглядываться, перешептываться, перемигиваться, пересвистываться, переписываться* и др. Глаголы данного способа глагольного действия близки к взаимно-возвратным глаголам, но отличаются от них по лексической сочетаемости: их уже нельзя заменить на сочетание производящего глагола без -СЯ с возвратным местоимением «друг друга», ср.: *переругивать друг друга, однако они без труда присоединяют это местоимение: *переругиваться друг с другом, препираться друг с другом*;

– количественно-интенсивный: *засмотреться, задуматься, заспать, закашляться; разбушеваться, разгуляться* и др.

5. Есть постфикс -СЯ, который образует форму страдательного залога от переходных глаголов: *строить – строиться; воспитывать – воспитываться, тренировать – тренироваться, обучать кого – обучаться кем / у кого, читать – читаться (легко или с трудом), писать – писаться (легко или трудно, о книге, статье)*.

6. Есть постфикс -СЯ, образующий самостоятельные лексемы: таковы связки *являть СОБОЙ (что) – являться (чем)*, формирующие конверсив, но не имеющие отношения к залогу; разошлись по значению лексемы *заботить (что кого заботит) и заботиться (кто о чем заботится), считать что чем и считаться с кем / чем*.

Примечание. Обычно глаголы с -СЯ непереходны, но некоторые из них употребляются с формами Р. п. в рамках категории одушевленности, как и невозвратные, ср.: *любить сына и бояться отца* (Р. п.=В. п.), *брата* (Р. п.=В. п.) и *бояться мороза* (Р. п.; не мороз, хотя *чувствовать мороз* В. п. = И. п.: мороз); у существительных 1-го склонения форма В. п и Р. п. не совпадают, ср.: *страшиться волчицу, батюшку; слушаться маму, братишку*.

Далее покажем разные явления в области глагольной деривации. Отметим, что, обучая русскому глагольному словообразованию, необходимо различение глаголов, парных по виду, и глаголов, характеризованных по (СГД), также охваченных категорией грамматического вида. К нехарактеризованным относятся глаголы, не имеющие словообразовательных

морфем, с помощью которых в глагольной основе выражаются дополнительные лексические значения. Напротив, характеризованные глаголы имеют формализованные показатели способов глагольного действия [11; 18] и, как правило, с помощью суффиксов – ЫВА-/-ИВА- или -ВА- и -А- образуют приставочную форму НСВ (вторичный имперфектив). Характеризованные глаголы семантически более сложны по сравнению с производящими их формами НСВ.

3. Морфологические способы образования форм совершенного вида.

Большинство русских глаголов образует приставочные характеризованные и нехарактеризованные дериваты СВ, например, *сидеть – просидеть, отсидеть, засидеться, высидеть, подсидеть кого, пересидеть в погребке*; в том числе с фазовым значением: ‘начала действия’: *увидеть, пойти* – или выражают значение фазы при помощи словосочетаний: *начать беседовать – беседовать – закончить беседовать (побеседовать); начать гулять – гулять – погулять и прогулять весь день; начать стирать – стирать – постирать бельё* (производные формы СВ выражают фазу завершения: *простирать и простирнуть бельё*); *начать читать – читать – закончить читать (прочитать статью)*.

Примечание. Каждый глагол ведет себя индивидуально, образуя свои лексико-семантические варианты. Ср.: лексема *застирать* имеет два лексико-семантических варианта: 1. *застирать одежду так, что она стала серой* и 2. *застирать пятно на кофточке*; лексема *зачитать* имеет три лексико-семантических варианта: 1. *зачитать до дыр* (как *затереть, запачкать*), 2. *зачитать* – ‘не вернуть, потерять след’ (*Книгу зачитали*) и 3. *зачитать вслух приказ*.

Совместимость основ и словообразовательных префиксов необходимо проверять для каждой производящей основы глагола индивидуально и по лексико-семантическим группам. Нехарактеризованные формы СВ могут быть образованы от форм НСВ глаголов физических действий, причем каждая глагольная основа присоединяет свой «набор» префиксов, сравним: *лить – налить, пролить, залить, облить, подлить, слить, улить, перелить, отлить, прилить; писать – написать, списать, переписать дописать, надписать, отписать, подписать; читать – прочитать, считать, перечитать, зачитать, отчитать; мыть – отмыть, промыть, вымыть, замыть, умыть, подмыть, смыть, перемыть*.

Приведем пример современного сленга: *ловиться – заловиться (вечером с тобой заловимся = встретиться), коннектить(ся) – законнектить(ся)*; по аналогии с *увидеться* образовано *услышаться (= позвонить, созвониться)*, по аналогии с *поговорить – повацапиться*.

Нехарактеризованные формы СВ могут быть образованы от форм НСВ глаголов движения с помощью приставок пространственного и направительного значения: *ехать – проехать, переехать, уехать, приехать, въехать, выехать; заехать, подъехать, отъехать, съехать, наехать* и приставку *по-* со значением

начинательности (фазы действия); *идти* – **прийти**, **уйти**, **пройти**, **перейти**, **подойти**, **отойти**, **взойти**, **сойти**, **зайти**. С тем или иным постоянством приставки указанной семантики присоединяются к основам НСВ других глагольных лексем со значением перемещения в пространстве, образуя глаголы и их ЛСВ: *улететь*, **поднести**, **загнуть**, **завести**, **провести**, **вознести**, **снести** и др.

Глагол эмоционального действия *пугаться* образует дериваты: **испугаться**, **перепугаться**, **напугаться**. Глагол этой же группы *волноваться* даст формы СВ **заволноваться**, **переволноваться**, **взволноваться**, **разволноваться** и темпорально-валентные СГД: **проволноваться всю ночь**, **поволноваться час**. Глагол *радовать* даст дериваты *порадовать*, **обрадовать**; от глагола *желать* образуются дериваты **пожелать**, **возжелать**; от *бесить(ся)* – **взбесить(-ся)**, **перебеситься**; этот же глагол в другом лексико-семантическом варианте ‘деятельности, времяпрепровождения’ даст формы **побеситься**, **пробеситься**, **набеситься**.

Нехарактеризованные формы СВ могут быть образованы и от форм НСВ двувидовых глаголов. В современном русском языке осуществляется постепенный переход глаголов из разряда двувидовых в парные по виду путем образования от их основ приставочных форм СВ, ср.: *декорировать* – **задекорировать**, *асфальтировать* два дня – **заасфальтировать** за два дня, *регистривать* – **зарегистривать**, *минировать* – **заминировать**, *шифровать* – **зашифровать**, *пеленать* – **запеленать**, *программировать* – **запрограммировать**, *протезировать* – **запротезировать** и другие.

Примечание. Списка двувидовых глаголов у нас нет. Двувидовыми, как правило, являются глаголы, оканчивающиеся на *-ировать* со значением ‘делать то, что свойственно тому, что (или кого) называет мотивирующее существительное’: *телефонизировать*, *никелировать*, *хромировать*, *каблировать (спец.)*, *микрофильмировать*, *йодировать*, *профилировать (обучение)*, *математизировать*, *гуманизировать*, *тонизировать*, *костюмировать*, *газифицировать*, *субсидировать*, *гармонизировать*, *героизировать*, *пародировать* (бытует форма СВ *спародировать*), но не все, ср. *паразитировать*, *капеллировать*, *программировать* (только НСВ; соответствующие формы СВ различаются по аспектуальному значению: начальная фаза выражается в *закапеллировать*, *доведение до результата* – в *запрограммировать*, только характеризованный по СГД совершенный вид возможен для *паразитировать*: **отпаразитировал**, **попаразитировал**, **пропаразитировал**; аналогично интонировать и ряд других), и не только, ср.: *беллепризовать*, *гармонизовать*.

Рассмотрим характеризованные глаголы СВ, образованные от нехарактеризованных глаголов НСВ приставочным способом. Общеизвестно, СГД не формируют глагольную видовую пару с производящей формой НСВ, хотя могут образовать видовую пару (обычно вторичный имперфектив) или иметь соотносительный по виду глагол.

Конкретные словообразовательные значения зависят от лексического значения производящей основы глагола. Например, лексема *волноваться* дает дериваты со значением ‘начинательность’: **заволноваться**, **взволноваться**; ‘незначительная или значительная количественность’: **поволноваться**, **проволноваться**; ‘интенсивность’: **разволноваться**; многие, но не все, лексемы физических действий и состояний образуют глаголы со значением ‘начинательность’: **поехать**, **пойти**, **поплыть**, **побежать**, **погнать**, **задвигаться**, **заснуть**, **засмеяться**, **заходить**, **закричать**, **замолчать**, **заболеть**, **зависнуть**.

Примечание. Все возможные факторы видовой корреляции еще предстоит выявить. Н. С. Авилова совершенно справедливо выделила только формализованные СГД. Вместе с тем Н. С. Авилова считает, что глагол с приставкой ПО- – *пойти* – это СГД, а Ю. С. Маслов показал, что это видовая пара к *идти*: *И вот он пошел / идет в кино* [22]. Вероятно, необходимо постулировать существование разных ЛСВ: начинательного (СГД) и парно-видового. Аналогично глаголы *ходить* и *заходить* нужно признать не парными по виду, а соотносительными: *Он встал и заходил* – *И тут он встает и начинает ходить*. Однако возможна видовая пара: *зайти (в дом)* – *заходить в дом*: *И вот он зашел в дом* – *заходит в дом*. Третий лексико-семантический вариант данного глагола представляет собой видовая пара *заходить (в гости)* – *захаживать* в значении ‘бывать у кого / где’ (*Раньше он частенько к нам захаживал*). Таким образом, нужно признать, что СГД работают в рамках глагольного вида и могут входить в видовую пару, и тогда формы со значением начинательности: *любить* – *полюбить* и *чувствовать* – *почувствовать* – это видовая пара.

Значит, при помощи особых словообразовательных моделей выражаются важные для говорящих категориальные значения, например, значение «фаза» (*запеть*), смысловые оттенки длительности (*побыть* и *пробыть*) или интенсивности действия (*кричать* – *выкрикаться* – *выкрикиваться*, *искричаться* (ИНТ.: *...Нельзя оставлять в замкнутом пространстве махонького щенка. Он может искричаться до грыжи...*) – *искрикиваться* и другие.

Есть нехарактеризованные глаголы СВ, образованные от основы НСВ при помощи супплетивных основ: *говорить* – *сказать*, *покупать* – *купить*, *брать* – *взять*, *класть* – *положить*, но их гораздо меньше.

Есть характеризованные глаголы СВ, образованные от основы НСВ приставочно-суффиксальным путем: **разговориться**, **отмолчаться**, **поглаживать**, **побаливать**. Предъявление характеризованных глаголов в иностранной аудитории разработано еще недостаточно. В качестве метода семантизации СГД необходимо использовать комментирующий перевод [23; 24].

Далее обсудим морфологические способы образования форм глагола (лексем) несовершенного вида.

4. Морфологические способы образования форм несовершенного вида.

Спецификой славянских языков, и в том числе русского языка, является стремление говорящего получить возможность выразить действие в его актуальной длительности, с чем связана так называемая «вторичная имперфективация» – явление образования форм несовершенного вида от форм совершенного вида. Данное явление проявляется в сфере приставочных (характеризованных и нехарактеризованных) и двувидовых глаголов. Вторичный имперфектив – это видовая пара по отношению к глаголу с производящей основой.

Вторичные имперфективы в русском языке образуются от форм СВ при помощи суффикса -ЫВА-/ИВА-: *выспаться – высыпаться, обстирать – обстирывать, вскормить – вскармливать* (накопительный СГД), но может быть суффикс -ВА- и -А-, сопровождающийся изменением в корне, ср.: *отъестся – отъедаться, уберечь – уберечь* (интенсивный СГД); *обжечь – обжигать и обжечься – обжигаться, поостережся – поостерегаться, отъестся – отъедаться, подстричься – подстригаться, уберечь – уберечь, умереть – умирать, тереть – вытереть – вытирать*. Словообразовательные модели для образования НСВ от глаголов СВ отличаются высокой продуктивностью, и значит, их необходимо последовательно вводить в активную грамматику учащегося.

Примечание. Примеры показывают, что словообразовательная модель с суффиксом -ЫВА-/ИВА- продуктивна как для характеризованных, так и для нехарактеризованных лексем, причем настолько, что в видовую корреляцию вовлекаются все новые глагольные основы. Приведем и нарушающее языковую норму употребление формы НСВ в реплике кондуктора: «*Приготовливаем за проезд» вместо правильного СВ «Приготовьте за проезд» или НСВ «Оплачиваем проезд»). Видимо, фактор повторяемости ситуации сыграл решающую роль в выборе формы глагола в спонтанной речи.

4.1. Рассмотрим образование форм НСВ от бывших двувидовых глаголов. Показателем высокой продуктивности словообразовательных моделей с суффиксом -ЫВА-/ИВА- является вовлечение с их помощью в видовую корреляцию все новых глагольных основ. Так, например, еще недавно бывший двувидовым глагол *организовать* стал глаголом СВ и получил форму НСВ *организовывать*. Сегодня с полной уверенностью можно говорить о том, что в языке повседневного общения существуют формы НСВ *образовывать* от *образовать*, *организовывать* от *организовать*, *нейтрализовывать* от *нейтрализовать*, *парализовывать* от *парализовать*, и уже характеризовывать от *характеризовать* наряду с *охарактеризовывать* от *охарактеризовать*.

Примечание. Примеры из ИНТ.: *Характеризовывать принципы оказания первой помощи при отравлениях лекарственными препаратами* (из рабочей программы дисциплины мед. вуза). *Характеризовывать ЧС на различных видах транспорта* (из рабочей программы). *Ученик научится характеризовывать режим дня как план основных дел на день* (из методи-

ческой разработки урока). *Всем друзьям и знакомым буду негативно характеризовывать* (этот ресторан).

4.2. Приведем примеры форм НСВ характеризованных глаголов акциональных действий, образованных путем вторичной имперфективации: *пропевать песню, заговаривать, говаривать, поговаривать, проговаривать; пошептывать* (До этого четыре месяца что-то там шуришал тихонько и пошептывал невнятно), *нашептывать; завоевывать; потанцовывать, протанцовывать, подтанцовывать* и даже *затанцовывать*. Примеры ИНТ.: *затанцовывал на ночном open-эйре, запевал песнями под две гитары и свет свечей. Я, например, прекрасно помню, что девушку Л. я «затанцовывал» под «В нашем городе дождь», ... такие зажигательные конкурсы, и партнер латинец, который всех затанцовывал...*

Характеризованные глаголы СВ получают парную по виду форму вторичного несовершенного вида (имперфектива), также характеризованную по способу глагольного действия. Значение начальной и конечной фазы в СГД выражается с помощью аффиксов (*зашуметь, отшуметь, прошуметь*) или словосочетаний (ср.: *начать шуметь, закончить шуметь*), например, *перебесился – перебешивается* (ср. ИНТ.: *А сейчас смотрю молодежь какой-то период своей жизни «перебешивается» и все становится на свои места. Еще она начинает огрызаться, если ее ограничиваешь в движении, обнимешь, начинаешь смотреть лапы или пытаешься ее остановить, когда перебешивается. Сын хамит, перебешивается. Моя маленькая дамочка сильно перебешивается, результат плач, а порой и рев, это если со старшим, например, набесится, так реагирует маленький организм); *взбеситься – взбешивается* (ср. ИНТ.: *После включения фар взбешивается приборка. ... начинаю ругать, он еще больше взбешивается, и уже совсем на игру не похоже с его стороны); засидеться – засиживаться, заезжать – заезживать* (= неоднократно заезжать: *к Алексею редко кто заезживал*) и *заездить – заезживать* (лошадь).*

Примечание. ЗАЕЗЖИВАТЬ несовершенный вид перех. 1) разговорное: *изнуриять, мучить лошадь частой или продолжительной ездой*. 2) перен. разговорное: *доводить до утомления, изнурения непосильным трудом, плохим обращением* и т. п. 3) *мять, портить ездой* (пахотную землю, луга и т. п.). 4) *загонять птицу, зверя, пересекая путь, объезжая кругами* и т. п. (в речи охотников).

Нет пары СВ у глаголов многократного СГД: *сизживать, едывать, видывать* и др. Вместе с исходным бесприставочным глаголом НСВ приставочные формы СВ и НСВ образуют «видовые тройки» [25] и даже «четверки»: *стучать – постучать – постукивать и стукнуть; кричать – прокричать – прокрикивать и крикнуть; звать – позвать; звать – подозвать – подзывать*.

4.3. Приведем примеры нехарактеризованных вторичных имперфективов, образованных от приставочных глаголов СВ с помощью суффикса -ЫВА-/ИВА-: *прослушать* (до конца) – *прослушивать, выслушать* –

выслушивать жалобы, рассказать – рассказывать, задумать – задумывать, разрисовать – разрисовывать, высидеть – высиживать, пересиживать, подсиживать кого; облить – обливать, залить – заливать, пролить – проливать, перелить – переливать, слить – сливать, налить – наливать, подлить – подливать, отлить – отливать, улить – уливать (О том, что такая форма в языке есть, свидетельствуют примеры из ИНТ.: *Понравилось всё, кроме погоды: полдня уливал дождь. ... уливал силиконом шарнир под чехлом рычага. ... а он каждый день её уливал из шланга, у меня кочаны огромные, а у него одни листья...*), прилить – приливать и др. Работа над приставочными глаголами должна вестись на лексическом уровне методом толкования с учетом контекста.

5. Итак, подчеркнем, что явление глагольного словообразования в целом, и особенно способов глагольного действия, крайне сложно для иностранных учащихся – в подавляющем своем большинстве носителей аналитических языков. Высокая степень итерференции объясняется следующими факторами.

Во-первых, языковой типологией, а именно тем, что в аналитическом языке не может быть развитого словообразования путем аффиксации, и значения СГД выражаются принципиально иначе – не в глагольном слове, как в синтетическом русском языке, а при помощи сложных глаголов, образованных аналитическим путем сложения нескольких морфем, либо при помощи неглагольных лексических элементов – темпоративных и квантитативных синтаксем в рамках целого предложения-высказывания.

Во-вторых, иным устройством категории аспектуальности и темпоральности (таксиса) в родном языке учащегося. Только в русском и других славянских языках грамматическим способом выражения аспектуальности является вид глагола.

В-третьих, отсутствием унифицированных средств выражения значений категории глагольного вида в изучаемом русском языке.

В-четвертых, существованием богатой внутривидовой деривации, включающей группировки способов глагольного действия. Способы глагольного действия – особые и очень важные группировки, которые охвачены категорией вида, но при этом аспектуальные значения в характеризованных глаголах имеют выражение при помощи морфем, переводящих аспектуальные семы в лексические. Ни в одном неславянском языке таких глаголов нет, а в других

славянских языках выражаются иные значения иными средствами.

5.1. Наш опыт работы показывает, что, в частности, для китайцев особенно трудны глаголы с приставками количественного и пространственного значения. Это связано с межъязыковыми расхождениями в способах кодирования. Для имеющего внутренний предел действия «лить» в КЯ есть эквивалентные лексемы, в которых соответствующими полузнаменательными, знаменательными и служебными морфемами маркируется его законченность – как результативная, так и нет. Однако пространственные значения русских приставок в большинстве случаев непонятны учащимся; более того, остро ощущается их избыточность.

Покажем возможности пространственных значений приставок русского глагола средствами КЯ на примерах глаголов с корнем «лить». *Влить в рот лекарство* – 倒入口中的药 *dào rùkǒu zhōng de yào*. Калька: ДАО рот+вход ЧЖУН ДЭ лекарство – букв.: лить рот вход середина +ДЭ лекарство = влитое; *слить воду* – 倒掉 *dào diào*. ДАО ДЯО, – букв.: лить + осушить. Без глагольных показателей (вне ПВ) аспектуальное значение не ясно: *Перелить / переливать из стакана в бутылку*. – 从玻璃倒在一个瓶子。 – букв.: *Cóng bōli dào zài yīgè píngzi*. ЦУН (ИЗ) стакан лить ЦЗАЙ (В) одна штука бутылка. А например, *Я облил водой стол* передается как *我倒在酒桌上*。 *Wǒ dào zài jiǔ zhuō shàng* – букв.: Я ДАО ЦЗАЙ вино стол поверхность, где ДАО указывает на достижение цели в пространстве ('финиш'), а ЦЗАЙ – глагол-локализатор. В глагольной лексеме КЯ в принципе невыразимы также и количественно-интенсивные значения, наблюдаемые, к примеру, в глаголе *залить (скатерть)*.

Например, ситуация *переработать 2 часа* в КЯ передается как *工作两小时更多* *gōngzuò liǎng xiǎoshí gèng duō* – букв.: Работать 2 часа больше, а ситуация *недовесить полкилограмма яблок* в КЯ выражается описательно: *苹果没有够买半公斤*。 *Píngguǒ méiyǒu gòu mǎi bàn gōngjīn* – букв.: Яблоко нет достаточно купить полкило.

С факторами языковой относительности, как со стороны содержания, так и со стороны средств выражения, связана необходимость сопоставительного анализа [2; 5; 8; 23; 26–30] категории глагольной аспектуальности в китайском языке [17; 26]. Это позволит учесть в лингводидактическом описании всю языковую систему (объективную грамматику [11; 31; 32]) и снять многие лингвистические барьеры учащегося.

Литература

1. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
2. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000. 256 с.
3. Дэн Ин. Семантика и функции глагольных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в русском языке в зеркале китайского: дис. ... канд. филол. наук; Моск. Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2006. 179 с.
4. Фэн Шисюань. Изучение русского языка китайскими студентами: проблемы, возможности, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-russkogo-yazyka-kitayskimi-studentami-problemy-vozmozhnosti-perspektivy#ixzz4NEJzDHWv/> (дата обращения: 03.03.2017).

5. Чжан Чжицзюнь. Сопоставительное исследование русского языка с китайским в аспекте аспектуальности языка // *Язык – культура – коммуникация: сб. материалов КАПРЯЛ. Ханчжоу (КНР): Издательство Цзецзянского ун-та, 2007. С. 106–116.*
6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.
7. Коваленко Б. Н. Ещё раз о спорных вопросах теории вида русского глагола // *Инновационная наука. 2016. № 1-3. С. 85–87.*
8. Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Тезисы II Международной научной конференции (22-26 сентября 2009). Симферополь – Гаспра. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 108 с.
9. Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 171 с.
10. Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 352 с.
11. Всеволодова М. В. Категория аспектуальности, глагольный вид и способы глагольного действия. О некоторых нерассмотренных вопросах грамматики вида // V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: труды и материалы (18–21 марта 2014). Москва, 2014. С. 37–53.
12. Караванов А. А. Виды русского глагола: значение и употребление: практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 175 с.
13. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // *Русский язык в школе. 1923. Вып. I. С. 230–241.*
14. Поспелов Н. С. К вопросу о различных временных значениях русского прошедшего совершенного // *Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 1. С. 61–66.*
15. Поспелов Н. С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в русском языке // *Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 25.*
16. Рассудова О. А. Употребление видов глагола в русском языке. М.: Русский язык, 1982. 151 с.
17. Акимова И. И. Лингвистические универсалии как методологическая основа обучения иностранным языкам // *Функционально-семантическая категория именной темпоральности: книга для преподавателя. М.: РПА Минюста России, 2013. 170 с.*
18. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
19. Улман Л. М. Проблема грамматической интерференции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 16 с.
20. Юдина Л. П. О роли родного языка при обучении русскому языку иностранцев // *Из опыта преподавания русского языка иностранцам: сб. ст. М.: Издательство МГУ, 1964. С. 6–20.*
21. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2016. 649 с.
22. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Вып. 4. Т. VII. С. 303–316.*
23. Чанг Пеи-Чи. Лексикографические проблемы представления видовой парности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 21 с.
24. Шамов А. Н. Психолого-дидактические основы организации познавательной деятельности учащихся в процессе овладения лексической стороной иноязычной речи. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003. 238 с.
25. Меренкова А. Г. Видовые тройки в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук; Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2003. 267 с.
26. Тянь Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
27. Храковский В. С. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука. 1977. 192 с.
28. Шанский Н. М. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских // *Русское языкознание и лингводидактика. М.: Русский язык, 1985. С. 220–240.*
29. Шатилов С. Ф. Некоторые вопросы сопоставления иностранного и родного языков в методических целях // *Русский язык за рубежом. 1985. № 5. С. 61–64.*
30. Шубина О. Ю. Семантические и понятийные категории как основа для сопоставления различных языков // *Вестник КРСУ. 2003. Т. 3. № 1. Режим доступа: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a11.html> (дата обращения: 03.03.2017).*
31. Всеволодова М. В., Загнитко А. А. Славянские языки: объективная грамматика и категория грамматикализации // *Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (16–17 октября 2016). Хабаровск, 2016. С. 298–310.*
32. Всеволодова М. В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 6. С. 35–57.*

REPRESENTATION OF THE MORPHEMIC COMPOSITION OF THE VERBAL WORD FOR LINGUODIDACTIC PURPOSES

Inga I. Akimova¹.@

¹ Military Institute (Engineering and Technical) of the General A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, 22, Zakhariyevskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

@kazyulkinamama@mail.ru

Received 29.09.2017. Accepted 11.01.2018.

Keywords: category of aspect, grammatical form of the Russian verb, linguodidactics, teaching Russian as a foreign.

Abstract: The article deals with a number of issues related to the morphology of the Russian verb. The research was performed according to the "objective grammar" of the Russian language in the framework of the Functional-Communicative Grammar (M.V. Vsevolodova's School).

The aim of the study is to correlate the morphemic composition of the Russian verb and the meaning of "perfective aspect" vs. "imperfective aspect" forms of the verb, to distinguish the actual correlation of the aspects and the phenomenon of the methods of verbal action (the so-called characterized verbs). The author proceeds from the premise that a clear understanding of the aspect will improve the method of cross-lingual matching as well as make Russian classes more effective for non-Slavic speakers.

The factors of linguistic relativity, their content and means of expression, predetermine a need for a comparative analysis of the lexical-grammatical category of the verbal form embracing the methods of verbal action as a means of expressing the category of verbal aspect and the possibilities of expressing similar meanings in Chinese.

The functional-communicative approach allows for a linguodidactic description, relevant for the entire language system (objective grammar); a comparative approach will remove many of the linguistic barriers of a foreign student whose mother tongue is an analytic language.

For citation: Akimova I. I. Predstavlenie morfemnogo sostava glagol'nogo slova v tseliakh lingvodidaktiki [Representation of the Morphemic Composition of the Verbal Word for Linguodidactic Purposes]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 168–177. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-168-177.

References

1. Shmelev A. D. *Russkii iazyk i vneiazykovaia deistvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002, 496.
2. Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom iazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim iazykami* [The aspect category of the verb in the Russian language in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000, 256.
3. Den In. *Semantika i funktsii glagol'nykh form proshedshego vremeni sovershennogo i nesovershennogo vida v russkom iazyke v zerkale kitaiskogo*. Diss. kand. filol. nauk [Semantics and functions of the verbal forms of the past tense perfective and imperfective aspect in the Russian language in the mirror of the Chinese. Cand. philol. Sci. Diss.]. Moscow State Univ. named after M. V. Lomonosov. Moscow, 2006, 179.
4. Fen Shisiuan'. *Izuchenie russkogo iazyka kitaiskimi studentami: problemy, vozmozhnosti, perspektivy* [The study of Russian language to Chinese students: problems. possibilities. perspectives]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia = Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, no. 2 (2015). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-russkogo-yazyka-kitayskimi-studentami-problemy-vozmozhnosti-perspektivy#ixzz4NEJzDHWv/> (accessed 03.03.2017).
5. Chzhan Chzhitsziun'. *Sopostavitel'noe issledovanie russkogo iazyka s kitaiskim v aspekte aspektual'nosti iazyka* [A comparative study of the Russian language with Chinese in the aspect of aspectual language]. *Iazyk – kul'tura – kommunikatsiia* [Language – Culture – Communication: Proc. KAPRIaL]. Khanchzhou (KNR): Izdatel'stvo Tszhetszianskogo un-ta, 2007, 106–116.
6. Zalizniak A. A., Shmelev A.D. *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 226.
7. Kovalenko B. N. *Eshche raz o spornykh voprosakh teorii vida russkogo glagola* [Once again on the disputed questions of the theory of the form of the Russian verb]. *Innovatsionnaia nauka = Innovative science*, no. 1-3 (2016): 85–87.

8. Tipologiya vida / aspekta: problemy, poiski, resheniya. *Tezisy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (22–26 sentiabria 2009)* [Typology of views / aspect: problems, searches, solutions. Abstr. of the II Intern. Sc. Conf. (September 22–26 2009)]. Simferopol – Gaspra. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009, 108.
9. Chertkova M. Iu. *Grammaticheskaja kategorija vida v sovremennom russkom iazyke* [Grammatical category of aspect in modern Russian language]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996, 171.
10. Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida* [The problem of the Russian kind]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009, 352.
11. Vsevolodova M. V. Kategorija aspektual'nosti, glagol'nyi vid i sposoby glagol'nogo deistviia. O nekotorykh nerassmotrennykh voprosakh grammatiki vida [Category aspectuality. verbal view. and ways of verbal action. About some pending issues of the grammar of the form]. *V Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka «Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'»: trudy i materialy (18–21 marta 2014)* [V International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fates and the Present": Proceedings and Materials (March 18–21 2014)]. Moscow, 2014, 37–53.
12. Karavanov A. A. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [The Russian verb: meaning and use]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2008, 175.
13. Peshkovskiy A. M. Ob"ektivnaia i normativnaia tochka zreniia na iazyk [Objective and normative point of view on the language]. *Russkii iazyk v shkole = Russian language at school*, Iss. I (1923): 230–241.
14. Pospelov N. S. K voprosu o razlichnykh vremennykh znacheniiakh russkogo proshedshego sovershennogo. [The question of different time values of the Russian past perfect]. *Doklady i soobshcheniia instituta iazykoznanii AN SSSR* [Reports and reports of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, no. 1 (1952): 61–66.
15. Pospelov N. S. O dvukh riadakh grammaticheskikh znachenii glagol'nykh form vremeni v russkom iazyke [Two ranks of grammatical meanings of the verbal forms of time in the Russian language]. *Voprosy iazykoznanii = Questions of linguistics*, no. 2 (1966): 25.
16. Rassudova O. A. *Upotreblenie vidov glagola v russkom iazyke* [The use of the imperfective aspect in the Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1982, 151.
17. Akimova I. I. *Lingvisticheskie universalii kak metodologicheskaja osnova obucheniia inostrannym iazykam. Funktsional'no-semanticheskaja kategorija imennoi temporal'nosti* [Linguistic universals as a methodological basis for teaching foreign languages. Functional-semantic category of nominal temporality]. Moscow: RPA Miniusta Rossii, 2013, 170.
18. Avilova N. S. *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [Verb type and semantics of the verb word]. Moscow: Nauka, 1976, 328.
19. Ulman L. M. *Problema grammaticheskoi interferentsii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The problem of grammatical interference. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1964, 16.
20. Iudina L. P. O roli rodnogo iazyka pri obuchenii russkomu iazyku inostrantsev [On the role of the native language in teaching the Russian language for foreigners]. *Iz opyta prepodavaniia russkogo iazyka inostrantsam* [From the experience of teaching Russian to foreigners]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1964, 6–20.
21. Vsevolodova M. V. *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment fundamental'noi prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka* [Theory of functional-communicative syntax: a fragment of a fundamental applied (pedagogical) language model]. Moscow: URSS, 2017, 649.
22. Maslov Iu. S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom iazyke [The form and the lexical meaning of the verb in modern Russian language]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka = Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language*, VII, no. 4 (1948): 303–316.
23. Chang Pei-Chi. *Leksikograficheskie problemy predstavleniia vidovoi parnosti v sovremennom russkom iazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Lexicographical problems of representing the species. is taken into account in the modern Russian language. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1999, 21.
24. Shamov A. N. *Psikhologo-didakticheskie osnovy organizatsii poznavatel'noi deiatel'nosti uchashchikhsia v protsesse ovladeniia leksicheskoi storonoi inoiazychnoi rechi* [Psycho-didactic bases of organization of cognitive activity of students in the process of mastering the lexical party of foreign speech.]. Nizhnii Novgorod: Izd-vo NGLU, 2003, 238.
25. Merenkova A. G. *Vidovye troiki v sovremennom russkom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Three species in the modern Russian language. Cand. philol. Sci. Diss.]. Yelets State Univ. named after I. A. Bunin. Yelets, 2003, 267.
26. Tan' Aoshuan. *Problemy skrytoi grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika iazyka izoliruiushchego stroia (na primere kitaiskogo iazyka)* [Problems of hidden grammar. Syntax, semantics and pragmatics of the language of the insulating system (for example Chinese)]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002, 896.
27. Khrakovskii V. S. *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury iazyka* [Issues of linguistic typology and language structure]. Leningrad: Nauka, 1977, 192.
28. Shanskii N. M. Sopostavlenie kak odin iz metodicheskikh priemov obucheniia russkomu iazyku nerusskikh [Mapping as one of the instructional techniques of teaching Russian language for non-Russians]. *Russkoe iazykoznanie i lingvodidaktika* [Russian linguistics and linguodidactics]. Moscow: Russkii iazyk, 1985, 220–240.

29. Shatilov S. F. Nekotorye voprosy sopostavleniia inostrannogo i rodnogo iazykov v metodicheskikh tseliakh [Some questions of comparison of foreign and native languages in a methodical order]. *Russkii iazyk za rubezhom = Russian language abroad*, no. 5 (1985): 61–64.

30. Shubina O. Iu. Semanticheskie i poniatnye kategorii kak osnova dlia sopostavleniia razlichnykh iazykov [Semantic and conceptual categories as the basis for comparison of different languages]. *Vestnik KRSU = Bulletin of KRSU*, 3, no. 1 (2003). Available at: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a11.html> (accessed 03.03.2017).

31. Vsevolodova M. V., Zagnitko A. A. Slavijskie iazyki: ob"ektivnaia grammatika i kategoriia grammatikalizatsii [Slavic languages: objective grammar and category of grammaticalization]. *Rossia v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kul'tur: materialy Mezhdunarodnogo foruma «Vostochnyi vektor migratsionnykh protsessov: dialog s russkoi kul'turoi» (16–17 noiabria 2016)* [Russia in the world community: the semantic space of the dialogue of cultures: materials of the International Forum "Eastern Vector of Migration Processes: Dialogue with Russian Culture" (November 16–17 2016)]. Khabarovsk, 2016, 298–310.

32. Vsevolodova M. V. Iazyk: norma i uzus (podkhody k sisteme iazyka) [Language norm and language usage (approaches to language)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, no. 6 (2015): 35–57.

УДК 82-1

ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В КНИГАХ Ю. МОРИЦ 2000-Х ГОДОВ

Олег Н. Владимиров¹.@

¹ Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, 654041, Россия, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23
@vladi-oleg@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.09.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:

Ю. Мориц, лирика, художественная целостность, стихи и графика, принцип анаморфозы, контекст.

Аннотация: В статье рассматриваются принципы художественной целостности в книгах Ю. Мориц 2000-х годов («Лицо», «Таким образом», «По закону – привет почтальону», «Рассказы о чудесном», «Сквозеро», «Ванечка» и др.). Среди них такие семантически неделимые парные комплексы, как слово и графика, детское и взрослое, временное и вечное, реальность и вымысел, текст и контекст, устное и письменное слово. Восходящие к архетипическим, мифопоэтическим бинарным противопоставлениям как результатам познания действительности и способам ориентации в ней и её гармонизации, эти и другие парные сочетания у Мориц характеризуют индивидуальное поэтическое видение мира. С парностью связаны и сквозные в творчестве художника мотивы двойничества и близочности. Соотношение компонентов этих художественных биномов подчинено универсальному у Мориц принципу анаморфозы – чередованию, перетеканию, отражению. Этот принцип воплощается на разных уровнях отдельного произведения и творчества в целом. Усложнение принципов художественной целостности в творчестве Мориц последних десятилетий предполагает углубление и расширение от книги к книге контекстуальных связей – с её собственным творчеством, с русской и мировой литературой и историей.

Для цитирования: Владимиров О. Н. Принципы художественного единства в книгах Ю. Мориц 2000-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 178–183. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-178-183.

Взаимодействие словесного и изобразительного искусств, заметное в поэтических опытах XX в. (особенно у авангардистов – Е. Гуро, В. Каменского, И. Терентьева, А. Кручёных и др.), обращает на себя внимание и в литературе начала XXI в. Появление в частности сборников «Влечёт меня старинный слог» (2000) Б. Ахмадулиной, «Тьмасть» (2008) А. Вознесенского, «Лицо» (2000), «Таким образом» (2000), «Ванечка» (2002), «По закону – привет почтальону» (2005), «Не бывает напрасным прекрасное» (2006), «Сквозеро» (2014) Ю. Мориц, актуализирует интерес отечественного литературоведения к художественному единству, к содержательности художественных форм, целостно-системному анализу, циклизации и др. [1–3]. Немаловажной в этой связи представляется и проблема лирической книги.

Соотношение вербального и визуального языков в каждом из названных изданий представляет собой художественное единство более высокого порядка, чем обычная лирическая книга, или, как в случае с «Рассказами о чудесном» (2008) Ю. Мориц, сборник прозаических текстов.

Связь стихов и прозы с репродукциями графических и живописных работ Юнны Мориц – очевидный принцип художественного единства её книг 2000-х годов, подтверждённый рядом поэтических подборок в «Литературной газете»: «В пламени ветвей» (2001.

№ 50), «Поэтка» (2004. № 50), «И в чёрных списках мне светло» (2006. № 15), «Героин перемен» (2007. № 22–23), «Мне, мерзавке, повезло» (2009. № 39–40), «И нету правды средней» (2014. № 19).

Начиная с «Лица», в каждой следующей книге отношения вербального и визуального языков, как и другие особенности художественной целостности, усложняются и обогащаются.

Изданные в 2000 г. книги стихов «Лицо» и «Таким образом» иллюстрированы авторскими рисунками. В «Таким образом» они не только предваряют циклы, как в «Лице», но и перемежаются со стихами; некоторые из них выполнены в цвете; тремя оформлены корешок, передняя и задняя обложки; один помещён на фронтисписе; рисунок на передней обложке является логотипом, сопровождающим заглавия циклов на шмуцтитулах.

В следующей книге – «По закону – привет почтальону» – графические и живописные работы чередуются со стихами в поэтических разделах и образуют четыре самостоятельных цикла, три из которых – цветные. Художественная информативность обложек, корешка, фронтисписа здесь дополнена форзацами. Особый статус рисунков в этом произведении подчеркнут автором: «В книге <...> более двухсот графических и живописных страниц, ни одна из которых не является иллюстрацией. Это –

такие стихи, написанные на таком языке» [4]. Связывает воедино стихотворные и графические циклы в этом издании сквозная нумерация. Похожее полиграфическое исполнение и композиционное решение у «Сквозера», четыре поэтические книги в котором чередуются с тремя живописными разделами. Стихи в каждой из четырёх книг (так обозначены здесь части «Сквозера») – «Озеро, прозрачное насквозь», «Большое льдо», «Героин перемен», «Ужасные стихи» – и подборки «Из цикла „Найухомкие сигналы“» перемежаются графикой, часто сопровождаемой факсимильными строками автора. (Подробнее о «Сквозере» см.: [5]).

В «Рассказах о чудесном» единство графики не со стихами, как в других книгах Мориц, а с прозой определено как «рисункописание» [6, с. 4] (это же обозначение – в выражении «Книготворение и Рисункописание» [6, с. 17, 379]). Объединяет «такие стихи» и «рисункописание» понятие «Рисункописменность» – в рассказе «Е» оно подчёркивает важнейшую у Мориц тему Сопротивления [6, с. 415].

Равноправие слова и графики и их взаимодействие, переплетение в органическую целостность здесь более высокого порядка, чем в предыдущих книгах. Единый текст «Рассказов о чудесном» вместе с прозаическими рассказами и постраничными рисунками составляют рассказы в рисунках, репродукции фото- и портретов автора в графическом рассказе «И оно помогает», факсимиле рукописных текстов – подписей (кратких сопроводительных комментариев) к «рисункописанию» (одна из них развёрнута фактически до самостоятельного произведения на странице 226, в рассказе «Вот моя Гдеревня»), рассказа «Вазохранилище».

Кроме вербального и визуального языков, к семантически неделимым парным комплексам у Мориц относятся детское и взрослое, временное и вечное, реальность и вымысел; женское и мужское, текст и контекст, устное и письменное слово. Восходящие к архетипическим, мифопоэтическим бинарным противопоставлениям как результатам познания действительности и способам ориентации в ней и её гармонизации, эти и другие парные сочетания у Мориц характеризуют индивидуальное поэтическое видение мира. С парностью связаны и сквозные в творчестве художника мотивы двойничества и близнечности.

Соотношение же компонентов того или иного художественного биннома в названных произведениях, а также в книгах «Ванечка», «Не бывает напрасным прекрасное», «Сквозеро» подчинено едва ли не универсальному у Мориц принципу анаморфозы – перетекания, отражения, слоения. Этот принцип, обозначенный словами Вергилия «Amant alterna Camēnae. Камены любят чередование» (эпиграф к циклу «С каменами играя» в книге «Таким образом»), воплощается на разных уровнях отдельного произведения и творчества в целом.

Так, семантически насыщенное оформление книг оказывается своеобразным введением к ним и, наоборот, прочитывается благодаря собственно тексту. Стилизованные (авто) портреты – с шутовскими кол-

паками, с дудочкой-птицей – на обложке книги «Таким образом» соотносятся с язвительностью героини Мориц, подобно шуту, находящейся вне социальной иерархии, с карнавальностью её образного мышления, выражающегося в отточенных, часто едких поэтических формулах-афоризмах, с осознанным ею правом говорить правду и срывать маски:

...дышит в лицо развязка

века и карнавала...

(«Вялотекущая сказка...» [7, с. 23]);

Меня от сливок общества тошнит!..

В особенности – от культурных сливок,

от сливок, взбитых сливками культуры

для сливок общества.

(«Меня от сливок общества тошнит!..» [7, с. 29]);

Дурно история пахнет,

а личная жизнь ароматна.

(«Ты – моя девочка...» [7, с. 145]);

Какой там у Кафки – кафказ?..

Кафказ – это наши кафказы,

кафказной жизни оргазмы,

кафказней кафказменных спазмы,

где кафкает казней показ.

(«Кафказ» [7, с. 66]; ср. это стихотворение

с ранним «На Мцхету падает звезда...» («Памяти Тициана Табидзе»), включённым в книгу «Не бывает напрасным прекрасное»). Нельзя не согласиться с И. И. Плехановой, характеризующей современную лирику Мориц: «Поскольку задача гражданской поэзии – внушить уверенность в правоте и собственной силе в ситуации смертельной угрозы, средства избличения противника самые радикальные: площадной смех, ярый гнев, вопиющее нарушение всех эстетических норм, яркая игра созвучий, энергия хореического ритма – всё это очистительная, живая вода поэзии» [8, с. 145].

Важнейшие смысловые скрепы книги «По закону – привет почтальону» – темы «связи», «почты» и «чистой лирики сопротивления» – обозначены не только в авторском утверждении «Книга моя – не сборник, а именно книга с единым „узлом связи“, где работает почтальон „чистой лирики сопротивления“» [4], но и на обложке, где заглавие соседствует с авторским рисунком – трио «La Résistance» (la résistance по-французски – сопротивление, противодействие). Замечание Д. Бака об А. Кушнере: «Все привычные грани кушнеровского магического кристалла остались в силе <...> они знаменуют не самоповтор, но смелый жест следования новейшим вызовам, стойкого сопротивления неслыханному прессу» [9], – может быть отнесено к лирике Ю. Мориц. Другое назначение обложки – отметить равноправие стиха и графики в книге и их переплетение в органическую целостность. «По закону – привет почтальону» – это и заглавие стихотворения в детской книге «Тумбер-Бумбер» (2007).

На форзацах книги отмечена близнечная природа героини – в обращённых друг к другу стилизованных лицевых профилях (см. также «такие стихи» на многих страницах). Её близнецами, двойниками в метафизическом измерении («Ты – детка Поэтка из глуби,

где гулы и плеск») являются цитируемые и упоминаемые в этой и других книгах поэты и мыслители. Помещённый на фронтисписе графический профильный портрет – обобщённый образ поэта (нос – его характерная черта) – не раз повторяется в книге. Стиховая параллель к этому рисунку – строки стихотворения «Мои прекрасные морщины...»: «...Мой нос, мой Сирано и Данте / В стране лица, в стране столетий...». Эти строки и портрет отсылают к стихам «Как много руна золотого настригли / с охотницы этой (прим. автора: «камны прекрасной») над Данте дремать!» («Камна прекрасная крутит романы...») и к портрету, сопровождаённому факсимильным стихотворением «Дивный какой я зверь!», в книге «Таким образом».

Принципу универсального двойничества подчинены и центральные в книге темы «сопротивления» и «чистой лирики». Противостояние содействует лиризации переживаний, «поэтству» как внутренней свободе и бескомпромиссному утверждению личностных ценностей («люблей»). И наоборот, интимность способствует сопротивляемости:

...лирика есть корень, извлечённый
Из ужасом очищенных мелодий.
 («Какая-то во всём ожесточённость» [10, с. 99]);
Вранья вам хочется, пьянящего, как ром?
Я – чистый лирик, у меня другая пьянка.
К интимной лирике относится разгром
Чужой страны, когда в своей не иностранка.
 («Слеза поэзии по Гоголю ползёт» [10, с. 518]).

В «Рассказах о чудесном» принцип анаморфозы проявляется в чередовании шрифтов названий (обычного печатного и курсива); в смене сиреневого и зелёного цветов на переплёте, форзацах, фотопортретах, в «Содержании»; в амбивалентности «лица» и «улицы». Само изучение внешнего вида «Рассказов о чудесном» похоже на отгадывание авторского замысла, на игру, важную в детских книгах Мориц, особенно в «Ванечке». На форзацах «Рассказов о чудесном» воспроизведён взгляд девочки, героини рассказа «Игра в ножичек», из окна во двор – в зелёно-сиреневых рисунках-отражениях и в выражениях-анаграммах «улица / у лица», «у лица / улица». Меняющийся порядок слов в каждом словосочетании обнаруживает скрытые в них те же слова и снимает противопоставление их по смыслу: «лицо» – своё, внутреннее, обращённое к «улице» – чужому, внешнему, осваивает и усваивает его; чужое оказывается своим, понятным (в «Игре в ножичек» героиня наблюдает за «уркой», ставя себя на его место; героиня «упорнографической истории» – Марс и Энгельс: художник, как и ребёнок, превращает абсурд улицы в «чудесное» с помощью искусства). «Лицо» и «улица», подобно зеленому и сиреневому, детству и зрелости, прошлому и настоящему, «нераздельны и неслиянны», как «непроглядность тайны и окончательная ясность».

Смыслоёмко жанровое обозначение «упорнографическая история», в аннотации распространяемое на все рассказы. Оно может читаться как «у- (то есть

«не») порнографическая», подобно «утопии» («месту, которого нет»), и в этом значении поддерживается рисунком и подписью к нему на одной из страниц: «...это – совсем не то, что ты думаешь, это – груша „дюшес“ в таких детских объятиях, когда груша огромна своим ароматом...» [6, с. 214]. В другой акцентировке – «упорно-графическая» – подчёркивается постоянство и незаменимость в творчестве Мориц её «рисункописьменности». В этом сочетании равно значимы обе части: «упорный» – настойчивый, последовательный, предполагающий сопротивление; «графический» – относящийся не только к виду изобразительного искусства, но и к части учения о письме, исследующей соотношения между буквами и звуками, т. е. соотношения между знаком (вербальным и визуальным) и смыслом, между «окончательной ясностью» и «непроглядностью тайны». Поэтому третьё и основное значение «упорнографической истории» – неотступное стремление автора словом и рисунком выразить невыразимое – «чудесное».

Принцип анаморфозы выдерживается не только на композиционном уровне. Во всём творчестве – как в стихах, так и в графике Ю. Мориц – заметны «обтекаемые», «перетекающие», «переливающиеся» образы листьев, ветвей, раковин, рыб, лодок, птиц, крыльев, перьев; стихий – волн, облаков, мглы, дыма, тумана; мотивы плавания, полёта. На фоническом, ритмическом, лингвостилистическом уровнях это – различные аллитерации, анаграммы, анафоры, внутренние рифмы, метатезы, паронимазии, оксюмороны, игра слов:

...почта
Тебя почтит, почти слезу в набор сдавая...
 («Закрой глаза и там гуди, работай...» [10, с. 164]);
Там – славы луга, там легенды слагаются, саги,
Там правды враньё грандиозные вещи творит <...>
Пока излагалась, твоя изолгалась эпоха...
 («Там – славы луга, там легенды слагаются, саги...» [10, с. 284]);
Пока светает и темнеет, пока темнеет и светает,
Пока святая тайна тает, не исчезая ни на миг,
И в небе облако летает, пока река его питает,
И это облако питает волну, где жабры и плавник...
 («Пока светает и темнеет, пока темнеет и светает...» [11, с. 351]).

Эти и другие стилиевые особенности не отменяют неизменного у Мориц предпочтения «первичности жизни, первичности ощущений, первичности запаха и звука любым эффектным формальным приёмам» [12].

Среди отмеченных – и приём сфрагиды (упоминания автором своего имени). Сфрагида размывает границы между поэтом и его представителем, между реальностью и вымыслом; поэт оказывается одновременно внутри и вне творимого им мира:

...Правят вечные здесь отморозки,
Разбивая страну, как стекло.
Но какой-нибудь Мориц в матроске
Здесь не врёт и не врёт – как назло...
 («Правят здесь аккуратные немцы...» [10, с. 231]);
Этот Мориц в этой Юнне
Распускает строк сирень.

(«Мой читатель драгоценный...» [13, с. 260]);

Юнна Мориц – это я, дзынь-ля-ля!

На пирушке воробья, дзынь-ля-ля!

На ветвях – мои прыжки, дзынь-ля-ля!

А чирикаю стишки, дзынь-ля-ля!

(«Это – Я!» [14, с. 80]);

И Россия была бы виновна

За моё на чужбине житьё,

Но прошляпила Юнна Петровна

Невозвратное счастье своё.

(«Если б я эти годы косые...» [11, с. 467]).

Ту же роль выполняют включённые в рассказ «И оно помогает» репродукции портретов и фотопортретов автора, лицевой обложки книги «Синий огонь» (1985). В «Ванечке» рисунки Галы Рудых сочетаются с фотографиями кактуса, ножниц; пуговицы с нитками, циферблата, куска мыла в пене, карандаша и других предметов. Правдоподобны и «Любовные письма» в «Ванечке»: их «написала и нарисовала Юнна Мориц собственноручно», страницы в них пронумерованы, письма сопровождаются фотографиями бутылок: морской почты – в начале и в конце, воздушной – в середине; почтовые бутылки закупорены, опечатаны сургучом, в них – свернутые листы с угадываемым почерком Мориц (подробнее о книге «Ванечка» см.: [15]). Заключительное в «Тумбере-Бумбере» стихотворение «Художник», героем которого является иллюстратор книги Евгений Антоненков, отсылает к передней обложке и обозначению на ней его имени.

Во всех книгах значимы мотив «путешественности», открытость, диалогизм сознания героини Мориц, её аллюзивно-реминисцентная отзывчивость. Постоянны её «почтальонство», общение с двойниками-собратями по перу и обращения к «драгоценному», «люблёвому» читателю, способствующие сопротивлению Поэтки. Знаком тесного контакта с «моим читателем» являются автореминисценции. Многие из них напоминают о детских стихах поэта, потому что читатель – взрослый ребёнок, помнящий «фейскую речь» детства, знающий о «Большом секрете для маленькой компании» (название детского и «взрослого» (2006) стихотворения, мультфильма (1979), книги (1987), особо часто цитируемое и обыгрываемое), понимающий то, что «ёжик резиновый» «насвистывал дырочкой в правом боку» (стихи «Ёжик резиновый» и песня С. Никитина на эти стихи). В Сквозере стихотворение «Еханая крышка» с вариативным рефреном «Крыша ехала домой, – / Еханая крышка!» (11, с. 321) отсылает к детским стихам «Крыша ехала домой» в книге «Букет котов» (1997) и заглавию книги «Крыша ехала домой» (2010).

Литература

1. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. 528 с.
2. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 1997. 197 с.
3. Лейдерман Н. Л. Функциональный аспект жанра // Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 17–57.

Своего рода эксплицитными цитатами в творчестве Мориц являются три её известных стихотворения – «Кармен» (1975), «В юности, в пасти огня...» (1976), «Не бывает напрасным прекрасное» (1979). «Присутствие» этих стихов в цикле «Отсутствия великолепно» (книга «По закону – привет почтальону»), возможно, объясняется высокой степенью их соответствия проблематике цикла, выраженной в его названии. О программности этих стихов свидетельствует и их включение в «Лицо», а второго и третьего – в книгу «Не бывает напрасным прекрасное». Другим примером включения ранее написанных произведений в новую книгу являются в частности такие стихотворения в «Сквозере», как «Особенно зимним утром, собирая себя в букетики...», «И в чёрных списках было мне светло...», «У девочек оно устроено иначе...», «Девушка Крылов». Среди автореминисценций в «Рассказах о чудесном» значимо выражение «таким образом». Это заглавие книги 2000 г. и стихотворения в книге «По закону – привет почтальону» не просто повторяется в названии первой главки и является рефреном в рассказе «Переезд за храницу», а становится «чудесным образом», «каким-то чудесным образом», «самым чудесным образом» и др. Соотносясь с названием, этот оборот служит одной из скреп «Рассказов о чудесном».

Вместе с другими повторами цитаты и реминисценции воплощают программную авторскую установку: «Должна, должна, должна Поэтка повторяться, / Как ритмы космоса, где шарик наш повис» [16, с. 8]. Повторяя и повторяясь, «почтальонству <я> в каждой строке», не обязательно в точности воспроизводя чужое или своё («...Крыша ехала правее / И левой повтора» [11, с. 321]), Мориц устанавливает вертикальные (с цитируемыми поэтами и собственными стихами) и горизонтальные (внутри- и межстиховые, межцикловые) связи, расширяющие семантическое пространство книг и являющиеся одной из их скреп. «Юнна Мориц – поэт, не бегущий от литературных традиций, но перерабатывающий их в своём рабочем тигеле настолько, что связи с её поэтическими собеседниками обнаруживаются далеко не сразу», – отмечает М. Кралин, рассуждая о «нетрадиционной традиционности» поэта [13]. Развитие принципов художественной целостности в творчестве Мориц начала XXI века предполагает углубление и расширение от книги к книге контекстуальных связей – с её собственным творчеством, с русской и мировой литературой и историей.

4. Мориц Ю. П. Драгоценный читатель!. Режим доступа: <http://www.owl.ru/morits/> (дата обращения: 01.09.2017).
5. Виравов И. Сердечки бьются. Появление «Сквозера», новой книги стихов Юнны Мориц, – событие в поэзии не рядовое // Российская газета. 25.04.2014.
6. Мориц Ю. П. Рассказы о чудесном. М.: Время, 2008. 448 с.
7. Мориц Ю. П. Таким образом: стихотворения. СПб.: Диамант: Золотой век, 2001. 248 с.
8. Плеханова И. И. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 163 с.
9. Бак Д. П. Сто поэтов начала столетия: пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. 576 с. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1039685> (дата обращения: 16.09.2017).
10. Мориц Ю. П. По закону – привет почтальону. М.: Время, 2005. 572 с.
11. Мориц Ю. П. Сквозеро. М.: Время, 2014. 576 с.
12. Бондаренко В. Поэт большого стиля // Завтра: авторский блог. 00:00, 07.08.2014. Режим доступа: <http://zavtra.ru/blogs/poet-bolshogo-stilya> (дата обращения: 16.09.2017).
13. Мориц Ю. П. Не бывает напрасным прекрасное. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
14. Мориц Ю. П. Ванечка. Челябинск: АвтоГраф, 2002. 89 с.
15. Кривоусова З. Г. Книга Юнны Мориц «Ванечка» как художественное целое // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Л. Лейдермана. Челябинск, 2011. С. 177–182.
16. Мориц Ю. П. И в чёрных списках мне светло // Литературная газета. 12–18.04.2006. № 15.
17. Кралин М. М. С Юнной по жизни. Режим доступа: <https://my.mail.ru/community/kralinsreaders/07B910931978E07F.html> (дата обращения: 01.09.2017).

THE PRINCIPLES OF ARTISTIC UNITY IN THE BOOKS BY Y. MORITS IN THE 2000S

Oleg N. Vladimirov¹, @

¹ Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky street, Novokuznetsk, Russia, 654041
@vladi-oleg@yandex.ru

Received 11.09.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Yunna Morits, lyrics, artistic integrity, graphics, anamorphosis, the context.

Abstract: The current paper features the principles of artistic integrity in the books by Y. Morits published in the 2000s («Лицо», «Таким образом», «По закону – привет почтальону», «Рассказы о чудесном», «Сквозеро», «Ванечка» etc.). These works reveal such powerful semantic pairs as word and graphics, child and adult, temporal and eternal etc. They go back to the archetypal, mythological binary oppositions that are the results of cognition and methods of orientation and harmonization. In Moritz's oeuvre these paired combinations display the author's individual poetic vision of the world. The recurring motives of duplicity (duality) are connected with these binaries. The ratio of the components of these combinations is subdued to the universal principle for Moritz's oeuvre, i.e. the principle of anamorphosis (alternation, overflowing, reflection). This principle is embodied on different levels in her books and her oeuvre in general. The complication of the principles of artistic integrity in Moritz's works created in the recent decade involves the deepening and widening of the contextual relations between these books, as well as with her previous works and with Russian and world literature and history in general.

For citation: Vladimirov O. N. Printsipy khudozhestvennogo edinstva v knigakh Iu. Morits 2000-kh godov [The Principles of Artistic Unity in the Books by Y. Morits in the 2000s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 178–183. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-178-183.

References

1. Girshman M. M. *Literaturnoie proizvedeniie: teoriia khudozhestvennoi tselostnosti* [Literary work: the theory of artistic integrity]. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2002, 528.
2. Grekhnev V. A. *Slovesnyi obraz i literaturnoie proizvedeniie* [Word image and literary work]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr, 1997, 197.
3. Leiderman N. L. Funktsional'nyi aspekt zhanra [The functional aspect of the genre]. *Teoriia zhanra. Issledovaniia i razbory* [The theory of the genre. Studies and critiques]. Ekaterinburg: UrGPU, 2010, 17–57.

4. Morits Iu. P. *Dragotsennyi chitatel'!* [Precious reader!]. Available at: <http://www.owl.ru/morits/> (accessed 01.09.2017).
5. Virabov I. Serdechki b'iutsa. Poiavleniie «Skvozera», novoi knigi Yunny Morits, – sobytiie v poezii ne radovoiiie [Hearts are beating. The appearance of the «Squozero», a new book of poems by Yunna Moritz, is an event in poetry not an ordinary]. *Rossiiskaia gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 25.04.2014.
6. Morits Iu. P. *Rasskazy o chudesnom* [Stories about the wonderful]. Moscow: Vremia, 2008, 576.
7. Morits Iu. P. *Takim obrazom* [In this way]. Saint-Petersburg: Diamant: Zolotoi vek, 2001, 248.
8. Plekhanova I. I. *Russkaia poeziia rubezha XX–XXI vekov* [Russian poetry of the turn of the XX-XXI centuries]. Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2015, 163.
9. Bak D. P. *Sto poetov nachala stoletiiia* [One hundred poets of the beginning of the century]. Moscow: Vremia, 2015, 576. Available at: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1039685> (accessed 16.09.2017).
10. Morits Iu. P. *Po zakonu – privet pochta'lonu* [By law – hello to the postman]. Moscow: Vremia, 2005, 572.
11. Morits Iu. P. *Skvozero* [Squawzero]. Moscow: Vremia, 2014, 576.
12. Bondarenko V. Poet bolshogo stila: o tvorchestve Yunny Morits [A poet of great style: the work of Yunna Morits]. *Zavtra = Tomorrow*, 00:00, 07.08.2014. Available at: <http://zavtra.ru/blogs/poet-bolshogo-stilya> (accessed 16.09.2017).
13. Morits Iu. P. *Ne byvaet naprasnym prekrasnoe* [Beautiful cannot be in vain]. Moscow: Eksmo, 2006, 352.
14. Morits Iu. *Vanechka* [Vanechka]. Chelabinsk: AutoGraph, 2002, 89.
15. Krivousova Z. G. Kniga Yunny Morits «Vanechka» kak khudozhestvennoie tseloie [Yunna Morits' book «Vanechka» as an Artistic Whole]. *Literaturnyi tekst XX veka: problemy poetiki: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora N. L. Leidermana* [Literary text: problems of poetics. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the memory of Professor Leiderman N. L.]. Cheliabinsk, 2011, 177–182.
16. Morits Iu. P. I v chernykh spiskakh mne svetlo [And in the black lists I feel the light]. *Literaturnaia gazeta = Literary Newspaper*, no. 15 (12–18.04.2006).
17. Kralin M. S. *Iunnoi po zhizni* [With Yunna for life]. Available at: <https://my.mail.ru/community/kralinsreaders/07B910931978E07F.html> (accessed 01.09.2017).

УДК 811.133.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ О. ХАКЛИ "POINT COUNTER POINT" («КОНТРАПУНКТ»)

Тамара П. Карпухина¹.@

¹ Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68

@tkarpukhina1@mail.ru

Поступила в редакцию 22.09.2017. Принята к печати 02.03.2018.

Ключевые слова: экфрасис, монологический экфрасис, диалогический экфрасис, архетипическая схема экфрасиса, центр и периферия экфрасистического текста, составляющие экфрасиса, функции экфрасиса.

Аннотация: Объектом изучения статьи является живописный экфрасис в романе Олдоса Хаксли "Point Counter Point". Выделены центральная и периферийная части экфрасистического текста. Исследованы составляющие экфрасистического описания, представленного в романе О. Хаксли. Эстетическая составляющая проявляется в высокой оценке картины как эстетического объекта. Семиотическая составляющая проявляется в переводе с одной системы знаков (живописи) на другую (литературы): экфрасистический вербальный текст в качестве означающего указывает на свое означаемое – живописное полотно, созданное главным героем романа – художником. Архетипическая составляющая проявляется в функционировании экфрасиса (монологического и диалогического), специфические черты которого вписываются в архетипическую схему античного древнегреческого экфрасиса. Лингвистическая составляющая проявляется в наличии в экфрасистическом описании перцептивной лексики, относящейся к визуальной модальности, направленной на побуждение читателя-зрителя к созерцанию изображения и на пробуждение в нем чувства прекрасного при созерцании предмета искусства. Герменевтическая составляющая проявляется не столько в интерпретации картины, сколько в истолковании посредством этой картины сути творчества в целом, представляющего собой вечное, неподвластное времени явление, противопоставленное бренности жизни. В статье изучены функции экфрасиса в романе: эстетически-оценочная, дескриптивная, эмоционально-воздействующая, характеризующая, истолковывающая.

Для цитирования: Карпухина Т. П. Функционирование экфрасиса в романе О. Хаксли "Point Counter Point" («Контрапункт») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 184–192. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-184-192.

В последнее время все большее внимание специалистов в области литературоведения и лингвистики привлекает такое явление, как экфрасис. Опубликованы работы, проанализировавшие экфрасис на материале прозаических [1–10] и поэтических [11–17] произведений. Большая заслуга в извлечении термина «экфрасис» из античной риторики и введении его в отечественный научный оборот принадлежит Н. В. Брагинской, проанализировавшей генезис и эволюцию термина, а также выделившей такие разновидности экфрасиса, как монологический / диалогический, одиночный / серийный, поэтический / прозаический [18–19].

Экфрасис (экфраза) (от греч. ек-φραση – высказывать, выражать) представляет собой словесное описание в литературном произведении рукотворного предмета – артефакта, являющегося предметом искусства, реального или вымышленного (картины, статуи, чаши, щита, храма, дворца и т. п.). Описание преследует цель создания особого «видения», «постижения» произведения [20], соотносимого с его содержанием.

Несмотря на заметное продвижение в исследовании экфрасиса в последнее десятилетие, следует все же отметить недостаточную изученность данного явления,

что делает обращение к его проблематике весьма актуальным. Представляется необходимым расширить круг авторов, идиостиль которых рассматривался бы через призму экфрасистического видения, что позволит очертить сферу реализации изобразительно-выразительных возможностей экфрасиса, заложенных самой природой взаимодействия, взаимопроникновения разных искусств, составляющих суть экфрасиса как литературного приема. Актуальность работы определяется также тем, что исследуемый в настоящей статье роман Олдоса Хаксли «Контрапункт» [21] не подвергался ранее изучению с точки зрения функционирования в нем экфрасистических описаний. Восполнение этого пробела тем более важно, так как данный роман относится к жанру "Kunstlerroman" [22], в центре внимания которого находится творческая судьба художника, вследствие чего в произведении заметную роль играют описания живописных картин. Главным героем романа является художник Джон Бидлейк, которого мы застаем все еще в зените славы, но уже на закате жизненного пути.

Особая роль в романе отведена картине художника «Купальщики» ("Bathers"), написанной в период рас-

цвета его творческих сил. Это живописное полотно, служащее референтом экфрасического описания, входящее в художественно-образный мир романа, носит атрибутированный характер [23], релевантный только для данного романа, являющегося художественным вымыслом.

Указанное экфрасическое описание и является объектом изучения настоящей статьи. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования экфрасиса в романе О. Хаксли «Контрапункт». В задачи работы входит:

- рассмотреть разновидности эфрасиса, диалогического и монологического, представленных в романе;
- дать оценку описываемому изображению как эстетическому объекту;
- рассмотреть описание живописного полотна с точки зрения семиотического подхода;
- выявить архетипические корни экфрасического описания;
- изучить языковые средства, использованные автором в экфрасическом описании;
- рассмотреть описываемое изображение с точки зрения герменевтического подхода;
- охарактеризовать функции экфрасиса в исследуемом романе.

Прежде чем перейти к объекту рассмотрения данной статьи, осветим вкратце содержание четвертой главы, представляющей картину Джона Бидлейка «Купальщики». В главе описывается светский вечер, организованный леди Эдвард Тантамаунт, давней приятельницей художника.

После концерта классической музыки гости проследовали в обеденный зал, где на самом видном месте, над камином, вывешена картина Бидлейка «Купальщики». С этого момента повествования начинаются границы экфрасиса, текстуально обозначенные предложением, которое вводит живописное произведение в поле зрения: *The third and the finest of John Bidlake's 'Bathers' hung over the mantelpiece in the dining-room of Tantamount House* [21, с. 57].

Границы экфрасиса заканчиваются в той части текста, где картина упоминается в последний раз, когда художник рассуждает о том, что женщин вообще следует изображать так же, как и моделей «Купальщиков», то есть прекрасными в их телесной нагоде (*their charming bodies*), а не как воплощение духовного начала (*and not deceptive symbols of a non-existent spirituality*) [21, с. 61].

Будучи отграниченным от остального текста, экфрасическое описание приобретает семиотический статус «текста в тексте», обладающего определенными рамками. Введение экфрасиса в рамки отражает фенестрационный (от латинского *fenestra* – окно) тип восприятия, как «вид через окно», обеспечивающий целостный характер воспринимаемого [24, с. 225, 231, 233; 25, с. 78–85; 26, с. 8].

Заданный определенными рамками, которые служат в качестве его границ, анализируемый экфрасис, однако, не представляет собой монолитного, однородного по качественному составу, текста. В рома-

не отчетливо выделяются два текстовых фрагмента, следующих друг за другом, представляющих картину с разных позиций: с точки зрения повествователя, с одной стороны, и самого художника – с другой.

Если первый фрагмент представляет собой образец монологического экфрасиса, то второй фрагмент, содержащий беседу художника с гостями аристократического салона, относится к диалогическому экфрасису. Важнейшими признаками диалогического экфрасиса, который строится по античной архетипической схеме, являются: скрытый смысл изображения, получающий истолкование в ходе созерцания предмета искусства и беседы между посвященным (знатоком, экзегетом, храмовником) и непосвященным (наивным, любознательным зрителем, профаном, паломником). Описание включает в себя «оптическую лексику», световые образы (блеск, сияние и т. п.), отсылки к сверхъестественному (чудесам, призракам), мотив оживающего изображения [19, с. 287].

В обоих текстовых фрагментах дается высокая оценка картине. В монологическом экфрасисе живописное полотно характеризуется повествователем как прекраснейшее (*the finest*) из творений художника [21, с. 57]. В диалогическом экфрасисе сам художник скромно называет свою картину хорошей работой: *'It's good,' he said, 'it's enormously good.'* [21, с. 58].

Рассмотрим подробнее выделенные типы экфрасиса.

Монологическое экфрасическое описание, сосредоточенное на собственно изображении, представляющем купальщиков, апеллирует, в первую очередь, к зрению (см., например, слова *eye, contemplation*). Только зрению доступно восприятие света, цвета и их оттенков, от блеклых до сияющих, а также окружающего пейзажа, с облаками на небе и проч. (*the colouring very pure and brilliant; pearly; nacreous; pale bright landscape; clouds* и проч.) [27, с. 13–14].

Сказанное свидетельствует об осуществлении экфрасисом дескриптивной функции, опирающейся на словесно-визуальные образы. При этом описание передает не только то, что изображено на картине, но и то, какие чувства порождает изображение, осуществляя эмоционально-воздействующую функцию. Об этом говорят эпитеты *gay, joyous, light*, которыми характеризуется живописное полотно Бидлейка: *It was a gay and joyous picture, very light in tone* [21, с. 58].

Эмоциональное воздействие картины проявляется в том, что зрителям передаются радость, веселье, ощущение легкой беззаботности, исходящие от молодых людей, изображенных на картине. Общий круг, образуемый телами на воде, метафорически соотносимый с венком (*garland*), как бы поддерживается природой, которая листвою своих деревьев охватывает их, образуя еще один живой венок наверху: *Eight plump and pearly bathers grouped themselves in the water <...> so as to form <...> a kind of garland (completed above by the foliage of a tree) round the central point of the canvas* [21, с. 58]. В анализируемом экфрасическом описании явственно проступает акцент на телесности изображаемого, достигаемой отбором соматических

наименований (*moving bodies and limbs; smiling flesh; lovely forms*).

То, что изображено на полотне, и как это сделано, опосредованным образом характеризует самого Бидлейка в молодости, его жизнелюбие, гедонизм, упоение естеством природы. Сказанное позволяет утверждать об осуществлении экфрасисом в данном случае, наряду с дескриптивной и эмоционально-воздействующей, также и характеризующей функции.

Если взглянуть на экфрасический текст с другой стороны, а именно с точки зрения его интермедиальной, интерсемиотической природы, то важно отметить следующее. Перевод с языка одной семиотической системы – живописи – на язык другой – литературы – оказывается возможным вследствие реализации языковым знаком своей индексальной сущности по отношению к знаку изобразительного искусства. Экфрасический вербальный текст становится означающим, указывающим на свое означаемое – живописное полотно. В рассматриваемом случае он указывает на реалистическое произведение, которое является означающим, но уже на другом уровне – по отношению к означаемой им реальной действительности. Между картиной и действительностью складываются иные отношения – отношения подобия, то есть иконичности.

В изображении, представленном в монологическом экфрасическом тексте, наличествуют легко прочитываемые отношения между знаками: семантические, синтаксические, прагматические. В описании заложены и семантика (то, что обозначено, изображено), и синтактика (то, как соотносены друг с другом изображаемые фигуры), и прагматика (то, как изображение может восприниматься зрителем).

Такая семиотическая насыщенность, выраженная в экфрасическом тексте, несет некий герменевтический посыл, задает определенный вектор читательского понимания, воспринимающего картину как гимн жизни, воспетый молодым художником.

До сих пор речь шла о монологическом экфрасисе, выразителем которого выступает всезнающий повествователь [21, с. 57–58].

Практически сразу за ним следует диалогический экфрасис, ведущей фигурой которого является Джон Бидлейк, размышляющий о своей картине (*contemplating his own work*) с собеседниками, остановившимися перед изображением.

Диалогический экфрасис в романе «Контрапункт» носит ярко выраженный дискретный характер, проявляющийся в том, что описание картины рассредоточено на довольно протяженном текстовом пространстве. В диалогическом экфрасисе явственно выделяются части, которые можно обозначить как принадлежащие центру или периферии экфрасического текста. Центр, непосредственно связанный с описанием художественного изображения, содержит наибольшее число компонентов, соотносящихся с эстетическим артефактом.

Периферия, связанная с изображением опосредованно, начинается там, где речь отклоняется от изображения, повествуя о неких событиях, связанных

с картиной; характеризуя причастных к ней персонажей; обращаясь к реминисценциям, возвращающих художника к времени написания произведения, и проч.

Обратимся к рассмотрению диалогического экфрасиса. Напомним, что диалог начался с фразы художника, давшего высокую оценку картине. Эта фраза, впоследствии повторенная им в ходе беседы (*'It's good,' he said again <...>*), выражает мнение профессионала, что соответствует предписанной ему роли знатока, наставника, осуществляющего дидактическую и просветительскую функции, присущие диалогическому экфрасису [19]. Адресуясь к слушателям, Бидлейк обращает их внимание на совершенную композицию картины, используя при этом лексику, которая, как и в монологическом экфрасисе, принадлежит к визуальной модальности, относящейся к категории перцептивности [28]. Ее маркерами служат зрительные императивы (глаголы *look* и *see*), выполняющие апеллятивную функцию. Нетрудно заметить в этом реализацию архетипических формул, подмеченных в древнегреческих памятниках словесного искусства, используемых храмовниками в обращении к паломникам, посетителям храмов и других сакральных мест, чтобы побудить их стать не только слушателями, но и зрителями [19]. Приведем обращения Бидлейка к слушательницам: *'Look at the way it's composed'; 'Look at the figure on the right with the arms up.'*; *'See how it compensates for the big stooping one there on the left.'* [21, с. 58]. Таким образом, и субъект, и объект восприятия оказываются вовлечены в перцептивную деятельность [29, с. 179].

В этой части текста экфрасис-диалог выполняет, так же как и экфрасис-монолог, дескриптивную функцию. Разъясняя слушателям азы и тонкости мастерства, выступая в качестве знатока, Бидлейк одновременно и описывает картину, используя терминологию, входящую в сферу изобразительного искусства (*composed; balance; arrangement; the figure on the right* и проч.).

Другим участникам беседы (Люси Тантамаунт, миссис Беттертон) отведена роль слушателей, созерцающих картину и внимающих речи художника. И здесь мы наблюдаем некоторое отступление от архетипической схемы экфрасиса-диалога. С одной стороны, согласно архетипу такой беседы, слушательницы лишь изредка подают реплики или задают вопросы, с другой стороны, они подвергают сомнению правомерность изображения женщин без всякого намека на душу (*not a trace of spirit*), как это видится Бидлейку.

Возможно, роль почтительных учениц не была бы так очевидно отброшена, если бы обе героини не чувствовали, что слава великого мастера давно в прошлом. Недаром Люси, на словах соглашаясь с оценкой Бидлейка его творчества (*'Of course it's good', said Lucy*), во внутренней речи не щадит художника, называя последнюю выставку отвратительной, жалкой (*This last exhibition – it was deplorable*) [21, с. 59].

Из сказанного явствует, что архетипическая схема диалогического экфрасиса, предписывающая строгую иерархию ролей, начинает разрушаться, поскольку поколеблен авторитет самого учителя. Отступление

от традиционной схемы на этом этапе диалога приводит к тому, что беседа переходит в другое русло. Параллельно со светской беседой в тексте постоянно идет внутренний монолог художника, в котором Бидлейк с раздражением вспоминает других женщин, с их притязаниями на интеллект (*intellectual pretensions*) и душу (*tremendously keen on the soul*). Он же видит только красивые ноги и стройную фигуру (*a pair of legs and a figure*) [21, с. 61].

Обращает на себя внимание языковая форма выражения презрения художника к женщинам. Перечислены зоонимы – наименования животных и насекомых, с кем сравниваются женщины (*bloodhounds; oxen; mantis*). Используется модус кажимости (*have the air of; seem to be; as though*), ставящий под сомнение способности женщин судить со знанием дела (*learn; judge*), глубоко мыслить (*meditate; metaphysics*), молиться (*pray*).

Экфрастическое описание, включающее в данном случае как центр (то, что относится к картине «Купальщики»), так и периферию (выражение отношения Бидлейка к женщинам), осуществляет не только дескриптивную, но и характеризующую функцию. Экфрасис служит цели создания образа художника, плененного красотой женского тела, но не допускающего мысли о присутствии в женской сущности духовного начала.

Обратимся к семиотической составляющей экфрасиса. В отличие от экфрасиса-монолога, диалогический экфрасис предстает заметно усеченным в семиотическом плане. Если в описании «Купальщиков» повествователем были представлены в равной мере семантика, синтактика и прагматика, то в речи художника, сосредоточившегося на соотношении частей картины, заметно превалирует синтактика. Он говорит о том, как построена композиция картины (*the way it's composed*), как естественно распределены на ней фигуры (*there's no trace of<...> artificial arrangement*), о том, что одна фигура уравновешивает другую, подобно рычагу (*Like a long lever lifting a heavy weight*) [21, с. 58]. В некоторой степени затронут прагматический аспект, поскольку предполагается, что, увидев такую гармоничную, совершенную композицию, зритель испытает изумление и восхищение.

Профессиональная гордость художника тем, как безупречно выстроена картина, увела его в сторону от других аспектов, в частности, от ее содержания, от того, что изображено живописным полотном как целым, что обозначено описываемыми фигурами. Иными словами, за пределами экфрасиса-диалога остался такой семиотический аспект изображения, как семантика. Это, в свою очередь, повлияло в определенной степени и на такую составляющую экфрасиса, как герменевтическая перспектива. Смысл собственно самой картины в описании ее создателя остался нераскрытым и непонятым. Это означает, что художник не осуществил в полной мере роли экзегета, толкователя.

Обратимся к такой важной части экфрастического текста, как реминисценции. Особая роль в романе отве-

дена воспоминаниям художника, связанным с периодом создания картины «Купальщики», которые составляют периферию диалогического экфрасиса, в центральной части которого, как уже отмечалось, приводится собственно описание картины Джоном Бидлейком и содержатся реплики-вопросы его слушателей.

Реминисценции связаны с Дженни Смит, моделью, послужившей прообразом центральной фигуры его картины.

Юная девушка, по его саркастическому выражению, была настолько уникальна, что в ней уживались, казалось бы, несочетаемые качества: красота, глупость и вульгарность: *But the figure with the arms up was Jenny Smith, the loveliest model he had ever had. Incarnation of beauty, incarnation of stupidity and vulgarity* [21, с. 58]. Сарказм заключался в том, что она была воплощением этих качеств, взятых в их одновременности и единстве, на что указывает повтор лексический (*incarnation*), синтаксический (параллелизм структур *N+ of*) и морфемный (*-ty / -ty*) (о взаимодействии разных видов повтора см. [30; 31]).

Короткая жизнь Дженни Смит закончилась плачевно: она окончательно спилась, допивая алкоголь из чужих бокалов: *Afterwards she took to drink and decayed, came round begging and drank up the charity* [21, с. 59]. Художник не видит своей вины в том, что, любясь прекрасным телом модели, он унижал ее достоинство как человека, обладающего душой, которой, как он считал, у женщины быть не может.

Реминисценциям неслучайно отводится такое заметное место в романе. Звучащие во внутренней речи героя, они характеризуют не столько девушку, сколько самого художника, который мог создать прекрасную картину и погубить при этом человека, вдохновившего его на это творение.

Единственная ценность в жизни, которую он признавал, – это было искусство. И оно же для него было истинной реальностью. Для него реальной была та Дженни, которая оставалась прекрасной на его картине: *But the real Jenny remained here in the picture with her arms up and the pectoral muscles lifting her little breasts* [21, с. 59].

На картине представлен и сам художник: *What remained of John Bidlake <...> was there in the picture, too*. Однако этот образ он не считает реальным, в отличие от образа той же Дженни. Для него это только призрак реальности, наблюдаемый им с позиции сегодняшнего дня: *Another John Bidlake still existed to contemplate his own ghost* [21, с. 59].

Эти мысли приводят нас к постоянному мотиву греческой экфразы о пустой кажимости, видимости, призрачности, подделке, когда, представляясь подлинным (например, неживое – живым), ложное впоследствии все же разоблачается в результате некоего откровения [19].

Старый художник задается вопросом: где, в каком измерении существует реальный Бидлейк, насколько реален он как человек и как образ, созданный на картине: *And in any case, was he the real Bidlake, any more*

than the sodden and bloated woman who died had been the real Jenny? [21, с. 59].

Этот вопрос можно считать – в рамках энигматического кода архаического диалога – загадкой, тайной, требующей раскрытия и толкования, присутствующей обычно в диалогическом экфрасисе. И старый мастер дает ответ, который может открыться только посвященному – художнику, творцу, знатоку своего дела, достигшему мудрости в понимании предназначения своего творчества. Это эпифаническое откровение раскрывает тайну: художник существует только в своих творениях: *Real Jenny lived among the pearly bathers. And real Bidlake, their creator, existed by implication in his creatures* [21, с. 59].

Отметим интересную языковую форму, в которой выражена приведенная выше сентенция. По сути, мысль художника оформлена в виде классической антитезы с двумя противоположными утверждениями, встроенными в синтаксически параллельные структуры. Анафорический повтор ключевого слова *real* и соединительный союз *and* объединяют Дженни и Бидлейка в одном отношении – в реальности их осуществившейся жизни. Финальная же часть предложений разводит их в другом отношении – реальная Дженни находится в кругу купальщиков, тогда как реальный Бидлейк присутствует в каждом из своих творений. И в то же время жизнь обоих причастна особому миру, который создается произведением искусства.

Приведенная антитеза, вскрывающая суть творчества, разрешающая его загадку, означает, что экфрасический текст, содержащий реминисценции главного героя, выполняет герменевтическую функцию. Истолковывается при этом не столько картина, сколько – через ее посредство – творчество как особого рода деятельность, сакрализирующая, освящающая жизнь. Сакральной жизнь становится только будучи преобразованной искусством, и в таком эстетически преобразованном виде – в своем инобытии – жизнь приобретает вечное существование. Как создатель картины, ее демиург и одновременно ее интерпретатор Бидлейк осознает, с одной стороны, бренность, ирреальность преходящей жизни отдельного человека, с другой стороны, вечность, а значит непреходящую во времени реальность произведения искусства.

Выводы

Референтом экфрасического описания в романе О. Хаксли «Контрапункт» является картина «Купальщики», представляющая собой вымышленное произведение изобразительного искусства, входящее в художественно-образный мир романа. Эстетическая составляющая экфрасиса проявляется в высокой оценке картины как эстетического объекта.

Рассмотренный через призму семиотических воззрений экфрасис трактуется как перевод с одной системы знаков – иконических знаков языка живописи – в другую – в собственно языковые знаки, являющиеся материалом литературы. Экфрасический вербальный текст в качестве означающего указывает на свое означае-

мое – живописное полотно, созданное главным героем романа – художником Джоном Бидлейком.

Обращение к архетипической составляющей экфрасиса выявляет наличие в романе О. Хаксли двух типов экфрасического текста: монологического и диалогического. В первом случае описание картины «Купальщики» дается от лица всезнающего повествователя, во втором – читатель получает представление о ней из беседы художника со своими слушателями. И монолог, и диалог вписываются в архетипическую схему древнегреческого античного экфрасиса.

Лингвистическая составляющая рассматриваемого явления находит выражение в языковых средствах, маркирующих экфрасический текст как эстетический объект в целом и как предмет изобразительного искусства в частности. Изображение описывается с помощью специальной терминологии, принадлежащей сфере искусства, характеризующей композицию, распределение света, цвета, форм, общую тональность.

Особенно важно отметить направленность экфрасического текста на побуждение читателя-слушателя к созерцанию изображения, что выражается в использовании перцептивной лексики, относящейся к визуальной модальности, входящей в семантическое поле зрения. Именно эта лексика занимает значительное место в архетипической схеме экфрасиса, разработанной в древнегреческой классической литературе.

Экфрасис, задействованный в романе, осуществляет следующие функции:

- эстетической оценки (определяет ценность картины как произведения искусства);
- дескрипции изображения (описывает то, что изображено на картине);
- эмоционального воздействия (вводит в описание языковые средства, которые передают создаваемое изображением общее настроение, вызывающее эмоциональный отклик у адресата, воспринимающего картину);
- характеристики персонажей, так или иначе связанных с картиной (непосредственно или опосредованно характеризует самого художника и его моделей, послуживших прообразами для изображенных фигур; характеризует слушателей как участников диалога);
- функции истолкования (раскрывает герменевтический посыл изображения как некоего энигматического кода, ключи к которому содержатся в экфрасическом описании).

Важнейшей представляется герменевтическая функция экфрасиса в романе, которая заключается в истолковании сути творчества. Размышляя о своем творении, художник приходит к выводу о бренности, иллюзорности человеческой жизни, исчезающей во времени, и о вечности искусства, неподвластного времени.

Литература

1. Хайнади З. Живописание словом. О поэтической функции визуального изображения в творчестве Л. Толстого // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 359–377.
2. Грякалова Н. Ю. Визуальный образ и смысл: Заметки о чеховских экфрасисах (к юбилею А. П. Чехова) // Русская литература. 2010. № 2. С. 3–14.
3. Франк С. Заражение страстями как текстовая наглядность: pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 32–42.
4. Уртминцева М. Г. Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 975–977.
5. Кривонос В. Ш. Мертвые души Гоголя: изображенный человек // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 1. С. 24–31.
6. Нике М. Типология экфрасиса в «Жизни Климса Самгина» М. Горького // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 123–135.
7. Ханинова Р. М. Сон-экфраза и «оживший» экфрасис в прозе А. К. Толстого 1910–1920-х годов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2008. № 10. С. 150–156.
8. Поддубцев Р. А. Экфрасис у Андрея Платонова: Поэтика визуальности // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 173–196.
9. Морозова Н. Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2006. 210 с.
10. Карпухина Т. П. Экфрасис и его функционирование в романе Сомерсета Моэма «The Moon and Sixpence» («Луна и грош») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 200–205. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.
11. Васильев С. А. Пушкинская «Мадона» // Русская речь. 2013. № 5. С. 3–7.
12. Рубенс М. Экфрасис в раннем творчестве Георгия Иванова // Русская литература. 2003. № 3. С. 68–85.
13. Хадынская А. А. Экфрасис как способ воплощения пасторальности в ранней лирике Георгия Иванова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 22 с.
14. Ланн Ж.-К. О разных аспектах экфрасиса у Велимира Хлебникова // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 71–87.
15. Мних Р. Сакральная символика в ситуации экфрасиса (стихотворение Анны Ахматовой «Царскосельская статуя») // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 87–97.
16. Rubins M. Crossroad of Arts, Crossroad of Cultures: Ecphrasis in Russian and French Poetry. N.-Y.: Palgrave, 2000. 302 p.
17. Карпухина Т. П. Экфрастическое прочтение стихотворения Теда Хьюза «Portraits» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10. С. 16–23.
18. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста: (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.
19. Брагинская Н. В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 274–313.
20. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–23.
21. Huxley A. Point Counter Point. Lnd.: Vintage Books, 2004. 569 p.
22. Криворучко А. Ю. Функции экфрасиса в русской прозе 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТГУ, 2009. 18 с.
23. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.
24. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
25. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. Хабаровск: ДВГУ, 2006. 392 с.
26. Третьяков Е. Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 19 с.
27. Вишнякова Е. П. Категория перцептивности как основа языкового моделирования возможных миров в новелле Г. Уэллса «The Country of the Blind»: автореф. дис.... канд. филол. наук. Хабаровск: ТОГУ, 2015. 24 с.
28. Вишнякова Е. П., Карпухина Т. П. Функционирование категории перцептивности в новелле Г. Уэллса «Страна слепых» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 2. С. 241–250.
29. Варламенко И. Г. Субъектно-объектные отношения в английских фразеологизмах с перцептивным компонентом вкуса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 179–183. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-179-183.

30. Карпухина Т. П. Эстетический аспект взаимодействия морфемного повтора и синтаксического параллелизма в английской художественной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 216–222.

31. Карпухина Т. П. Взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма в англоязычной художественной прозе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 36–41.

EKPHRASIS AND ITS FUNCTIONING IN THE NOVEL "POINT COUNTER POINT" BY ALDOUS HUXLEY

Tamara P. Karpukhina¹.@

¹ Pacific National State University, Pedagogical Institute, 68, Karl Marx St., Khabarovsk, Russia, 680000

@tkarpukhina1@mail.ru

Received 22.09.2017. Accepted 02.03.2018.

Keywords: ekphrasis, ephrasis, ekphrastic monologue, ekphrastic dialogue, the archetypal scheme of ekphrasis, the centre and periphery of an ekphrastic text, components of ekphrasis, functions of ekphrasis.

Abstract: The current article features the phenomenon of ekphrasis in the novel "Point Counter Point" by Aldous Huxley. The ekphrastic text consists of two conspicuous parts, the central and the peripheral ones. Various aspects of ekphrasis are subjected to analysis. The aesthetic component of the ekphrastic text reveals itself in the description of the picture painted by the main hero as a genuine work of art with great aesthetic value. The semiotic component manifests itself in the phenomenon of semiotic transference: the iconic signs of painting are translated into the verbal signs of a work of literature. The ekphrastic text, the signifier, points at the signified, i.e. the painting, described in the novel. The archetypal component reveals itself in the specific features of the description of the painting, as represented both in an ekphrastic dialogue and a monologue. These invariable features refer the reader to the archetypal scheme of such a description, elaborated in the ancient Greek classic literature. The linguistic component reveals itself in the perceptive vocabulary of the ekphrastic description that encourages the reader-beholder to marvel at the image and evokes a sense of beauty. The hermeneutic aspect reveals itself not only in the interpretation of the painting but also in the interpretation of the meaning of art itself, which is timeless and opposite to the mundane. The article also considers the following functions of ekphrasis: an aesthetically-appreciative, a semiotic, an archetypal, an emotionally-expressive, a character-drawing, and a hermeneutic function.

For citation: Karpukhina T. P. Funkcionirovanie ekfrasisa v romane O. Khakslia "Point Counter Point" («Kontrapunkt») [Ekphrasis and its Functioning in the Novel "Point Counter Point" by Aldous Huxley]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 184–192. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-184-192.

References

1. Hajnády Z. Zhivopisanie slovom. O poeticheskoj funktsii vizual'nogo izobrazheniia v tvorchestve L. Tolstogo [Depiction with the Word. About the Poetic Function of a Visual Representation in the Creations of L. Tolstoy]. *Voprosy Literaturny = Questions of literature*, no. 6 (2010): 359–377.
2. Griakalova N. Yu. Vizual'nyi obraz i smysl: Zametki o chekhovskikh ekfrasisakh (k iubileiu A. P. Chekhova) [Visual Image and Meaning: Notes on Chekhov's Ekphrases (for A. P. Chekhov's Anniversary)]. *Russkaia Literatura = Russian literature*, no. 6 (2010): 3–14.
3. Frank S. Zarazhenie strastiami kak tekstovaia nagliadnost': pathos i ekphrasis u Gogolia [Passion Contamination as Textual Ostensiveness: Pathos and Ekphrasis from Gogol]. *Ekfrasis v russkoi literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: papers of the Lozansk symposium]. Ed. Geller L. Moscow: MIK, 2002, 32–42.
4. Urtmintseva M. G. Ekfrasis: nauchnaia problema i metodika ee issledovaniia [Ekphrasis: the scientific problem and the methodology of its investigation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, no. 4 (2010): 975–977.
5. Krivonos V. Sh. Mertvye dushi Gogolia: izobrazhennyi chelovek [Dead Souls by Gogol: the Man Depicted]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literaturny i iazyka = Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*, no. 1 (2012): 24–31.

6. Nike M. Tipologiya ekfrasisa v «Zhizni Klima Samgina» M. Gor'kogo [Typology of Ekphrasis in "The Life of Klim Samgin" by M. Gorki]. *Ekfrasis v russkoi literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: papers of the Lozansk symposium]. Ed. Geller L. Moscow: MIK, 2002, 123–135.
7. Khaninova R. M. Son-ekfrazia i «ozhivshii» ekfrasis v proze A. K. Tolstogo 1910–1920-kh godov [Dream-Ekphrase and "Resurgent" Ekphrasis in the Prose by A. K. Tolstoy of 1910–1920]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki» = Izvestiia of Volgograd State Pedagogical University. The series "Philological Science"*, no. 10 (2008): 150–156.
8. Poddubtsev R. A. Ekfrasis u Andreia Platonova: Poetika vizual'nosti [Ekphrasis in Andrey Platonov's oeuvre: Poetics of the Visual]. *Voprosy Literatury = Questions of literature*, no. 5 (2011): 173–196.
9. Morozova N. G. *Ekfrasis v proze russkogo romantizma*. Diss. kand. filol. nauk [Ekphrasis in the Prose of Russian Romanticism. Cand. philol. Sci. Diss.]. Novosibirsk: NGPU, 2006, 210.
10. Karpukhina T. P. Ekfrasis i ego funktsionirovanie v romane Somerseta Moema «The Moon and Sixpence» («Luna i grosh») [Ekphrasis and its functioning in the novel «The Moon and Sixpence» by Somerset Maugham]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 200–205. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.
11. Vasiliev S. A. Pushkinskaia «Madona» [Pushkin's «Madonna»]. *Russkaia Rech = Russian speech*, no. 5 (2013): 3–7.
12. Rubens M. Ekfrasis v rannem tvorchestve Georgiia Ivanova [Ekphrasis in the Early Works by Georgiy Ivanov]. *Russkaia Literatura = Russian literature*, no. 3 (2003): 68–85.
13. Khadynskaia A. A. *Ekfrasis kak sposob voploshcheniia pastoral'nosti v rannei lirike Georgiia Ivanova*. Avtoref. Diss. kand. filol. nauk [Ekphrasis as a Technique of the Embodiment of the Pastoral in the Early Poetry by Georgiy Ivanov. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Tyumen, 2004, 22.
14. Lann J.-K. O raznykh aspektakh ekfrasisa u Velimira Khlebnikova [About the Different Aspects of Ekphrasis from Velimir Khlebnikov]. *Ekfrasis v russkoi literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: papers of the Lozansk symposium]. Ed. Geller L. Moscow: MIK, 2002, 71–87.
15. Mnikh R. Sakral'naiia simvolika v situatsii ekfrasisa (stikhotvorenie Anny Akhmatovoi «Tsarskosel'skaia statuia») [Sacral Notation in the Situation of Ekphrasis (the Poem by Anna Akhmatova "Tzarist-Countrified Statue")]. *Ekfrasis v russkoi literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: papers of the Lozansk symposium]. Ed. Geller L. Moscow: MIK, 2002, 87–97.
16. Rubins M. *Crossroad of Arts, Crossroad of Cultures: Ecphrasis in Russian and French Poetry*. N.-Y.: Palgrave, 2000, 302.
17. Karpukhina T. P. Ekfrasticheskoe prochtenie stikhotvoreniia Teda Kh'iuzza «Portraits» [The ekphatic reading of Ted Hughes' poem Portraits]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, no. 10 (2014): 16–23.
18. Braginskaia N. V. Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) [Ekphrasis as a type of text (to the problem of structural classification)]. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavijskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian-East Slavic parallels. Structure of the Balkan text]. Moscow: Nauka, 1977, 259–283.
19. Braginskaia N. V. «Kartiny» Filostrata Starshego: genesis i struktura dialoga pered izobrazheniem [«Pictures» of Philostratus the Elder: the genesis and structure of the dialogue before the image]. *Odissei. Chelovek v istorii 1994. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii* [Odysseus. Man in the history of 1994. The picture of the world in the popular and scientific consciousness]. Moscow: Nauka, 1994, 274–313.
20. Geller L. Voskreshenie poniatii, ili Slovo ob ekfrasisie [Evocation of the Notion or the Message of Ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoi literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: papers of the Lozansk symposium]. Ed. Geller L. Moscow: MIK, 2002, 5–23.
21. Huxley A. *Point Counter Point*. Leningrad: Vintage Books, 2004, 569.
22. Krivoruchko A. Yu. *Funktsii ekfrasisa v russkoi proze 1920-kh godov*. Avtoref. Diss. kand. filol. nauk [The Functions of Ekphrasis in Russian Prose of the 1920-s. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Tver': TGU, 2009, 18.
23. Iatsenko E. V. «Liubite zhivopis', poety...». Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaia model' [«Love painting, poets...». Ekphrasis as an artistic-ideological model]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, no. 11 (2011): 47–57.
24. Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000, 352.
25. Karpukhina T. P. *Morfemnyi povtor v khudozhestvennom tekste v svete obshcheesteticheskoi teorii igry* [Morphemic Recurrence in the Literary Text in the View of the General Esthetic Game Theory]. Khabarovsk: DVGGU, 2006, 392.
26. Tret'iakov E. N. *Ekfrasis kak matrichnaia reprezentatsiia obraznykh znakov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Ekphrasis as a matrix representation of figurative signs. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Tver', 2009, 19.
27. Vishnyakova E. P. *Kategoriia pertseptivnosti kak osnova iazykovogo modelirovaniia vozmozhnykh mirov v novelle G. Uellsa «The Country of the Blind»*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The category of perceptivity as the basis for the language modeling of possible worlds in the novel by H. Wells "The Country of the Blind". Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Khabarovsk: TGU, 2015, 24.

28. Vishniakova E. P., Karpukhina T. P. Funktsionirovanie kategorii pertseptivnosti v novelle G. Uellsa «Strana slepykh» [The functioning of the category of perceptivity in the novel by Wells «The Country of the Blind»]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University*, no. 2 (2013): 241–250.

29. Varlamenko I. G. Sub"ektno-ob"ektnye otnosheniia v angliiskikh frazeologizmakh s pertseptivnym komponentom vkusa [Subject-object relations in English phraseological units with a perceptual taste component]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 179–183. DOI: 10.21603 / 2078-8975-2017-2-179-183.

30. Karpukhina T. P. Esteticheskii aspekt vzaimodeistviia morfemnogo povtora i sintaksicheskogo parallelizma v angliiskoi khudozhestvennoi proze [The Aesthetic Aspect of Interplay of Morphemic Recurrence and Syntactic Parallelism in English Narrative Literature]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, no. 2 (2013): 216–222.

31. Karpukhina T. P. Vzaimodeistvie morfemnogo povtora i sintaksicheskogo parallelizma v angliiazichnoi khudozhestvennoi proze [Interplay of Morphemic Recurrence and Syntactic Parallelism in English Narrative Literature]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 2 (2013): 36–41.

УДК 811.133.1

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКФРАСИСА В НОВЕЛЛЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА
«UN PORTRAIT» («ПОРТРЕТ»)****Тамара П. Карпухина^{1, @}**

¹ Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, 680000, Россия,
г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68
@tkarpukhina1@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:

экфрасис, архетипическая схема экфрасиса, портрет, эстетическое видение, эстетический объект, мотив тайны, «оживающее» изображение, мотив двойничества, лингвистические средства выражения экфрасиса.

Аннотация: Объектом изучения статьи является экфрасис – словесное описание предмета искусства в литературном произведении, рассмотренное на материале исследования новеллы Ги де Мопассана «Un portrait». В статье анализируются эстетические аспекты экфрасиса, функционирующего в новелле, и лингвистические средства его выражения. Ведущим мотивом произведения является энигматический мотив тайны, секрет которой раскрывается в конце новеллы. Повествование начинается с описания некоего удивительно обаятельного господина. Приглашенный в гости рассказчик видит на стене портрет невыразимо привлекательной юной женщины, которая оказывается матерью хозяина дома, рано ушедшей из жизни. Так происходит разгадка тайны притягательности главного героя. Портрет является своеобразным двойником героя, и так реализуется мотив оживающего изображения, свойственный экфрасису. Главный герой как живой человек и портретное изображение на холсте предстают в качестве равнозначных эстетических объектов, которых объединяет одно качество – очарование и магия красоты, которая кроется не в обходительных манерах сына или в обольстительном взгляде матери, а в присущей им абсолютной естественности, способности быть самим собой, в гармонии внешнего и внутреннего. Эстетические аспекты экфрасистического портретного описания находят свое выражение в разнообразных лингвистических средствах (эпитетах, метафоре, персонификации, сравнении, синтаксическом параллелизме и проч.). Особое место в новелле занимает лексика, характеризующая портрет с точки зрения его визуального восприятия и акцентирующая исключительное жизнеподобие изображения.

Для цитирования: Карпухина Т. П. Эстетические аспекты экфрасиса в новелле Ги де Мопассана «Un portrait» («Портрет») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 193–200. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-193-200.

В последние десятилетия заметно усилился интерес к такому важному понятию риторики, как экфрасис. Тема экфрасиса неоднократно становилась предметом обсуждения и объектом исследования ученых различных отраслей науки – теории искусств, литературоведения, культурологии, лингвистики. Опубликовано значительное число работ, посвященных изучению вербальной репрезентации в художественной литературе произведения искусства – реального или вымышленного – как визуального артефакта (живописного изображения, иконы, скульптуры, архитектурного сооружения).

В литературоведении экфрасис заявлен как научная проблема, которая требует специфической методики исследования [1]. Экфрасис определяется как тип текста [2], интерсемиотический перевод (трансформации) [3], художественно-мировоззренческая модель [4], литературный прием [5] или жанр [6]. Многообразие подходов к экфрасису свидетельствует о разночтениях в его трактовке и терминологической неопределенности. С науковедческой точки зрения представляется

интересным то обстоятельство, что обращение к понятию риторики, расширившее круг литературоведческих объектов, не привело, как правило, к включению термина «экфрасис» в энциклопедии, авторитетные словари и справочники [7–9].

Термин «экфрасис» («экфраза») был заимствован литературоведением из античной риторики, трактовавшей экфрасис как описательную речь, нацеленную на пробуждение в слушателе зрителя, способного визуально представить то, о чем говорится в речи. Риторы Древней Греции, включавшие в этот термин широкое содержание, первоначально называли экфрасисом описания, не связанные с основной сюжетной линией, к которым относились описания неба, кораблекрушения, храма, картины, статуи, чаши, щита и т. п.

Сужение объема понятия привело к закреплению за термином «экфрасис», в его канонической трактовке, обозначения литературного приема словесного описания произведения искусства [10, с. 513]. Объект изобразительного или пластического искусства, вначале мысленно представленный автором, а затем

описанный им в литературном произведении, рассматривается как своеобразная «копия копии», как иконическое символическое сообщение, которое управляет процессами интерпретации изображения. Прочтение одного и того же изображения индивидуально варьируется [11, с. 298–313].

Большая заслуга в извлечении термина «экфрасис» из античной риторики и введении его в отечественный научный оборот принадлежит Н. В. Брагинской, проанализировавшей генезис и эволюцию термина, а также выделившей такие разновидности экфрасиса, как монологический / диалогический; одиночный / серийный; поэтический / прозаический [2; 12]. Описание изображения включает в себя лексику, связанную со зрительным восприятием, с отсылками к сверхъестественному, таинственному, магическому и с мотивом оживающего изображения [12, с. 287].

Следуя художественной традиции, заложенной еще в античности, многие авторы – писатели и поэты – обращаются в своем творчестве к экфрасису. Особое место в литературном произведении занимает словесное описание такого произведения изобразительного искусства, как портрет. В истории живописи жанр портрета приобрел особую значимость в силу того, что «главным предметом изображения здесь является человек, его облик, внутренний мир, индивидуальный характер» [13, с. 187]. По лицу, по выражению глаз можно узнать об эмоциональном состоянии человека, движениях его души, постичь его внутреннюю сущность. Именно поэтому художники слова прибегают к портретному экфрасису, чтобы ярче запечатлеть и наполнить жизнью своих персонажей. Заметим, что речь при этом идет не о портрете персонажа – не об описании его наружности, черт лица и фигуры, цвета волос, поз, жестов и мимики, выражения лица и глаз [14, с. 197], то есть всего того, что участвует в создании художественного образа, а об описании его живописного портрета, написанного неким условным художником.

Объектом рассмотрения настоящей работы является описание живописного портрета, представленного в малоизвестной новелле Ги де Мопассана «*Un portrait*» («Портрет») [15]. Отмечая сильное влияние на Мопассана импрессионизма, расцвет которого совпал с творческим взлетом писателя, следует все же сказать, что описанный в новелле женский портрет в качестве референта экфрасического описания представляет собой художественный вымысел.

Повествование в новелле ведется от первого лица. Повествовательная перспектива задана постоянной, фиксированной точкой зрения воспринимающего субъекта, каковым является рассказчик, который, находясь «целиком внутри изображенной реальности» и осуществляя функцию «посредничества», помогает «войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей» [16, с. 286, 287]. Сюжет новеллы, включающий последовательную цепь событий, запечатленных в произведении, таков.

Рассказчик просит приятеля познакомить его с одним человеком, личность которого давно занимает его внимание. Казалось, это был ничем не примечатель-

ный человек, не отличавшийся ни красотой (*il n'était pas beau* – «он не был красив» (прим. автора: перевод здесь и далее автора, см. также: [17]), ни остроумием или особым складом ума (*On ne m'avait jamais cité ses mots ni même célébré son intelligence* – «Мне никогда не приводили его словечек, никто не восхвалял его ума»). Тем не менее господин Мильяль необычайно привлекал к себе всех людей, которые говорили о нем как о человеке чрезвычайно обаятельном, «почти неотразимом» (*presque irrésistible*). Женщины «безумно любили его, теряя от страсти голову» (*Il avait été aimé follement, plusieurs fois*).

Рассказчик все время «задавался вопросом, чем же этот человек так пленял людей» (*Je me demandais, avec intérêt, où était cachée sa séduction*). В ответ на его вопрос женщины, после некоторых раздумий, говорили, что, возможно, «это шло от какого-то обаяния» (*Je ne sais pas... c'est du charme*).

И здесь, на этих страницах новеллы, где завязывается сюжетная канва и еще нет речи об экфрасическом описании – оно появится позже, – в этой части новеллы мы уже сталкиваемся с одной из важнейших характеристик экфрасиса, а именно: с тайной, загадкой, разрешение которой достигается в результате напряженной работы мысли и поиска ответов на вопросы (в монологическом экфрасисе) или в ходе беседы, когда на вопросы отвечает знаток, посвященный в эту тайну (диалогический экфрасис).

Эта сокрытая тайна обладает магической, сверхъестественной силой, неподвластной обычной человеческой воле и обыденному знанию. В новелле это подчеркивается специфическими лексическими единицами и фразами: *cachée* («скрытая»), *cette puissance* («эта сила»), *irrésistible* («неотразимая, непреодолимая»), *je ne sais pas* («я не знаю»). Позднее в тексте появится и слово «тайна», когда рассказчик и сам подпадет под очарование господина Мильяля в совместной беседе (*Certes, il y avait là un mystère* – «Несомненно, здесь была какая-то тайна»).

После получасового разговора собеседники расстались как старые добрые знакомые, и господин Мильяль пригласил рассказчика к себе на следующий день на завтрак. Поскольку тот пришел раньше условленного часа, слуга препроводил его в гостиную, где он стал дожидаться прихода хозяина. Именно в этой комнате он увидел поразивший его женский портрет.

С этого момента начинаются границы экфрасиса. Текстуально они обозначены абзацем, вводящим в поле зрения (*Puis je regardais* – «Затем я увидел») живописное изображение (*en face de moi, un portrait de femme* – «прямо напротив меня – женский портрет»). Последняя строка новеллы, восклицание рассказчика, знаменующее разгадку тайны обаяния господина Мильяля (*Et je compris alors d'où venait l'inexplicable séduction de cet homme!* – «И я понял, откуда у этого человека такое необъяснимое обаяние!»), заключает экфрасис в рамку, устанавливая его последнюю ограничительную линию. Отграничение экфрасиса от остального текста, введение его в рамки придает ему семиотический статус «текста в тексте»,

задающий фенестрационный (от латинского *fenestra* – «окно») тип восприятия, как «вид через окно», обеспечивающий целостный характер воспринимаемого [18, с. 232; 19, с. 78–85; 20, с. 8].

Новелла Ги де Мопассана отнюдь не представляет собой образчик механического воспроизведения архетипической схемы экфрасиса. Ранее мы уже отмечали, что рассказчик, заинтригованный тайной необычайной притягательности господина Мильяля, задает себе целый ряд вопросов, на которые не может найти ответа. Здесь четко просматривается позиция непосвященного зрителя, созерцающего прекрасное творение, истолкование которого ему недоступно. Но ведь стоит он в изумлении не перед артефактом – картиной, скульптурой, архитектурным памятником, как заложено в экфрасисе, а перед живым человеком. Это означает одно: персонаж, описываемый в новелле, представлен как эстетический объект, предполагающий иное, необычное, отличное от обыденного восприятие, отрывающее «от обывательщины», погружающее «в мир красоты» [21, с. 253]. Эстетическое видение предполагает восприятие объекта в модусе очарования, наделяющего его ореолом уникальности, неповторимости, вызывающего чувство эстетической привязанности и благоговения [22, с. 121–122]. Именно таким видится господин Мильяль, перед обаянием которого никто не может устоять.

Вернемся к тексту новеллы, чтобы проследить дальнейшее развитие сюжета. Итак, рассказчик, подобно античному паломнику, посещает дом господина Мильяля, убранство которого весьма необычно: оно скорее напоминает музей (*Louvre*) или восточный гарем (*harem*).

Описание портрета занимает практически половину текста новеллы. Напомним в этой связи, что экфрасис ставит своей целью не столько представить произведение искусства, сколько описать производимый им эффект.

Эстетическое восприятие, всегда сопровождаемое эстетической эмоцией удовольствия, включает в себя четыре этапа: эстетическую установку; первичную эмоцию радостного ожидания от встречи с предметом искусства; активное переживание иной жизни, связанной с изображаемым; герменевтическое осмысление воспринимаемого; и, наконец, последний, не всегда, впрочем, достигаемый, этап эстетического катарсиса, приводящий к неопишуемому наслаждению [23, с. 108–116].

Портрет, который рассказчик видит в гостиной, изображает молодую женщину без шляпки, с простой прической (*Elle était jeune, nu-tête, coiffée de bandeaux plats* – «Она была молода, без шляпы, причесана на прямой пробор») и книгой в руках (*les mains qui tenaient un livre* – «ее руки держали книгу»). Она улыбается, но в ее улыбке чувствуется легкая грусть (*souriant un peu tristement* – «улыбаясь немного грустно»). Ее поза совершенно естественна, как это бывает, когда человек находится у себя дома, когда он полностью предоставлен самому себе, своим мыслям и чувствам. И эта свобода, внутренняя гармония молодой женщи-

ны с самой собой настолько изумляет наблюдателя, что он не раз повторит: "*Elle était chez elle, et seule. Oui, elle était seule <...>: Elle était tellement seule, et chez elle...*" («Она была дома и одна. Да, она была одна. Она была до такой степени одна и настолько дома, что...»). С эстетической точки зрения здесь можно говорить о «принципе самодовления», предполагающем самодостаточность, независимость от всего прочего, что Платон называл «высшим благом», то есть таким совершенством, к чему стремится все существующее на белом свете [21, с. 289]. Перед нами предстает идеализирующий портрет, в котором гиперболически запечатлено одно человеческое качество, а именно: телесно-душевное совершенство [14, с. 198].

Ни один портрет ранее не производил на рассказчика такого впечатления. Естественность изображенной на картине женщины создает эффект ее присутствия в реальном временном и пространственном плане, и так преодолевается граница, эстетическая дистанция между условностью, «потусторонностью» изображения и реальностью, «посюсторонностью» восприятия: "*<...> pas l'impression de son allure si naturelle, mais jamais portrait de femme ne me parut être chez lui autant que celui-là, dans ce logis*" («ее поза производила впечатление полной естественности, и никогда портрет женщины не казался мне так на месте, так у себя дома, как этот портрет в этой комнате»). Данное экфрасическое описание вызывает в памяти женские портреты О. Ренуара, писавшего свои модели в обычной обстановке, которые держали себя свободно, будто бы вовсе не позирова [24, с. 72].

Непринужденная поза молодой женщины, простота в причёске и одежде, присущие интимному, камерному поясному портрету, подчеркиваются контрастным сопоставлением изображения с другими, парадными портретами, виденными прежде рассказчиком, которые отталкивают своей искусственностью *поз* (*qui n'est point tout à fait naturel* – «в которых совсем не было естественности»), нацеленностью на то, чтобы произвести эффект (*pour l'effet* – «ради эффекта»). Здесь явно просматривается аллюзия на манеру академического портрета XVIII века, когда «промежуточным кодом» между «жизненным объектом и живописным полотном» был театр; театральная зрелищность портрета, достигаемая костюмной стилизацией, продуманным выбором позы, была нацелена на зрителя, который «конструировался как «чужой» [25, с. 81–91].

Неестественность, манерность, нарочитость свидетельствует о дисгармонии внешнего и внутреннего, что «нарушает сам принцип эстетики» [21, с. 248] и превращает подобные изображения в ремесленные поделки. Только гармония между внешним и внутренним в человеке создает подлинную красоту, как подчеркивал Платон: «Красота в телах – красота в душах» [21, с. 263, 265].

Женщина на портрете была как живая, своим присутствием, одной своей улыбкой и взглядом она, казалось, придавала жизнь всему: "*Elle l'habitait, l'emplissait, l'animait seule <...>*" («Она здесь жила, все заполняла собой, одна оживляла все вокруг»); <...>

avec un sourire solitaire, et seule, elle le rendrait vivant de son regard de portrait" («своей одинокой улыбкой и своим взглядом она одна оживляла все»). Сказанное означает не что иное, как реализацию в данном описании архаического мотива оживающего изображения, присущего экфрасису как таковому [26–28]. Жизненность изображения – неперенный атрибут подлинного произведения искусства как эстетического объекта.

Выразительно и живо изображение молодой женщины, представшее перед наблюдателем. Как реципиента эстетического объекта его изумляет и привлекает необычный, неповторимый взгляд ее глаз: "*Il était unique aussi, son regard*" («Он был тоже совершенно уникален, этот взгляд»). Этот взгляд персонифицируется, синекдохически отделяется от портрета, становится самостоятельным, останавливается на зрителе, лаская и в то же время не видя его: "*Il tombait sur moi tout droit, caressant et fixe, sans me voir*" («Он останавливался на мне, ласкающий и неподвижный, не видя меня»). Эта мысль повторяется далее, и эффект значительно усиливается благодаря повтору слов (*voir* – «видеть»; *regard* – «взгляд»), словосочетаний (*tout droit* – «прямо перед собой»), синонимов-метафор (*tombait* – «падал»; *planté* – «покоился»), синтаксической конструкции с параллельной структурой (*ne me voyait pas, ne voyait rien* – «не видя меня, не видя никого»).

Примечательно обилие повторяющейся «оптической», относящейся к зрению, лексики, что является неотъемлемой характеристикой экфрасиса. Достаточно привести ряд примеров слов и словосочетаний, относящейся к визуальной перцептивной модальности [29], чтобы в этом убедиться: *son regard* («ее взгляд»), *ce regard* («этот взгляд»), *un regard* («взгляд»), *des yeux* («теми глазами»), *ces yeux* («те глаза»); *voir* («видеть»), *voient* («видят»), *voyait* («видел»).

Рассказчик цитирует строчку из стихотворения Бодлера: "*Et tes yeux attirants comme ceux d'un portrait*" («Влекущий твой, как у портрета, взор»). Любопытно, что, характеризуя притягательность взгляда, он обращается к фигуре сравнения, выдвигающей на первый план сходство опять же с портретным, то есть экфрасическим описанием, но уже в поэтическом тексте. Таким образом, подчеркивается особое – магическое, суггестивное – воздействие на человека эстетического объекта, в данном случае, предмета изобразительного искусства.

Последующее описание, приближающее нас к развязке сюжета и разрешению загадки новеллы, уложившееся всего в семь строк, создает ярчайший и эмоционально насыщенный образ глаз, созданных художником. Они неудержимо влекут к себе наблюдателя и смутно тревожат его (*m'attiraient* – «влекли меня»; *d'une façon irrésistible* – «неотразимым образом»; *jetaient en moi un trouble étrange* – «вызывали во мне странную тревогу»), их «очарование» (*charme*) «бесконечное», «нежное», «пленительное»; «немного печальное» (*infini, amolissant; séduisant; un peu mélancolique*). Они «непроницаемы» (*impénétrables*), «скрывают некую тайну» (*cachaient en eux le mystère*),

причем парадоксальную «тайну того, что кажется одновременно существующим и в то же время несуществующим» (*le mystère de ce qui semble être et n'existe pas*), тайну «того, что зарождает в нас любовь» (*de ce qui fait germer l'amour en nous*).

Глаза сравниваются с «легким, мимолетным ветерком» (*comme une brise qui passe*), с «небесами» (*comme un ciel*), с «ночью» (*comme la nuit*). Конвергенция разных изобразительно-выразительных средств – тропов и фигур речи (эпитетов, метафор, сравнений, парадоксальных утверждений) – служит одной цели – передать невыразимое словами удивительное очарование и таинственность изображенных на портрете глаз.

И здесь мы вновь видим присущие экфрасистическому описанию характеристики. Вполне укладывающиеся в архетипическую схему экфрасиса, они находят свое объяснение в упоминавшемся ранее особом эстетическом видении, проникающем в суть предмета искусства как прекрасного творения, созданного человеком. В давней традиции греческой античной эстетики утверждался тезис о том, что подлинная красота является чем-то таинственным, невыразимым, о чем говорили еще софисты [21, с. 35].

Заканчивается новелла так. В ее финальном сюжетном эпизоде описывается, как опоздавший хозяин входит в гостиную, рассказчик спрашивает его о том, кто изображен на портрете и узнает, что это рано умершая мать господина Мильяля. И к гостю внезапно приходит озарение – ему открывается, наконец, от кого получил его визави свой дар обаяния: "*Et je compris alors d'où venait l'inexplicable séduction de cet homme!*" («И я понял, откуда у этого человека такое необъяснимое обаяние!»).

Заключительная фраза отнюдь неслучайно выражена в форме восклицания. Разрешение загадки, так долго занимавшей рассказчика, вызвало в нем целый комплекс эмоций, не последнюю роль в которых сыграла эмоция эстетическая. Это, прежде всего, изумление при созерцании удивительного, притягательного живописного портрета; удовольствие от общения с прекрасным творением в отрешении от всего обыденного и прозаического; любование прекрасным изображением в целом и отдельными поразительными деталями, выписанными художником; восхищение жизненностью, одухотворенностью изображения; вдруг возникшая тревога и эмоциональное напряжение в поисках ответа на вопрос, почему же так властно влекут к себе глаза незнакомки; радость от того, что рассказчик, кажется, понял суть и смысл картины и, наконец, он испытал высшую степень эмоционального высвобождения, катарсис от того, что разгадал загадку, раскрыл тайну обаяния знакомого ему господина. Передать это обаяние, не выразимое обычными словами, «несколькими мазками кисти» (*par quelques coups de pinceau*) смог художник, овладевший магическим языком живописного, изобразительного искусства.

Однако рассказчик, так живо передавший свое впечатление от картины и свой восторг от разгадки волновавшей его тайны, не дает нам прямого ответа на вопрос о том, в чем же все-таки кроется обаяние господина

Миалья, который так похож на свою юную мать, рано ушедшую из жизни. Эта недосказанность побуждает читателя вновь обратиться к центральным фрагментам текста: к описанию героя, данному в первой части новеллы, и к описанию портрета его матери, представленному во второй, заключительной части.

Повторное, ретроспективно-проспективное прочтение новеллы выявляет подобие, а не тождественность указанных фрагментов в рассматриваемом отношении. И главный персонаж, и портрет его матери предстают в возвышенно-идеальном видении рассказчика как два эстетических объекта. Явная симметричность обнаруживается в неоднократном, лейтмотивном повторении слов, относящихся к модусу очарования, характеризующих господина Миалья (*d'un homme tres séduisant* – «чрезвычайно пленительный человек»; *c'est du charme* – «это какое-то обаяние») и портретное изображение его матери (*séduisant comme un ciel* – «пленительные, как небеса»; *quel charme infini* – «какое бесконечное обаяние»).

Вместе с тем в описаниях явственно просматривается и несходство, асимметричность характеристик, которыми наделены персонажи, бытующие в квазиреальных художественных мирах разной степени условности, один (сын) – включен в цепь происходящих в новелле событий, другая (мать) – существует лишь на живописном портрете. В господине Миалья рассказчика поражают его манеры, легкость в общении, умение близко сходить с людьми (*après quelques instants de causerie, il me paraissait installé dans mon intimité* – «после нескольких минут разговора я почувствовал, что между нами установилась какая-то близость»; *Il était d'ailleurs aussi facile de lui donner la réplique que de l'écouter* – «В беседе с ним было так же легко отвечать, как и слушать»). В даме с портретного изображения прежде всего привлекают глаза, необычный взгляд, который невозможно было прочесть (*Il était unique aussi, ce regard* «Он был тоже совершенно уникален, этот взгляд»; *ses yeux impenetrables* – «эти непроницаемые глаза»).

Сказанное означает, что тайну «необъяснимой притягательности» (*l'inexplicable séduction*), объединяющую сына и мать, следует искать в чем-то ином. Экфрасическое описание, соответствующее архетипическим канонам (наличие «оптической» лексики, отсылки к некоей сверхъестественной силе, магии притягательности и проч.), казалось, лишь уводит читателя от разгадки, предлагая подробное описание дамы с портрета, ее внешности, затаенной улыбки и, особенно, глаз. Однако это не так.

Экфрасис как особый литературный прием в данном конкретном случае и скрывает, и одновременно вскрывает заложенную в фабуле центральную, основную интригу. Как уже отмечалось, от внимательного читателя не ускользнет описание безыскусственной, естественной позы дамы с портрета (*de son allure si naturelle* – «манеры, настолько естественной»). Это же качество подметит рассказчик и в господине Миалья, характеризуя его речевое поведение (*les phrases allaient vers lui comme si ce qu'il avait dit les faisait*

sortir de la bouche naturellement – «фразы слагались им с такой легкостью, словно они сами, естественно, слетали с его уст»).

Именно безыскусственность, простота, естественность, гармония внешнего и внутреннего, присущая обоим персонажам новеллы, – господину Миалья, с которым наяву встретился рассказчик, и даме с портрета, изображение которой он созерцал, – и были их глубинным свойством, которое так пленяло окружающих. Оно сближало людей, устраняло все барьеры между ними (*Ces barrières fermées entre tous les autres <...> semblaient ne pas exister* – «Преграды между тобой и другими, казалось, более не существуют»).

Окончание новеллы – это место встречи двух эстетических объектов разной степени условности, бытующих в параллельных, никогда не смыкающихся мирах: прекрасного изображения на холсте (женского портрета) и такого же прекрасного его отражения (главного героя). Но чтобы эта встреча – в условно реальной жизни, описываемой в новелле, – осуществилась, Ги де Мопассан удивительным образом преломляет архетипическую схему экфрасиса. Композиционно он выстраивает повествование так, что задолго до экфрасического описания картины читателю представлен человек, который окажется впоследствии ее своеобразной копией, зеркально отразившей не собственно изображение, но его содержательную, идеальную сущность.

Так непредсказуемо реализуется присущий античному экфрасису мотив двойничества, оживающего изображения, которое «выходит из рамы», из мира условного, «там и тогда», в мир реальный, «здесь и сейчас», еще до того, как рассказчик будет созерцать портрет. Портретное изображение становится заместителем героя, равным ему в его «высшей сущности», воплощая инобытие его «Я» в «его лучших и основных проявлениях» [30, с. 168].

Говоря словами О. М. Фрейденберг, здесь – в образе матери и ее повторного воплощения в сыне – мы найдем, как и во всяком архаическом сюжете, «фигуру раздвоения», «фигуру симметрично-обратного повторения», которая означает воссоздание архаического «принципа семейственности» с отщеплением «двойников в виде подобий и анти-подобий, с гармонией прямых и обратных симметрий»; в «усеченной формуле мы имеем одно лицо, в себе самом переживающее обе фазы с двумя возрастными»; с этой точки зрения существует лишь круговое повторение [31, с. 219–220, 229, 79].

Непредсказуемо реализуется и мотив тайны, загадки, разрешение которой лежит не в области магического, сверхъестественного, что, казалось бы, более соответствовало толковательным канонам античного экфрасиса, а в очаровании естественного начала в человеке, единящего его с природой. Главный персонаж как копия фамильного портрета не точно воспроизводит изображение, но наследует, воплощает его главенствующую черту – неотразимо влекущее к себе обаяние, которое заключается в родовой сущности человека – быть самим собой, а, значит, абсолютно естественным во всех своих проявлениях. Так воплощается духовная, человеческая преемственность

матери и сына. Парадокс состоит в том, что выявить и, преломив через многогранную эстетическую призму, показать это подлинное, природное естество человека быть в гармонии с самим собой смогло только подлинное, но внеприродное искусство, о чем и поведал нам экфрасис в новелле Ги де Мопассана.

Литература

1. Уртминцева М. Г. Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 975–977.
2. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста: (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.
3. Третьяков Е. Н. Экфрасис как система интерсемиотических трансформаций по матричному методу // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 153–159.
4. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.
5. Никола М. И. Экфрасис: актуализация приема и понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. Т. 1. № 2. С. 8–12.
6. Луков В. А. Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 141–148.
7. Литературный энциклопедический словарь / общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
9. Современный словарь-справочник по литературе / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. М.: Олимп: АСТ, 2000. 704 с.
10. Москвин В. П. Стилистика русского языка: теоретический курс. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 630 с.
11. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
12. Брагинская Н. В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 274–313.
13. Третьяков Н. Н. Образ в искусстве: основы композиции. Козельск: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001. 262 с.
14. Хализев В. А. Теория литературы. 5-е изд. М.: Академия, 2009. 432 с.
15. Un portrait // Guy de Maupassant. L'inutile beauté. Paris: Flammarion, 1938. P. 171–178.
16. Тамарченко Н. Д. Повествование // Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины / под. ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. С. 279–295.
17. Мопассан Ги де. Портрет // Полное собрание сочинений. / пер. с франц. и примеч. Ю. Данилина. В 10 т. М.: Терра, 1996. Т. 9. 397 с.
18. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 347 с.
19. Карпухина Т. П. Лингвоэстетическая игра морфемного повтора: теоретическая модель анализа феномена частичной итерации в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): дис. ... д-ра филол. наук; Иркутский гос. лингвистический ун-т. Иркутск, 2007. 458 с.
20. Третьяков Е. Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 19 с.
21. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. В 8 т. М.: АСТ; Фолио, 2000. Т. 2. 846 с.
22. Никитина И. П. Философия искусства: учебное пособие для вузов. М.: Омега-Л, 2008. 559 с.
23. Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: КноРус, 2012. 528 с.
24. Барская Б. Я. Ги де Мопассан и французские художники его времени // Типологические соответствия литературы и изобразительного искусства / отв. ред. Б. А. Шайкевич. Киев: Одесса: Вища школа, 1975. С. 60–84.
25. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
26. Шатин Ю. В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 217–226.
27. Карпухина Т. П. Экфрастическое прочтение стихотворения Теда Хьюза «Portraits» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10. С. 16–23.
28. Карпухина Т. П. Экфрасис и его функционирование в романе Сомерсета Моэма «The Moon and Sixpence» («Луна и грош») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 200–205. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.
29. Вишнякова Е. П., Карпухина Т. П. Функционирование категории перцептивности в новелле Г. Уэллса «Страна слепых» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 2. С. 241–250 с.
30. Анализ поэтического текста // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 18–252.
31. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

AESTHETIC ASPECTS OF EKPHRASIS IN GUY DE MAUPASSANT'S SHORT STORY «UN PORTRAIT» («A PORTRAIT»)

Tamara P. Karpukhina^{1, @}

¹ Pacific National State University, Pedagogical Institute, 68, Karl Marx St., Khabarovsk, Russia, 680000

@tkarpukhina1@mail.ru

Received 21.11.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: ekphrasis, a portrait, the archetypal scheme of ekphrasis, aesthetic vision, aesthetic object, the message of mystery, the motif of an image coming to life, the motif of a doppelganger, linguistic means of expressing ekphrasis.

Abstract: The current article features the phenomenon of ekphrasis, i.e. a verbal representation of a work of fine arts in fiction, as presented in Guy de Maupassant's short story "Un portrait". Aesthetic aspects of ekphrasis alongside the linguistic means of its expression are subjected to analysis. The leitmotif of the short story is the thematic motive of an enigmatic, inexplicable mystery that is unraveled at the end of the story. The first-person narration begins with the description of a gentleman whose indescribable charm fascinates everyone he meets. Being invited to his house, the narrator notices a portrait of an extremely charming lady that happens to be the host's mother, who died very young. That is how the mystery of the irresistible and captivating charm of the gentleman is solved. The portrait turns out to be a doppelganger of the host, and thus the archetypal ekphrastic motif of an image coming to life is realized. Both the main character of the story as a human being in the flesh and the image in the picture as a still, non-living work of art, manifest themselves as equally significant aesthetic objects, united by one common inherent quality, i.e. the magic and charm of beauty. The beauty does not ensue from the well-bred manners of the son or from a spell-binding expression of the mother's eyes; the beauty lies in their capability of being absolutely natural, in harmony with their own selves. Aesthetic aspects of the ekphrastic description find their expression in a variety of linguistic means (epithets, metaphor, personification, simile, syntactic parallelism, etc.). Particular significance belongs to a big number of lexical units pertaining to visual perception, which is a specific feature of the archetypal scheme of ekphrasis. Equally important are the words and phrases characterizing the vitality of the image portrayed.

For citation: Karpukhina T. P. Esteticheskie aspekty ekfrasisa v novelle Gi de Mopassana «Un portrait» («Portret») [Aesthetic Aspects of Ekphrasis in Guy de Maupassant's Short Story «Un portrait» («A Portrait»)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 193–200. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-193-200.

References

1. Urtmintseva M. G. Ekfrasis: nauchnaia problema i metodika ee issledovaniia [Ecphrasis: the scientific problem and the methodology of its investigation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, no. 4 (2010): 975–977.
2. Braginskaia N. V. Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) [Ecphrasis as a type of text (to the problem of structural classification)]. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavijskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian-East Slavic parallels. Structure of the Balkan text]. Moscow: Nauka, 1977, 259–283.
3. Tret'iakov E. N. Ekfrasis kak sistema intersemioticheskikh transformatsii po matrichnomu metodu [Ecphrasis as a system of intersemiological transformations using the matrix method]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, no. 4 (2012): 153–159.
4. Iatsenko E. V. «Liubite zhivopis', poety...». Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaia model' [«Love painting, poets ...». Ekfrasis as an artistic-ideological model]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, no. 11 (2011): 47–57.
5. Nikola M. I. Ekfrasis: aktualizatsiia priema i poniatii [Ecphrasis: actualization of reception and concepts]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, 1, no. 2 (2010): 8–12.
6. Lukov V. A. Zhanry i zhanrovye generalizatsii [Genres and genre generalizations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1 (2006): 141–148.
7. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Ed. Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1987, 752.
8. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Ed. Nikoliukin A. N. Moscow: Intelvak, 2001, 1600.

9. *Sovremennyyi slovar' -spravochnik po literature* [Modern Dictionary of Literature]. Ed. Kormilov S. I. Moscow: Olimp: AST, 2000, 704.
10. Moskvina V. P. *Stilistika russkogo iazyka: teoreticheskii kurs* [Stylistics of the Russian language: theoretical course]. Rostov-on-Don: Feniks, 2006, 630.
11. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1994, 616.
12. Bragina N. V. «Kartiny» Filostrata Starshego: genezis i struktura dialoga pered izobrazheniem [«Pictures» of Philostratus the Elder: the genesis and structure of the dialogue before the image]. *Odissei. Chelovek v istorii 1994. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii* [Odysseus. Man in the history of 1994. The picture of the world in the popular and scientific consciousness]. Moscow: Nauka, 1994, 274–313.
13. Tret'iakov N. N. *Obraz v iskusstve: osnovy kompozitsii* [The image in art: the fundamentals of composition]. Kozel'sk: Sviato-Vvedenskaia Optina Pustyn', 2001, 262.
14. Khalizev V. A. *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Akademiia, 2009, 432.
15. Un portrait. Maupassant Guy de. *L'inutile beauté*. Paris: Flammarion, 1938, 171–178.
16. Tamarchenko N. D. Povestvovanie [Narrative]. *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie. Osnovnye poniatia i terminy* [Introduction to literary criticism. Literary work. Basic concepts and terms]. Ed. Chernets L. V. Moscow: Vysshiaia shkola; Akademiia, 1999, 279–295.
17. Maupassant G. de. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Transl. Danilin Iu. Moscow: Terra, vol. 9 (1996): 397.
18. Uspenskii B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000, 347.
19. Karpukhina T. P. *Lingvoesteticheskaia igra morfemnogo povtora: teoreticheskaiia model' analiza fenomena chastichnoi iteratsii v khudozhestvennom tekste (na materiale angloiazychnoi khudozhestvennoi prozy)*. Diss. doktora filol. nauk [Linguoesthetic game of morphemic repetition: a theoretical model of the analysis of the phenomenon of partial iteration in an artistic text (on the material of English-language artistic prose)]. Dr. philol. Sci. Diss.]. Irkutsk State Linguistic Univ., Irkutsk, 2007, 458.
20. Tret'iakov E. N. *Ekfrasis kak matrichnaia reprezentatsiia obraznykh znakov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Ecphrasis as a matrix representation of figurative signs. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Tver', 2009, 19.
21. Losev A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [The history of ancient aesthetics. The Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: AST; Folio, vol. 2 (2000): 846.
22. Nikitina I. P. *Filosofiia iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Omega-L, 2008, 559.
23. Bychkov V. V. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: KnoRus, 2012, 528.
24. Barskaia B. Ia. Gi de Maupassan i frantsuzskie khudozhniki ego vremeni [Guy de Maupassant and the French painters of his time]. *Tipologicheskie sootvetstviia literatury i izobrazitel'nogo iskusstva* [Typological correspondence of literature and art]. Ed. Shaikovich B. A. Kiev: Odessa: Vishcha shkola, 1975, 60–84.
25. Lotman Iu. M. *Vnutri mysl'ishchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 464.
26. Shatin Iu. V. *Ozhivshie kartiny: ekfrasis i diegezis* [Animated pictures: ekfrasis and diegesis]. *Kritika i semiotika = Criticism and Semiotics*, no. 7 (2004): 217–226.
27. Karpukhina T. P. *Ekfrasticheskoe prochtenie stikhotvoreniia Teda Kh'iuza «Portraits»* [The ecphatic reading of Ted Hughes' poem Portraits]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, no. 10(151) (2014): 16–23.
28. Karpukhina T. P. *Ekfrasis i ego funktsionirovanie v romane Somerseta Moema «The Moon and Sixpence» («Luna i grosh»)* [Ecphrasis and its functioning in the novel by Somerset Maugham «The Moon and Sixpence»]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 200–205. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-200-205.
29. Vishniakova E. P., Karpukhina T. P. *Funktsionirovanie kategorii pertseptivnosti v novelle G. Uellsa «Strana slepykh»* [The functioning of the category of perceptivity in the novel by Wells «The Country of the Blind»]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University*, no. 2 (2013): 241–250.
30. *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of the poetic text]. Lotman. Iu. M. *O poetakh i poezii* [About poets and poetry]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2001, 18–252.
31. Freidenberg O. M. *Poetika siuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and genre]. Ed. Bragina N. V. Moscow: Labirint, 1997, 448.

УДК 81'243: 378.147

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ: ОТ ПРАВИЛ К РАЗУМНОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

Инна Н. Кошелева¹.@

¹ *Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76*

@ ipozdnysheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2017. Принята к печати 19.01.2018.

Ключевые слова: обучение английской грамматике, коммуникативный подход, правила, подход разумного осмысления, значение, контекст, межкультурная коммуникация.

Аннотация: При описании грамматических явлений многие учебные пособия содержат общие правила по их использованию и обращают внимание обучающихся на способ построения грамматических форм. Однако на практике эти правила могут быть абстрактными, не дающими точное или полное описание языковых единиц. В некоторых случаях объяснения не соответствуют примерам, взятым из аутентичных источников. Предметом данного исследования является проблема эффективного обучения студентов неязыкового вуза грамматике английского языка. Цель статьи – описать метод обучения английской грамматике с позиции смысла грамматического явления и с учетом его контекстуального употребления. Методологической базой проведенного исследования послужили идеи и концепции коммуникативного подхода в обучении иностранному языку, сознательно-ориентированный подход и метод контекстуального анализа языкового материала. Отмечается ряд преимуществ применения подхода к обучению грамматике посредством разумного осмысления, отталкиваясь от потребностей и интересов говорящего перед изложением правил. Показано, что данный подход предоставляет студентам возможность наблюдать и сравнивать разнообразные случаи контекстуального употребления языковых единиц, что в свою очередь создает основу для усвоения нового лингвистического материала и его последующего использования в естественной коммуникации. Результаты исследования могут представлять интерес для преподавателей иностранного языка, а также исследователей, занимающихся вопросами изучения английской грамматики. В заключение делаются выводы о том, что описанный подход дает более точное описание значения или употребления грамматических конструкций. Это позволяет понять логику и намерения носителей языка, что в значительной мере облегчает процесс межкультурной коммуникации.

Для цитирования: Кошелева И. Н. Оптимизация обучения английской грамматике: от правил к разумному осмыслению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 201–207. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-201-207.

Язык – эффективный инструмент, используемый в повседневной коммуникации. Грамматика составляет неотъемлемую часть языка и служит средством построения и выражения значения, без которого немислима действенная коммуникация. По утверждению Х. Насаджи и С. Фотос, "без грамматики не существует языка" [1, р. 1]. Однако такое заявление не во все времена имело силу. Поскольку вопросы преподавания грамматики всегда вызывали горячую дискуссию в сфере языкового образования, то варьировались и методы ее изучения. До 1970-х гг. акцент ставился на форму и грамматическую правильность речи, а овладение языком подразумевало изучение грамматики. На сегодняшний день фокус исследований сместился в сторону того, как "привлечь внимание обучающихся к грамматике, одновременно развивая и другие составляющие коммуникативной компетенции" [2, р. 31]. Такая поста-

новка вопроса требует расширения границ существующих подходов к изучению и преподаванию грамматики.

Цель данной статьи заключается в описании метода обучения грамматике английского языка на основе осмысления грамматических явлений, понимания их сути в определенном контексте, учитывая потребности и интересы говорящего. Для достижения этой цели ставится ряд задач. Во-первых, нами рассматривается понятие грамматики, поскольку оно занимает центральное место в исследовании. Во-вторых, дается обоснование, почему использование правил не всегда дает полную картину того или иного грамматического явления. В-третьих, приводятся примеры объяснения различных грамматических единиц с акцентом на содержащийся в них смысл. Наконец, аргументируется эффективность применения заданий, позволяющих студентам самим выводить значения языкового материала и наблюдать его функционирование в аутентичном контексте.

В последнее время проблема усвоения английской грамматики при изучении второго иностранного языка находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых: Н. И. Овчинниковой, О. Ю. Вейс и Н. С. Соколовой, С. В. Боголеповой, А. С. Восковской и Т. А. Карповой, М. Селсе-Мурсия и Д. Ларсен-Фримен, Р. Эллиса, М. Селсе-Мурсия, Д. Ларсен-Фримен, Х. Нассаджи и С. Фотос, К. Кек и Ю. Кима, Д. Норрингтон-Дэвиса и др. [1–11]. Учеными обосновывается эффективность различных направлений в рамках коммуникативного подхода, делается акцент на контекстуальном изучении грамматики, разумном сочетании эксплицитного и имплицитного подходов. Таким образом, научное обсуждение сводится к тому, чтобы найти средства развития требуемой грамматической правильности, а также способности поддерживать коммуникацию, одновременно не умаляя значимости каждой. Для решения задач, поставленных в работе, необходимо уточнить содержание понятия "грамматика".

В проводимом исследовании подчеркивается прикладное значение грамматики, то есть ее функции и важность в овладении иностранным языком. Дадим краткий обзор теоретических работ отечественных и зарубежных специалистов, затрагивающих в той или иной степени грамматический аспект.

Выдающийся отечественный лингвист Л. В. Щерба, опираясь на данные теоретического языкознания, рассматривает грамматику как "репертуар средств, посредством которых, во-первых, по определенным правилам выражаются отношения между самостоятельными предметами мысли и посредством которых, во-вторых, по не менее определенным правилам образуются новые слова" [12, с. 84].

Сторонница личностно-деятельностного подхода к обучению И. А. Зимняя, определяя речь как способ формирования и формулирования мысли посредством языка в процессах говорения, отмечает важность владения грамматическими правилами, благодаря которым возможно смысловыражение и смысловое восприятие [13, с. 127, 131–132]. Знание грамматических правил подразумевает оперирование языковыми средствами на морфологическом и синтаксическом уровнях. Так, морфология изучает способы построения слов из морфем, синтаксис – строение словосочетаний и предложений.

О значимости грамматики также свидетельствует справедливое утверждение Г. В. Роговой, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахаровой о том, что "невозможно оторвать грамматику от речи, без грамматики не мыслится овладение какой-либо формой речи, так как грамматика наряду со словарным и звуковым составом представляет собой материальную основу речи" [14, с. 74].

Е. Н. Соловова обращает внимание на то, что грамматикой изучаются закономерности изменения и сочетания слов, образующих осмысленные предложения или высказывания [15, с. 101].

Не менее интересна позиция отечественного лингвиста и методиста Р. П. Мильруда, рассматривающего язык как психолингвистический механизм. В его

понимании грамматика отражает человеческие взаимоотношения с окружающим миром посредством грамматических средств. Применительно к методике преподавания иностранных языков ученый вслед за Н. Хомским использует термин "грамматической компетенции". По мнению Р. П. Мильруда, она "представляет собой совокупность теоретических знаний (правил) и языковых навыков, необходимых и достаточных учащимся для построения правильных или условно правильных предложений, понимания грамматики обращенной к ним устной и письменной речи, мониторинга грамматических ошибок, суждений о правильности и неправильности своих и чужих предложений, а также выполнения тестовых заданий" [16].

Продолжая логику рассуждения о понятии "грамматика", рассмотрим систему "педагогической грамматики" в трудах зарубежных исследователей. Так, К. Кек и Ю. Ким определяют ее как область исследований, имеющую отношение к тому, как грамматика может преподаваться наиболее эффективным способом. Они подчеркивают значимость трех больших сфер: овладение грамматикой второго иностранного языка (изучение), обучение грамматике второго иностранного языка (преподавание), а также ее описание [2, р. 1].

Американский лингвист новозеландского происхождения С. Торнбери подходит к грамматике как к описанию правил для составления предложений с учетом значений, которые эти формы передают. В данном случае понятия "грамматика" и "правила" синонимичны [17, р. 13].

Несколько иного взгляда придерживается американский методист Д. Ларсен-Фримен, учитывающая динамический характер грамматики. Для нее она связана больше с человеческими качествами, чем с окончательным списком правил и исключений. Грамматика позволяет нам выбирать, как мы представляем себя миру, одновременно определяя индивидуальную идентичность [10, р. 142]. Если внимательно изучить понятие "грамматики" Д. Ларсен-Фримен, становится ясным, что она не рассматривает ее как область знания, а воспринимает как навык или процесс, в котором студенты учатся использовать грамматику осмысленно в различных ситуациях общения. Содержание понятия "грамматики" лучше передается в английском языке глаголом, чем существительным, поскольку это не явление, а то, что люди воспроизводят в ходе коммуникации. Поэтому Д. Ларсен-Фримен называет это "grammaring", способностью использовать грамматические структуры осмысленно, точно и правильно, выражая тем самым свои потребности. Динамическая природа означает, что грамматика и язык постоянно изменяются. Помимо формы и значения преподавателям следует осведомлять студентов о должном использовании грамматических форм, а также о том, почему определенные формы более подходящие, нежели другие в различных ситуациях. В таком случае можно говорить не только о правильном использовании грамматических форм, но и об осмысленном употреблении языкового средства в определенном контексте. Следовательно,

форма, значение и употребление составляют три измерения языка, и все они являются составляющими "grammaring" [10, p. 34–35]. Однако, принимая во внимание эти "измерения", обучение иностранным языкам может оказаться проблематичным, особенно в отношении использования грамматических форм в определенном контексте. По мнению Д. Ларсен-Фримен, и мы его разделяем, преподаватели английского языка, для которых он не является родным, могут не иметь достаточно опыта в прагматическом измерении грамматики [10, p. 48].

В данной работе мы опираемся на исследования Д. Ларсен-Фримен в области грамматики и считаем, что люди нуждаются в ее изучении с целью плодотворного и успешного общения, что подразумевает передачу смысла и его восприятия. Следовательно, для достижения этой цели необходимо предоставить обучающимся возможность практиковаться в использовании грамматических структур в значимых, реальных и наполненных смыслом контекстах. Поэтому заучивание и повторение правил недостаточно для успешного обучения. Таким образом, студентам легче переносить усвоенные в классе навыки в ситуации реального общения. Вместе с тем должно уделяться внимание и важности грамотного оформления высказываний. Однако первостепенное значение имеет тот факт, что грамматика – это не только правила или механические навыки по их использованию, но и инструмент, позволяющий выражать оттенки значений, определенные намерения, реакции человека на происходящее. Соответственно, встает вопрос об альтернативном методе преподавания и понимания грамматики, который помог бы обучающимся эффективно использовать языковые средства в общении.

Мы рассмотрим наиболее проблемные ситуации использования некоторых грамматических явлений, с которыми сталкиваются студенты младших курсов в процессе изучения грамматики на факультете Международного бизнеса и делового администрирования МГИМО (У). Отметим, что внимание к прагматическому аспекту использования грамматической структуры может значительно облегчить усвоение языкового материала.

Переходя к сути этого метода, стоит описать педагогические условия, в которых приходится преподавать грамматику. У студентов она часто ассоциируется с правилами, предоставляющими им чувство безопасности, то, на что можно опереться в ситуациях общения на иностранном языке. Правила содержат полезные указания на то, как устроен язык. Однако существуют ограничения их применения.

Как было заявлено выше, английский язык постоянно меняется, и в связи с этим становится очевидным, что некоторые правила больше не действуют в языковой действительности и соответственно не могут предписывать ту или иную форму для употребления. Например, если студенты при изучении времен английского языка выучили правило о том, что глаголы состояния не употребляются в продолженном аспекте (*the continuous aspect*), то при встрече с фразой

I am loving every minute of this class могут почувствовать себя растерянными. Большинство же носителей английского языка согласились бы с тем, что сочетание причастия настоящего времени с глаголом состояния передает эффект усиления чувства, выраженного глаголом *to love*, или говорит о временном характере эмоционального состояния. Стоит отметить, что во время освоения аспектно-временной системы английского языка студентами задача преподавателя сводится к тому, чтобы показать обучающимся не только основные значения, например, продолженного аспекта, но и затронуть "периферийные", которые не так очевидны. Так, употребление глагола в аспекте *continuous* наделяет его "событийным" смыслом. Можно наблюдать использование глаголов состояния в продолженном аспекте с целью выразить:

- a) манеру поведения в определенный момент в противопоставление с общей е. g. *He's being rude*;
- b) изменение состояния со смещением акцента на выражении интенсивности действия во времени е. g. *I'm understanding less and less about life, the older I get*;
- c) ограниченную длительность действия е. g. *Are you understanding this?*;
- d) сознательную причастность е. g. *What we are seeing is a red dwarf star*;
- e) акцент на правдоподобности, живости действия е. g. *One night in the middle of the night, I'm hearing dripping*;
- f) вежливое отношение е. g. *Are you liking it?*;
- g) смягчение критики е. g. *I like the first piano notes, but I'm not liking it where the strings come in*;
- h) ненавязчивое отношение е. g. *I was just wanting to invite you to a gathering... (answering machine message)* [7, p. 121].

Как мы видим, спектр употребления аспекта *continuous* намного шире, чем заявлено в большинстве учебников по грамматике. Чтобы развить у студентов восприимчивость к контекстуальным различиям в использовании изучаемых структур, можно предлагать упражнения, которые ставят целью определить значение, выражаемое формой, понять мотивы говорящего. Приведем пример такого задания. *Explain the differences in meaning between the sentences in each of the following groups, referring where appropriate to contexts in which one or other might be preferred:*

- 1) *Are you wanting to go home? / Do you want to go home?*;
- 2) *Are you liking the concert? / Do you like the concert?*;
- 3) *She always brings me flowers. / She's always bringing me flowers*;
- 4) *He's got a bath. / He has a bath. / He's having a bath* [18, p. 197].

Часто правила представлены как объективная информация, претендующая на истину, хотя и тут часто встречается преувеличение. Так, существует утверждение о том, что нужно преобразовывать прямую речь в косвенную путем согласования времен. В то же время правомерно говорить и о неизменении глагольной формы, если говорящий хочет донести до слу-

шающего мысль, что обстоятельства не изменились с момента утверждения какого-либо факта. Например, *I'm tired* → *He told me that he is tired (he is still tired)*.

Анализируя сложившуюся ситуацию в преподавании грамматики английского языка, мы считаем отчасти справедливым утверждение Д. Норрингтон-Дэвиса о том, что правила имеют тенденцию фокусироваться на грамматике одного предложения, поскольку извлечены из неаутентичных источников [11, p. 39]. Работа с контекстом высказывания позволяет элиминировать подобную проблему и рассматривать грамматическое явление в рамках текста, определив его цель, кому он адресован и эффект, производимый на слушающего или читающего. В качестве примера приведем различие в употреблении "used to" и "would" применительно к высказываниям, относящимся к прошедшему времени. На уровне предложения такие фразы, как *My father used to exercise every morning* / *My father would exercise every morning* едва ли различимы по смыслу, поскольку передают повторяющееся действие в прошлом. Но для различения этих форм хорошим подспорьем будет служить контекст. Так, К. Су, исследуя природу употребления модальных форм "used to" / "would", пришел к выводу, что более эксплицитная "used to" больше употребляется для обозначения границы эпизода или устанавливает рамки для повторяющегося действия в прошлом. В то время как более условная форма "would" развивает тему, дополняя ее деталями [19]. В этом значении она эквивалентна простому прошедшему времени (*the past simple*). Так, нижеприведенный текст, где говорящий описывает дискриминацию, с которой он столкнулся ребенком в США, свидетельствует о таком различии. *"The bad thing was they used to laugh at us, the Anglo kids. They would laugh because we'd bring tortillas and frijoles to lunch. They would have their nice little compact lunch boxes with cold milk in their thermos and they'd laugh at us because all we had was dried tortillas. Not only would they laugh at us, but the kids would pick fights"* [7, p. 169].

Хорошо известно, что на обучающем лежит большая ответственность за то, как представлять материал. Невозможно рассказать о языке все, даже если бы преподаватели имели неограниченное время, поскольку язык подвержен изменениям. Вместо этого следует придерживаться здравого смысла в том, каким способом объяснять грамматические явления. Проиллюстрируем данное положение примером изучения глаголов, требующих после себя либо герундия, либо инфинитива. Обычно студентам дается для запоминания список глаголов, которые употребляются только с инфинитивом (*aim, dare, expect, hope, intend* и другие), герундием (*admit, appreciate, defend, deny, enjoy* и другие), а также как с инфинитивом, так и с герундием (*begin, continue, forget, hate, try* и другие). Однако мы можем утверждать, что такая подача материала ложится тяжелым бременем на обучающихся и, к сожалению, не гарантирует осознанного выбора того или иного средства в процессе коммуникации. Более продуктивным будет семантическое объяснение, дан-

ное Д. Болинджером. Инфинитив, как правило, сочетается с глаголами, обозначающими гипотетические события, не свершившиеся, относящиеся к будущему, в то время как герундий – с реальными, яркими, происшедшими событиями [20]. Другими словами, можно сказать *one can aim to go*, потому что в момент речи действие, выраженное глаголом *to go*, еще не произошло. Напротив же, если действие уже свершилось, употребляем *one can admit going*. С глаголами, которые употребляются с инфинитивом и герундием, акцент делается также на реализацию действия. Возьмем в качестве примера *try*. Так, рассмотрев два предложения *Peter tried to go to Oxford* / *Peter tried going to Oxford*, можно заключить, что в первом предложении подразумевается, что Питер хотел учиться в Оксфорде, но не поступил туда, а во втором – Питер учился в Оксфорде, но не закончил свое обучение. Не всегда удается применить принцип различия в употреблении глагола или инфинитива, предложенный Д. Болинджером, но все же он знакомит обучающихся со значениями, которые заложены в использовании этих грамматических явлений, что в свою очередь в большинстве случаев облегчает восприятие намерений говорящего или помогает в оформлении подходящей идеи для высказывания.

Помимо смещения фокуса внимания с правил на разумное осмысление грамматических явлений и рассмотрение причин их употребления особую важность приобретает необходимость изменить взгляд обучающихся на предмет грамматики, вовлечь их в постижение скрытого смысла и научить разумно применять ту или иную грамматическую форму. По нашему мнению, для этого важно наделить студентов возможностью самим формулировать правила, выстраивать гипотезы употребления грамматической структуры, наблюдать за ее функционированием в аутентичном контексте, а также участвовать, например, в ролевых играх на основе содержания газетных статей.

Опыт работы автора показывает, что следование этому принципу позволяет нестандартно подходить к работе со студентами над той или иной грамматической темой. Возьмем в качестве примера *defining / non-defining relative clauses* – ограничительные и распространительные определительные придаточные предложения. Чтобы представить разницу в их употреблении и помочь обучаемым вывести правило самим, преподаватель обращается к классу: *"If you don't speak Russian stand up"*. Один из студентов описывает ситуацию, происходящую в классе (что делают студенты, которые говорят по-русски): *The students who speak Russian are seated*. Преподаватель дает дальнейшее указание: *"If you speak English, remain seated"* и просит студента описать, что делают студенты, которые говорят по-английски: *The Russian-speaking students, who also speak English, are seated*. Преподаватель просит обучающихся сравнить эти два предложения. Меняется ли их смысл, если убрать определительные придаточные предложения. В первом случае студенты пришли к выводу о том, что если пишущий его опустит, читающий не узнает

о каких студентах идет речь, то есть оно несет основную смысловую нагрузку. Во втором случае читающему не обязательно знать информацию, содержащуюся в определительном придаточном предложении, но с ее включением в структуру предложения он / она знает больше о том, что эти студенты говорят и по-английски. На этот раз придаточное предложение дополняет главное, и если его удалить, то читающему все равно будет понятно, о каких студентах идет речь. Соответственно, ограничительные определительные предложения не выделяются запятыми в отличие от распространительных. Вслед за М. Пэрроттом мы считаем, что можно помочь студентам узнавать и понимать употребление определительных придаточных предложений, привлекая их внимание к тому, как они используются в естественной коммуникации и аутентичных текстах [18, p. 406]. В рамках данной темы студентам предлагается прочитать статью о Ричарде Талере, лауреате Нобелевской премии в области экономики за 2017 г., и подчеркнуть примеры ограничительных и распространительных определительных придаточных, а также указать, с какой целью автор статьи их использовал, обратить внимание на расстановку запятых [21]. Примером *non-defining clause* может служить предложение: *Asked at the news conference Monday if he thought this observation applied to the U.S president, who had success as a business executive before entering politics, he said: "As to President Trump, I think he would do well to watch that movie"*. К *defining clauses* относятся следующие предложения:

Under that model, many employees who resist immediately raising the portion of their salary put into retirement accounts will agree to raise their contributions in the following year and usually continue with the higher level.

Thaler's contributions include studying the "limited rationality" trait that includes behavior such as the unwillingness to pay off high-interest credit card debt from a low-interest savings account.

Thaler is not the first behavioral economist to win the Nobel. In 2002, the award went to Israeli-American

psychologist Daniel Kahneman who used psychological insights to study how people make economic decisions. Для использования в речи этих грамматических структур студенты могут принять участие в ролевой игре, требующей двух участников – Ричарда Талера и журналиста, берущего у него интервью. В дополнение к этому студентам можно предложить написать своей собственной статье об известном человеке с применением изученных конструкций. Представляется очевидным, что подобные задания делают обучающихся вовлеченными в содержание текстов, мотивируют их на углубленное понимание затронутых вопросов и заставляют тщательно выбирать языковые средства для передачи нужного смысла.

Подводя итог данному исследованию, следует отметить, что описанный подход к обучению грамматике английского языка позволяет не сосредоточивать внимание студентов на определенном правиле, а побуждать их видеть разумное объяснение, стоящее за употреблением того или иного грамматического явления. Другими словами, обучающихся стоит направлять в сторону раскрытия смысла: почему говорящий или пишущий выбрал (-а) определенную форму, и что под этим они имели в виду. Это помогает студентам осознать, что грамматический выбор обусловлен не правилами, а тем, что хочет выразить говорящий (пишущий). Этому находим подтверждение у М. Льюиса: дело не в том, что сначала появляется правило, а язык должен подстроиться под него. А наоборот – язык первоначален, и грамматика должна описывать его. Принимая это во внимание, все то, что воспроизводит в своей речи опытный носитель языка, может быть изучено и описано [22, p. 23]. Таким образом, понимая смысл употребления грамматической конструкции, студенты учатся видеть логику, которой придерживаются носители неродного им языка. Это может помочь им представлять мир, как это делают говорящие на этом языке люди. Более того, это облегчает усвоение языка, а также способствует успеху в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Nassaji H., Fotos S. Teaching grammar in second language classrooms: Integrating form-focused instruction in communicative context. New York: Routledge, 2011. 167 p.
2. Keck C., Kim Y. Pedagogical grammar. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 255 p.
3. Овчинникова Н. И. Современные тенденции в обучении грамматической стороне иноязычной речи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 194–197.
4. Вейс О. Ю., Соколова Н. С. Использование культурно-обусловленного подхода в обучении грамматике английского языка студентов языковых факультетов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-3. С. 19–22.
5. Боголепова С. В. Об обучении грамматике в контексте коммуникативного подхода // Иностранные языки в школе. 2016. № 11. С. 26–32.
6. Восковская А. С., Карпова Т. А. Представление грамматического материала на различных уровнях языковой подготовки в рамках коммуникативного подхода // English Language Teaching Upgrade: Practices and Innovations: материалы конференции (25 января 2017). Москва, 2017. С. 61–70.
7. Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D. The grammar book. Boston, MA: Heinle ELT, 1999. 854 p.

8. Ellis R. Grammar teaching: Practice or consciousness-raising? // *Methodology in language teaching: An anthology of current practice* / Eds. Richards J. C., Renandya W. A. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. P. 167–174.
9. Celce-Murcia M. Why it makes sense to teach grammar in context through discourse // *New Perspectives on Grammar Teaching in Second Language classrooms* / Eds. Hinkel E., Fotos S. New York: Routledge, 2002. P. 119–133.
10. Larsen-Freeman D. *Teaching language: from grammar to grammaring*. Boston, MA: Heinle ELT, 2003. 160 p.
11. Norrington-Davies D. *Teaching grammar: from rules to reasons*. Brighton: Pavilion publishing, 2016. 200 p.
12. Щерба Л. В. *Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики*. М.: Высшая школа, 1974. 112 с.
13. Зимняя И. А. *Психология обучения неродному языку*. М.: Русский язык, 1989. 223 с.
14. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. *Методика обучения иностранным языкам в средней школе*. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
15. Соловова Е. Н. *Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций*. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
16. Мильруд Р. П. Грамматическая компетенция учащихся: программа робота, нейронная сеть или картина мира? // *Просвещение. Иностранные языки*. 2013. № 8. Режим доступа: <http://iyazyki.ru/2013/07/grammar-competence/> (дата обращения: 12.10.2017).
17. Thornbury S. *How to teach grammar*. Harlow: Pearson Education Limited, 2004. 182 p.
18. Parrott M. *Grammar for English language teachers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 479 p.
19. Suh K. H. Past habituality in English discourse: "Used to" and "would" // *Language Research*. 1992. Iss. 28. P. 857–882.
20. Bolinger D. Entailment and the meaning of structures // *Glossa*. 1968. Vol. 2. № 2. P. 119–127.
21. Richard Thaler wins Nobel for work in behavioral economics. 09.10.2017. Режим доступа: <https://phys.org/news/2017-10-richard-thaler-nobel-behavioral-economics.html> (дата обращения: 12.10.2017).
22. Lewis M. *The English Verb: An exploration of structure and meaning*. Boston, MA: Heinle, 2002. 180 p.

ENGLISH GRAMMAR TEACHING ENHANCEMENT: FROM RULES TO REASON-BASED APPROACH

Inna N. Kosheleva¹.@

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454*
@ ipozdnysheva@yandex.ru

Received 19.10.2017. Accepted 19.01.2018.

Keywords: English grammar teaching, communicative approach, rules, reason-based approach, meaning, context, intercultural communication.

Abstract: When describing grammar phenomena, many course-books comprise rules of thumb and turn students' attention to the construction methods of grammar forms. However, in practice these rules can be abstract, not giving precise or full explanation to the language units. In some cases explanations don't correspond to the examples from the authentic sources. The subject of this research is the problem of the effective teaching English grammar to the students of non-linguistic universities. The purpose of the article is to describe methods of teaching English grammar from the standpoint of meaning of the grammar phenomenon and taking into consideration its contextual use. The current research is based on the ideas and concepts of the communicative approach to language teaching, conscious-raising approach and the method of the contextual use of language material. The paper features a number of advantages of the reason-based approach over the presentation of the rule. The approach enables students to notice and compare different contextual use cases of the language units. Therefore, it lays foundation for internalization of the new linguistic material and its further use in real communication. The results of the research can be of interest to both foreign language teachers and to the researchers dealing with English grammar learning. The conclusion is that the approach in question gives a more precise description of the meaning or use of grammatical constructions. It allows one to understand native speakers' logic and intentions, which significantly facilitates intercultural communication.

For citation: Kosheleva I. N. Optimizatsiia obucheniia angliiskoi grammatike: ot pravil k razumnomu osmysleniiu [English Grammar Teaching Enhancement: from Rules to Reason-based Approach]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 201–207. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-201-207.

References

1. Nassaji H., Fotos S. *Teaching grammar in second language classrooms: Integrating form-focused instruction in communicative context*. New York: Routledge, 2011, 167.
2. Keck C., Kim Y. *Pedagogical grammar. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company*, 2014, 255.
3. Ovchinnikova N. I. Sovremennye tendentsii v obuchenii grammaticheskoi storone inoiazychnoi rechi [Modern tendencies in foreign language grammar teaching]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Voronezh state university. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2 (2012): 194–197.
4. Veis O. Iu., Sokolova N. S. Ispol'zovanie kul'turno-obuslovlennogo podkhoda v obuchenii grammatike angliiskogo iazyka studentov iazykovykh fakul'tetov [Application of culturally-based approach to teaching English grammar to students of linguistic faculties]. *Bulletin of Kemerovo state university*, no. 2-3 (2015): 19–22.
5. Bogolepova S. V. Ob obuchenii grammatike v kontekste kommunikativnogo podkhoda [Grammar teaching within the communicative approach]. *Inostrannye iazyki v shkole = Foreign languages at school*, no. 11 (2016): 26–32.
6. Voskovskaia A. S., Karpova T. A. Predstavlenie grammaticheskogo materiala na razlichnykh urovniakh iazykovoi podgotovki v ramkakh kommunikativnogo podkhoda [Presentation of grammar at the different language levels within the communicative approach]. *English Language Teaching Upgrade: Practices and Innovations: materialy konferentsii (25 ianvaria 2017)* [English Language Teaching Upgrade: Practices and Innovations: Proc. Conf. (January 25 2016)]. Moscow, 2017, 61–70.
7. Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D. *The grammar book*. Boston, MA: Heinle ELT, 1999, 854.
8. Ellis R. *Grammar teaching: Practice or consciousness-raising? Methodology in language teaching: An anthology of current practice*. Eds. Richards J. C., Renandya W. A. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002, 167–174.
9. Celce-Murcia M. *Why it makes sense to teach grammar in context through discourse. New Perspectives on Grammar Teaching in Second Language classrooms*. Eds. Hinkel E., Fotos S. New York: Routledge, 2002, 119–133.
10. Larsen-Freeman D. *Teaching language: from grammar to grammaring*. Boston, MA: Heinle ELT, 2003, 160.
11. Norrington-Davies D. *Teaching grammar: from rules to reasons*. Brighton: Pavilion publishing, 2016, 200.
12. Shcherba L. V. *Prepodavanie inostrannykh iazykov v srednei shkole: obshchie voprosy metodiki* [Foreign language teaching in secondary school: general issues of methodology]. Moscow: Vysshaia shkola, 1974, 112.
13. Zimniia I. A. *Psikhologiia obucheniia nerodnomu iazyku* [The psychology of teaching a foreign language]. Moscow: Russkii iazyk, 1989, 223.
14. Rogova G. V., Rabinovich F. M., Sakharova T. E. *Metodika obucheniia inostrannym iazykam v srednei shkole* [Foreign language teaching methodology in secondary school]. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 287.
15. Solovova E. N. *Metodika obucheniia inostrannym iazykam: bazovyi kurs lektsii* [Foreign language teaching methodology: basic lecture course]. Moscow: Prosveshchenie, 2002, 239.
16. Mil'rud R. P. Grammaticheskaiia kompetentsiia uchashchikhsia: programma robota, neironnaia set' ili kartina mira? [Learners' grammar competence: the robot's programme, neural network or world view]. *Prosveshchenie. Inostrannye iazyki = Education. Foreign languages*, no. 8 (2013). Available at: <http://iazyki.ru/2013/07/grammar-competence/> (accessed 12.10.2017).
17. Thornbury S. *How to teach grammar*. Harlow: Pearson Education Limited, 2004, 182.
18. Parrott M. *Grammar for English language teachers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 479.
19. Suh K. H. Past habituality in English discourse: "Used to" and "would". *Language Research*, Iss. 28 (1992): 857–882.
20. Bolinger D. Entailment and the meaning of structures. *Glossa*, no. 2 (1968): 119–127.
21. *Richard Thaler wins Nobel for work in behavioral economics*. 09.10.2017. Available at: <https://phys.org/news/2017-10-richard-thaler-nobel-behavioral-economics.html> (accessed 12.10.2017).
22. Lewis M. *The English Verb: An exploration of structure and meaning*. Boston, MA: Heinle, 2002, 180.

УДК 81'34

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БИЛИНГВА И НАВЫК ИНТОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Елена Н. Макарова¹.@

¹ Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

@ makarovaun@mail.ru

Поступила в редакцию 20.12.2017. Принята к печати 28.02.2018.

Ключевые слова:

билингв, анкетирование, языковая личность, фразовый акцент, социолингвистические характеристики, неродная речь.

Аннотация: Статья содержит результаты изучения воздействия социолингвистических факторов на расстановку фразовых акцентов мексиканскими информантами в чтении английского материала. Представлены данные анкетирования мексиканских испытуемых с разным уровнем языковой компетенции. На основании ответов на вопросы анкеты была получена информация о возрасте и условиях начального этапа изучения испытуемыми английского языка, интенсивности его использования в настоящее время, отношении информантов к необходимости овладения английской фонетикой. В статье также приведены результаты фонетического эксперимента, направленного на выявление владения мексиканцами навыком выбора интонационного центра в английском высказывании. Доказано, что решающее влияние на сформированность навыка определения позиции интонационного центра оказывает уровень языковой компетенции испаноязычных студентов. Полученные результаты могут быть использованы в целях повышения эффективности методики преподавания английского и испанского языков в качестве иностранных.

Для цитирования: Макарова Е. Н. Условия формирования языковой личности билингва и навык интонирования английской речи (на основе результатов анкетирования) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 208–212. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-208-212.

Изучение межъязыковой интерференции не может не затрагивать исследования причин, способствующих её проявлению. Работы по проблемам билингвизма и интерференции чаще всего содержат результаты лишь лингвистического анализа иноязычной речи. В связи с этим изучение социолингвистических факторов, воздействие которых на процессы порождения и восприятия неродной речи неоспоримо, важно и актуально. Социофонетический анализ, активно применяющийся в лингвистике сегодня, учитывает влияние социальных факторов и на интонационные характеристики речи билингвов [1].

В статье представлены данные исследования (включающего фонетический эксперимент и анкетирование) проявлений испано-английской межъязыковой интерференции на уровне акцентной структуры высказывания у мексиканских билингвов, говорящих на английском языке в качестве второго. Оба этапа работы были проведены автором статьи в Техасском университете в Эль-Пасо. Несмотря на то, что проблема интерференции хорошо изучена, работ по исследованию проявлений межъязыкового влияния на материале неродной речи билингвов, изучающих английский язык в среде его носителей, мало. Большинство работ отечественных исследователей посвящены анализу английской речи русских, овладевающих английским языком в условиях аудиторного билингвизма. Это обстоятельство определяет актуальность проведённой работы. Изучение позиции

фразового акцента высказывания в чтении английского материала мексиканскими билингвами проводится впервые.

Анкетирование является одним из главных и достаточно надёжных способов получить социолингвистическую информацию [2; 3]. Для создания социолингвистических портретов мексиканских участников эксперимента была составлена анкета, ответы на вопросы которой нацелены на получение информации об условиях изучения и условиях использования испытуемыми английского языка. При описании условий использования языка многие авторы употребляют термины родной / неродной, первый / второй или основной / неосновной язык, которые устанавливаются по таким факторам, как порядок изучения языков, возрасту, в котором начато их изучение, роли языков в общении [4]. Основной язык, как правило, тот, которым билингв не только владеет в наилучшей степени, но и использует его намного чаще неосновного [5]. Вопросы о месте проживания в процессе изучения языка, а также возрасте, в котором он начал изучаться, позволяют уяснить условия формирования личности билингва.

В анкетах, составленных автором для мексиканских информантов для определения объема функционирования английского языка, были проанализированы ответы информантов на вопросы о его использовании в рабочей обстановке и дома, о языковых предпочтениях в ситуации возможного выбора языка для общения. В анкетах содержались вопросы

о возрасте испытуемых, месте и возрасте начала обучения английскому языку, их отношении к обучению английской фонетике (важность и желание улучшить произносительные навыки).

Группу испытуемых составили тридцать мексиканских студентов, проходящих обучение в Техасском университете (University of Texas in El Paso). Всех испытуемых можно разделить на три группы, учитывая их уровень владения английским языком (он был определён по результатам тестирования – A2, B1 и B2). Разный уровень владения английским языком позволяет определить возможные связи между сформированностью у информантов навыка выбора в английском высказываний главного фразового акцента с их языковым опытом.

Все студенты-мексиканцы учатся на неязыковых факультетах Техасского университета и изучают английский язык по программе *English for Speakers of Other Languages*. Обучение нацелено на улучшение навыков письма, чтения и расширения словарного запаса. Студенты активно читают научную литературу по профилю обучения, пишут эссе. Большое внимание уделяется обучению работе с документацией, развитию умений, необходимых для подготовки исследовательских проектов. Итоговые экзамены по английскому языку включают контроль умения понимать и анализировать научные тексты, а также контроль владения студентами академическим письмом. Так как преподавание в университете проводится на английском языке, мексиканцы имеют возможность развивать навыки не только письменной, но и устной речи.

Результаты анкетирования и интерпретация полученных данных

Мексиканцы находятся в условиях непосредственного контакта с английским языком как в процессе обучения, так и в процессе ежедневного общения. Совершенствование навыка говорения происходит и в аудитории, и за её пределами – при общении студентов с американцами, проживающими в Эль-Пасо.

Анализ ответов на вопросы анкеты, однако, не даёт основания говорить о том, что мексиканские информанты полностью «погружены» в англоговорящую языковую среду: процент испаноязычного населения Эль-Пасо, который расположен на границе США и Мексики, высок.

Остановимся на результатах анкетирования студентов-мексиканцев каждой из групп подробно.

Возраст мексиканцев группы с уровнем владения английским языком A2 составил от восемнадцати до двадцати шести лет, средний возраст равен 19,8 годам. В эту группу входят 4 мужчины и 6 женщин. 6 из 10 студентов родились в Соединённых Штатах Америки, но жили с рождения на территории Мексики. Все информанты начали изучать английский либо в начальной школе (40 %), либо в средней школе в Мексике (60 %). До этого периода они оставались испаноязычными монолингвами. Время изучения английского языка, составившее 6–7 лет, не оказало значимого влияния на уровень владения испытуемыми английским языком – в настоящее вре-

мя эти студенты изучают английский язык в группе одного уровня. 6 студентов живут в Эль-Пасо, один из них – в течение пяти лет. Информанты, которые указали Соединённые Штаты Америки в качестве места проживания, посещают Мексику в выходные. Учащиеся, проживающие в Хуаресе (Мексика), проводят день в Эль-Пасо, но ездят в Мексику ночевать. С точки зрения языкового окружения информанты находятся практически в равных условиях.

Языком, на котором мексиканские студенты общаются дома, является испанский (только у одного информанта дома говорят на двух языках). 6 из 10 мексиканцев в университете и на работе говорят как на английском, так и на испанском, 3 испытуемых – на испанском, и один человек – на английском языке. Большую часть дня абсолютное большинство мексиканцев говорят на испанском языке. Все испытуемые, кроме одного, предпочли бы общаться на испанском языке, если бы у них был такой выбор. Доминирующим языком для большинства испытуемых является испанский язык – он используется и в бытовой, и в официальной обстановке (университет и работа).

Трое информантов упомянули наличие фонетической подготовки, которая включала коррекцию сегментных элементов английской речи и не затрагивала интонационный уровень. Все информанты считают работу над произносительной стороной важным элементом процесса овладения английским языком.

Возраст мексиканских учащихся группы с уровнем B1 – от восемнадцати до сорока шести лет, средний возраст составляет 21,9 года. Он выше, чем в предыдущей группе, поскольку в эту группу входит 46-летняя студентка. Гендерный состав – 6 женщин и 4 мужчины. Половина из них начали изучать английский язык в начальной школе, оставшиеся – в средней. 46-летняя студентка имела долгий (более 20 лет) перерыв в изучении английского языка, однако в течение этого времени она регулярно посещала Соединённые Штаты Америки, где использовала английский язык для общения. Длительность обучения не оказала заметного влияния на языковую компетенцию членов этой группы, поскольку они изучают английский язык в университете в группе одинакового уровня (B1). Семь мексиканцев живут в Эль-Пасо от одного года до четырёх лет. Как и в случае с группой, представленной выше, трудно найти соответствие между местом рождения и местом проживания: на территории Соединённых Штатов Америки проживают и те студенты, кто был рождён в Эль-Пасо, и те, кто родился в Хуаресе. Языком, на котором испытуемые говорят дома, в подавляющем большинстве случаев является испанский язык, только у одного учащегося дома используются два языка, хотя оба родителя являются испаноязычными. Трое из десяти информантов и в университете, и в рабочей среде говорят как на испанском языке, так и на английском, но только двое (в сравнении с тремя студентами группы A2) – на испанском. Пять студентов указали английский язык в качестве языка, на котором они говорят на работе или в университете. Это составляет

50 % в сравнении с 10 % испытуемых (один человек) в предыдущей группе. Большую часть дня восемьдесят процентов испытуемых говорят на испанском. Один из учащихся уточнил, что использование английского или испанского определяется предпочтением его собеседника. Речь идёт о кодовом переключении, когда выбор языка связан со сменой адресата. Данные по этому параметру схожи с результатами, полученными в группе А2. Четверо из десяти мексиканских студентов отметили наличие фонетической подготовки, которая, как и в случае с группой уровня А2, состояла в коррекции элементов сегментного уровня, но не затрагивала уровня интонации. Все информанты считают овладение произносительной стороной английской речи важным элементом процесса освоения английского языка.

Главным отличием информантов группы В1 от испытуемых с владением языком на уровне А2 является более активное использование английского языка в академической среде и на рабочем месте, а также предпочтение английского как средства повседневного общения.

Возраст мексиканских испытуемых группы с уровнем языковой компетенции В2 составляет от двадцати до двадцати пяти лет, из них 3 мужчины и 7 женщин. Пятеро из десяти родились в Эль-Пасо, один из которых проживает там с рождения, а четверо живут с рождения в Мексике. Все информанты начали изучать английский язык либо в начальной, либо в средней школе в Мексике, оставаясь до этого периода испаноговорящими монолингвами. Один мексиканский студент начал изучать английский язык в школе Эль-Пасо, но продолжал оставаться в испаноязычном окружении дома. Один испытуемый живёт в настоящее время в Мексике, остальные участники анкетирования проживают в Эль-Пасо, из них четыре человека – в течение пяти и более лет. Языком, на котором информанты общаются в домашней среде, в 90 % является испанский. У одного студента дома говорят на двух языках. Трое из десяти и в университетской среде, и на работе используют как испанский, так и английский, три человека – английский, и оставшиеся четыре – испанский язык. Большую часть дня все испытуемые, кроме одного, говорят на испанском. Этот признак схож у представителей трёх групп. Два студента отдали предпочтение английскому языку в качестве языка для общения. Первый из них проживает на территории Соединённых Штатов Америки всю жизнь, а второй испытуемый – всего три года. Остальные информанты предпочли бы общение на испанском языке.

Два студента указали на фонетическую подготовку, которая, как и в случае с группами информантов уровней А2 и В1, не касалась коррекции интонационных характеристик английской устной речи. Всех информантов характеризует понимание важности владения произносительными навыками английской речи.

Анализ данных из анкет, заполненных мексиканскими учащимися трёх групп, позволяет изложить следующие выводы. Возраст информантов (за ис-

ключением диктора сорока шести лет в группе уровня В1) является приблизительно одинаковым. Один из тридцати информантов живёт на территории Соединённых Штатов Америки с рождения, шесть человек – в течение пяти и более лет. Все испытуемые до начала обучения английскому языку в школе являлись испаноязычными монолингвами, все начали изучать английский язык в начальной или средней школе. Основным языком для общения в домашней обстановке для большинства информантов является испанский. Испытуемые всех групп пользуются двумя языками и в учебной (университет), и в рабочей обстановке. Испанский язык используется почти всеми испытуемыми в качестве языка общения в течение дня. Доминирующим для общения в случае возможного выбора большинством испытуемых был назван испанский язык.

Полученные данные были учтены при интерпретации результатов фонетического эксперимента, описанного ниже. Выбор места главноударного слова в английской фразе может представлять трудность для носителей испанского языка. Поскольку ведущую роль в актуализации компонентов смыслового членения в испанском языке могут играть синтаксические средства [6; 7], использование просодических средств для маркировки наиболее важного по смыслу элемента испанской фразы имеет свои отличительные особенности [8–11]. Более того, разница между двумя рассматриваемыми языками в области использования лингвистических средств выделения информационного центра высказывания существенна [12].

В целях выявления нарушений в выборе позиции главного фразового ударения в речи мексиканских учащихся был проведён эксперимент по чтению информантами английских диалогов. Выбор места главного фразового акцента (нефинальная позиция) в экспериментальном материале был ограничен контекстом и подчинялся правилам расстановки фразовых ударений в английском языке. Сто диалогов, составленных автором статьи для эксперимента, были представлены лингвистам-носителям американского варианта английского языка для проверки их аутентичности.

Анализ распределения фразовых ударений мексиканскими информантами и последующее сопоставление полученных результатов с данными анкет позволяют установить наличие или отсутствие связей между социолингвистическими характеристиками мексиканских информантов и уровнем их языковой компетенции с количеством ошибок на уровне акцентной структуры английского высказывания.

Проведённый анализ не подтвердил влияния таких экстралингвистических характеристик мексиканских учащихся, как возраст, пол, место рождения, длительность проживания в Соединённых Штатах Америки и функциональная нагрузка английского и испанского языков, на количество ненормативных реализаций в чтении мексиканских билингвов. Такое существенное различие между тремя группами испытуемых, как уровень владения английским языком, оказало влияние на полученные результаты.

Применение однофакторного дисперсионного анализа показало, что уровень владения информантами английским языком влияет на частоту правильного выбора позиции главноударного слова следующим образом. Количество верных прочтений у информантов с уровнем владения английским языком В2 составило более 70 %. Этот результат почти в три раза превышает результат информантов с уровнем языковой компетенции А2 и в два раза – испытуемых промежуточной группы (В1).

Анализ нарушений, которые являются однотипными у испытуемых трёх групп, показывает, что мексиканские студенты ошибочно перемещают главное ударение в конец фразы, согласно правилам, действующим в их родном испанском языке:

– Did they take a car?

– ЭВ (эталонный вариант): They *rented* a car.

– ОВ (ошибочный вариант): They *rented* a car.

Испанский вариант:

– ¿Llevaron *carro*?

– Rentaron un *carro*.

Или:

– What are you going to do?

– ЭВ: We are flying to *Madrid* tomorrow.

– ОВ: We are flying to *Madrid* tomorrow.

Испанский вариант:

– ¿Qué van a hacer?

– Volamos a Madrid *mañana*.

Как было отмечено выше, сильнее всего влияние испанского языка проявляется у мексиканских испытуемых с уровнем владения английским языком А2: в этом случае усвоение английского языка в среде его носителей (американцев) не проявляет себя как фактор, влияющий на сформированность навыка интонирования английской фразы (выбора локализации интонационного центра). Межязыковые отличия на уровне акцентной структуры, значительные для пары языков испанский – английский, оказываются важнее. Однако количественный анализ ненормативных вариантов у групп с более высоким уровнем языковой компетенции (В1 и В2) позволил зафиксировать скачок в сторону увеличения количества нормативных реализаций. Данные, полученные автором, свидетельствуют о том, что усвоение мексиканскими информантами английского языка, в том числе овладение правилами выбора интонационного центра, прямо пропорционально длительности их пребывания среди носителей английского языка и активности их интеграции в американскую языковую среду. Мексиканские студенты двух групп, владеющие английским языком на уровнях В1 и В2, дольше и больше слышат правильную английскую речь, что и определяет их лучший результат.

Литература

1. Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М.: Ленанд, 2015. 232 с.
2. Аврорин В. А. Двужычие и школа // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 49–62.
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. III. С. 7–42.
5. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. К проблеме иностранного акцента в фонетике. М.: Изд-во МГУ, 1976. Вып. 2. 64 с.
6. Макаручук Е. А. Актуальное членение предложения в обучении иноязычной речевой деятельности: дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. 200 с.
7. Зеликов М. В. Синтаксис испанского языка: особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания. СПб.: КАРО, 2005. 304 с.
8. Обрегон Муньос У. Смыслоразличительные возможности интонации испанского языка в сопоставлении с интонацией русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 174 с.
9. Карпов Н. П. Фонетика испанского языка. М.: Высш. шк., 1969. 235 с.
10. Баршак М. А. Испанский язык. Практическая фонетика. М.: Высш. шк., 1989. 223 с.
11. Стехина М. В. Системная организация просодемного пространства в современном испанском языке: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 155 с.
12. Гурова Н. В. Местоименные вопросительные предложения в английском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 260 с.

CONDITIONS OF BILINGUAL PERSONALITY FORMATION AND ENGLISH SPEECH INTONING SKILLS (SURVEY RESULTS)

Elena N. Makarova¹.@

¹ Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta/Narodnoi Voli St., Ekaterinburg, Russia, 620144

@makarovayn@mail.ru

Received 20.12.2017. Accepted 28.02.2018.

Keywords: bilingual, survey methodology, linguistic personality, phrasal accent, sociolinguistic characteristics, non-native speech.

Abstract: The article deals with the results of research of sociolinguistic factors' effect on English phrasal accentuation in the reading authentic English material by Mexican subjects. It features a survey data analysis of the characteristics of the Mexican testees with different levels of English language proficiency. The survey has supplied information about their age at the beginning period of English learning process and its conditions, intensity of its usage at present and subjects' attitude to the necessity of English phonetics acquisition. The current paper introduces some results of phonetic experiment aimed at revealing Mexican subjects' ability to intone English speech, namely to choose nucleus in the English utterance. Mexican students' linguistic competence is proved to be the crucial factor responsible for the correctness in identifying nucleus location. The results presented can be used to contribute to the effectiveness of the English and Spanish as a foreign language teaching as well as for improvement of survey construction in sociolinguistic studies.

For citation: Makarova E. N. Usloviia formirovaniia iazykovoi lichnosti bilingva i navyk intonirovaniia angliiskoi rechi (na osnove rezul'tatov anketirovaniia) [Conditions of Bilingual Personality Formation and English Speech Intoning Skills (Survey Results)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 208–212. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-208-212.

References

1. Shevchenko T. I. Sotsiofonetika. *Natsional'naia i sotsial'naia identichnost' v angliiskom proiznoshenii* [Sociophonetics. National and social identity in English pronunciation]. Moscow: Lenand, 2015, 232.
2. Avrorin V. A. Dvuiazychie i shkola [Bilingualism and school]. *Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia* [Problems of bilingualism and multilingualism]. Moscow: Nauka, 1972, 49–62.
3. Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 2001, 439.
4. Weinreich U. Odnoiazychie i mnogoiazychie [Monolingualism and Multilingualism]. *Zarubezhnaia lingvistika* [Foreign Linguistics]. Moscow: Progress, Iss. III (1999): 7–42.
5. Vinogradov V. A. *Lingvisticheskie aspekty obucheniia iazyku. K probleme inostrannogo aktsenta v fonetike* [Linguistic aspects of teaching languages. To the problem of foreign accent in phonetics]. Moscow: Izd-vo MGU, Iss. 2 (1976): 64.
6. Makarchuk E. A. *Aktual'noe chlenenie predlozheniia v obuchenii inoiazychnoi rechevoi deiatel'nosti*. Diss. kand. ped. nauk [Topic – Comment sentence structure in teaching of foreign language speech activity. Cand. ped. Sci. Diss.]. Moscow, 1994, 200.
7. Zelikov M. V. *Sintaksis ispanskogo iazyka: osobennosti struktury predlozhenii po kharakteru kommunikativnoi ustanovki i tseli vyskazyvaniia* [Syntax of the Spanish language: peculiarities of sentence structure according to communicative purpose and utterance's aim]. Saint-Petersburg: KARO, 2005, 304.
8. Obregon Munos U. *Smyslorazlichitel'nye vozmozhnosti intonatsii ispanskogo iazyka v sopostavlenii s intonatsiei russkogo iazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Sense distinguishing possibilities of Spanish language intonation in comparison to Russian language intonation. Cand. philol. Sci. Diss.]. Moscow, 1973, 174.
9. Karpov N. P. *Fonetika ispanskogo iazyka* [Phonetics of the Spanish language]. Moscow: Vyssh. shk., 1969, 235.
10. Barshak M. A. *Ispanskii iazyk. Prakticheskaia fonetika* [Spanish language. Practical phonetics]. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 223.
11. Stekhina M. V. *Sistemnaia organizatsiia prosodemnogo prostranstva v sovremennom ispanskom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Systematic organization of prosodic space in modern Spanish. Cand. philol. Sci. Diss.]. Krasnoyarsk, 2009, 155.
12. Gurova N. V. *Mestoimennye voprositel'nye predlozheniia v angliiskom i ispanskom iazykakh*. Diss. kand. filol. nauk [Pronoun questions in English and Spanish. Cand. philol. Sci. Diss.]. Pyatigorsk, 2005, 260.

УДК 808.2

ТЕКСТЫ-СТАТУСЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ РОССИИ И КОРЕИ КАК СУБЖАНР ВЕБ-СЕТИ*Екатерина А. Непомнящих*^{1, @}¹ *Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
@ trunova.k_86@mail.ru**Поступила в редакцию 24.10.2017. Принята к печати 27.02.2018.***Ключевые слова:**

веб-коммуникация, социальная сеть, субжанр, статус, презентация, имидж, «ВКонтакте», «Какао».

Аннотация:

Данная статья посвящена статусу социальной сети, который рассматривается как субжанр интернет-коммуникации и является вербальной презентацией обладателя электронного профиля. На примере анализа статусов в социальных сетях России и Кореи автор описывает их текстологическую специфику. Отмечается, что статусы обладают высоким коммуникативным потенциалом, являются малоформатными текстами, могут быть креолизованными, занимают сильную позицию в информационном поле электронной страницы. Анализируя функциональные особенности статусов, автор приходит к выводу, что статус призван сформировать определённый образ пользователя социальной сети, подобно тому, как рекламный слоган создает имидж торговой марки. Цель исследования – показать, что статус является универсальным элементом социальных сетей, а Интернет сегодня – не просто открытое поликультурное пространство, а виртуальная система, которая подчиняет своим законам пользователей сети. Изучение статусов необходимо для описания особенностей современной веб-коммуникации в ее динамике. Спектр возможных исследований статусов представлен в статье.

Для цитирования: Непомнящих Е. А. Тексты-статусы в социальных сетях России и Кореи как субжанр веб-сети // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 213–220. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-213-220.

Функциональная направленность лингвистической парадигмы актуализирует изучение речевых жанров как однородных текстовых типов. Интернет является средой, породившей новые характеристики пространства и времени, а значит и новые типы коммуникативных ситуаций, в условиях которых возникла потребность освоения новых жанров. Необходимость их изучения очевидна, потому как данный вид виртуального общения приобретает большую значимость, становится одним из основных видов коммуникации людей в современном мире. Социальные сети, в рамках которых функционируют изучаемые нами статусы, получают все большую популярность пользователей сети Интернет.

Целью работы является описание функциональной и текстологической специфики статусов как субжанра веб-коммуникации. Гипотеза исследования заключается в следующем предположении: статус – это универсальный элемент веб-коммуникации в социальных сетях разных стран. Практическая ценность исследования обусловлена возможностью использования его результатов в рамках преподавания русского языка как иностранного: формирование поликультурной личности является целью обучения иностранным языкам, а интернет-коммуникация сегодня – «наиболее эффективным средством» для достижения данной цели [1, с. 3].

Материалом исследования послужили тексты-статусы в социальных сетях России – «ВКонтакте» (www.vk.com) – и Кореи – «Какао» (www.kakao.com/

talk) – у различных пользователей в 2016–2017 гг. (список примеров составляет 220 единиц).

В основу исследования положены классификационно-типологический, индуктивный, сравнительный методы, метод лингвистического описания языковых фактов.

Обратимся к анализу научных работ, посвященных изучению статусов в социальных сетях.

Одним из первых психологические аспекты статусов начал изучать А. А. Селютин, отмечавший, что «коммуникативный потенциал данного структурного элемента в несколько раз больше по сравнению с личным сообщением» [2, с. 105].

К изучению феномена «статуса» в социальной сети интернет-коммуникации обращается Н. Г. Марченко [3], уделяя внимание его лингвистическому аспекту.

Позже языковые характеристики и коммуникативные особенности статусов начинают изучаться на примере конкретных социальных сетей. Так, на материале сети «Facebook» О. А. Карамалак исследует вербальные статусы на повседневные темы, принадлежащие американским студентам. Автор выделяет аффективные (эмоциональные), направленные «на всех» или имплицитные (предназначенные для конкретного человека), информативные и ситуативные (локутивные) статусы [4]. При этом автор исключает из анализа поздравительные, благодарственные, рекламные, внушающие или убеждающие интернет-статусы.

Исследователь М. Н. Крылова считает, что «характер личных статусов, их содержание и языковое оформление показывают особенности личности пользователя социальной сети» [5]. Автор представляет более обширную типологию статусов в социальной сети «Одноклассники»:

- статусы-шутки, имеющие юмористический характер;
- статусы-рефлексии («поиск личностью смысла жизни»);
- статусы-рассказы («рассказы пользователей о себе»);
- статусы-загадки («непонятные выражения, требующие пояснения»);
- статусы-лозунги (имеющие «политический характер»);
- статусы-афоризмы.

Нам представляется не вполне справедливым исключение из типологии статусов каких бы то ни было текстов – рекламных, поздравительных, внушающих и т. д., т. к. это искажает реальную ситуацию и не позволяет системно представить законы языка, действующие на сегодняшний день в сети Интернет.

Проанализировав научные работы по данной теме, мы пришли к выводу, что в настоящее время не существует четкого определения статуса социальной сети как особого текстового типа, не обозначена жанровая характеристика статуса, не исследован его функциональный аспект, не сформирована всесторонняя типология статусов ни в конкретной социальной сети, ни в социальных сетях Рунета. На наш взгляд, это связано с новизной объекта лингвистического исследования и свидетельствует о том, что статус как облигаторный элемент социальных сетей нуждается во всестороннем изучении. В данной статье мы попытаемся решить некоторые из обозначенных проблем, а также наметим возможные пути изучения статусов социальных сетей.

Одним из основных подходов к изучению речи является «жанроцентрический» подход, основанный на выделении речевого жанра в качестве базовой единицы речи.

М. М. Бахтин называл речевыми жанрами типы высказываний, причем высказывание должно обладать завершенностью и принадлежать одному речевому субъекту [6].

Поскольку текстовое воплощение речевых жанров довольно разнообразно, была предложена типология, в соответствии с которой выделяется собственно жанр, где совпадают типы и реализации; субжанр – жанровые формы, «представляющие собой одноактные высказывания»; жанроиды – гибридные, «переходные формы, которые располагаются в межжанровом пространстве»; гипержанр – жанр, характерный для определенного социума, культуры [7].

Е. И. Горошко и Е. А. Жигалина считают, что социальная сеть представляет собой пример гипержанра, пост и комментарий – собственно интернет-жанры [8]. Мы считаем возможным выделение статуса социальной сети как субжанра, поскольку он представляет собой локально закрепленное одноактное высказывание единого субъекта и отличается специфическими формальными, функциональными и содержательными свойствами. Рассмотрим их подробнее.

Текст-статус относится к аутентичным сетевым текстам, т. е. является исконно сетевым. В исследованных нами текстах-статусах социальной сети «ВКонтакте» количество символов ограничено, текст может состоять не более чем из 64 печатных знаков, в сети «Какао» – из 60. Вследствие этого адресант должен формулировать высказывание кратко, лаконично. Это позволяет считать статусы малоформатными текстами, в которых ограничение размера текста влияет на языковую реализацию интенции автора [9, с. 156].

Кроме того, тексты-статусы могут являться креолизованными. Креолизованным называется такой текст, в котором «вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [10, с. 17]. Несмотря на то, что статусы не всегда содержат какие-либо графические символы или рисунки, такие тексты не существуют в своем «исконном» значении изолированно и вне электронной страницы пользователя социальной сети не реализуют исходных интенций. Например, нам встретился такой статус, в котором указана цифра 82, 9 без каких-либо пояснений. При взгляде на основное фото профиля, где изображена полная девушка, сидящая на велотренажере, становится понятным, что указанная цифра означает вес, который, следует полагать, является для девушки проблемой.

Статус является «текстом-заголовком» [11, с. 224] веб-страницы пользователя социальной сети. По мнению Г. Н. Трофимовой, новость как некое высказывание, обладающее новизной, «является основополагающим фактором возникновения любого текста в Интернете» [11, с. 226]. Статус в социальной сети и представляет собой «новость», изменившееся состояние пользователя электронной страницы. Текст статуса имеет закрепленное место на странице пользователя – располагается в правом верхнем углу. Гость, посещающий электронную страницу, традиционно воспринимая информацию слева направо, сначала видит фотографию профиля, а затем – статус. Таким образом, статус является первой информацией на странице пользователя, представленной вербально.

В социальных сетях участниками коммуникации являются зарегистрированные в данной сети пользователи. Адресант статуса (автор), как правило, является коммуникативным лидером, занимает более высокую позицию, чем адресат, что определяет его возможность играть роль:

– **друга**, делясь повседневными эмоциями: *Строю рожки перед зеркалом и планы на будущее!*; 내 삶의 낙 (Моя единственная радость); 시험기간만 되면 배가 꼬이나 (Когда сессия, живот болит);

– **наставника**, давая советы или рекомендуя определенные стереотипы: *По ветру паруса! И снова в бой!*; *Надо дружить с хорошими людьми! Добавляйтесь в друзья #Иркутяне!*; *Уметь, стремиться и хотеть; Быть лучшей версией себя*; 서둘지도 말고 쉬지도 말고 (Не торопиться, но не отдыхать); 자

신감갓기 (Надо быть уверенным в себе); 당장 행복해 지자 (Надо быть счастливым).

Отметим, что в приводимых в статье примерах полностью сохранены пунктуация и графические средства исходных текстов.

В статусах отсутствует реальный адресат, здесь происходит «конструирование адресата» [12, с. 112]. Сам автор высказывания моделирует характеристики адресата: его социальное положение, психологические качества и т. д. В связи с этим в статусах, как и во многих других жанрах веб-коммуникации, наблюдается широкое использование самых разнообразных слоев лексики – от высоко литературной (примеры 1, 2) до сниженной и даже обценной, которая нередко вербализована частично (примеры 3, 4):

1. *Ни один музыкальный инструмент не лежит так близко к человеческой душе и телу, как гитара...*

2. *후회없는선택* (Выбор без раскаяния).

3. *«Мне кажется, что ты ко мне не ровно дышишь.... – Отдай ингалятор, дура!»* ©

4. *Как мотивировать себя что-то делать? – Да никак, оставайтесь в ж....!*

Кроме этого, отсутствие экстралингвистических параметров определения социального статуса личности позволяет адресанту не соответствовать фактическому пользователю, т. е. особенности коммуникации в Интернете «позволяют человеку конструировать свою идентичность по своему выбору» [13, с. 116]. Это значит, что пользователь сети атрибутирует статусные качества не только образу адресата, но и самому себе. Следовательно, статус, обладая высоким прагматическим потенциалом, становится одним из основных способов языковой самопрезентации обладателя электронного профиля.

Действительно, в связи с появлением интернет-коммуникации лингвистами вводится понятие самопрезентации как особого типа коммуникативного послания, акт самовыражения которого направлен на «создание благоприятного впечатления или впечатления, соответствующего чьим-то идеалам» [14, с. 84]. В связи с этим статусы в социальных сетях можно сравнить с рекламными слоганами, которые используются для создания *имиджа* торговой марки. Соответственно, статус социальной сети создается исходя из мотивов самоутверждения, самореализации и призван презентовать обладателя профиля [15], т. е. создать ему определенный *образ*, возможно, не соответствующий реальному пользователю. В этом заключается функциональная специфика статуса: обладая высоким прагматическим потенциалом, он персонализирует, позиционирует обладателя электронной страницы, который стремится казаться максимально презентабельным, оригинальным, эпатажным.

Статусы представляют собой весьма разнородную группу текстов. Опишем особенности статусов, наиболее часто встречающихся в социальных сетях России и Кореи.

Поскольку статус является одной из самых сильных позиций информационного поля электронной

страницы, он нередко используется для открытой рекламы. Посредством статуса пользователи социальных сетей стараются привлечь внимание к своей коммерческой деятельности. При этом указывается либо исключительно контактная рекламная информация – адреса сайтов, номера телефонов, либо вид услуг или даже рекламный слоган:

http://www.menuirk.ru

010 9771 6863

принимаю заказы на видеосъемку (свадеб) 8 964 222 5551 портфолио <http://vk.com/voytik89>

Артисты на Ваш праздник тел.8-950-111-84-28. Создаём воспоминания =)

http://vk.com/personal_gift нанесение любых изображений на кружку

<http://barchuk.org/> - есть и другая жизнь

«Авто Приморье-Регион» – Все для Вашего Авто!

중고차 사실분 연락주세요./ (Если хочешь купить старые автомобили, звони)

돈 필요하신분 전화01045313756/ (Если нужны деньги, звоните 01045313756)

Рекламные статусы могут по структуре напоминать рекламное газетное или телевизионное объявление («бегущая строка»), при этом нередко сопровождающееся разнообразными графическими средствами, которые усиливают прагматический потенциал подобных текстов:

✓ Свадьба 🎉 ✓ Корпоратив 🎊 ✓ Юбилей ✓ Праздники-праздники 🎆 🎇 Ведущий Роман Берсенёв 🎵

Современный Диджей 📞 8900255993792

TGIF 2인 커플세트 50% 할인, 해피포인트 5만 포인트 적립 등 봄 내음 풀풀나는 혜택이 한가득! (В ресторане TGIF 50% скидки для молодоженов, 50 тысяч бонусов и множество других льгот!)

Статусы могут носить афористичный характер, что является подтверждением популяризации афоризмов в молодежной аудитории [16]. Следует полагать, что такие статусы понимаются как жизненная позиция автора, его взгляды и убеждения, хотя это не означает, что данный текст создан пользователем страницы.

Люди только чай пьют, а в их душах совершается трагедия

한계는 없습니다 그 시간에 한개 더! (Все возможно, надо пытаться)

Нередко в таких текстах используются конструкции с императивом, в которых даётся прямой совет, рекомендация:

создавай мир вокруг

Никогда не бойся своего возраста! Будешь делать всё то же самое, что и раньше! Только медленней! © не надо жить кому-то на зависть... надо жить себе в удовольствии)))

Нужно уметь баловаться! Я умею)))

Если тебе рюк яму, подожди: закончат – сделаешь бассейн

Быть не поздно

보여줄게 완전히 달라진 나, 보여줄게 훨씬 더 예뻐진 나 (Покажу совсем другого себя, покажу более красивого себя)

Аксиоматический характер имеют статусы в виде двусоставных предложений с именным предикатом:

Жизнь – самый сильный наркотик

Счастье – это серьёзно

Иисус Христос – мой Господь!

삶이란 하루만큼의 무게를 감당하는 것!! (Жизнь – это выдержать все удары)

Приведем аналогичные примеры корейских пользователей в сети «Какао», очевидно, знающих русский и английский языки:

Все забывается и снова повторяется

Радуйтесь с радующимся, плачьте с плачущими

Everything you can imagine is real

В таких текстах наиболее ярко проявляется функциональная специфика статусов, которые рисуют некую модель мира пользователя: посредством подобных аксиоматических высказываний адресат формирует определенный образ адресанта, воспринимает статус как правило, которому неуклонно следует данный пользователь сети:

Делай, что можешь с тем что имеешь там где ты есть

Три простых шага к успеху: Делай то, что тебе нравится. Делай это хорошо. Делай это регулярно

Уметь, стремиться и хотеть

Примеры из сети «Какао»:

Don't worry be holy!

검소하고 아름다운 삶 (Скромная красивая жизнь)

Как можно заметить из приведенных примеров, распространены статусы на иностранных языках, что объясняется желанием пользователей быть более оригинальными. Наиболее популярным остается английский язык, но встречаются и другие – китайский, немецкий, латинский, русский:

my soul to burn

jeder stirbt für sich allein

Hominem quaero!

Warrior/ 我是坚强的石头 (石头) /相信我有能力/相信我敢/ Jaz sem dobro

Статусы социальной сети «Какао» также довольно разнообразны в этом плане:

because of you

one and only

Все забывается и снова повторяется

Ti atero

Некоторые пользователи предпочитают облекать статус в стихотворную форму:

С характером стервы, душою героя))))

кто мне сказал – не получится? если мне хочется – сбудется!))))))

Однако по-прежнему в подобных текстах нерешенной остается проблема авторства, но обычно большинством гостей профиля такой статус воспринимается как исключительно авторский текст.

Случаи использования легкоузнаваемых прецедентных текстов в качестве статусов единичны:

Стоишь на берегу и чувствуешь солёный запах ветра, что веет с моря. И веришь, что свободен ты, и жизнь лишь началась (из фильма «Достучаться до небес»); текст из сети «ВКонтакте»);

mi vida mi cielo (название песни, переводимое как «Моя жизнь, мой рай», мексиканского исполнителя Ruby Escobar; текст из сети «Какао»).

Ярко выраженный ироничный характер носят статусы, которые представляют собой собственно высказывания о статусах:

Сменить статус...

Мысли транслируются... Транслируются мысли...

Здесь должна быть умная мысль

В числе корейских примеров такие статусы не встречаются.

Ранее мы говорили о том, что статус – это главный вербальный элемент информационного поля страницы. Известно, что интернет-коммуникация лишена традиционных паралингвистических средств (громкости, тембра, силы голоса), что компенсируется путем использования различных символов – графических рисунков, схем, смайликов. У русских пользователей они представляют собой небольшие пиктограммы, которые могут интерпретироваться по-разному: 🐼; 💙; 🍷; 🍷; 🍷. В сети «Какао» чаще наблюдается использование эмодзи – графических средств, составленных из элементов традиционного письма. Пример, в котором с помощью иероглифов и элементарной графики выстраивается изображение кошки: =^Ⓛ^∧Ⓛ^=. Использование подобных средств в качестве статусов объясняется их универсальностью.

Отметим, что некоторые статусы, например, включающие числовые обозначения, являются не вполне понятными: 1월21일/ (21 января); 2016.08; 1.0528^^; ~6.13; 大 o 天 (Чож); ?; x; 大 o 吉 ㄱ (Чохг); YOLO.

Таким образом, функциональная направленность текстов-статусов и их структурно-семантические особенности позволяют рассматривать статус как субжанр не только в пространстве Рунета, но и как универсальный элемент интернет-коммуникации, который используется с целью самопрезентации обладателей электронных профилей. В этой связи тексты статусов социальных сетей предоставляют широкий спектр исследований, при проведении которых появляется возможность описания особенностей современной веб-коммуникации с учетом ее масштабности и динамики. Обозначим некоторые из них.

1. Исследование статусов конкретной языковой личности в их динамике, поскольку изменение статуса, его появление или удаление отражает изменения в жизни пользователя.

Статусы социальной сети являются преимущественно вербальным способом авторского позиционирования, т. е. текстами, непосредственно отражающими конкретные личностные характеристики пользователя страницы. Однако в отличие от других текстов социальной сети текст-статус у конкретного пользователя может быть только один. Это значит, что, конструируя новый текст-статус, пользователь должен удалить предыдущий, что наиболее ярко отражает конкретные изменения, происходящие в жизни, сознании, миропонимании обладателя страницы, смену его настроения, взглядов на что-либо и т. д.

Эти изменения можно фиксировать у конкретного пользователя, регулярно посещая его страницу.

Мы просматривали страницы 5 пользователей социальной сети «ВКонтакте» ежедневно в течение двух недель и сумели пронаблюдать следующие изменения статусов: у трёх пользователей статусы не изменились. У одного пользователя за указанный период один и тот же текст трансформировался трижды:

- 1) *ищите компромиссы:)*
- 2) *не ищите компромиссы*
- 3) *Всегда ищите компромиссы:)*

У другого пользователя статусы менялись следующим образом:

1. *Быть сильным – не поздно*
2. *Быть не поздно*
3. *Нас спасёт только честность*
4. *«Всё хе..ня, кроме пчёл. А если подумать, то и пчёлы – тоже хе..ня». (Вознесённый Пух)*
5. *«Всё хе..ня, кроме пчёл. А если подумать, то и пчёлы – тоже хе..ня». Вознесённый Пух*

Приведенный ряд статусов пользователей свидетельствует о психологических переживаниях авторов, отражает трансформацию их взгляда на жизненные ситуации во времени.

Аналогичный эксперимент удалось провести в сети «Какао». Там из 5 наблюдаемых нами пользователей статус поменялся только у одного из них.

1. 4.2
2. 마지막 하루 (Последний день)
3. d day
4. 폭죽놀이 (Игра с салютом)

Как выяснилось позже из личной переписки с пользователем, второго апреля ему предстоял сложный экзамен (текст 1). Первого апреля он поменял свой статус (текст 2), т. к. это был последний день перед экзаменом. Текст 3 имеет значение «долгожданный день», «день мечты». При смене последнего статуса пользователь обновил фото на странице, на котором он запускает салют, как бы своим статусом прокомментировав смену аватара – главного фото профиля.

Следует отметить, что не на всех страницах социальных сетей размещен статус. Например, М. Н. Крылова фиксирует, что в сети «Одноклассники» личный статус содержат около 40 % пользователей [5].

2. Исследование конкретной языковой личности посредством статусов можно расширить, изучая **статусы одного пользователя в различных социальных сетях**. Интересно пронаблюдать, будут ли они совпадать или же образы одного и того же пользователя на разных электронных страницах будут различны.

3. Вызывает интерес **гендерная специфика статусов**, поскольку, как отмечает М. Н. Крылова [5], большинство текстов являются гендерно маркированными, т. е. позволяют судить о половой принадлежности пользователя. В связи с этим представляется актуальным сравнительное исследование типов статусов, преобладающих у пользователей женского и мужского пола.

4. Возможно **изучение статусов в аспекте возрастной характеристики пользователей**. Поскольку

социальные сети имеют возрастное ограничение (официально пользователь должен быть в возрасте 12 лет и старше), актуально исследовать специфику статусов, например, в молодежной среде и у людей среднего возраста. Следует предположить, что статусы этих двух социальных групп будут различны как в плане тематического наполнения, так и в плане языкового оформления.

5. Поскольку тексты статусов нередко являются личными текстами пользователей социальной сети, они отражают их **уровень орфографической грамотности**. Веб-личность в пространстве Интернета вынуждена позиционировать себя вербально с минимальными невербальными дополнениями. В своих текстах такая личность вынуждена опираться на собственную манеру высказывания, на те лингвистические средства, которые она выбирает для своей презентации. Так, на примере статусов объектом изучения могут стать орфографические и пунктуационные ошибки пользователей социальной сети. С одной стороны, известно, что в пространстве Интернета нивелируются традиционные правила оформления текста. С другой стороны, на сегодняшний день существуют огромные базы данных, предоставляющие самые разнообразные статусы. Пользователи сети могут не конструировать текст, а подобрать подходящий статус для себя. Очень важно, что многие из этих сетевых ресурсов являются открытыми, т. е. любой пользователь может добавить туда созданный им статус, которым в дальнейшем смогут воспользоваться другие. Зачастую это становится причиной того, что многие статусы содержат орфографические ошибки или графические недочеты, т. к. пользователи копируют текст готового статуса себе на страницу, не редактируя его, а воспринимая как нормативный или просто не придавая значения его оформлению.

6. **Изучение текстологической специфики статусов в различных социальных сетях Рунета**. Такое исследование актуально в связи с тем, что разные социальные сети имеют различные параметры: так, например, в сети «Одноклассники» статус можно оценить и прокомментировать, чего невозможно сделать в сети «ВКонтакте». Это, в свою очередь, влияет на параметры текста, поскольку в первом случае функционально статус призван не просто презентовать пользователя, а именно привлечь внимание, «вызвать потенциальных коммуникантов на диалог» [5].

Таким образом, изучение статусов социальных сетей представляет большой интерес и широкий спектр исследований. Специфика статусов в социальных сетях различных стран, на наш взгляд, является наиболее проблемной областью исследования в связи с тем, что Интернет открыт для любых пользователей и в конкретной социальной сети могут быть зарегистрированы жители разных стран мира. Так, например, общее число пользователей корейской сети «Какао» почти в 3 раза больше всего населения Кореи.

В данной статье мы выяснили, что статус обладает высоким коммуникативным потенциалом, занимает сильную позицию в информационном поле

электронной страницы и формирует определенный образ ее обладателя, зачастую воспринимаясь как авторский текст. Кроме того, мы наметили дальнейшие пути изучения статусов в социальных сетях и пришли к выводу, что при учете функциональных и структурно-семантических характеристик статус

можно рассматривать как субжанр разных социальных сетей Интернета. Это свидетельствует о том, что Интернет сегодня – не просто открытое поликультурное пространство, это виртуальная система, имеющая свои законы и подчиняющаяся этим законам пользователей сети.

Литература

1. Халяпина Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 48 с.
 2. Селютин А. А. Коммуникативная природа социальных сетей: статус как элемент коммуникативной структуры // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. Т. 2. № 6. С. 105–107.
 3. Марченко Н. Г. Феномен «статуса» в социальной сети интернет-коммуникации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 112–118.
 4. Карамалак О. А. Интернет-статусы в социальной сети «Facebook» с точки зрения распределенности сознания и языка // In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences (London, March 28 – April 02 2013). Ed. Pavlov V. V. London: IASHE, 2013. P. 22–24.
 5. Крылова М. Н. Личные статусы в социальной сети «Одноклассники»: содержание и язык // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 8. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20220761> (дата обращения: 07.02.2017).
 6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
 7. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Колледж, 1998. 107 с.
 8. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. № 1. Ч. 1. Т. 24. С. 105–124.
 9. Капанадзе Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка: сб. к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 246–255.
 10. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
 11. Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: дис. ... д-ра филол. наук; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2004. 509 с.
 12. Бергельсон М. Б. Конструирование адресата в условиях виртуальной коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы. М.: Изд-во Московского университета, 2004. С. 111–112.
 13. Сирота Е. Ю. Личностные особенности постоянных посетителей сайта www.vkontakte.ru // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 115–118.
 14. Бондарева Е. П. Воплощение жанра самопрезентации на сайтах знакомств // Русский язык в современном Китае (г. Хайлар, КНР, Институт русского языка и культуры Хулуьбуирского института, 2–5 октября 2015): сб. науч.-метод. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 82–87.
 15. Блинова Н. М. Имиджевая специфика интернет-коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 82–88.
 16. Зражевская Н. И. Коммуникация в Интернете. Статусы как средство популяризации афоризмов в молодежной аудитории // Уральский филологический вестник. Серия: язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 67–69.
-

STATUS TEXTS IN RUSSIAN AND KOREAN SOCIAL NETWORKS AS A SUBGENRE OF INTERNET COMMUNICATION

Ekaterina A. Nepomniashchikh¹.@

¹ Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003

@trunova.k_86@mail.ru

Received 24.10.2017. Accepted 27.02.2018.

Keywords: web-communication, social network, subgenre, status, presentation, image, 'VKontakte', 'Kakao'.

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of social net status, which is considered as a subgenre of Internet communication and is a verbal presentation of the owner's electronic profile. The paper features an analysis of status texts in Russian and Korean social networks and gives a profound description of their textual specifics. It is noted that status texts have a high communicative potential, they are small-format texts, can be creolized, occupy a strong position in the information field of an electronic page. The analysis of functional features of profiles has revealed that the status is intended to shape a certain view of the user's electronic page the way advertising slogans create the brand image. The goal of the research is to show that the status is a universal element of social networks, and the Internet today is not just an open multicultural space, but a virtual system that subordinates its users to its laws. The study of social net statuses makes it possible to describe the peculiarities of modern web-communication in its dynamics. The paper features the complete range of current studies on the phenomenon in question.

For citation: Nepomniashchikh E. A. Teksty-statusy v sotsial'nykh setiakh Rossii i Korei kak subzhanr veb-seti [Profile Texts in Russian and Korean Social Networks as a Subgenre of Internet Communication]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 213–220. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-213-220.

References

1. Khaliapina L. P. *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoi iazykovoii lichnosti posredstvom Internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym iazykam*. Avtoref. diss. doktora ped. nauk [Methodical system for the formation of a multicultural language personality via Internet communication in the process of teaching foreign languages. Dr. ped. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2006, 48.
2. Seliutin A. A. Kommunikativnaya priroda sotsial'nykh setei: status kak element kommunikativnoi struktury [Communicative nature of social networks: status as an element of communicative structure]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: the Problematic Field of Media Education*, no. 6 (2010): 105–107.
3. Marchenko N. G. Fenomen «statusa» v sotsial'noi seti internet-kommunikatsii [The phenomenon of "status" in the social network of Internet communication]. *Izvestiya Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*, no. 4 (2012): 112–118.
4. Karamalak O. A. Internet-statusy v sotsial'noi seti «Facebook» s tochki zreniya raspredelenosti soznaniya i iazyka [Internet statuses in the social network "Facebook" in terms of the distribution of consciousness and language]. *In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences* (London, March 28 – April 02 2013). Ed. Pavlov V. V. London: IASHE, 2013, 22–24.
5. Krylova M. N. Lichnye statusy v sotsial'noi seti «Odnoklassniki»: soderzhanie i iazyk [Personal statuses in the social network "Classmates": content and language]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific researches and innovations*, no. 8 (2013). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2013/08/26088> (accessed 07.02.2017).
6. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Bahtin M. M.]. Moscow: Russkie slovari, vol. 2 (1996): 159–206.
7. Dement'ev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskii aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the theory of speech genres]. Saratov: Kolledzh, 1998, 107.
8. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustoiavsheesia i spornoe [Virtual genre studies: steady and controversial]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. Vernadskogo V. I. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii = Scientific Notes of Taurida National Vernadsky V. I. University. Series: Philology. Social communications*, 24, no. 1-1 (2011): 105–124.
9. Kapanadze L. A. Struktura i tendentsii razvitiya elektronnykh zhanrov [Structure and trends of development of electronic genres]. *Zhizn' iazyka: sb. k 80-letiiu M. V. Panova* [Life of language: a collection to the 80th anniversary of Panov M. V.]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 246–255.
10. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts)]. Moscow: Academia, 2003, 128.

11. Trofimova G. N. *Funktsionirovanie russkogo iazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty*. Diss. doktora philol. nauk [Functioning of the Russian language on the Internet: conceptual-essential dominants. Dr. philol. Sci. Diss.]. Russian Nation. Friendship's Univ. Moscow, 2004, 509.

12. Bergel'son M. B. *Konstruirovaniye adresata v usloviyakh virtual'noi kommunikatsii* [Designing of the addressee in the conditions of virtual communication]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and the present]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004, 111–112.

13. Sirota E. Iu. *Lichnostnye osobennosti postoiannykh posetitelei saitа www.vkontakte.ru* [Personal features of regular visitors to the site www.vkontakte.ru]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2010): 115–118.

14. Bondareva E. P. *Voploshcheniye zhanra samoprezentatsii na saitakh znakomstv* [The embodiment of the genre of self-presentation on dating sites]. *Russkii iazyk v sovremennom Kitae: sb. nauch.-metod. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Khailar, KNR, Institut russkogo iazyka i kul'tury Khulun'buirskogo instituta, 2–5 oktiabria 2015)* [Russian in modern China (Hailar, People's Republic of China, Institute of Russian and culture of Hulunbuirsky institute, on October 2–5 2015: Proc. IV Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Chita, 2015, 82–87.

15. Blinova N. M. *Imidzhevaia spetsifika internet-kommunikatsii* [Image specificity of Internet communication]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2016): 82–88.

16. Zrazhevskaya N. I. *Kommunikatsiia v Internete. Statusy kak sredstvo populiariatsii aforizmov v molodezhnoi auditorii* [Communication in the Internet. Statuses as a means of popularization of aphorisms in the youth audience]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: iazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Vestnik. Language. System. Personality: Linguistics of the Creative*, no. 2 (2012): 67–69.

УДК 811.111

ЛАКУНАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**Роман Е. Шкилёв¹.@**¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18 @schkilef@gmail.com

Поступила в редакцию 09.01.2018. Принята к печати 22.03.2018.

Ключевые слова:

лакуна, юридическая терминология, безэквивалентная терминологическая единица, внутреннее строение языка, Оксфордский словарь права.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению феномена лакунарности в юридической терминологии английского языка относительно русского языка. Автор анализирует существующие в современной лингвистике подходы к лексической лакунарности. На основе выборки из англо-английских толковых словарей отобраны примеры лакунарных терминологических единиц, не имеющих аналогов в соответствующей терминологической системе русского языка. Показана роль переводческого комментария при передаче значения лакунарных терминов при переводе. При рассмотрении причин лакунарности уделяется внимание как лингвистическим, так и экстралингвистическим факторам. В результате проведенного исследования лакунарные единицы выявлены среди терминов международного права. Зафиксированы случаи фиксации лакунарных единиц англо-русскими терминологическими словарями. Транслитерация как способ передачи при переводе свидетельствует о понятийной лакунарности. Делается вывод о взаимосвязи восприятия лакун со структурами первого языка. Говорится о мотивированном социально-историческом характере выявленных лакун. Автор подчеркивает важность использования развернутых дефиниций для адекватной передачи лакунарных единиц при переводе.

Для цитирования: Шкилёв Р. Е. Лакунарные единицы в юридической терминологии (на материале английского и русского языков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 221–225. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-221-225.

В процессе лингвистического исследования необходимо принимать во внимание лакунарный параметр, предполагающий анализ лакунарных единиц – лингвем одного языка, соотносящихся с лакунами (пустотами, «нулями») другого языка. Л. К. Байрамова выделяет два вида факторов, оказывающих влияние на появление лакунарных единиц:

1) лингвистические факторы (несовпадение в развитии систем языков и своеобразие в членении объективного мира);

2) экстралингвистические факторы (своеобразие менталитета и обычаев разных народов, различия в социально-экономических условиях жизни, специфика культурных, исторических и духовных традиций народов) [1, с. 51].

В отечественном языкознании феномен лакунарности рассматривали в своих работах О. А. Огурцова, В. Г. Гак [2], И. А. Стернин. И. А. Стернин и З. Д. Попова определяют лакуны как «отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [3, с. 71]. Г. В. Быкова называет лакунами «многочисленные концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе» [4].

Проблема лакунарных единиц связана с функционированием языка как системы, что неоднократно привлекало внимание и зарубежных лингвистов [5–7].

Исследованием лексических лакун занимался в том числе и Н. Хомски [5]. Н. Хомски различал «случайные» лакуны / "accidental gaps" (т. е. слова, которые не существуют, но чье существование в языке было бы вполне ожидаемым и логичным) и systematic gaps, или слова, существование которых противоречит нормам языка. Проблеме теории лексических лакун уделяется внимание авторами ресурсов, ориентированных на освещение практических аспектов изучения языка и методики его преподавания. Так, Olmeister на ресурсе www.tes.com говорит о лакунах как о возможных путях, по которым может происходить развитие языка в будущем [7].

Ряд лингвистов, в частности, Й. Трир отвергали существование лакун в языке на системном уровне, представляя внутреннее строение языка как единое целое. Однако большинство авторов признают существование лексических лакун как явления (G. Kandler, J. Marouzeau, H. Geckeler, J. Lyons, A. Lehrer). Ответ на вопрос о наличии или отсутствии лакун в лексической системе напрямую зависит от подхода к определению понятия «лакуна». Если исходить из того, что каждый язык служит прежде удовлетворению коммуникативных потребностей его носителей, то точку зрения Й. Трира следует признать верной. Носители языка не осознают существование лакун до тех пор, пока они остаются в мире своего языка [5].

Но для лингвиста, не являющегося носителем языка и изучающего лексические поля, существование лакун становится сразу же очевидным. При столкновении семантических полей они могут соотноситься не с органами чувств человека, обеспечивающими восприятие, а со структурами первого языка, определяющими восприятие внешнего мира.

С учётом различных факторов и аспектов анализа выделяют мотивированные и немотивированные лакуны. Появление мотивированных лакунарных единиц и лакун обусловлено отсутствием реалий в жизни народа-носителя одного из сопоставляемых языков. Немотивированные лакунарные единицы и лакуны возникают вопреки наличию реалий в жизни народа-носителя одного из сопоставляемых языков (реалии без лингвемы). Культурологические и социально-исторические лакунарные единицы и лакуны отражают особенности социума и исторического развития.

В наших предыдущих работах был представлен анализ практических аспектов передачи при переводе устойчивых терминологических словосочетаний [8–11]. В настоящей статье рассмотрению подвергаются лакунарные единицы юридической терминологии английского языка, имеющие соответствия в русском языке в виде номинативных лакун. Материал для исследования был отобран из Оксфордского словаря права [12]. Для установления наличия или отсутствия вариантов перевода использовались англо-русские терминологические и общезыковые словари. Для того чтобы определить, имеются ли в терминологической системе языка перевода (ПЯ) соответствующие понятия и категории, мы прибегали к использованию «Большого юридического словаря» под редакцией А. Я. Сухарева [13].

Рассмотрим некоторые термины, которым в русском языке соответствуют лакуны. Термин *barratry* в языке-источнике имеет 2 значения. Первое значение передаётся определением "*any act committed by the master or the crew of the ship to the detriment of its owner or character*" («любое действие, совершенное капитаном или командой корабля с нанесением ущерба владельцу или самому судну») (прим.: здесь и далее перевод автора). Второе значение имеет дефиницию "*common law offense of habitually raising or inciting disputes in court*" [12, с. 45]. В словарной статье обозначается, что под определение данного понятия подпадают не только такие действия, как хищение груза или затопление судна, но и перевозка находящихся в розыске лиц в том случае, если она ведёт к конфискации судна. В «Большом юридическом словаре» приводится трактовка лишь первого значения данного термина, указывается его принадлежность к морскому праву. Также говорится о том, что данный термин не используется в законодательстве РФ. В англо-русских юридических словарях использован дескриптивный перевод для первого значения и комбинированный перевод для второго значения [14]. При этом следует отметить, что слово «сутяжничество» (т. е. злонамеренное возбуждение дел) не является юридическим термином. Таким образом, в данном случае

можно говорить о «частичной понятийной лакунарности», термин вошёл в терминологическую систему языка перевода в качестве интернационального термина морского права (баратрия). Второму его значению соответствует понятийная лакуна, т. к. сутяжничество являлось преступлением лишь по англо-саксонскому общему праву (до 1967 года).

Современные англо-русские юридические словари в ряде случаев фиксируют понятийные лакуны. Рассмотрим, например, термины *coverture* («статус замужней женщины») и *dying declaration* («предсмертное заявление»). Приведённые термины представляют собой яркие примеры мотивированной лакунарности. Согласно существовавшему ранее принципу общего права муж и жена были едины в глазах закона, жена могла действовать лишь под «защитой» мужа. Сейчас данная доктрина почти полностью отменена, однако законом установлен ряд ограничений (муж и жена не могут быть обвинены в преступном сговоре друг с другом. Не во всех случаях возбуждается дело о краже собственности супруга). В прецедентном праве предсмертное заявление (как устное, так и письменное) может быть принято при определённых условиях в качестве доказательства по делу об убийстве.

Фиксацию понятийных лакун необходимо рассматривать как одну из задач специализированных словарей, т. к. они предназначены для работы с терминологической системой страны языка источника. Следует отметить, что лакунарные терминологические единицы не всегда фиксируются двуязычными словарями. Не даётся перевод таких терминов, как *stalking*, *armchair principle*, *down raid*.

Рассмотрим значения данных терминов и возможные варианты их перевода на русский язык. *Stalking* означает "*persistent threatening behavior*". Данный термин стал употребляться в связи с принятием в 1997 году закона о защите от сексуальных домогательств [12, с. 474]. В англо-русских словарях указанное значение отсутствует, в то время как Longman Dictionary of Contemporary English определяет *stalking* как "*the crime of following someone over a period of time in order to force them to have sex or kill them*" [15, с. 1399]. На наш взгляд, *stalking* следует переводить как *преследование из сексуальных побуждений (по английскому законодательству является преступлением)*, т. к. термин «угроза» передаёт несколько иное значение («выражение намерения нанести вред»). Самостоятельный состав преступления по законодательству РФ определяет лишь угроза убийством и нанесением тяжкого вреда здоровью [14, с. 782].

Термин *armchair principle* (букв. «принцип стула») означает «*правило, применяющееся при толковании завещаний, дающее возможность использовать существовавшие в момент составления завещания обстоятельства в качестве доказательств для разъяснения значения использованных в завещании слов*» [13, с. 32]. «Принцип стула» применяется, например, при установлении личности бенефициария, упоминаемого в завещании по прозвищу или кличке. Термин происходит от высказывания "*to place oneself*

in a testators armchair" – букв. «сесть в кресло завещателя» (т. е. рассмотреть обстоятельства при составлении завещания).

Термин *dawn raid* (букв. «набег на заре» / внезапное нападение) означает «предложение о покупке значительного количества акций по цене ниже рыночной (предложение действительно в течение длительного периода времени (обычно нескольких часов))» [14, с. 135]. Закон устанавливает запрет на подобные сделки, т. к. они ущемляют интересы мелких акционеров, которые не имеют возможности воспользоваться предложением.

Не представлен и перевод ряда политологических терминов, входящих в состав юридической терминологии английского языка. Не даётся перевод словосочетания *hybrid Bill* (букв. «гибридный законопроект»). «Гибридным» в Британии считается законопроект, имеющий местное значение и затрагивающий интересы одного из представителей какой-либо отрасли [13, с. 46]. В данном случае целесообразно прибегнуть к дескриптивному переводу.

Словосочетание *catching bargain* (букв. «делка-ловушка») в двуязычном словаре было бы уместно сопроводить переводческим комментарием. Данная лакунарная терминологическая единица используется для обозначения контракта на несправедливых условиях. В англо-английском толковом словаре указывается, что подобного рода контракт может быть расторгнут или изменён решением суда соответствующей инстанции [13, с. 68].

Rolled up plea (букв. «свёрнутое заявление») представляет собой вид возражения ответчика по делу об оскорблении (*defamation*). Если слова, на которые подаётся жалоба, содержат одновременно утверждения и комментарии, ответчик может заявить, что «сказанные слова содержат утверждения, верные по существу, и содержат комментарии, основанные на фактах и произнесённые без злого умысла» [13, с. 439]. Ответчик обязан представить подробное описание фактов и обстоятельств, подтверждающих истинность своих слов.

Присутствуют лакунарные единицы и среди устойчивых терминологических словосочетаний, являющихся терминами международного права. Например, термин *safe haven* обозначает часть территории независимого государства, демаркация которой была проведена ООН или другой международной организацией, используемая в качестве убежища этническим меньшинством. В пределах подобной территории этническому меньшинству гарантируется военная защита. *Safe havens* существовали на территории Ирака и бывшей Югославии [13, с. 443].

В некоторых случаях англо-русские специализированные словари могут фиксировать рассматри-

ваемые нами единицы. Как правило, в этом случае используется комбинированный перевод (свободное словосочетание сопровождается подробным комментарием). Например, словарь С. Н. Андрианова содержит словарную статью, раскрывающую для русскоязычных пользователей смысл понятия «пассинг-офф» [14, с. 317]. Наряду со свободными словосочетаниями «выдача своего за чужое» и «коммерция под чужим именем» составителями словаря использована транслитерация («пассинг-офф»). В словарной статье описывается 3 разновидности коммерции, основанных на выдаче своего за чужое: прямой пассинг-офф, подразумеваемый пассинг-офф и обратный пассинг-офф. Использование транслитерации служит наглядным подтверждением «понятийной» лакунарности английской терминологической единицы.

Различия в правовых системах Британии и России обуславливают «понятийную лакунарность» некоторых весьма распространённых терминов. Данные различия связаны со спецификой определения состава и квалификации преступлений. Так, терминографы фиксируют как понятийную лакуну термин *robbery* – *роббери* (по обстоятельствам дела *грабёж с насилием или разбой*) [14, с. 386]. Следует отметить, что максимальным наказанием для лиц, совершивших *роббери*, является пожизненное заключение [13, с. 439]. Однако, применение силы (либо угроза такого применения) должно быть направлено против человека, а не против собственности.

Термин *work-in* (букв. «работа внутри») обозначает вид забастовки, при которой рабочие занимают свои рабочие места и продолжают работать вопреки желанию работодателя. Как правило, такого рода действия квалифицируются как *trespass* (*противоправное завладение имуществом*), и собственник может обратиться в суд за решением суда с целью предоставить ему контроль за территорией [12, с. 539].

Как видно из вышеприведённых примеров, адекватный перевод лакунарных терминологических единиц, являющихся частью терминологической системы права, без использования развёрнутых определений невозможен. Калькирование указывает на этимологию термина, но не раскрывает его терминологического значения. Выявленные лакуны являются мотивированными, социально-историческими по характеру, их существование обусловлено различиями правовых систем стран языка-источника и языка-перевода. Возможна фиксация случаев понятийной лакунарности двуязычными терминологическими словарями. Использование транслитерации для передачи при переводе свидетельствует о наличии «понятийной» лакуны в системе принимающего языка. Восприятие лакун происходит в тесной взаимосвязи со структурами первого языка.

Литература

1. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. 119 с.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение. Ленинградск. отделение, 1977. 300 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.

4. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 32 с.
5. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge. MIT Press, 1965. 261 p.
6. Fischer A. Lexical gaps, cognition and linguistic change // *Lexicology, Semantics and Lexicography: selected papers from the Fourth G. L. Brook Symposium, Manchester, 1998*. P. 1–18.
7. English language – Language change – Theory of lexical gaps by Olmeister // *Teaching resources – TES*. Режим доступа: www.tes.com/teaching-resources (дата обращения: 30.12.2017).
8. Шкилёв Р. Е. Лакунарность и её отражение в переводе (на примере безэквивалентных юридических терминов) // *Наука, технологии и коммуникации в современном обществе: материалы республиканской научно-практической конференции, филиал КГУ в г. Набережные Челны. Набережные Челны, 2008*. С. 187–188.
9. Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 194 с.
10. Шкилёв Р. Е. Перевод устойчивых терминологических словосочетаний с помощью аналогов // *Вестник Чувашского государственного университета*. 2007. № 1. С. 309–312.
11. Шкилёв Р. Е. Передача при переводе образности в семантической структуре устойчивых терминологических словосочетаний // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-1. С. 188–191.
12. *A Dictionary of Law*. Oxford University Press, 2002. 552 p.
13. *Большой русский юридический словарь* / гл. ред. А. Л. Сухарев. М.: ИНФРА-М, 1998. 790 с.
14. Адрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. *Англо-русский юридический словарь*. 3-е изд. М.: Руссо, 2000. 512 с.
15. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Essex Longman House, 1995. 1668 p.

LEXICAL GAPS IN ENGLISH AND RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Roman E. Shkilev¹. @

¹ *Kazan Federal University, 18, Kremliovskaya St., Kazan, Russia, 420008*

@ schkilef@gmail.com

Received 09.01.2018. Accepted 22.03.2018.

Keywords: gap, legal terminology, terminological unit without an equivalent, the inner structure of the language, Oxford Dictionary of Law.

Abstract: The article deals with the phenomenon of gaps in legal terminology of the English language from the point of view of its Russian translation. The author analyzes the approaches to understanding lexical gaps. Examples of terminological gaps have been selected from English-English explanatory dictionaries. The selected terminological units have no equivalents in legal terminology of the Russian language. The study reveals the role of the commentary in rendering the meaning of terminological gaps. While considering the factors determining the existence of gaps, the author pays attention to both linguistic and extra-linguistic factors. The research revealed a number of lexical gaps among the terms of international law. English-Russian terminological dictionaries in some cases contain the explanations of notional gaps. The use of transliteration is a signal of notional gap. The conclusion is made about the connection between the perception of gaps and the structures of one's mother tongue. The social and historical character of the gaps under study has been proved to be well-grounded. The author emphasizes the importance of detailed definitions for adequate rendering of the gaps.

For citation: Shkilev R. E. Lakunarnye edinitiy v iuridicheskoi terminologii (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov) [Lexical Gaps in English and Russian Legal Terminology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 221–225. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-221-225.

References

1. Bairamova L. K. *Vvedeniie v kontrastivnuiu lingvistiku* [An introduction into Contrastive Linguistics]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1994, 119.
2. Gak V. G. *Sravnitel'naiia tipologiia francuzsogo i russkogo iazykov* [A Comparative typology of French and Russian]. Leningrad, 1977, 300.
3. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: ACT: Vostok – Zapad, 2010, 314.

4. Bykova G. V. *Lakunarnost kak kategoriia leksicheskoi sistemologii*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Gaps as a category of lexical sytemology. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Voronezh, 1999, 32.
5. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge. MIT Press, 1965.
6. Fischer A. *Lexical gaps, cognition and linguistic change. Lexicology, Semantics and Lexicography: selected papers from the Fourth G. L. Brook Symposium*, Manchester, 1998. P. 1–18.
7. *English language – Language change – Theory of lexical gaps by Olmeister*. Available at: www.tes.com/teaching-resources (accessed 30.12.2017).
8. Shkilev R. E. *Lakunarnost' i ee otrazhenie v perevode (na primere bezekvivalentnykh iuridicheskikh terminov) [Lacunarity and its reflection in the translation (on the example of equivalent equivalents of legal terms)]*. *Nauka, tekhnologii i kommunikatsii v sovremennom obshchestve: materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, filial KGU v g. Naberezhnye Chelny* [Science, technology and communications in modern society: materials of the republican scientific and practical conference, branch of KSU in Naberezhnye Chelny]. Naberezhnye Chelny, 2008, 187–188.
9. Shkilev R. E. *Metonimicheskii perenos v ustoychivyykh terminologicheskikh slovosochenaniyakh*. Diss. kand. filol. nauk [Metonymic shift in stable terminological word combinations. Cand. philol. Sci. Diss.]. Kazan, 2005, 194.
10. Shkilev R. E. *Perevod ustoychivyykh terminologicheskikh slovosochetaniy s pomoshchui analogov [The translation of the stable terminological word combinations by means of analogues]*. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Chuvash State University*, no. 1 (2007): 309–312.
11. Shkilev R. E. *Peredacha pri perevode obraznosti v semanticheskoy strukture ustoychivyykh terminologicheskikh slovosochetaniy [Rendering imagery in the semantic structure of stable terminological word combination]*. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-1 (2015): 188–191.
12. *A Dictionary of Law*. Oxford University Press, 2002, 552.
13. *Bolshoi russkii iuridicheskii slovar [The Big Russian Law Dictionary]*. Ed. Sukharev A. L. Moscow: INFRA-M, 1998, 790.
14. Adrianov S. N., Berson A. S., Nikiforov A. S. *Anglo-russkii iuridicheskii slovar [English-Russian dictionary of legal terms]*. 3th ed. Moscow: Russo, 2000, 512.
15. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Essex Longman House, 1995, 1668.

Вестник Кемеровского
государственного университета
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор;
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor;
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 30.03.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 09.04.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 28,4. Уч.-изд. л. – 21,5.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13А.